

ИЗ НАСЛЕДИЯ МИРОВОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

ИСТОРИЯ
ФИЛОСОФИИ

О. КОНТ

ОБЩИЙ ОБЗОР ПОЗИТИВИЗМА

URSS

Auguste Comte
DISCOURS SUR L'ENSEMBLE
DU POSITIVISME

О. Конт

**ОБЩИЙ
ОБЗОР
ПОЗИТИВИЗМА**

Перевод с французского
И. А. Шапиро

Под редакцией
Э. Л. Радлова

Издание третье

URSS

МОСКВА

Конт Огюст

Общий обзор позитивизма: Пер. с фр. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 3-е.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 296 с. (Из наследия мировой философской мысли: история философии.)

Вниманию читателей предлагается классический труд выдающегося французского философа и социолога Огюста Конта (1798–1857), в котором дается систематический обзор основанного им философского направления — позитивизма. Автор не только характеризует основные элементы позитивизма, который, по его мнению, складывается из философии и политики, но и исследует его социальное назначение, вытекающее из связи с революционными движениями конца XVIII — середины XIX века, его значение для народа, отношение позитивизма к искусству. В заключение О. Конт выдвигает программу построения нового общества и указывает политические силы, которые должны будут ее реализовывать.

Книга рекомендуется философам, социологам, политологам, историкам, методологам науки, а также всем, кто интересуется историей философии.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 18,5. Зак. № ЖР-67.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–397–02823–3

© И. А. Шапиро, перевод
на русский язык, 1912, 2012

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2010, 2012

11950 ID 160613

Утомляются мыслить и даже дѣй-
ствовать, но никогда не устаютъ любить.
(Посвященіе).

Предисловіе.

Въ этомъ рядѣ систематическихъ обзорѣнъ позитивизма, я охарактеризую сначала его основные элементы, затѣмъ его необходимыя точки опоры и, наконецъ, его существенное дополненіе. Хотя эта тройная оцѣнка должна быть здѣсь весьма краткой, она, я надѣюсь, будетъ достаточной, чтобы окончательно преодолѣть извѣстныя, но эмпирическія предубѣжденія. Всякій хорошо подготовленный читатель сможетъ, такимъ образомъ, убѣдиться, что новая общая доктрина, которая, какъ теперь еще думаютъ, способна удовлетворять только разсудокъ, на самомъ дѣлѣ не менѣе благопріятна чувству и даже воображенію.

Уважаемые читатели! Ввиду того, что первоначально книга выходила отдельными выпусками, и изменение пагинации можетъ нарушить последовательность изложения, пагинация первой и второй частей книги приводится со страницы 49, а пагинация частей с третьей по пятую и до конца — со страницы 3.

Общее введеніе.

Позитивизмъ по существу слагается изъ философіи и политики, которыя по необходимости нераздѣльны, какъ образующія одна основаніе, другая—цѣль единой универсальной системы, гдѣ разумъ и общественность находятся въ тѣсномъ сочетаніи.

Дѣйствительно, съ одной стороны, социальная наука не только наиболѣе важная изъ всѣхъ, но она, въ особенности, даетъ единственную связь, одновременно логическую и научную, которую отнынѣ допускаетъ совокупность нашихъ реальныхъ размышленій ¹⁾. А эта конечная наука еще болѣе, чѣмъ каждая изъ предварительныхъ наукъ, не можетъ развивать свой истинный характеръ безъ точной и общей гармоніи съ соотвѣствующимъ искусствомъ. Но, благодаря отнюдь не случайному совпаденію, ея теоретическое основаніе находитъ тотчасъ огромное практическое примѣненіе, именно, служить руководствомъ для полного преобразованія Западной Европы. Ибо, съ одной стороны, по мѣрѣ того какъ естественное теченіе событій опредѣляетъ характерныя особенности великаго современнаго кризиса, политическая реорганизация все болѣе и болѣе представляется совершенно невозможной безъ предварительнаго пересозданія мнѣній и нравовъ. Дѣйствительная систематизация всего человѣческаго мышленія является, такимъ образомъ, нашей первой социальной потребностью, относящейся одинаково какъ къ порядку, такъ и къ прогрессу. Постепенное выползненіе этого обширнаго философскаго предпріятія произвольно вызоветъ на всемъ Западѣ новую моральную власть, неизбежное вліяніе которой создастъ прямое основаніе для окончательнаго преобразованія, ибо оно объединитъ различныя передовыя народности единой системой всеобщаго образованія, системой, которая дастъ какъ для общественной, такъ и для частной жизни твердые принципы сужденія и поведенія.

¹⁾ Установленіе этого великаго принципа является наиболѣе существеннымъ результатомъ моей «Системы позитивной философіи». Хотя всѣ шесть томовъ этого труда появились отъ 1830 до 1842 года подъ названіемъ *Курса* (названіемъ, обусловленнымъ изустнымъ изложеньемъ, подготовившимъ въ 1826—1829 гг. этотъ фундаментальный трактатъ), я затѣмъ всегда называлъ его *Системой*, чтобы лучше подчеркнуть его истинный характеръ. Ожидая, что во второмъ изданіи будетъ исправлена эта неточность, я надѣюсь, что настоящее заявленіе предупредитъ всякое недоразумѣніе по этому поводу.

Итакъ, умственное движеніе и социальное потрясеніе, становясь все болѣе и болѣе солидарными, ведутъ отнынѣ избранную часть человѣчества къ рѣшительному водчиневію дѣйствительной духовной власти, одновременно болѣе прочной и болѣе прогрессивной, чѣмъ та духовная власть, которая преждевременно расцвѣла въ средніе вѣка.

Таково основное назначеніе позитивизма: обобщать реальную науку и систематизировать социальное искусство. Эти двѣ нераздѣльные стороны одной и той же концепціи будутъ послѣдовательно охарактеризованы въ первыхъ двухъ частяхъ настоящаго Разсужденія: сначала будетъ указанъ общій духъ новой философіи, а затѣмъ ей необходимая связь съ совокупностью событій великой революціи, органическии завершеніемъ которой она руководила.

Послѣ этой двоякой оцѣнки естественно послѣдуетъ разсмотрѣніе главныхъ точекъ опоры, присущихъ преобразовательной доктринѣ. Эта неизбѣжная связь не можетъ нынѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ индивидуальностей, исходить отъ какого бы то ни было изъ правящихъ классовъ, такъ какъ они, находясь всѣ болѣе или менѣе подъ господствомъ метафизическаго эмпиризма и аристократическаго эгоизма, могутъ въ своей слѣпой политической агитаціи стремиться только къ безконечному продолженію революціоннаго состоянія, постоянно оснаривая другъ у друга безполезные обломки богословско-военнаго режима, не будучи въ силахъ когда-либо привести къ дѣйствительному обновленію.

Въ силу своей интеллектуальной природы и своего социальнаго назначенія, позитивизмъ можетъ имѣть истинно рѣшительный успѣхъ только въ средѣ, гдѣ здравый смыслъ, предохраненный отъ порочной культуры, наилучше выдвигаетъ на первый планъ цѣльные взгляды и гдѣ великодушныя чувства обыкновенно менѣе всего заглушены. Въ виду этого двоякаго условія, пролетаріи и женщины необходимо составляютъ существенные вспомогательные элементы новой общей доктрины; ибо, хотя она предназначена для всѣхъ современныхъ классовъ, она пріобрѣтетъ дѣйствительное вліяніе въ высшихъ слояхъ общества только тогда, когда она вновь появится среди нихъ подъ этимъ непреодолимымъ покровительствомъ. Духовное преобразование можетъ начаться лишь при содѣйствіи тѣхъ самыхъ социальныхъ элементовъ, которые затѣмъ должны наилучше способствовать его правильному развитію. Вслѣдствіе ихъ меньшаго участія въ государственномъ управленіи, пролетаріи и женщины болѣе способны понять потребности и условія нравственнаго правительства, предназначеннаго, въ особенности, для огражденія ихъ отъ гнета свѣтской власти.

Я поэтому посвящу третью часть этого Разсужденія краткой характеристикѣ союза между философами и пролетаріями, союза, который, будучи подготовленъ съ двухъ сторонъ совокупностью событій недавняго прошлаго, единственно можетъ дать теперь вѣдущій рѣшительный толчокъ. Это дастъ возможность понять, что, стараясь исправить и развить народныя стремленія, позитивизмъ сильно усовершенствуется и укрѣпляетъ свою собственную природу, даже интеллектуальную.

Однако, эта доктрина обнаруживать всю свою организескую силу и проявить полностью свой истинный характеръ только тогда, когда она пріобрѣтетъ въ лицѣ женщинъ наименѣе предвидѣнную поддержку въ награду за то, что благодаря присущей ей способности къ упорядоченію она улучшить ихъ общественное положеніе,

какъ это спеціально будетъ изложено въ четвертой части настоящаго труда. Женская точка зрѣнія единственно позволяетъ позитивной философіи дѣйствительно охватить въ цѣломъ человѣческую жизнь, одновременно индивидуальную и коллективную. Ибо эта жизнь можетъ быть надлежащимъ образомъ систематизирована, лишь когда за основаніе принимается постоянное подчиненіе разума общественности, а это, именно, непосредственно обнаруживается истинная природа (личная и социальная) женщины.

Хотя это Разсужденіе должно представить просто очеркъ этихъ двухъ важныхъ объясненій, оно, я надѣюсь, дастъ достаточно понять, насколько позитивизмъ болѣе, чѣмъ среднѣвѣковой католицизмъ, способенъ глубоко использовать самопроизвольныя стремленія народа и женщинъ въ окончателномъ учрежденіи духовной власти. Но новая доктрина можетъ получить эту двоякую поддержку только благодаря своей исключительной способности разсѣивать кореннымъ образомъ различные анархическія утопіи, все болѣе и болѣе угрожающія разложеніемъ семьѣ и обществу. Въ то же время она, въ одномъ и другомъ отношеніяхъ, облагородитъ основной характеръ и дѣятельно поддержитъ всѣ законныя желанія.

Итакъ, философія, вытекшая первоначально изъ наиболѣе возвышенныхъ умозрѣній, обнаруживаетъ уже способность охватить безъ усилія не только всю полноту активной жизни, но также всю совокупность жизни аффективной. Однако, чтобы показать свойственную позитивной философіи всеобщность во всей ея полнотѣ, я долженъ буду отмѣтить ея необходимое дополненіе, состоящее въ ея глубокой способности—въ противность весьма распространенному предразсудку,—благопріятствовать тѣмъ блестящимъ дарованіямъ, которыя наилучшимъ образомъ свидѣтельствуютъ о единствѣ, присущемъ человѣчеству, такъ какъ они, будучи созерцательными по своей природѣ, связаны съ чувствомъ, какъ съ главной областью своего приложенія, и съ дѣятельностью, въ силу своего вліянія на общество. Эта эстетическая оцѣнка позитивизма будетъ дана въ пятой части настоящаго Разсужденія, какъ естественное продолженіе очерка отношенія позитивной философіи къ женщинамъ.

Я надѣюсь, что мнѣ удастся показать, что только эта новая доктрина, благодаря именно тому, что она дѣйствительно охватываетъ всю совокупность человѣческихъ отношеній, можетъ пополнить большой пробѣлъ въ нашихъ умозрѣніяхъ немедленнымъ построеніемъ истинной общей теоріи изящныхъ искусствъ, принципъ которой состоитъ въ томъ, чтобы въ позитивномъ согласованіи основныхъ функций человѣчества поэтическая идеализація была поставлена между философскимъ постиженіемъ и политическимъ осуществленіемъ. Эта теорія объяснить почему цѣлесообразность позитивизма для эстетики сможетъ обнаружиться въ характерныхъ произведеніяхъ искусства не раньше, чѣмъ умственное и нравственное перерожденіе подвинется достаточно впередъ, чтобы пробудить главныя свойственныя позитивизму симпатіи, которыя должны будутъ послужить почвой для новаго подъема искусства. Но послѣ этого перваго умственного и социального потрясенія, новая поэзія, пріобрѣтая, наконецъ, свое истинное достоинство и, въ свою очередь, способствуя широкому распространенію здраваго пониманія предшествующихъ состояній, привлечетъ человѣчество къ будущему, которое не будетъ ни смутнымъ, ни избыточнымъ. Система, прямо возводящая всеобщее совершенствованіе въ основную цѣль всего на-

шего личнаго и соціального существованія, по необходимости отводить видное мѣсто способностямъ, предназначеннымъ, въ особенности, культивировать въ насъ инстинкты совершенствованія во всѣхъ областяхъ. Тѣсныя предѣлы этого «Обзора» не помѣшаютъ мнѣ указать, что, открывая современному искусству огромное поприще, позитивизмъ также самопроизвольно доставить ему новыя общія средства.

Такимъ образомъ, рассматривая преобразовательную доктрину со всѣхъ главныхъ точекъ зрѣнія, переходя съ естественной послѣдовательностью отъ ея философскаго основанія сперва къ ея политическому назначенію, далѣе къ ея демократическому направленію, затѣмъ къ ея вліянію въ области женскаго вопроса и, наконецъ, къ ея эстетической способности—мнѣ удастся обрисовать ея истинный характеръ. Въ заключеніе этого длиннаго Разсужденія—являющагося не болѣе какъ введеніемъ къ большому труду ¹⁾, мнѣ останется только указать какимъ образомъ всѣ эти различныя оцѣнки, которыя можно резюмировать въ одномъ окончательномъ правилѣ, сжато выражаются въ реальномъ понятіи о человѣчествѣ; въ понятіи, которое, будучи надлежащимъ образомъ систематизировано, составляетъ всю суть позитивизма.

Въ заключеніе этой характеристики мнѣ естественно придется также въ общихъ чертахъ указать, на основаніи совокупности минувшихъ событій, дальнѣйшій ходъ преобразованія человѣческаго рода, которое началось по почину Франціи и сначала ограничивалось великой семьей западныхъ народовъ, но должно будетъ затѣмъ распространиться согласно законамъ, которые можно установить, на всю остальную бѣлую расу и, наконецъ, даже на двѣ другія главные расы.

¹⁾ «Système de Politique positive».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Основной духъ позитивизма.

ГЛАВА I.

Цѣль философіи заключается въ систематизаціи человѣческой жизни.

Истинная философія ставитъ себѣ задачей по возможности привести въ стройную систему все человѣческое личное и, въ особенности, коллективное существованіе, рассматривая одновременно всѣ три класса характеризующихъ его явленій, именно, мысли, чувства и дѣйствія. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія основная эволюція человечества представляется необходимо самопроизвольной, и только точная оцѣнка ея естественнаго хода единственно можетъ дать намъ общій фундаментъ для мудраго вмѣшательства.

Однако, систематическія видоизмѣненія, которыя мы можемъ ввести въ эту эволюцію имѣютъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайную важность, такъ какъ они въ состояніи значительно уменьшить частичныя уклоненія, гибельныя замедленія и рѣзкую несогласованность, могущія имѣть мѣсто при столь сложномъ движеніи, когда оно всецѣло предоставлено самому себѣ. Безпрерывное осуществленіе этого необходимаго вмѣшательства составляетъ главную задачу политики. Но правильное представленіе о немъ можетъ дать только философія, которая постоянно совершенствуетъ его общее опредѣленіе.

Для выполненія этого своего основного и общаго назначенія философія должна заботиться о согласованіи всѣхъ частей человѣческаго существованія, чтобы привести его теоретическое понятіе къ полному единству. Это единство можетъ быть дѣйствительнымъ лишь постольку, поскольку оно точно представляетъ совокупность естественныхъ отношеній; такимъ образомъ, тщательное изученіе послѣднихъ становится предварительнымъ условіемъ этого построенія.

Если бы философія пыталась вліять на дѣйствительную жизнь не посредствомъ этой систематизаціи, а какимъ-либо инымъ путемъ, она несправедливо присвоила бы себѣ существенную роль политики, являющейся единственной законной руководительницей всей практической эволюціи.

Эти двѣ главные функціи великаго организма — постоянное связываніе и нормальное раздѣленіе—одновременно направляютъ систематическую мораль, которая естественно является характернымъ примѣненіемъ философіи и общимъ путеводителемъ

политики. Я въслѣдствіи объясню, какимъ образомъ самопроизвольная мораль, т.-е. совокупность вдохновляющихъ ее чувствъ, должна всегда господствовать въ изслѣдованіяхъ философіи и въ предпріятіяхъ политики, какъ я это уже указалъ въ своемъ основномъ трудѣ ¹⁾.

Эта общая систематизация, характеризующая социальную функцію философіи, можетъ быть дѣйствительно и прочной лишь въ томъ случаѣ, когда она охватываетъ всѣ три области человѣческой дѣятельности: мышленіе, чувство и дѣйствіе. Въ виду естественныхъ отношеній, тѣсно связывающихъ между собою эти три рода явленій, всякая частичная систематизация неизбѣжно оказалась бы бессмысленной и недостаточной. Поэтому только въ настоящее время философія, достигнувъ, наконецъ, позитивнаго состоянія, можетъ съ надлежащей полнотой достойно выполнить свое основное назначеніе.

Г Л А В А II.

Теологическая система не сумѣла охватить практическую сторону человѣческой жизни.

Теологическая систематизация самопроизвольно вытекала изъ аффективной жизни и этому единственному началу она обязана своимъ первоначальнымъ главенствомъ и своимъ окончательнымъ разложеніемъ. Она долгое время руководила главными умозрѣніями, въ особенности, въ эпоху политеизма, когда мышленіе находилось еще въ значительной степени подъ властью воображенія и чувства. Но даже въ эту эпоху ея наибольшаго умственного и социальнаго расцвѣта активная жизнь совершенно ускользала изъ-подъ ея вліянія, за исключеніемъ неизбѣжныхъ воздѣйствій, болѣе относящихся къ формѣ, чѣмъ къ содержанію. Эта естественная брешь, хотя въ началѣ незамѣтная, приводитъ затѣмъ въслѣдствіе своего постоянного увеличенія къ коренному разрушенію всего теологическаго зданія. Чисто субъективная систематизация не согласовалась съ безусловно объективнымъ назначеніемъ практической жизни, характеризующейся неизмѣнной реальностью. Въ то время какъ теологія учила, что всѣми явленіями управляютъ болѣе или менѣе произвольныя хотѣнія, жизненный опытъ все болѣе и болѣе показывалъ, что явленія подчинены неизмѣннымъ законамъ, безъ которыхъ наша непрерывная дѣятельность не могла бы совершаться въ надлежащемъ порядкѣ.

Вслѣдствіе своей полной неспособности дѣйствительно охватить активную жизнь теологическая систематизация должна была также оставаться чрезвычайно неудовлетворительной въ приложеніи къ умозрительной и даже къ чувственной жизни, такъ какъ общее развитіе той и другой по необходимости обуславливается главными практическими требованіями.

Итакъ, человѣческая жизнь не могла быть полностью систематизирована, пока длилось господство теологическаго направленія, ибо наши чувства и наши дѣйствія сообщали тогда нашимъ мыслямъ два совершенно не согласимыя побужденія.

¹⁾ «Курсъ позитивной философіи».

Мнѣ не зачѣмъ останавливаться здѣсь на оцѣнѣ совершенной безполезности метафизической систематизаціи; несмотря на свои стремленія къ абсолютному познанію, метафизика никогда не могла отвоевать область чувства у теологіи и всегда была еще менѣе послѣдней способна охватить активную жизнь. Въ эпоху своего наибольшаго схоластическаго блеска онтологическая систематизація не вышла изъ области умозрѣній, которое было даже сведено къ безполезному отвлеченному созерцанію чисто-индивидуальной эволюціи, такъ какъ метафизическій духъ совершенно несовмѣстимъ съ социальной точкой зрѣнія. Въ своемъ основномъ трудѣ я достаточно доказалъ, что это переходное философское направленіе было всегда неспособно что-либо дѣйствительно создать. Его исключительное господство могло имѣть только революціонное назначеніе, именно, способствовать предварительной эволюціи человечества путемъ постепеннаго разрушенія теологическаго режима, который, выполнивъ свою миссію,—быть единственнымъ руководителемъ первоначальнаго расцвѣта нашего ума,—долженъ былъ навсегда и во всѣхъ отношеніяхъ пойти вспять.

Г Л А В А III.

Позитивный духъ имѣетъ своимъ источникомъ активную жизнь.

Въ силу только того, что всѣ позитивныя умозрѣнія вытекаютъ прежде всего изъ активной жизни, они всегда болѣе или менѣе обнаруживали свойственную имъ способность систематизировать практическую жизнь, чего не могла достигнуть первоначальная систематизація. Хотя отсутствіе въ позитивныхъ умозрѣніяхъ общности и связи значительно еще затрудняетъ развитіе этой способности, оно, тѣмъ не менѣе, не помѣшало ей универсальности.

Теоріи, прямо относящіяся къ законамъ явленій и имѣющія цѣлью дать намъ возможность дѣйствительно предвидѣть событія, разсматриваются теперь какъ единственно способныя регулировать наше произвольное воздѣйствіе на внѣшній міръ. Вотъ почему позитивный духъ могъ становиться все болѣе и болѣе теоретическимъ и стремиться мало-по-малу завладѣть всей областью умозрѣнія, не теряя никогда присущій ему практическій характеръ, даже когда онъ занимался совершенно праздыми изслѣдованіями, извинительными только въ качествѣ логическихъ упражненій. Съ момента своего перваго успѣха въ области математики и астрономіи онъ обнаружилъ стремленіе по своему систематизировать совокупность нашихъ понятій, соотвѣтственно непрерывному расширенію своего основнаго принципа. Этотъ новый философскій принципъ, въ теченіе долгаго времени все болѣе и болѣе видоизмѣняя теологико-метафизическое начало, дѣластъ со времени Декарта и Бэкона очевидныя усилія занять его мѣсто. Послѣ того, какъ онъ овладѣлъ, такимъ образомъ, постепенно всѣми предварительными науками, освободившимися отнынѣ отъ стараго направленія, ему оставалось для того, чтобы стать всеобщимъ, захватить также послѣднюю науку, науку о социальныхъ явленіяхъ.

Эта наука, недоступная метафизикѣ, могла быть изучаема теологическими умами только косвенно и эмпирически, какъ исторія правительствъ. Это окончательное

преобразование позитивизма было, смѣю сказать, осуществлено мною въ моемъ главномъ трудѣ, гдѣ я безспорно доказалъ, что позитивный принципъ способенъ систематизировать единственнымъ дѣйствительно прочнымъ способомъ всю нашу умозрительную жизнь, не переставая въ то же время развивать и даже укрѣплять свое первоначальное стремленіе регулировать также активную жизнь.

Позитивная систематизація всей интеллектуальной области тѣмъ лучше обезпечена, что это созданіе соціальной науки, завершая прогрессъ нашихъ реальныхъ умозрѣній, сообщаетъ имъ недостающій имъ еще систематическій характеръ, такъ какъ оно доставляетъ имъ единственно возможную для нихъ всеобщую связь.

Этотъ взглядъ уже настолько широко распространенъ и одобренъ, что отнынѣ ни одинъ истинный мыслитель не можетъ не знать, что позитивный духъ стремится къ прочной систематизаціи одновременно умозрительной и активной жизни. Но такая систематизація далеко еще не обладаетъ полной всеобщностью, безъ которой позитивизмъ неспособенъ всецѣло замѣнить теологическій принципъ въ духовномъ управленіи человѣчествомъ. Ибо она не обнимаетъ дѣйствительно преобладающую часть человѣческаго существованія, именно аффективную жизнь. Только послѣдняя непрерывно сообщаетъ умозрѣнію и дѣйствію побужденіе и направленіе, безъ которыхъ они, предоставленные самимъ себѣ, вскорѣ стали бы питаться бессмысленными или праздными размышленіями и пребывали бы въ бесплодномъ волненіи, даже безпокойствѣ. Если бы этотъ огромный пробѣлъ остался не заполненнымъ, то двойная систематизація, теоретическая и практическая, осталась бы призрачной, такъ какъ она была бы тогда лишена принципа единства, который одинъ только можетъ сообщить ей дѣйствительное постоянство и долговѣчность.

Такое безсиліе было бы еще болѣе тяжкимъ, чѣмъ необходимая недостаточность теологической философіи по отношенію къ активной жизни; ибо ни мышленіе, ни даже дѣятельность не составляютъ истиннаго человѣческаго единства.

Въ индивидуальной жизни, и, въ особенности, въ коллективной, гармонія всегда будетъ покоиться только на чувствѣ, какъ я это специально укажу въ четвертой части этого Разсужденія. Этому-то своему самопроизвольно аффективному источнику теологія всегда была обязана своимъ господствомъ. Такимъ образомъ, несмотря на свою очевидную дряхлость, она сохранить, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, нѣкоторыя законныя притязанія на господство въ социологіи, пока новая философія не лишитъ ее также этого основного преимущества.

Таково окончательное и неизбѣжное условіе великой современной эволюціи: позитивная систематизація, не переставая быть теоретической и практической, должна стать также моральной и черпать даже въ чувствѣ свой истинный принципъ всеобщности. Только тогда позитивная философія сможетъ, наконецъ, устранить всѣ теологическія притязанія, такъ какъ она осуществитъ лучше, чѣмъ предшествующая философія, окончательное назначеніе всякой общей доктрины, ибо она впервые дастъ систему всѣхъ основныхъ сторонъ нашего существованія во всѣхъ трехъ его видахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы позитивизмъ не могъ выполнить этого необходимаго условія, то отнынѣ никакая систематизація не была бы возможна, ибо позитивный принципъ оказался бы, съ одной стороны, недостаточно развитымъ, чтобы уничтожить теологическое начало, а съ другою—всегда оставался бы неспособнымъ

къ равному съ нимъ господству. Вотъ почему многие сознательные мыслители, признавая полное безсиліе старыхъ государственныхъ принциповъ, но вслѣдствіе отсутствія достаточно реальной и опредѣленной теоріи, могущей показать истинное современное направленіе вещей, не замѣчая постепеннаго развитія новыхъ моральныхъ основаній, склонны видѣть будущее человѣчества въ черномъ свѣтѣ.

Нынѣшній характеръ позитивнаго принципа какъ-будто оправдываетъ подобное мнѣніе; ибо его неспособность завладѣть когда-либо областью чувства должна въ настоящее время казаться столь же доказанной, какъ его въ далекомъ будущемъ господство въ активной и даже въ умсрительной жизни.

ГЛАВА IV.

Какъ въ позитивномъ синтезѣ, такъ и въ человѣческой природѣ чувство играетъ преобладающую роль.

Болѣ глубокое изслѣдованіе должно исполнить исправить эту первую опѣнку; оно покажетъ, что сухость, въ которой до сихъ поръ справедливо упрекали позитивныя ученія, обусловлено только эмпирической односторонностью ихъ предварительнаго развитія, а отнюдь не присуща ихъ дѣйствительной природѣ.

Позитивизмъ, возникшій первоначально подъ влияніемъ матеріальныхъ побужденій и долгое время ограничивавшійся изученіемъ неорганическаго міра, остается противнымъ чувству лишь постольку, поскольку онъ еще не достигъ надлежащей полноты и систематичности. Распрострапаясь на соціальныя умозрѣнія, которыя должны образовать его главную область, онъ по необходимости очищается отъ различныхъ пороковъ, свойственныхъ его долгому младенческому состоянію.

Въ силу только свойственной ей реальности новая философія неуклонно стремится къ тому, чтобы стать еще болѣе моральной, чѣмъ интеллектуальной, и сдѣлать центромъ своей собственной систематизаціи аффективную жизнь, чтобы точно опредѣлить въ дѣйствительномъ распорядкѣ человѣческой природы какъ личной, такъ и коллективной относительныя права ума и сердца.

Обработка соціальныхъ вопросовъ приводитъ ее теперь къ рѣшительному отрицанію высокомѣрныхъ заблужденій, присущихъ ей незрѣлому научному состоянію, касательно мнимаго главенства ума. Утверждая всеобщій опытъ, позитивизмъ объясняетъ—еще лучше, чѣмъ это могъ сдѣлать католицизмъ,—почему личное счастье и общественное благосостояніе зависятъ отъ сердца гораздо болѣе, чѣмъ отъ ума. Кромѣ того, прямое изслѣдованіе вопроса о систематизаціи заставляетъ его провозгласить, что человѣческое единство можетъ быть достигнуто только справедливымъ преобладаніемъ чувства надъ разсудкомъ и даже надъ дѣятельностью.

Такъ какъ нашей природѣ свойственны одновременно умъ и общественность, то кажется возможнымъ установить единство двумя различными способами, смотря по тому принадлежить ли главенство одному или другому изъ этихъ свойствъ. Въ дѣйствительности же существуетъ только одинъ способъ систематизаціи, потому что оба свойства далеко не одинаково способны къ преобладанію.

Будемъ ли разсматривать собственную природу каждаго изъ нихъ или сравнивать ихъ относительныя энергіи, намъ придется признать, что дѣйствительное и неизмѣнное назначеніе ума состоитъ въ служеніи общественности. Когда же умъ вмѣсто того, чтобы достойно выполнять свою почетную роль, стремится къ господству, ему никогда не удастся осуществить свои надменные притязанія, могущія привести только къ гибельной анархіи.

Даже въ частной жизни между нашими различными стремленіями можетъ царить постоянная гармонія только благодаря всеобщему преобладанію чувства, внушающаго намъ искреннее и привычное желаніе дѣлать добро. Эта склонность, какъ и всякая другая, безъ сомнѣнія, по существу слѣпа и нуждается въ помощи разсудка для познанія истинныхъ средствъ, которые могли бы ее удовлетворить, а затѣмъ въ дѣятельности для приложенія этихъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, повседневный опытъ доказываетъ, что эта склонность дѣйствительно составляетъ главное условіе добра, такъ какъ при обыкновенной степени развитія ума и энергіи, проявляемой нашей природой, она можетъ достаточно плодотворно руководить нашими умозрѣніями и практической дѣятельностью. При отсутствіи этого обычнаго возбудителя (чувства) умъ и энергія непремѣнно исчерпали бы свои силы въ бесплодныхъ или несвязныхъ попыткахъ и вскорѣ вновь ввали бы въ свое первоначальное оцѣпненіе.

Итакъ, наша моральная жизнь доступна единству лишь постольку, поскольку чувство господствуетъ одновременно надъ мышленіемъ и дѣятельностью.

Г Л А В А V.

Назначеніе ума состоитъ въ служеніи соціальнымъ чувствамъ.

Хотя этотъ основной принципъ болѣе подходитъ къ индивидуальной жизни, однако, именно общественная жизнь лучше всего доказываетъ его справедливость. Не то, чтобы вопросъ здѣсь измѣнялъ свой характеръ или требовалъ новыхъ рѣшеній, но онъ получаетъ тутъ новое освѣщеніе, способствующее его всестороннему разсмотрѣнію и разсѣивающее всякое сомнѣніе.

Взаимная независимость различныхъ существъ, которые приходится связать въ общество, ясно показываетъ, что первое условіе ихъ обычнаго сотрудничества состоитъ въ ихъ собственномъ расположеніи ко всеобщей любви. Нѣтъ такихъ личныхъ расчетовъ, которые могли бы замѣнить собою соціальныя инстинкты ни по внезапности и обширности внушеній, ни по смѣлости и твердости рѣшеній.

Правда, эти доброжелательныя страсти должны быть чаще всего менѣе энергичны, чѣмъ эгоистическія душевныя движенія. Но онѣ обладаютъ тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, что соціальная жизнь создаетъ почву для ихъ почти неограниченнаго подъема, между тѣмъ, какъ она непрерывно заглушаетъ противоположныя имъ чувства; поэтому-то возрастающее стремленіе первыхъ возобладать надъ вторыми должно служить мѣриломъ главнаго прогресса человѣчества.

Самопроизвольное вліяніе соціальныхъ чувствъ можетъ встрѣтить содѣйствіе со стороны разума, когда онъ ставитъ себѣ задачей укрѣплять общественность путемъ лучшей оцѣнки истинныхъ естественныхъ отношеній и развивать ее путемъ освѣщенія ея практическаго примѣненія указаніями о будущемъ, почерпнутыми изъ прошлаго. Въ этой то благородной службѣ новая философія и видитъ главное назначеніе разума, которому она, такимъ образомъ, доставляетъ несравнимый почетъ и необозримое поле дѣятельности, гораздо болѣе способное глубоко удовлетворить его, чѣмъ его бесполезныя академическія побѣды и его современныя ребяческія изслѣдованія.

Горделивыя стремленія разума ко всеобъемлющему господству, послѣ того какъ великое теологическое единство было разрушено, въ сущности никогда не могли осуществиться и имѣли только значеніе бунта противъ стараго порядка, ставшаго ретрограднымъ. Разуму предназначено не царствовать, но служить; когда же онъ вздумаетъ господствовать, онъ вступаетъ въ услуженіе къ эгоизму вмѣсто того, чтобы содѣйствовать общественности, будучи не въ состояніи избавиться отъ необходимости содѣйствовать какой-либо страсти.

Въ самомъ дѣлѣ, для командованія необходима прежде всего сила, а разумъ всегда былъ только носителемъ свѣта; поэтому онъ неизбежно дѣйствуетъ подъ вліяніемъ вѣншихъ побужденій. Метафизическія утопіи о мнимомъ совершенствѣ чисто созерцательной жизни, пользующіяся слишкомъ большимъ вниманіемъ среди современныхъ ученыхъ, суть только высокомѣрныя заблужденія, когда онѣ не скрываютъ преступныхъ хитростей.

Какъ бы реально ни было удовлетвореніе, вызываемое открытіемъ истины, оно никогда не бываетъ достаточно сильно, чтобы руководить нашимъ повседневнымъ поведеніемъ; воздѣйствіе какой-нибудь страсти даже необходимо для нашего бѣднаго ума, чтобы пробудить и поддержать почти всѣ его усилія. Если это воздѣйствіе исходитъ изъ доброжелательнаго чувства, на него обращаютъ вниманіе, такъ какъ оно одновременно и болѣе рѣдко, и болѣе достойно; напротивъ, когда оно обусловлено личными мотивами славы, честолюбія или жадности, оно такъ обычно, что его не замѣчаютъ: таково въ сущности единственное различіе.

Если бы даже умственное побужденіе вытекало изъ своего рода исключительной страсти къ чистой истинѣ, безъ всякой примѣси гордости или тщеславія, то и такое идеальное занятіе, лишенное всякаго соціальнаго назначенія, оставалось бы глубоко эгоистичнымъ. Мы въ скорѣи представится случай указать, какъ энергично позитивизмъ, еще болѣе строгій, чѣмъ католицизмъ, клеймитъ подобный метафизическій или научный типъ, который употребляетъ для созерцательной жизни удобства, доставляемыя цивилизаціей совсѣмъ для другой цѣли, что съ истинной философскою точки зрѣнія является преступнымъ злоупотребленіемъ.

Итакъ, позитивный принципъ, самопроизвольно вытекающій изъ активной жизни и послѣдовательно распространяющійся на всѣ главныя части мышленія, достигнувъ полной зрѣлости, неизбежно, въ силу свойственной ему реальности, въ концѣ концовъ, охватываетъ всю совокупность аффективной жизни, въ которой онъ и помѣщаетъ единый центръ своей окончательной систематизаціи. Позитивизмъ, такимъ образомъ, отнынѣ возводитъ въ основную догму, одновременно философскую и политическую, постоянное преобладаніе сердца надъ разумомъ.

Г Л А В А VI.

Теологическая философія считала умъ рабомъ сердца; въ позитивной системѣ онъ разсматривается какъ слуга послѣдняго.

Это необходимое подчиненіе, на которомъ только и можетъ быть построено человѣческое единство, было, правда, установлено, хотя и эмпирически, теологической философіей, какъ я это выше замѣтилъ. Но, благодаря неизбѣжному свойству первоначальнаго состоянія, эта первая систематизація была необходимо заражена кореннымъ порокомъ, обусловившимъ ея недолговѣчность. Ибо она должна была скорѣе стать стѣснительной для разума, которой могъ проявлять себя не иначе, какъ все болѣе и болѣе видоизмѣняя ее, и, въ концѣ концовъ, привелъ ее къ разложенію; этотъ результатъ явился неизбѣжнымъ слѣдствіемъ двадцативѣкового бунта, естественно развившаго анархическія утоціи, свойственныя метафизическому и научному высокоумію.

Въ самомъ дѣлѣ, если сердце должно всегда ставить вопросы, то разрѣшать ихъ надлежитъ всегда разуму: таково истинное значеніе ихъ, установленное позитивизмомъ, какъ необходимый принципъ систематизаціи индивидуальной и коллективной жизни. Первоначальная же слабость разума, который сдѣлался способнымъ достойно выполнять свою службу лишь послѣ долгаго и труднаго подготовленія, заставила сердце занять первоначально мѣсто разума, и замѣнять отсутствовавшія объективныя понятія самопроизвольными субъективными соображеніями, безъ которыхъ всякая человѣческая эволюція какъ умственная, такъ и социальная оказалась бы совершенно невозможной, какъ я это объяснилъ въ моей «Системѣ позитивной философіи».

Но это единовластіе сердца, бывшее долгое время необходимымъ, не могло не стать затѣмъ враждебнымъ собственному развитію разума, когда этотъ послѣдній началъ вырабатывать понятія, основанныя на болѣе или менѣе реальной оцѣнкѣ внѣшняго міра.

Таковъ, вообще, главный и прямой источникъ всѣхъ важныхъ видоизмѣненій, послѣдовательно происшедшихъ въ совокупности религиозныхъ вѣрованій.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ теологической системѣ были произведены всѣ измѣненія, совмѣстимыя съ ея основной природой, интеллектуальный конфликтъ, ставшій, благодаря рѣшительному подъему позитивныхъ знаній, болѣе серьезнымъ и болѣе прогрессирующимъ, принялъ, съ одной стороны, ретроградный, съ другой—революціонный характеръ, въ силу все болѣе и болѣе обнаружившейся невозможности согласовать эти два столь противоположныхъ направленія. Таково въ особенности современное положеніе вещей; и если бы старое господство теологическихъ воззрѣній могло быть восстановлено, оно непосредственно вызвало бы глубокій умственный и даже нравственный упадокъ, такъ какъ всѣ наши мнѣнія о внѣшней истинѣ регулировались бы тогда исключительно сообразно нашимъ желаніямъ и нашимъ вкусамъ. Поэтому человѣчество не можетъ сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага, не отка-

заннись всецѣло отъ теологическаго принципа, имѣющаго уже на Западѣ только то существенное значеніе, что, благодаря его необходимому сопротивленію, главный вопросъ удерживается въ надлежащемъ положеніи, а именно теологическій принципъ принуждаетъ новую систематизацію сосредоточить свое вниманіе на аффективной жизни, не взирая на предрасудки и обычаи, свойственные великой революціонной переходной эпохѣ, продолжающейся съ конца среднихъ вѣковъ.

Но позитивизмъ, выполняя еще лучше теологической философіи это основное условіе всякой организаціи, по необходимости прекращаетъ долго продолжавшійся бунтъ разума противъ сердца. Ибо онъ одновременно самопроизвольно и систематически приходитъ къ рѣшенію вполне признать за разумомъ все принадлежащее ему свободное участіе въ совокупности человѣческой жизни.

Согласно позитивному толкованію великаго органическаго принципа, разумъ долженъ разсматривать только вопросы, поставленные сердцемъ для справедливаго удовлетворенія различныхъ нашихъ потребностей. Опытъ уже достаточно показалъ, что безъ этого необходимаго правила, разумъ почти всегда слѣдовалъ бы своей невольной склонности къ правдымъ или негдымъ умозрѣніямъ, которыя въ то же время суть наиболѣе многочисленныя и наиболѣе легкія. Но въ разработкѣ какого-либо вопроса, поставленнаго въ указанномъ порядкѣ, разумъ долженъ остаться единственнымъ судьей пригодности средствъ, дѣйствительности результатовъ. Исключительно ему надлежитъ оцѣнивать то, что есть, для того, чтобы предвидѣть то, что будетъ. Однимъ словомъ, разумъ долженъ быть помощникомъ сердца и никогда его рабомъ.

Таковы ихъ взаимныя отношенія въ конечной гармоніи, устанавливаемой позитивнымъ принципомъ.

Не слѣдуетъ опасаться, что эти отношенія могутъ быть серьезно нарушены, такъ какъ оба элемента этого равновѣсія вскорѣ окажутся естественно расположенными его поддерживать, какъ одинаково благоприятнаго для каждаго изъ нихъ. Мятежныя привычки современнаго разума не дадутъ еще основанія предполагать, что онъ сохранитъ революціонный характеръ, даже когда его законныя требованія будутъ широко удовлетворены. Сверхъ того, въ случаѣ надобности, новый порядокъ не преманетъ найти средства устранить пагубныя притязанія, какъ я скоро буду имѣть случай это объяснить. Съ другой стороны, новое господство сердца никогда не станетъ, какъ старое, серьезно враждебнымъ разуму. Ибо истинная любовь стремится всегда просвѣщать себя о дѣйствительныхъ средствахъ достиженія преслѣдуемой ею цѣли: царство истиннаго чувства должно неизмѣнно быть столь же благоприятнымъ для здраваго разсудка, какъ и для мудрой дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Субъективный принципъ позитивизма: умъ долженъ служить сердцу.

Вотъ какимъ образомъ доктрина, не допускающая ни лицемѣрія, ни угнетенія, приступаетъ теперь, въ результатъ различныхъ предшествовавшихъ эволюцій, къ пересозданію какъ общественнаго порядка, такъ и частной жизни, все болѣе и болѣе разлагающихся вслѣдствіе своего въ корнѣ анархическаго состоянія. Она свя-

зываетъ навсегда истинную философію съ здоровой политикой посредствомъ одного основного принципа, который не менѣ доступенъ пониманію, чѣмъ доказательству, и способенъ все привести въ стройную систему и всѣмъ руководить.

Эта великая позитивистская догма всеобщаго преобладанія сердца надъ разумомъ будетъ представлена въ пятой части этого Разсужденія, какъ обладающая и эстетической способностью, и философской мощью, и социальной цѣлесообразностью. Тогда мы окончательно убѣдимся въ возможности сосредоточить все вокругъ единого принципа, одновременно моральнаго, рациональнаго и поэтическаго, единственно способнаго дѣйствительно положить конецъ глубоко революціонному состоянію человечества. Всякій можетъ уже здѣсь замѣтить, что сила доказательства по существу новая, оставшаяся еще во многихъ отношеніяхъ разрушительной, станетъ, по достиженіи ею своей полной зрѣлости, по необходимости созидательной, получая отъ новой философіи важное органическое назначеніе, которое значительно разовьется въ ближайшемъ будущемъ.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго я могу безъ всякаго преувеличенія заключить, что, несмотря на свое чисто-теоретическое происхожденіе, позитивизмъ отнынѣ будетъ подходящимъ какъ для нѣжныхъ душъ и размышляющихъ умовъ, такъ и для энергичныхъ характеровъ.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, природу и принципъ полной систематизаціи, которую должны теперь построить истинные философы, мнѣ остается охарактеризовать необходимый ходъ ея развитія, а затѣмъ ея основную трудность.

ГЛАВА VIII.

Внѣшній міръ, объясняемый наукой, образуетъ объективное основаніе позитивизма.

Хотя это построеніе будетъ соответствовать своему назначенію только тогда, когда оно охватитъ всѣ три доступныя ему области, именно, мышленіе, чувство и дѣйствіе, оно, однако, не можетъ быть выполнено одновременно во всѣхъ трехъ существенныхъ частяхъ; а непремѣнно только послѣдовательно, что, однако, нисколько не ослабляетъ ихъ самопроизвольной прочности, ибо она, напротивъ, вытекаетъ изъ справедливой оцѣнки ихъ взаимной зависимости.

Дѣйствительно важно признать, что мысли должны быть приведены въ систему раньше чувствъ, а послѣднія раньше поступковъ. Безъ сомнѣнія, именно въ силу смутнаго инстинктивнаго сознанія этого необходимаго порядка, философы ограничивали до сихъ поръ систематизацію всей человѣческой жизни одной умозрительной областью:

Нислѣбная обязанность систематизировать прежде всего идеи обусловлена не только тѣмъ, что ихъ связь легче улавливается и доступна большому совершенству, такъ что она можетъ составить полезную логическую подготовку къ остальной части великаго синтеза. Исслѣдуя глубже этотъ вопросъ, мы открываемъ болѣе рѣшительный и менѣ очевидный мотивъ, побуждающій начать систематизацію съ

мышленія; ибо, эта первая работа, если она выполнена съ надлежащей полнотой, можетъ служить необходимымъ основаніемъ для всего зданія, построеніе котораго, къ счастью, не можетъ затѣмъ встрѣтить никакого серьезнаго затрудненія, по крайней мѣрѣ, если оно мудро отводитъ мышленію то мѣсто въ системѣ, которое дѣйствительно соотвѣтствуетъ его окончательному назначенію.

Это предпочтеніе простой интеллектуальной систематизаціи кажется сначала несомнѣннымъ съ незначительной ролью соотвѣствующихъ функций въ экономіи нашей природы, гдѣ чувство и дѣятельность несомнѣнно болѣе чѣмъ чистый разсудокъ способствуютъ достиженію всякаго привычнаго результата. Чтобы разрѣшить этотъ своего рода парадоксъ, приходится опредѣлить, въ чемъ состоитъ основная трудность великой проблемы человѣческаго единства.

Въ самомъ дѣлѣ такое единство требуетъ прежде всего, согласно выше установленному субъективному принципу, постояннаго преобладанія сердца надъ разумомъ, безъ котораго ни коллективное существованіе, ни даже личная жизнь не могли бы достигнуть продолжительнаго гармоничнаго состоянія, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы не испытывали бы достаточно сильнаго побужденія постоянно объединять всѣ многочисленныя разнородныя и часто противоположныя стремленія нашего столь сложнаго организма. Но это необходимое внутреннее условіе было бы далеко недостаточно, если бы въ то же время внѣшній міръ не давалъ намъ самопроизвольно независящее отъ насъ объективное основаніе, состоящее въ общемъ порядкѣ различныхъ явленій, управляющихъ человѣчествомъ; очевидное превосходство этого порядка позволяеть чувству любви упорядочить нестройныя наклонности, когда умъ открываетъ намъ всю нашу истинную судьбу.

Такова главная и почетная роль разума, призываемаго отнынѣ позитивной теоріей систематизаціи человѣческой жизни на службу сердцу.

Хотя въ началѣ этого разсужденія я представилъ это настроеніе какъ условно недостаточное и даже бессмысленное, пока оно остается частичнымъ, я считаю нужнымъ теперь для пополненія великой философской программы добавить, что оно также не должно оставаться изолированнымъ, ибо субъективная гармонія невозможна безъ объективной связи.

Во-первыхъ, предполагая даже, что эта чисто-внутренняя обособленная гармонія могла бы быть достигнута, она очевидно не имѣла бы никакого существеннаго значенія для нашего личнаго или общественнаго благосостоянія, сильно зависящаго отъ отношеній каждаго изъ насъ съ совокупностью реальныхъ существъ. Но кромѣ того, вслѣдствіе чрезвычайнаго несовершенства нашей природы, нестройныя эгоистическія стремленія сами по себѣ настолько сильнѣе симпатическихъ общественныхъ наклонностей, что послѣднія никогда не могли бы взять верхъ надъ первыми, если бы они не встрѣчали точки опоры во внѣшнемъ порядкѣ, который постоянно способствуетъ ихъ подъему и препятствуетъ развитію ихъ антагонистовъ.

ГЛАВА IX.

Внѣшній порядокъ сдерживаетъ наши эгоистическіе инстинкты и возбуждаетъ наши альтруистическія чувства.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить это необходимое взаимодействие, нужно разсматривать внѣшній порядокъ, какъ обнимающій не только міръ въ собственномъ смыслѣ слова, но и совокупность человѣческихъ явленій, которые, хотя и отличаются большимъ непостоянствомъ, тѣмъ не менѣе, также подчинены неизмѣннымъ естественнымъ законамъ, составляющимъ главный предметъ нашихъ позитивныхъ умозрѣній. Наши доброжелательныя страсти самопроизвольно оказываются въ соотвѣтствіи съ тѣми изъ этихъ законовъ, которые непосредственно управляютъ общественностью; онѣ же склоняютъ насъ признавать всѣ другіе законы тотчасъ, какъ нашъ умъ ихъ открываетъ. Такимъ образомъ, аффективная гармонія, даже индивидуальная и въ особенности общественная, возможна только въ силу очевидной необходимости подчинять человѣческое существованіе этому внѣшнему вліянію, единственно способному укротить наши эгоистическіе инстинкты, преобладаніе которыхъ легко свело бы на нѣтъ наши симпатическія побужденія, если бы послѣднія для регулированія дѣятельности не находили во внѣшнемъ мірѣ основной поддержки, которую одинъ только разумъ можетъ оказать чувству.

Итакъ, интеллектуальная систематизація, обнимающая только часть великаго мірозданія, пріобрѣтаетъ значеніе весьма превосходящее ея собственныя теоретическія требованія, обыкновенно столь слабыя даже въ наиболѣе отвлеченныхъ системахъ. Умозрительный синтезъ тотчасъ разрѣшаетъ главную трудность, которую представляетъ аффективный синтезъ тѣмъ, что пріобщаетъ къ нашимъ лучшимъ внутреннимъ побужденіямъ могущественное внѣшнее возбужденіе, позволяющее имъ настолько сдерживать наши востройныя наклонности, чтобы сдѣлать возможнымъ установленіе обычной гармоніи, къ которой первыя всегда стремятся, но которой они никогда не могли бы достигнуть безъ такой постоянной помощи. Сверхъ того извѣстно, что это общее представленіе объ естественномъ порядкѣ прямо составляетъ необходимое основаніе всякой дѣйствительной систематизаціи человѣческихъ поступковъ, являющихся цѣлесообразными лишь постольку, поскольку они находятся въ постоянномъ соотвѣтствіи съ совокупностью неизмѣннаго устройства природы.

Эта часть нашего доказательства теперь столь всеобще признана, что я позволяю себѣ здѣсь на этомъ болѣе не останавливаться.

Ясно, что когда умозрительный синтезъ позволитъ выполнить синтезъ аффективный, тогда активный синтезъ не представитъ новыхъ большихъ затрудненій, такъ какъ единство побужденія завершитъ построеніе единства дѣйствія, уже подготовленнаго единствомъ мышленія. Вотъ какимъ образомъ приведеніе въ систему всей человѣческой жизни зависить въ конечномъ итогѣ отъ простой умственной систематизаціи, которая сама по себѣ должна сначала казаться лишенной рѣшающаго значенія.

Итакъ, къ своему субъективному принципу преобладанія чувства позитивизмъ приобщаетъ объективное основаніе, неизмѣнную вѣшнюю необходимость, которая одна только дѣйствительно позволяетъ подчинить общественности совокупность нашего существованія.

Превосходство новой систематизаціи надъ старой еще болѣе очевидно съ этой второй точки зрѣнія, чѣмъ съ первой. Ибо въ теологической философіи эта объективная связь могла вытекать только изъ самопроизвольной вѣры въ существованіе сверхъестественныхъ хотящихъ существъ. Но какую бы реальность ни приписывали тогда этому вымыслу, его источникъ въ дѣйствительности оставался субъективнымъ; это обстоятельство дѣлало неясной и измѣнчивой его привычную силу. Обусловленная имъ дисциплина не можетъ быть приравнена ни по очевидности, ни по энергіи, ни по прочности къ той дисциплинѣ, которую создаетъ познаніе неизмѣннаго вѣшняго порядка, подтверждаемаго, независимо отъ вашего желанія всѣмъ нашимъ существованіемъ.

Г Л А В А X.

Наши понятія о вѣшнемъ мірѣ безпрерывно расширялись, но лишь недавно они стали удовлетворительными.

Основной догматъ позитивизма долженъ быть разсматриваемъ не какъ плодъ внезапнаго общаго вдохновенія, но какъ постепенный результатъ огромной спеціальной работы, начавшейся съ первымъ проявленіемъ человѣческаго разума и едва закончившейся въ настоящее время въ самыхъ передовыхъ его отдѣлахъ. Онъ составляетъ драгоценное интеллектуальное приобрѣтеніе всего человѣчества, которое усиленно подготавлило въ теченіе своего долгаго младенческаго состоянія единственный подобающій его истинной природѣ порядокъ вещей. Во всѣхъ основныхъ случаяхъ онъ можетъ быть открытъ только путемъ наблюденія, за исключеніемъ толкованія но аналогій. Онъ допускаетъ дедуктивные доказательства только по отношенію къ явленіямъ, несомнѣнно составленнымъ изъ тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ уже былъ констатированъ. Такъ, напримѣръ, мы логически въ правѣ допускать вообще метеорологическіе законы, хотя большая часть послѣднихъ еще неизвѣстны и должны, быть-можетъ, всегда остаться неизвѣстными: ибо метеорологическія явленія могутъ быть, конечно, результатомъ только совмѣстныхъ астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и т. д. вліяній, каждое изъ которыхъ было признано подчиненнымъ неизмѣннымъ законамъ. Но убѣжденіе относительно всѣхъ дѣйствительно простыхъ явленій можетъ дать только спеціальная индукція; ибо какимъ образомъ могъ бы быть выведенъ принципъ, по необходимости предназначенный служить подразумеваемымъ основаніемъ для всякой реальной дедукціи? Вотъ почему этотъ догматъ, совершенно чуждый первоначальнымъ правиламъ, требовалъ столь долгаго подготовленія, отъ котораго не были избавлены даже наиболѣе выдающіеся мыслители. Хотя необходимыя повѣрки въ этомъ вопросѣ и были, повидимому,

первоначально получены съ помощью метафизическихъ понятій, но ихъ значеніе, въ сущности, покоилось только на ихъ временной способности болѣе или менѣе смутно обобщать аналогіи, непосредственно вызванныя открытіемъ естественныхъ законовъ относительно простѣйшихъ явленій. Эти догматическія упрежденія, впрочемъ, всегда оставались весьма двусмысленными и, въ особенности, совершенно безплодными, пока ихъ нельзя было связать съ какой-нибудь спеціальной разработкой истинно-позитивной теоріи. Поэтому, вопреки кажущейся силѣ подобныхъ способовъ доказательства, столь привычныхъ современному человѣку, истинное пониманіе внѣшняго порядка оказывается еще глубоко недостаточнымъ даже у лучшихъ умовъ, вслѣдствіе невозможности для нихъ надлежащимъ образомъ провѣрить наиболѣе сложныя и наиболѣе важныя явленія, за исключеніемъ небольшого числа мыслителей, окончательно признавшихъ открытыя мною главные основныя соціологическія законы. Неувѣренность, существующая, такимъ образомъ, относительно этой науки, тѣсно связанной со всѣми другими, оказываетъ и на эти послѣднія гибельное вліяніе, грубо искажающее понятіе о непреложности законовъ даже для простѣйшихъ вопросовъ; подтвержденіемъ сказаннаго служатъ, напримѣръ, глубокое заблужденіе въ вопросѣ объ исчисленіи вѣроятностей почти всѣхъ современныхъ геометровъ, которые полагаютъ, что соотвѣтствующіе факты не слѣдуютъ никакому закону.

Итакъ, этотъ великій догматъ можетъ быть твердо установленъ въ какомъ-либо отдѣльномъ случаѣ, лишь когда его спеціальная провѣрка охватываетъ всѣ главныя категоріи элементарныхъ явленій. Но, такъ какъ это трудное условіе нынѣ достаточно выполнено мыслителями, дѣйствительно стоящими на уровнѣ своего вѣка, мы можемъ, наконецъ, непосредственно построить единство человѣческой жизни на слѣдующемъ объективномъ, отнынѣ непоколебимомъ фундаментѣ: всѣ реальныя явленія, включая сюда явленія нашего собственнаго индивидуальнаго и коллективнаго существованія, всегда подчинены естественнымъ отношеніямъ послѣдовательности и подобія, по существу независимымъ отъ нашего вмѣшательства.

Г Л А В А XI.

Даже если внѣшній міръ неизмѣняемъ, онъ оказываетъ на характеръ человѣка благотворное вліяніе.

Таково внѣшнее основаніе общаго синтеза: аффективнаго, активнаго и чистомуозрительнаго, постоянно соотвѣтствующаго этому неизмѣнному порядку. Его дѣйствительная оцѣнка составляетъ главный предметъ нашихъ размышленій, его необходимое преобладаніе регулируетъ общій подъемъ нашихъ чувствъ и его постепенное улучшеніе опредѣляетъ постоянную цѣль нашихъ дѣйствій.

Чтобы лучше понять вліяніе этого синтеза, достаточно предположить на мигъ, что онъ пересталъ существовать: тогда нашъ умъ исчерпалъ бы свои силы въ произвольныхъ исканіяхъ, что вскорѣ повергло бы его въ неисцѣлимое оцѣпеніе; наши лучшія наклонности не сдерживали бы самопроизвольно проявляющихся менѣе

благородныхъ инстинктовъ; и наша дѣятельность привела бы только къ безпрерывному волненію.

Хотя этотъ порядокъ былъ долгое время неизвѣстенъ, его вліяніе, тѣмъ не менѣе, всегда сказывалось, и онъ постоянно стремился, помимо нашей воли, регулировать всю нашу жизнь сперва активную, затѣмъ умозрительную и, наконецъ, даже аффективную. По мѣрѣ того, какъ мы его познавали, наши понятія становились менѣе смутными, наши наклонности менѣе прихотливыми, и наше поведеніе менѣе произвольнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили возможность охватывать всю его совокупность, онъ стремится руководить человѣческой мудростью во всѣхъ областяхъ, представляя всегда наше искусственное устройство, какъ справедливое продолженіе непоколебимаго естественнаго устройства, которое нужно уважать, сначала внимательно изучить, и лишь затѣмъ стараться улучшить. Даже то, что во внѣшнемъ порядкѣ должно оставаться неизмѣннымъ, необходимо, вопреки поверхностнымъ жалобамъ многихъ высокоумныхъ умовъ, для правительнаго теченія нашей жизни. Если бы, напримѣръ, человѣкъ былъ избавленъ отъ необходимости жить на землѣ и могъ, по желанію, избрать себѣ мѣстопробываніемъ любую планету, то общество неминуемо было бы разрушено, вслѣдствіе бродяжническихъ и несогласимыхъ стремленій, которымъ люди тогда предавались бы. При нерѣшительности и непоследовательности, присущихъ множеству нашихъ наклонностей, мы можемъ быть послѣдовательными и единодушными лишь въ силу непреодолимыхъ требованій этого порядка, безъ которыхъ нашъ жалкій разумъ, несмотря на свой напрасный ропотъ, никогда не смогъ бы завершить свои несвязныя разсужденія. Неспособные что-либо создать, мы умѣемъ только видоизмѣнять въ нашу пользу порядокъ, сущность котораго не доступна нашему вліянію.

Понятно, что безусловная независимость, столь желѣмая надменными метафизиками, не только не улучшила бы нашей судьбы, но помѣшала бы всякому развитію нашей жизни, даже частной. Главное искусство человѣческаго совершенствованія состоитъ, напротивъ, въ уменьшеніи нерѣшительности, непоследовательности и несогласованности нашихъ намѣреній путемъ связыванія съ внѣшними мотивами тѣхъ изъ нашихъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и практическихъ привычекъ, которыя первоначально вытекаютъ изъ чисто-внутреннихъ источниковъ. Ибо всѣ взаимныя связи нашихъ различныхъ стремленій неспособны обезпечить прочность послѣднихъ, пока они не найдутъ во внѣшнемъ мірѣ точки опоры, независимой отъ нашихъ самопроизвольныхъ измѣненій.

Но каково бы ни было благотворное значеніе позитивнаго догмата для тѣхъ лишеній, которыя въ естественномъ порядкѣ остаются неизмѣнными, мы должны въ особенности рассмотреть искусственныя видоизмѣненія, которымъ этотъ основной порядокъ во многихъ отношеніяхъ доступенъ, такъ какъ они являются главной цѣлью всей нашей мудрости. Простѣйшія изъ этихъ явленій, именно касающіяся нашего земного существованія, на самомъ дѣлѣ единственныя, которыя мы не можемъ никоимъ образомъ видоизмѣнять. Хотя, познавъ ихъ законы, мы можемъ легко постичь различныя улучшенія ихъ, но наша физическая сила, какого развитія она бы ни достигла, всегда останется неспособной въ нихъ что-либо измѣнить. Напротивъ, намъ нужно устраивать нашу жизнь такъ, чтобы, по возможности, лучше

подчиниться этимъ непреодолимымъ общимъ условіямъ, высшая простота которыхъ позволяетъ намъ самыя точныя и самыя далекія предвидѣнія. Ихъ позитивная оцѣнка отъ которой, въ особенности, зависѣла долгая подготовительная эволюція нашего ума, послужить намъ всегда наиболѣе яснымъ и наиболѣе рѣшительнымъ источникомъ истиннаго чувства неизмѣнности. Если слишкомъ одностороннее изученіе этихъ явленій продолжаетъ приводить насъ къ фатализму, то этотъ образъ мыслей, отнынѣ уравновѣшенный болѣе философскимъ образованіемъ, можетъ легко способствовать нашему собственному моральному улучшенію, располагая насъ мудро покориться всѣмъ дѣйствительно непреодолимымъ невзгодамъ.

Г Л А В А XII.

Внѣшній міръ чаще всего видоизмѣняемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Во всей остальной части внѣшняго порядка его основная неизмѣнность всегда доступна второстепеннымъ видоизмѣненіямъ. Они становятся болѣе глубокими и болѣе многочисленными по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сложность явленій, которая позволяетъ нашему слабому вмѣшательству лучше измѣнить результаты, обусловленные стеченіемъ различныхъ и болѣе доступныхъ нашему воздѣйствію вліяній, какъ я это объяснилъ въ моей «Системѣ позитивной философіи». Тамъ же я доказалъ, что наше вмѣшательство становится тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ болѣе естественные законы относятся къ нашему собственному существованію, какъ индивидуальному, такъ и коллективному. Въ особенности по отношенію къ послѣднему вносимыя нами видоизмѣненія могутъ быть столь обширны, что способствуютъ еще поддержанію грубаго заблужденія, будто этотъ классъ явленій не подчиняется никакому непреложному правилу.

Чтобы пополнить общую оцѣнку позитивнаго догмата, важно добавить, что эта возрастающая способность внѣшняго порядка подчиняться человѣческому вмѣшательству, необходимо сочетается съ его все большимъ несовершенствомъ, самопроизвольнымъ возмущеніемъ котораго (чрезвычайно цѣннымъ, хотя очень недостаточнымъ) она, такимъ образомъ, является. Ибо оба эти свойства одинаково обусловлены постепеннымъ осложненіемъ естественнаго порядка. Даже астрономическій порядокъ глубоко несовершененъ, несмотря на свою чрезвычайную простоту; именно, эта простота и дѣлаетъ для насъ его различныя неудобства неустраивимыми; общее разсмотрѣніе ихъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Хотя мы лишены возможности здѣсь что-либо исправить, этотъ взглядъ, однако, предохраняетъ насъ отъ глупаго восхищенія и можетъ, полезно содѣйствовать опредѣленію окончательнаго отношенія человечества всякаго рода къ затрудненіямъ, характеризующимъ его истинную судьбу; онъ, въ особенности, стремится кореннымъ образомъ положить конецъ исканію абсолютнаго блага, столь препятствующему мудрому преслѣдованію возможныхъ улучшеній.

По отношенію ко всѣмъ другимъ явленіямъ возрастающее несовершенство естественнаго порядка непрерывно вызываетъ дѣятельное возбужденіе всей нашей по-

зitivной жизни какъ моральной и умственной, такъ и чисто-практической, неизмѣнно призывая насъ облегчать себѣ страданія отъ бѣдствій, которыя мы на самомъ дѣлѣ можемъ значительно смягчить старательными и постоянными усиліями. Именно, такимъ образомъ, человѣчество можетъ развить въ себѣ характеръ увѣренности и достоинства, совершенно чуждый его долговѣчному теологическому состоянію младенчества. Для тѣхъ, кто поднимается на истинную точку зрѣнія въ вопросѣ о социальномъ будущемъ, идея о человѣкѣ, ставшемъ, безъ робости и безъ хвастовства, единственнымъ вершителемъ, въ извѣстныхъ границахъ, своей судьбы, составляетъ, безъ сомнѣнія, понятіе гораздо болѣе удовлетворяющее во всѣхъ отношеніяхъ, нежели старое вѣрованіе въ Провидѣніе, вѣрованіе, предполагавшее насъ всегда пассивными. Такая оцѣнка, получивъ широкое распространеніе, непосредственно укрѣпляетъ социальную связь, ибо она приводитъ каждого къ убѣжденію, что въ этой связи заключается главное средство для каждого въ частности противъ общихъ золъ человѣческаго существованія. Пробуждая наши лучшія чувства, она намъ даетъ также возможность лучше понять важность интеллектуальнаго развитія, которое благодаря этому направляется къ своему истинному назначенію. Хотя эта благотворная идея все сильнѣе распространялась среди современныхъ народовъ, она до сихъ поръ была слишкомъ ограничена и слишкомъ эмпирична, чтобы, иначе какъ заглядывая въ будущность человѣчества, можно было создать себѣ, на основаніи здравой исторической теоріи, надлежащее представленіе о роли человѣка. Ибо наше искусство систематизировать не обнимаетъ еще той части основного естественнаго порядка, которая, будучи одновременно наиболѣе доступной измѣненію, наименѣе совершенной и наиболѣе важной, должна составлять во всѣхъ отношеніяхъ главный предметъ нашихъ постоянныхъ заботъ. Медицинское искусство, въ собственномъ смыслѣ слова, едва начинаетъ освобождаться отъ первоначальной рутинѣ. Что касается социальнаго искусства какъ моральнаго, такъ и политическаго, то оно настолько проникнуто рутиной, что большинство государственныхъ людей сомнѣваются даже въ возможности когда-либо его освободить отъ нея, хотя оно болѣе, чѣмъ что-либо другое можетъ быть дѣйствительно приведено въ систему, которая одна только и будетъ въ состояніи дать остальной части нашей практической дѣятельности разумное основаніе, какъ я дальше объясню. Но эта участь взглядовъ обусловлена теперь только чрезвычайно непознымъ пониманіемъ реальности естественныхъ законовъ относительно важнѣйшихъ явленій. Когда естественный порядокъ надлежащимъ образомъ изученъ во всей его совокупности, обычное понятіе объ искусствѣ становится столь же обширнымъ и столь же однороднымъ, какъ и понятіе о наукѣ; тогда ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сможетъ отрицать того, что наша социальная жизнь составляетъ главную область обихъ.

Общая услуга, оказываемая умомъ общественности, не ограничивается тѣмъ, что онъ даетъ и раскрываетъ естественный порядокъ, власти котораго она должна подчиниться. Чтобы это теоретическое опредѣленіе могло руководить нашей дѣятельностью, нужно къ нему добавитъ точную оцѣнку того, въ какихъ предѣлахъ вышній порядокъ доступенъ измѣненію, а также каковы его главные несовершенства: только эти данныя позволяютъ характеризовать наше мудрое вмѣшательство и указать границы его. Позитивная критика природы поэтому всегда составитъ важный атрибутъ

здраной философіи, хотя благодаря ея безусловной цѣлесообразности антитеологическій духъ, вдохновлявшій ея вначалѣ, не представляетъ уже никакого крупнаго интереса. Не вдаваясь въ какія-либо споры, позитивисты будутъ пользоваться этой критикой только для того, чтобы лучше поставить вопросъ о человѣчествѣ въ цѣломъ. Сверхъ того, эта критика непосредственно связана въ позитивномъ міропониманіи съ постоянной цѣлью всей нашей жизни, такъ какъ совершенствованіе предполагаетъ существованіе первоначальнаго несовершенства. Это общія связь становится въ особенности необходимой по отношенію къ нашей собственной природѣ: ибо истинная нравственность требуетъ постоянного глубокаго сознанія нашихъ врожденныхъ пороковъ.

Г Л А В А XIII.

Чтобы создать позитивный синтезъ, нужно было преодолѣть огромное теоретическое затрудненіе: дополнить понятіе объ естественномъ законѣ и распространить его на соціальныя и моральныя явленія.

Всѣ вышеприведенныя указанія достаточно характеризуютъ основное условіе, согласно которому главная систематизація человѣческаго существованія, оставаясь благодаря своему субъективному принципу по существу аффективной, должна въ конечномъ итогѣ подвергнуться умозрительной обработкѣ, единственно способной дать ей объективное основаніе, связывая ея со всѣмъ вышнимъ порядкомъ, влияніе котораго человѣчество испытываетъ и по возможности видоизмѣняетъ. Несмотря на недостатки, свойственные этому объясненію, оно вполне достаточно для цѣли этого разсужденія, являющагося просто вступленіемъ къ полному трактату. Оно позволяетъ непосредственно признать за главный центръ позитивнаго синтеза раскрытіе истинной теоріи человѣческой эволюціи, одновременно индивидуальной и коллективной. Ибо всякая рѣшительная разработка этой конечной цѣли тотчасъ пополняетъ общее понятіе о естественномъ порядкѣ и необходимо возводитъ его въ основной догматъ всеобщей систематизаціи, постепенно готовяемой всѣмъ умственнымъ движеніемъ современныхъ народовъ. Благодаря непосредственному содѣйствію научныхъ трудовъ, появившихся за послѣдніе три вѣка, въ этомъ отношеніи остался серьезный пробѣлъ только касательно явленій моральныхъ и въ особенности соціальныхъ. Доказавъ существованіе непреложныхъ законовъ также относительно этихъ двухъ классовъ явленій, путемъ предварительной систематизаціи всего прошлаго человѣчества, современный умъ завершить свое трудное предпріятіе и, поднявшись на единственную точку зрѣнія, отсюда можно все объять взоромъ, построить свой окончательный образъ мыслей.

Такова была двоякая цѣль моего основнаго труда, посредствомъ котораго я, какъ это признали главные современные мыслители, пополнилъ и систематизировалъ всю естественную философію, установивъ общій законъ человѣческой эволюціи какъ соціальной, такъ и интеллектуальной. Мнѣ нѣтъ надобности возвращаться къ этому

важному закону: онъ теперь никѣмъ уже не оспаривается; впрочемъ, въ догматическомъ отношеніи онъ будетъ охарактеризованъ въ третьей части этого новаго труда.

Какъ извѣстно, этотъ законъ гласитъ, что всѣ наши умозрѣнія необходимо проходятъ черезъ три послѣдовательныхъ состоянія: сперва они находятся въ теологическомъ состояніи, когда открыто господствуютъ самопроизвольныя вѣрованія, недопускающія никакого доказательства; затѣмъ переходятъ въ метафизическое состояніе, характеризующееся въ особенности преобладающимъ значеніемъ лицетворенныхъ абстракцій или сущностей; и, наконецъ, вступаютъ въ позитивное состояніе, всегда основанное на точной оцѣнкѣ вѣшняго реального міра. Первый изъ этихъ методовъ мышленія является только предварительнымъ и составляетъ во всѣхъ областяхъ нашу единственную исходную точку; третій, который и есть окончательный методъ, позволяетъ намъ познать нашу дѣйствительную роль на землѣ; второй же имѣетъ только модифицирующее или разрушающее вліяніе, благодаря чему онъ предназначенъ руководить только переходомъ отъ одного состоянія къ другому. Дѣйствительно, все начинается подъ внушеніемъ теологіи и, проходя черезъ метафизическую аргументацію, въ концѣ концовъ, приходитъ къ позитивному доказательству. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же общій законъ позволяетъ намъ охватить одновременно прошлое, настоящее и будущее человѣчества.

Къ этому закону послѣдовательности моя «Система позитивной философіи» добавляетъ законъ классификаціи, динамическое приложеніе котораго образуетъ второй элементъ моей теоріи эволюціи, ибо онъ опредѣляетъ необходимый порядокъ, въ которомъ наши различныя понятія участвуютъ въ каждой послѣдовательной фазѣ. Извѣстно, что этотъ порядокъ регулируется убывающей общностью соответствующихъ явленій или, что одно и то же, ихъ возрастающей сложностью: отсюда вытекаетъ ихъ внутренняя зависимость отъ всѣхъ болѣе простыхъ и менѣе частныхъ явленій. Основная іерархія нашихъ реальныхъ знаній состоитъ въ ихъ естественной группировкѣ на шесть элементарныхъ категорій: математика, астрономія, физика, химія, біологія (фізіологія) и, наконецъ, соціологія ¹⁾. Каждая изъ этихъ наукъ раньше слѣдующей за нею проходитъ всѣ главныя ступени полной эволюціи, которая, безъ постоянного примѣненія нашей классификаціи, могла бы имѣть только смутный и нестройный характеръ.

Теорія, образованная путемъ тѣснаго сочетанія этого статическаго закона съ динамическимъ, кажется на первый взглядъ приложимою только къ интеллектуальному движенію человѣчества. Но вышеприведенныя соображенія заранѣе убѣждаютъ насъ въ ея неотъемлемой способности обнимать также социальное развитіе, общій прогрессъ котораго всегда долженъ былъ зависѣть отъ прогресса нашихъ элементарныхъ понятій о совокупности естественнаго порядка. Дѣйствительно, въ исторической части моего «Курса позитивной философіи» я доказалъ постоянное соотвѣтствіе между активной и умозрительной эволюціями, естественное содѣйствіе которыхъ должно было регулировать эволюцію аффективную.

¹⁾ Въ своемъ II томѣ «Системы позитивной политикѣ» Контъ добавляетъ седьмую науку: мораль. Пер.

Для рѣшительнаго распространенія основной теоріи требуется только пополненіе ея послѣднимъ существеннымъ элементомъ, прямо относящимся къ гражданскому развитію человѣчества. Оно состоитъ, какъ извѣстно, въ необходимой послѣдовательности различныхъ главныхъ видовъ человѣческой дѣятельности, которая была сперва завоевательной, затѣмъ оборонительной и, наконецъ, промышленной. Ихъ естественная связь съ послѣдовательнымъ господствомъ теологическаго, метафизическаго, и позитивнаго духа легко объясняетъ совокупность прошлаго, систематизируя единственное историческое понятіе, непосредственно признанное общественнымъ мнѣніемъ, а именно, общее раздѣленіе на древнюю, среднюю и новую исторію.

Такимъ образомъ, чтобы основать, наконецъ, истинную социальную науку, было достаточно прочно установить эту теорію эволюціи, прибавивъ къ характеризующему ее динамическому закону сперва укрѣпляющій ее статическій принципъ и затѣмъ дополняющій ее примѣненіе къ гражданскому развитію человѣчества. Эта окончательная операція завершаетъ полное построеніе естественной философіи, устраняя навсегда признанное со времени Платона и Аристотеля глубокое отличие ее отъ нравственной философіи. Позитивный духъ, столь долго ограниченный простыми неорганическими явленіями, закончить тогда свое трудное проникновеніе во всѣ области, и распространится даже на самыя сложныя и самыя важныя явленія, освобожденные отъ всякаго теологическаго или метафизическаго толкованія. Такъ какъ всѣ реальныя понятія становятся такимъ путемъ однородными, то единство образа мыслей немедленно устанавливается самопроизвольно, создавая твердое объективное основаніе для полной систематизаціи, что и составляетъ существенную цѣль истинной философіи, которая до сихъ норъ не могла существовать за недостаткомъ необходимыхъ элементовъ.

Устраненіе главной трудности этого окончательнаго синтеза обязано, осмѣлюсь это сказать, открытію мною основной теоріи человѣческой эволюціи; это станетъ понятно, если принять во вниманіе, что эта теорія, дополняя и систематизируя объективное основаніе, въ то же время самопроизвольно подчиняетъ его субъективному принципу, который долженъ всегда быть руководящимъ въ цѣльномъ философскомъ построеніи.

Изучая всеобщій порядокъ, умъ, слишкомъ гордый своей важной ролью, которую онъ одинъ только можетъ выполнить, часто расположенъ пренебрегать своимъ назначеніемъ, которое необходимо заключается въ постоянномъ служеніи общественности; онъ стремится свободно отдаваться своей естественной наклонности къ спекулятивнымъ запятіямъ, получившимъ въ настоящее время подкрѣпленіе въ эмпирическихъ наблюденіяхъ, свойственныхъ первоначальному прогрессу спеціальныхъ позитивныхъ знаній. Поэтому нужно, чтобы субъективное вдохновеніе непрерывно указывало ему его истинное призваніе, препятствуя тому, чтобы его размышленія приняли абсолютный характеръ и неограниченное распространеніе, такъ какъ въ такомъ случаѣ повторились бы въ научной формѣ всѣ главные недостатки теологико-метафизическаго метода мышленія.

Вселенная должна изучаться не ради нея самой, но ради человѣка, или скорѣе, ради человѣчества. Всякое другое намѣреніе такъ же мало отличалось бы мудростью, какъ и нравственностью. Ибо наши реальныя умозрѣнія могутъ быть понести

удовлетворительными лишь поскольку они субъективны, а не чисто-объективны, т.-е., когда они ограничиваются исканіемъ во внѣшнемъ порядкѣ законовъ, которые болѣе или менѣе непосредственно, дѣйствительно вліяютъ на наши судьбы. Въ этой области, опредѣляемой общественностью, наши познанія останутся всегда столь же несовершенными, какъ и праздными, даже относительно простѣйшихъ явленій, что подтверждается астрономіей. Безъ этого постоянного преобладанія чувства позитивный духъ скорѣ возвратился бы къ излюбленнымъ занятіямъ своего младенчества, къ размышленіямъ наиболѣе отдаленнымъ отъ человѣка, являющимися также наиболѣе легкими. Пока продолжался его постепенный ростъ, это естественное стремленіе заниматься безъ разбора всѣми доступными изслѣдованіями могло оправдываться логической значительностью большинства тѣхъ изслѣдованій, которыя были лишены всякаго научнаго значенія. Но съ тѣхъ поръ какъ позитивный методъ достаточно развился и можетъ быть прямо приложенъ въ предназначенной ему области, эти праздна упражненія бесполезно удлинняютъ господство предварительнаго образа мышленія. Это неопредѣленное состояніе умственной анархіи принимаетъ даже все болѣе и болѣе ретроградный характеръ, стремясь уничтожить главные результаты, достигнутые частными изслѣдованіями, въ то время, когда это направленіе было дѣйствительно прогрессивнымъ.

Г Л А В А XIV.

Открытіе соціологическихъ заоновъ придаетъ соціальнымъ вопросамъ большое значеніе. Субъективный принципъ позитивизма не представляетъ опасности для свободной мысли.

Построеніе объективнаго основанія, необходимаго для общаго синтеза человѣческой жизни, вызываетъ серьезное затрудненіе въ томъ отношеніи, что приходится согласовать обычную свободу, безъ которой нашъ умъ не могъ бы надлежащимъ образомъ работать съ постоянной дисциплиной, которая нужна для обузданія его врожденнаго стремленія къ несвязнымъ и неопредѣленнымъ умозрѣніямъ. Это согласованіе было по существу невозможно, пока изученіе естественнаго порядка не распространилось на соціологическіе законы. Но какъ только позитивный духъ дѣйствительно приобрѣтетъ это послѣднее преимущество, необходимое превосходство соціологическихъ умозрѣній безъ затрудненія подчинить его законному господству чувства. Тогда объективная оцѣнка, прогрессъ которой совершается извнѣ во внутрь, произвольно вступить въ связь съ субъективнымъ побужденіемъ, главенству котораго она такъ долго препятствовала.

Ни одинъ настоящій мыслитель не можетъ болѣе отрицать рѣшительныя доказательства, которыя отнынѣ устанавливаютъ даже въ умозрительномъ отношеніи логическое и научное первенство соціальной точки зрѣнія, какъ единственно возможную связь для всѣхъ нашихъ реальныхъ размышленій. Ея преобладаніе не можетъ нѣкогда стать стѣснительнымъ для другихъ позитивныхъ изслѣдованій, которыя всегда будутъ, со стороны метода или со стороны доктрины, необходимыми

введеніемъ къ этой конечной наукѣ. Напротивъ, этотъ окончательный методъ мышленія дать каждой подготовительной наукѣ и драгоцѣнную прочность, и плодотворное возбужденіе, связывая ее съ совокупностью знаній о человѣчествѣ.

Таковъ естественный путь, слѣдуя которому, какъ я вывелъ въ началѣ этого разсужденія, позитивный духъ, посредствомъ основанія социологіи, сталъ навсегда подѣ справедливую власть сердца, что позволить, наконецъ, привести въ стройную систему всю человѣческую жизнь, на основаніи подчиненія объективнаго основанія субъективному принципу. Изгоняя безвозвратно исключительный антагонизмъ, который съ конца среднихъ вѣковъ долженъ былъ развиваться между разумомъ и чувствомъ, эта философская операція непосредственно призываетъ человѣчество подѣ единую власть, индивидуальную и коллективную, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ его природѣ. Пока это благородное вліяніе чувства и разсудка не были приведены въ согласіе, общественность не могла глубоко измѣнить практическую власть эгоизма. Но, несмотря на ихъ слабую самопроизвольную энергію въ нашей несовершенной организаціи, ихъ тѣсное и непрерывное сотрудничество, способное на огромный подъемъ, сможетъ отнынѣ, не искажая по существу эгоистическаго характера активной жизни, сообщить ей такую степень нравственности, о которой прошлое не могло дать никакого представленія, вслѣдствіе того, что до сихъ поръ эти два необходимыхъ регулятора всѣхъ нашихъ преобладающихъ инстинктовъ не могли быть надлежащимъ образомъ согласованы.

Мое опредѣленіе теоретическаго синтеза, на которомъ должна покоиться вся систематизація человѣчества, было бы недостаточнымъ, если бы я не дополнилъ его указаніемъ общаго дѣйствительно необходимаго ограничительнаго условія для того, чтобы это объективное построеніе позволило непосредственно выработать окончательную систему. Безъ этого ограниченія умъ, увлеченный своими современными привычками горделиваго разглагольствованія, будетъ стремиться преувеличивать свое дѣйствительное назначеніе и стараться избавиться отъ постоянного ига, налагаемаго на него общественностью, отодвигая моральное и политическое преобразование дальше, чѣмъ этого требуетъ дѣйствительное назначеніе этого философскаго подготовленія. Это послѣднее опредѣленіе покажетъ новосвойство моей теоріи эволюціи, благодаря которому умозрительная систематизація подвинулась такъ далеко, что теперь можно начать систематизацію чувственной и даже активной жизни, по крайней мѣрѣ, наиболѣе важной и наиболѣе рѣшительной ея части, именно нравственности въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Г Л А В А XV.

Естественные законы бываютъ двухъ родовъ: абстрактные и конкретные. Знаніе и систематизація абстрактныхъ законовъ обособываютъ позитивный синтезъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ ограничить построеніе нашего объективнаго основанія, мы должны прежде всего различить во внѣшнемъ порядкѣ два класса есте-

ственныхъ законовъ: простые или абстрактные и сложные или конкретные. Въ моемъ основномъ трудѣ я установилъ и приложилъ это необходимое безспорное отнынѣ дѣленіе, такъ что здѣсь мнѣ достаточно будетъ охарактеризовать его источникъ и примѣненіе.

Его принципъ вытекаетъ изъ того, что наши позитивныя изслѣдованія могутъ всегда касаться либо живыхъ существъ, либо только ихъ различныхъ проявленій. Хотя реальныя тѣла становятся доступными нашей оцѣнкѣ только благодаря совокупности наблюдаемыхъ въ нихъ явленій, мы можемъ или разсматривать отвѣченно каждую категорію явленій съ точки зрѣнія общей для всѣхъ существъ, въ которыхъ они наблюдаются, или конкретно изслѣдовать отдѣльныя группы явленій, характеризующія каждое существо. Въ послѣднемъ случаѣ мы изучаемъ различныя системы существованія, а въ первомъ мы опредѣляемъ различныя формы дѣятельности. Вышеприведенный примѣръ метеорологическихъ изслѣдованій представляетъ лучшій типъ этого общаго дѣленія; ибо разсматриваемыя въ метеорологіи явленія суть всегда только очевидныя сочетанія астрономическихъ, физическихъ, химическихъ, биологическихъ и даже социальныхъ явленій, собственные законы которыхъ допускаютъ и требуютъ столько же различныхъ теорій. Если бы всѣ эти абстрактные законы были намъ достаточно извѣстны, конкретный вопросъ не представлялъ бы иного серьезнаго затрудненія, кромѣ трудности ихъ надлежащимъ образомъ сочетать, чтобы вывести необходимый порядокъ этихъ сложныхъ явленій; однако, подобное построение, мнѣ кажется настолько превосходящимъ наши слабыя дедуктивныя способности, что мы въ этомъ отношеніи не можемъ еще покинуть чисто-индуктивный путь.

Согласно этому дѣленію, наше основное изученіе естественнаго порядка должно, конечно, касаться прежде всего его отвлеченной стороны, разложенной па столько общихъ случаевъ, сколько существуетъ дѣйствительныхъ элементарныхъ явленій, т.-е. непревратимыхъ въ другія, которыя, слѣдовательно, несмотря на то, что между ними необходимо существуетъ связь, требуютъ столько же различныхъ индукцій и теорія которыхъ никогда не можетъ быть установлена путемъ одной только дедукціи. Спекулятивная систематизація можетъ прямо охватить только тѣ простыя сужденія, которыя затѣмъ станутъ рациональнымъ основаніемъ сложныхъ умозрѣній. Если даже послѣднія, вслѣдствіе своей чрезвычайной сложности, и не допустить никогда полной систематизаціи, теоретическое единство, даже ограничившись первыми, можетъ удовлетворить все-таки своему назначенію служить объективнымъ основаніемъ общаго синтеза человѣчества. Ибо и этотъ отвлеченный фундаментъ уже позволилъ бы намъ ввести почти всюду дедуктивный методъ настолько, чтобы связать всѣ наши мысли и сдѣлать возможной удовлетворительную систематизацію всѣхъ нашихъ чувствъ и дѣйствій, что и составляетъ цѣль здравой філософіи.

Итакъ, абстрактное изученіе вышняго порядка доставляетъ намъ именно тотъ синтезъ, который дѣйствительно необходимъ для созданія полнаго единства. Онъ составляетъ самъ по себѣ достаточное основаніе всей нашей мудрости, которая находитъ въ немъ ту первую філософію, на которую Бэконъ смутно указывалъ, какъ на необходимое основаніе нормальнаго человѣческаго мышленія. Коль скоро мы приведемъ въ систему всѣ абстрактные законы различныхъ общихъ видовъ реальной дѣятельности, дѣйствительная оцѣнка каждой отдѣльной системы существованія тот-

часть перестанетъ быть чисто-эмпирической, хотя большинство конкретныхъ законовъ остаются еще для насъ неизвѣстными. Это въ особенности легко понять относительно наиболѣе труднаго и наиболѣе важнаго случая: ибо, очевидно, достаточно познать главные статическіе и динамическіе законы общественности, чтобы подлежащимъ образомъ систематизировать всю нашу общественную и частную жизнь, достигая такимъ путемъ общаго улучшенія нашей судьбы. Когда философіи удастся добиться этой цѣли, — въ чемъ теперь нельзя уже сомнѣваться, — то нечего будетъ сожалѣть о томъ, что она не смогла достаточно объяснить всѣ социальныя формы, которыя время и мѣсто представляютъ нашему умственному взору. Руководимый чувствомъ, современный умъ сумѣетъ отнынѣ мудро сдерживать вѣчно-жадное любопытство, которое въ праздныхъ исканіяхъ исчерпало бы наши слабыя умственныя силы, доставляющія человѣчеству драгоценныя средства въ его трудной борьбѣ противъ недостатковъ естественнаго порядка.

Безъ сомнѣнія, открытіе главныхъ конкретныхъ законовъ могло бы болѣе способствовать улучшенію какъ вышнихъ, такъ даже и внутреннихъ условій нашего существованія; именно, на этомъ полѣ наука въ будущемъ и сможетъ собрать богатую жатву. Но ихъ познаніе отнюдь не необходимо теперь для полной систематизаціи, которая должна выполнить по отношенію къ окончательному образу мышленія человѣчества ту роль, которую нѣкогда выполнило по отношенію къ первоначальному умственному строю теологическая систематизація. Это обязательное условіе, конечно, можетъ быть удовлетворено просто абстрактной философіей; такъ что преобразование остается возможнымъ, даже если конкретная философія никогда не достигнетъ надлежащаго состоянія.

Г Л А В А XVI.

Синтезъ абстрактныхъ законовъ вытекаетъ изъ теоріи человѣческой эволюціи.

Построеніе спекулятивной системы, ограниченное такъ, какъ было выше указано, настолько разработано на Западѣ, что всѣ сочувствующіе этому предпріятію настоящіе мыслители могутъ безъ всякаго отлагательства приступить къ моральному преобразованію, которое должно подготовить настоящее политическое преобразование и руководить имъ. Ибо, рассмотрѣнная съ другой точки зрѣнія, упомянутая выше теорія эволюціи представляетъ прямую ситематизацію всѣхъ нашихъ отвлеченныхъ понятій о естественномъ порядкѣ въ цѣломъ.

Чтобы это понять, достаточно допустить, что всѣ наши реальныя знанія, въ сущности, составляютъ одну единую науку, науку о человѣчествѣ, введеніе и развитіе которой составляютъ всѣ наши позитивныя умозрѣнія. Обработка же этой науки, очевидно, требуетъ двоякаго рода подготовительныхъ трудовъ, касающихся вышнихъ условій нашего существованія, а также условій нашей внутренней природы. Ибо общественность не можетъ быть понята безъ достаточной предварительной оцѣнки среды, въ которой она развивается, и причины, се обуславливающей.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ конечной наукѣ, нужно хорошенько разработать абстрактную теорію внѣшняго міра и теорію индивидуальной жизни человѣка, чтобы опредѣлить постоянное вліяніе соотвѣствующихъ законовъ на законы, управляющіе социальными явленіями. Эта подготовительная работа необходима въ логическомъ отношеніи не менѣе, чѣмъ съ чисто-научной точки зрѣнія, чтобы приспособить нашъ слабый умъ къ самымъ труднымъ умозрѣніямъ путемъ упражненія его въ болѣе легкихъ. Наконецъ, въ этомъ двойномъ изслѣдованіи неорганическій міръ долженъ привлечь ваше вниманіе раньше органическаго какъ послѣдствіе преобладающаго вліянія законовъ, относящихся къ самому общему существованію, на явленія, касающіяся только отдѣльной жизни, такъ и по очевидному обязательству изучать позитивный методъ сперва въ его простѣйшихъ и наиболѣе характерныхъ приложеніяхъ. Было бы излишне долѣе останавливаться здѣсь на принципахъ, которые мой основной трудъ прочно установилъ.

Соціальная философія должна быть поэтому во всѣхъ отношеніяхъ подготовлена собственно естественной философіей, сначала неорганической, затѣмъ органической. Это необходимое подготовленіе заданія, настроеніе котораго выпало на долю нашего вѣка, восходить, такимъ образомъ, до созданія астрономіи въ древности. Современные народы дополнили начатый трудъ обработкой біологіи, изъ которой древнимъ была доступна только статика. Но, несмотря на необходимое отношеніе подчиненности, существующія между этими двумя науками ихъ весьма рѣзкое различіе и слишкомъ отдаленная связь препятствовали бы видѣть всю совокупность сдѣланной предварительной работы, если бы путемъ чрезвѣчнаго сокращенія попытались свести ее къ этимъ крайнимъ предѣламъ. Въ средніе вѣка химія начала образовывать между ними необходимую связь, которая позволила уже предвидѣть дѣйствительную единую спекулятивную систему, благодаря естественной послѣдовательности этихъ трехъ предварительныхъ наукъ, постепенно приводящей къ конечной наукѣ. Однако, химія, хотя весьма близкая къ біологіи, была недостаточна, какъ промежуточное звено, такъ какъ она слишкомъ далека отъ астрономіи, прямому вліянію которой она была обязана своими искусственными и даже нелѣпыми идеями, обреченными на кратковременное существованіе. Истинная іерархія элементарныхъ знаній могла поэтому быть обнаружена только въ предпоследній вѣкъ, когда собственно физика обогатилась новымъ отдѣломъ, разсматривающимъ явленія неорганическаго міра и примыкающимъ къ астрономіи своей наиболѣе общей частью, а къ химіи—наиболѣе спеціальной.

Чтобы надлежащимъ образомъ представить эту іерархію, достаточно теперь связать ее съ дѣйствительнымъ ея началомъ, восходя къ настолько простымъ и всеобщимъ умозрѣніямъ, что положительность ихъ представляется непосредственной и самопроизвольной. Таковъ важный характеръ чисто-математическихъ понятій, безъ которыхъ астрономія не могла бы зародиться. Они всегда составятъ въ образованіи отдѣльной личности, какъ они выполнили это назначеніе въ нашей коллективной эволюціи, позитивный отправной пунктъ; ибо они относятся къ умозрѣніямъ, которые при наиболѣе полномъ господствѣ теологическихъ воззрѣній, необходимо порождаютъ извѣстный систематическій подъемъ позитивнаго духа, распространяющійся затѣмъ мало-по-малу на предметы, вначалѣ ему совершенно недоступные.

На основаніи этихъ краткихъ указаній естественный рядъ основныхъ наукъ составитъ самъ собою, если расположить, согласно ихъ убывающей общности и возрастающей сложности, шесть главныхъ членовъ, истинныя взаимныя отношенія которыхъ тотчасъ при этомъ обнаруживаются. Но это расположение, очевидно, совпадаетъ съ классификаціей, устанавливаемой мось вышеупомянутой теоріей эволюціи. Эта теорія можетъ поэтому разсматриваться, съ статической точки зрѣнія, какъ прямое основаніе абстрактной систематизаціи, отъ которой, какъ мы только что видѣли, зависитъ синтезъ человѣчества въ цѣломъ. Установленная, такимъ образомъ, обычная систематизація необходимыхъ элементовъ всѣхъ нашихъ реальныхъ понятій даетъ уже дѣйствительную единую спекулятивную систему, осуществляя смутное желаніе Бэкона построить *scala intellectus* (интеллектуальную скалу), по которой наши мысли могли бы безъ затрудненія переходить отъ простѣйшихъ предмстовъ къ наиболѣе возвышеннымъ, или обратно, съ постояннымъ сознаніемъ ихъ внутренней естественной солидарности. Хотя каждая изъ этихъ шести главныхъ отраслей абстрактной философіи въ своей центральной части весьма отлична отъ двухъ прилегающихъ къ ней, она тѣсно примыкаетъ къ предшествующей своимъ началомъ и къ послѣдующей своимъ концомъ. Однородность и непрерывность этого построенія тѣмъ болѣе совершенны, что тотъ же принципъ классификаціи, въ своемъ болѣе специальномъ приложеніи, опредѣляетъ также истинное внутреннее распредѣленіе различныхъ теорій, составляющихъ каждую отрасль. Напримѣръ, три большія группы математическихъ наукъ: наука о числахъ, геометрія и механика, слѣдуютъ другъ за другомъ и согласованы между собою по тому же закону, на которомъ построена основная скала. Мой философскій трактатъ вполнѣ доказалъ, что подобная внутренняя гармонія существуетъ всюду. Общій рядъ составляетъ, такимъ образомъ, наиболѣе сжатое резюме самыхъ обширныхъ отвлеченныхъ размышленій; и, обратно, всѣ точныя спеціальныя изслѣдованія сводятся къ частичнымъ развитіямъ этой всеобщей іерархіи.

Хотя каждая часть требуетъ отдѣльныхъ индукцій, каждая, тѣмъ не менѣе, получаетъ отъ предшествующей ей дедуктивное вліяніе, которое всегда останется столь же необходимымъ для ея догматическаго построенія, какъ оно было сначала необходимо для ея историческаго развитія. Такимъ образомъ, всѣ предварительныя ученія готовятъ конечную науку, которая отнынѣ будетъ постоянно воздѣйствовать на ихъ систематическую разработку, проникая ее духомъ единства, всегда связаннымъ съ истиннымъ соціальнымъ чувствомъ. Эта необходимая дисциплина не можетъ стать стѣснительной, такъ какъ ея принципъ самопроизвольно согласовываетъ неизмѣнныя условія мудрой независимости съ условіями дѣйствительной взаимопомощи. Сверхъ того, подчиняя согласно своему построенію умъ общественности, наша энциклопедическая формула чрезвычайно способна стать популярной, такъ какъ она ставитъ всю систему умозрѣнія подъ опеку и подъ покровительство публики, которая обычно расположена умѣрять злоупотребленія разумомъ, невзбѣжныя для философовъ, вслѣдствіе ихъ исключительнаго занятія отвлеченными вопросами.

ГЛАВА XVII.

Возможность приступить къ социальному преобразованію.

Та же теорія, которая объясняетъ умственную эволюцію человѣчества, устанавливаетъ, такимъ образомъ, дѣйствительно окончательную систематизацію нашихъ элементарныхъ идей, благодаря чему устраняются существовавшія до сихъ поръ, въ большей или меньшей степени, противорѣчія между условіями гармоніи и движенія. Ея историческая способность и ея догматическая цѣнность взаимно другъ друга укрѣпляютъ; ибо дѣйствительная связь нашихъ понятій должна всегда исходить изъ ихъ послѣдовательныхъ превращеній, которыя, въ свою очередь, остались бы необъяснимыми безъ нея. Исторія и философія становятся, такимъ образомъ, нераздѣльными для всѣхъ здравыхъ умовъ.

Теорія, одновременно статическая и динамическая, выполняющая столько условій, можетъ, конечно, разсматриваться теперь, какъ способная построить единую спекулятивную систему на ея истинномъ объективномъ основаніи, хотя ея единство должно быть еще развито и упрочено, что возможно будетъ по мѣрѣ того, какъ ея основаніе будетъ все глубже изучаться. Но этотъ двойной прогрессъ долженъ въ дѣйствительности гораздо болѣе зависѣть отъ социального назначенія этого построенія, чѣмъ отъ бесполезнаго стремленія къ научному совершенству. Именно, руководя духовнымъ преобразованіемъ передовыхъ народовъ, абстрактная философія должна будетъ почувствовать потребность въ новомъ расширеніи или въ лучшей связи, въ особености тогда, когда требованія морали и политики вызовутъ изученіе новыхъ естественныхъ отношеній; такъ что знаніе никогда не будетъ слишкомъ опережать примѣненіе. Достаточно, чтобы это порождающаяся систематизація всѣхъ нашихъ реальныхъ умозрѣній была теперь настолько выработана, чтобы можно было непосредственно приступить къ синтезу чувствъ и даже дѣйствій, начиная съ систематизаціи позитивной морали, которая должна руководить окончательнымъ возрожденіемъ человѣчества. А мой основной трудъ, смѣю думать, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ немедленной возможности такого предпріятія, своевременность котораго будетъ доказана въ настоящемъ разсужденіи.

ГЛАВА XVIII.

Не нужно смѣшивать позитивизмъ съ атеизмомъ, матеріализмомъ, фатализмомъ или оптимизмомъ. Какъ атеизмъ, такъ и теологія стремятся разрѣшать неразрѣшимые вопросы.

Охарактеризовавъ достаточно общій духъ позитивизма, я долженъ теперь дать по этому предмету нѣсколько дополнительныхъ разъясненій, предназначенныхъ частью для предупрежденія, частью для исправленія грубыхъ ошибокъ, которые встрѣчаются

слишкомъ часто и слишкомъ опасны, чтобы я могъ обходить ихъ молчаніемъ; но я отнюдь не намѣреваюсь возражать на недобросовѣстные нападки.

Такъ какъ полное освобожденіе нашего міросозерцанія отъ вліянія теологій должно въ настоящее время составить необходимую подготовительную работу къ наступленію вполне позитивнаго образа мыслей, то это предварительное условіе заставляетъ многихъ поверхностныхъ наблюдателей искренно смѣшивать этотъ окончательный методъ мышленія съ чисто-отрицательнымъ направленіемъ, которое даже въ послѣднее столѣтіе имѣло истинно прогрессивный характеръ, но которое теперь въ рукахъ лицъ, считающихъ его неизмѣннымъ, обратилось въ серьезное препятствіе для всякаго социальнаго и даже умственнаго преобразованія. Хотя я уже давно торжественно отвергъ всякую солидарность какъ догматическую, такъ и историческую между истиннымъ позитивизмомъ и тѣмъ, что называютъ атеизмомъ, я, тѣмъ не менѣе, считаю необходимымъ дать здѣсь по поводу этого ложнаго мнѣнія еще нѣсколько краткихъ, но прямыхъ разъясненій.

Даже въ интеллектуальномъ отношеніи атеизмъ составляетъ только чрезвычайно неполное освобожденіе, такъ какъ онъ стремится безконечно удлинитъ метафизическое состояніе, безпрерывно ища новыхъ рѣшеній теологическихъ проблемъ, вмѣсто того, чтобы разъ навсегда отказать отъ всѣхъ недоступныхъ изслѣдованій, какъ совершенно бесполезныхъ. Истинный позитивный духъ состоитъ преимущественно въ замѣнѣ изученія первыхъ или конечныхъ причинъ явленій изученіемъ ихъ непреложныхъ законовъ; другими словами—въ замѣнѣ слова почему словомъ какъ. Онъ поэтому несомнѣнъ съ горделивыми мечтаніями туманнаго атеизма о созданіи вселенной, о происхожденіи животныхъ и т. д. Въ своей общей оцѣнкѣ, нашихъ различныхъ умственныхъ состояній позитивизмъ, не колеблясь, ставитъ эти ученые химеры, даже въ отношеніи рациональности, значительно ниже самопроизвольныхъ вѣрованій человѣчества. Ибо теологическій принципъ, состоящій въ объясненіи всего хотѣніями, можетъ быть вполне изгнанъ только тогда, когда, признавъ недоступнымъ всякое изслѣдованіе причинъ, мы ограничиваемся познаніемъ законовъ. Пока же мы упрямо стремимся разрѣшать вопросы, свойственные нашему младенчеству, у насъ имѣется слишкомъ мало основаній отбросить наивный методъ, который къ нимъ примѣняло наше воображеніе и который па самомъ дѣлѣ одинъ только и соответствуетъ ихъ природѣ.

Эти самопроизвольныя вѣрованія могли окончательно исчезнуть только по мѣрѣ того, какъ человѣчество, лучше просвѣщенное о своихъ средствахъ и потребностяхъ, безвозвратно измѣняло общее направленіе своихъ постоянныхъ изслѣдованій. Когда мы хотимъ проникнуть въ неразрѣшимую тайну сущности происхожденія явленій, то мы не можемъ придумать ничего болѣе удовлетворительнаго, какъ приписать ихъ внутреннимъ или внѣшнимъ хотѣніямъ, уподобляя ихъ, такимъ образомъ, повседневному проявленіямъ волнующихъ насъ страстей. Только метафизическая или паучья гордость древнихъ или современныхъ атеистовъ могла ихъ убѣдить въ томъ, что ихъ смутныя гипотезы объ этомъ предметѣ дѣйствительно стоятъ выше того непосредственнаго уподобленія, которое должно было исключительно удовлетворять нашъ умъ, пока не были признаны полное ничтожество и совершенная бесполезность всякаго исканія абсолютнаго.

Хотя естественный порядокъ во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно несовершененъ, его возникновеніе, тѣмъ не менѣе, гораздо лучше согласуется съ предположеніемъ разумной воли, чѣмъ съ теоріей слѣпного механическаго мірозданія. Поэтому закоренѣлыхъ атеистовъ можно разсматривать какъ самыхъ непослѣдовательныхъ теологовъ, такъ какъ они занимаются тѣми же вопросами, отбросивъ единственно годный для нихъ методъ.

Впрочемъ, чистый атеизмъ наблюдается даже теперь весьма рѣдко. Чаще всего подъ этимъ названіемъ разумѣютъ видъ пантеизма, который въ сущности представляетъ собой не что иное, какъ научное попятное движеніе къ смутному и отвлеченному идолопоклонству, откуда могутъ возродиться въ новыхъ формахъ всѣ богословскія состоянія, когда дается полный просторъ метафизическимъ заблужденіямъ.

Такой образъ мыслей, сверхъ того, показываетъ, что лица, считающія его окончательнымъ, слишкомъ преувеличенно или даже несправедливо оцѣниваютъ интеллектуальныя потребности и имѣютъ весьма несовершенное понятіе о моральныхъ и социальныхъ потребностяхъ. Чаще всего онъ сочетается съ опасными утопіями о мшимомъ царствѣ разума. Въ области нравственности его догматы какъ бы освѣщаютъ неблагородные софизмы современной метафизики объ абсолютномъ господствѣ эгоизма. Въ политикѣ онъ прямо стремится удлинить до безконечности революціонное состояніе, благодаря слѣпой ненависти ко всему прошлому, которую онъ внушаетъ, препятствуя всякой истинно-позитивной оцѣнкѣ прошедшаго, способной открыть намъ будущее человѣчества. Поэтому въ борьбѣ съ позитивизмомъ атеизмъ можетъ теперь рассчитывать только на тѣхъ лицъ, у которыхъ онъ является лишь временнымъ состояніемъ, послѣднимъ и наименѣе продолжительнымъ изъ всѣхъ метафизическихъ состояній. Такъ какъ наблюдаемое нынѣ широкое распространеніе научнаго направленія значительно облегчаетъ этотъ послѣдній переходъ, то лица, не совершившія его произвольно до достиженія ими зрѣлаго возраста, обнаруживаютъ своего рода умственное безсиліе, часто связанное съ моральнымъ убожествомъ и весьма плохо согласимое съ позитивизмомъ.

Въ виду того, что чисто-отрицательныя связи всегда слабы и недолговѣчны, современная философія не можетъ болѣе довольствоваться непризнаніемъ единобожія, многобожія или идолопоклонства, непризнаніемъ, которое никто не станетъ считать достаточнымъ, чтобы имъ мотивировать сближеніе съ другимъ ученіемъ. Подобное подготовленіе, въ сущности, имѣло значеніе только для тѣхъ, которые должны были изъять на себя починъ въ коренномъ обновленіи человѣчества. Оно уже болѣе не необходимо, такъ какъ дряхлость стараго міропониманія не оставляетъ никакого сомнѣнія въ необходимости преобразованія. Стойкое анархическое направленіе, по преимуществу характеризующее атеизмъ, отнынѣ болѣе неблагоприятно для преобладанія органическаго духа, чѣмъ могло бы быть искреннее сохраненіе старыхъ обычаевъ. Ибо это послѣднее уже болѣе не мѣшаетъ правильному и прямому пониманію основнаго вопроса, и даже способствуетъ ему, обязывая новую философію нападать на остатки вѣрованія лишь постольку, поскольку она способна лучше удовлетворить всѣ моральныя и социальные потребности. Виѣсто этого спасительнаго соревнованія, позитивизмъ встрѣчаетъ теперь лишь бесплодное противодѣйствіе со стороны атеизма, исповѣдуемаго многими метафизиками и учеными, анти-теологи-

ческія настроенія которыхъ приводятъ ихъ только къ безусловному стремленію препятствовать преобразованію, которое они въ извѣстныхъ отношеніяхъ подготовили въ прошломъ вѣкѣ.

Итакъ, позитивизмъ не только не можетъ рассчитывать на поддержку современныхъ атеистовъ, но долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ естественныхъ противниковъ; впрочемъ, недостаточная прочность ихъ воззрѣній позволяетъ легко привлечь тѣхъ изъ ихъ среды, у которыхъ заблужденія не обусловлены преимущественно гордостью.

Г Л А В А XIX.

Матеріализмъ стремится подчинить высшія науки низшимъ. Позитивизмъ исправляетъ эту ошибку.

Для новой философіи весьма важно снять съ себя обвиненіе въ матеріализмѣ, обвиненіе, вмѣняемое ей благодаря необходимой для нея предварительной научной обоснованности. Отказываясь отъ всякаго бесполезнаго обсуждения непроницаемыхъ тайнъ, моя основная теорія человѣческой эволюціи позволяетъ мнѣ ясно опредѣлить реальную сущность этихъ смутныхъ споровъ.

Такъ какъ позитивный духъ былъ долгое время ограниченъ простѣйшими наслѣдованіями и могъ распространиться на болѣе важныя только проходя съ самопроизвольной послѣдовательностью промежуточные ступени, то каждое новое его пріобрѣтеніе должно было сначала совершаться подъ чрезмѣрнымъ вліяніемъ методовъ и доктринъ предыдущей области. Въ этомъ преувеличеніи и состоитъ, на мой взглядъ, научное заблужденіе, которое публика инстинктивно и не безъ основанія называетъ матеріализмомъ, такъ какъ послѣдній, дѣйствительно, всегда стремится унизить самыя возвышенныя сужденія, уподобляя ихъ самымъ примитивнымъ. Это направленіе было тѣмъ болѣе неизбежно, что всюду оно покоится на необходимой зависимости менѣе общихъ явленій отъ болѣе общихъ, изъ чего вытекаетъ законное дедуктивное вліяніе, благодаря которому каждая наука участвуетъ въ непрерывной эволюціи слѣдующей за ней науки, спеціальныя индукціи которой не могли бы иначе пріобрѣсти достаточной раціональности. Поэтому каждая наука должна была долгое время бороться противъ захватовъ предыдущей, и эта борьба существуетъ еще и теперь даже между наиболѣе древними науками. Она совершенно прекратится только тогда, когда всѣ науки подчинятся дисциплинѣ здравой философіи, которая всюду доставитъ преобладаніе справедливому пониманію истинныхъ энциклопедическихъ отношеній, столь плохо оцѣниваемыхъ современнымъ эмпиризмомъ.

Въ этомъ смыслѣ матеріализмъ представляетъ опасность, нераздѣльную съ пріобрѣтеніемъ къ наукѣ въ той его формѣ, въ какой оно должно было до сихъ норъ совершаться, а именно, когда каждая наука стремится поглотить слѣдующую за ней по праву болѣе древней и лучше установленной позитивности. Зло лежитъ, такимъ

образомъ, гораздо глубже и распространено шире, чѣмъ это думаютъ тѣ, которые на него жалуются. Оно замѣчается теперь только по отношенію къ наиболѣе высокимъ умозрѣніямъ, на которыхъ оно, дѣйствительно, болѣе всего отражается, такъ какъ они страдаютъ отъ захватовъ всѣхъ другихъ наукъ; но оно существуетъ также для любого элемента нашей научной іерархіи, не исключая ся математическаго основанія, которое, на первый взглядъ, кажется отъ него естественно избавленнымъ. Истинный философъ видитъ матеріализмъ въ стремленіи современныхъ заурядныхъ математиковъ подчинить исчисленію геометрію или механику, какъ въ болѣе явномъ захватѣ физики всѣми математическими науками, или химіи физикой, въ особенности біологіи химіей и, наконецъ, въ неизмѣнной склонности выдающихся біологовъ разсматривать социальную науку просто какъ слѣдствіе или добавленіе къ біологіи. Всюду мы видимъ одинъ и тотъ же коренной порокъ—злоупотребленіе дедуктивной логикой—и одинъ и тотъ же необходимый результатъ—неизбѣжное подчиненіе высшихъ наукъ слѣпому господству низшихъ.

Такимъ образомъ, всѣ истинные ученые въ настоящее время болѣе или менѣе матеріалисты, въ зависимости отъ большей или меньшей простоты и общности изучаемыхъ ими явленій. Геометры болѣе другихъ склонны къ этому заблужденію, въ виду ихъ невольнаго стремленія класть въ основаніе ностроенія единой умозрительной системы самыя грубыя умозрѣнія: числовыя, геометрическія или механическія. Но біологи, которые наиболѣе энергично возстаютъ противъ такого захвата, въ свою очередь, заслуживаютъ тѣхъ же упрековъ, когда они, напримѣръ, претендуютъ все объяснить въ социологіи чисто-второстепенными вліяніями климата и расы, ибо они не считаются при этомъ съ основными законами, которые могутъ быть раскрыты только съ помощью историческихъ индукцій.

Эта философская оцѣнка матеріализма объясняетъ одновременно естественный источникъ и глубокую несправедливость грубой ошибки, которую я стараюсь здѣсь окончательно исправить. Далеко не благопріятствуя подобнымъ опаснымъ заблужденіямъ, позитивизмъ, напротивъ, одинъ только можетъ ихъ совершенно устранить, благодаря своей исключительной способности воздавать должное законнымъ стремленіямъ, эмпирическимъ преувеличеніемъ которыхъ являются эти заблужденія. До сихъ поръ зло сдерживалось только самопроизвольнымъ сопротивленіемъ теологико-метафизическаго духа; и эта временная функція составляла необходимое, хотя и недостаточное, назначеніе собственно спиритуализма. Но такія препятствія не могли мѣшать энергичному наступленію матеріализма, облеченнаго въ глазахъ современныхъ мыслящихъ людей въ нѣкоторый прогрессивный характеръ, благодаря его долгой связи съ справедливымъ возмущеніемъ челоувѣчества противъ міросозерцанія, ставшаго ретрограднымъ. Поэтому, несмотря на эти безсильные протесты, притѣснительное господство низшихъ теорій наноситъ теперь значительный ущербъ независимости и достоинству высшихъ наукъ. Удовлетворяя несравнимо лучше, чѣмъ это раньше было возможно, всему тому, что есть законнаго въ противоположныхъ притязаніяхъ матеріализма и спиритуализма, позитивизмъ безвозвратно изгоняетъ оба направленія, одно какъ анархическое, другое какъ ретроградное.

Эта двойная услуга позитивизма самопроизвольно вытекаетъ изъ созданія истинной энциклопедической іерархіи, обеспечивающей каждой элементарной наукѣ

свободное индуктивное развитіе, не нарушая ея дедуктивнаго подчиненія. Но этимъ основнымъ примиреніемъ мы будемъ, въ особенности, обязаны всеобщему логическому и научному преобладанію, которое новая философія одна только можетъ доставить соціальной точкѣ зрѣнія. Когда, такимъ образомъ, первое мѣсто отводится наиболѣе благороднымъ умозрѣніямъ, для которыхъ матеріалистическая тенденція самая опасная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также самая неизбежная, то она прямо представляется не менѣе отсталой, чѣмъ спиритуалистическая, такъ какъ обѣ онѣ одинаково препятствуютъ обработкѣ конечной науки. Тѣмъ самымъ исключеніе обѣихъ тенденцій оказывается даже связаннымъ съ совокупностью соціальнаго преобразованія, которымъ можетъ руководить только точное познаніе естественныхъ законовъ, присущихъ моральнымъ и политическимъ явленіямъ.

Мы въскорѣ представится случай дать также попятъ, насколько соціологическій матеріализмъ въ настоящее время вредитъ соціальному искусству, такъ какъ онъ склоненъ не признавать самого основного принципа послѣдняго, именно систематическаго раздѣленія власти на духовную и свѣтскую, раздѣленія, которое теперь особенно важно сдѣлать ненарушимымъ, возсоздавая на лучшихъ основаніяхъ удивительное построеніе среднихъ вѣковъ. Мы убѣдимся такимъ образомъ, что позитивизмъ глубоко противоположенъ матеріализму не только по своему философскому характеру, но и по своему политическому назначенію.

Чтобы сдѣлать эту краткую оцѣнку одновременно болѣе безпристрастной и болѣе рѣшительной, я нарочно устранилъ тяжкія моральныя обвиненія, возводимыя обыкновенно на матеріализмъ. Эти обвиненія, столь часто отвергаемыя опытомъ, па самомъ дѣлѣ противорѣчатъ, даже когда они искренни, истинной теоріи человѣческой природы, такъ какъ наши здравыя или неправильныя воззрѣнія, къ счастью, неспособны оказывать на наши чувства и наше поведеніе того абсолютнаго вліянія, которое имъ обычно приписывается. Благодаря ихъ временной связи съ общимъ прогрессивнымъ движеніемъ, матеріалистическія заблужденія современныхъ людей, напротивъ, часто сопровождались великодушными побужденіями. Но, помимо того, что эта временная солидарность уже прекратилась, слѣдуетъ теперь признать, что, даже въ лучшихъ случаяхъ, эта интеллектуальная тенденція всегда до извѣстной степени задерживала самопроизвольный прогрессъ нашихъ наиболѣе благородныхъ инстинктовъ, такъ какъ она была склонна устранить или неправильно понимать аффективные явленія, недоступныя для ея грубыхъ гипотезъ. Весьма убѣдительнымъ примѣромъ такого вліянія матеріализма служить печальный приговоръ, вынесенный знаменитымъ Кабанисомъ средневѣковому рыцарству ¹⁾. Хотя сердце этого философа

¹⁾ Кабанисъ, «Rapports du physique et du moral de l'homme». Заключение: «У мемуара «О вліяніи половъ на идеи и нравственность»: «Два обстоятельства способствовали тому, что любовь у современныхъ народовъ подъ вліяніемъ искусственной экзальтаціи приняла уродливыя формы. Я имѣю въ виду, во-первыхъ, тѣ мало искусныя преграды, которыя родители или гражданскія учрежденія создаютъ....; и разумію здѣсь, во-вторыхъ, отсутствіе истинно великаго интереса и праздности зажиточныхъ классовъ въ монархическихъ государствахъ. Къ этому можно добавить остатки духа рыцарства, безсмысленнаго плода гнуснаго феодальнаго строя, и родъ заговора талантливыхъ людей направлять всю человѣческую энергію на мотовство, которое содѣйствовало бы окончательному порабоженію народовъ».

было столь же чисто, и даже столь же вѣжно, какъ умъ его былъ возвышенъ и обширенъ, тѣмъ не менѣе, его матеріалистическія воззрѣнія помѣшали ему оцѣнить по достоинству дивную организацію культа женщины, созданную нашими энергичными предками.

Это рѣшительное устраненіе двухъ главныхъ обвиненій, естественнымъ образомъ направляемыхъ теперь по адресу систематическаго позитивизма вслѣдствіе его первоначальной солидарности съ эмпирическимъ позитивизмомъ, избавляетъ меня отъ необходимости долго останавливаться на частыхъ упрекахъ въ фатализмъ и оптимизмъ, несправедливость которыхъ гораздо легче показать.

Г Л А В А XX.

Позитивизмъ не вѣритъ въ неизбѣжность судьбы: онъ поддерживаетъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ и долженъ видоизмѣнять внѣшній порядокъ.

Не нужно удивляться тому, что съ момента зарожденія реальныхъ теорій фатализмъ всегда сопровождалъ каждое новое завоеваніе позитивизма. Когда какія-либо явленія переходятъ изъ-подъ опеки хотѣній, даже видоизмѣненныхъ въ сущности, подъ управленіе законовъ, то контрастъ между ихъ правильностью въ послѣднемъ случаѣ и первоначальнымъ непостоянствомъ долженъ, на самомъ дѣлѣ, сначала внушить мысль о предопредѣленіи, которая можетъ затѣмъ быть опровергнута только посредствомъ глубокой оцѣнки въ истинно научномъ духѣ. Эта ошибка тѣмъ болѣе неизбежна, что пашъ первоначальный типъ естественныхъ законовъ относится къ неизмѣннымъ для насъ явленіямъ небесныхъ движеній, говорящимъ намъ всегда о существованіи безусловной необходимости, которая затѣмъ невольно распространяется на болѣе сложныя явленія, по мѣрѣ того, какъ къ нимъ примѣняется позитивный методъ. Нужно даже признать, что догматъ позитивизма предполагаетъ всюду строгую непреложность основного порядка, самопроизвольныя или искусственныя измѣненія котораго могутъ быть всегда лишь второстепенными или временными. Ибо считать, что послѣднія не ограничены никакими предѣлами, было бы равносильно полному отрицанію естественныхъ законовъ.

Но, если, такимъ образомъ, понятна неизбѣжность обвиненія въ фатализмъ, направляемаго всегда по адресу новыхъ позитивныхъ теорій, то равнымъ образомъ очевидно, что слѣное настаиваніе на подобномъ упрекѣ указываетъ теперь на весьма поверхностную оцѣнку истиннаго позитивизма. Ибо если для всѣхъ явленій естественный порядокъ неизмѣненъ въ своихъ главныхъ состояніяхъ, то также для всѣхъ, за исключеніемъ небесныхъ, его второстепенныя состоянія тѣмъ болѣе доступны измѣненію, чѣмъ они сложнѣе.

Позитивный духъ, по необходимости признающій предопредѣленіе, пока онъ ограничивается математико-астрономическими теоріями, немедленно теряетъ свой первоначальный характеръ, какъ только онъ начинаетъ распространяться на физико-химическія изслѣдованія и, въ особенности, на біологическія умозрѣнія, гдѣ измѣне-

пія могутъ быть столь значительны. Поднявшись, наконецъ, до области обществовѣдѣнія, онъ окончательно освобождается отъ упрека, который онъ заслуживалъ въ эпоху своего младенчества, такъ какъ отнынѣ онъ будетъ, главнымъ образомъ, заниматься явленіями наиболѣе видоизмѣняемыми, въ особенности, посредствомъ нашего вѣщательства.

Итакъ, очевидно, что догматы позитивизма ведутъ насъ не къ оцѣпенѣнію, а къ дѣятельности, преимущественно социальной, гораздо вѣрнѣе, чѣмъ это могъ когда-либо сдѣлать теологическій догматъ. Разсѣивая напрасныя опасенія и несбыточные надежды на помощь, онъ удерживаетъ насъ отъ вѣщательства въ ходъ вещей только въ случаѣ безусловной невозможности.

Г Л А В А XXI.

Позитивизмъ не говоритъ, что все къ лучшему въ этомъ мірѣ: историческіе факты онъ разсматриваетъ относительно, но не оправдываетъ всѣхъ.

Обвиненіе въ оптимизмѣ еще менѣе обосновано, чѣмъ предыдущее; ибо эта тенденція не имѣетъ, подобно фатализму, нѣкоторой первоначальной солидарности съ позитивнымъ направленіемъ. Ея источникъ, напротивъ, чисто-теологическій; ея вліяніе иадеаетъ съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ позитивизмъ развивается.

Хотя неизмѣнныя небесныя явленія естественно внушаютъ намъ идею совершенства въ той же степени, какъ и идею необходимости, ихъ простота, однако, обнаруживаетъ столько недостатковъ естественнаго порядка, что оптимизмъ врядъ ли сталъ бы искать въ нихъ главную точку опоры, если бы первая разработка ихъ теорій не совершалась при господствѣ монотенистическихъ воззрѣній, заставившихъ предполагать проявленіе въ нихъ абсолютной мудрости. Основываясь на теоріи эволюціи, на которую опирается теперь систематическій позитивизмъ, новая философія самопроизвольно и все болѣе и болѣе выступаетъ и противъ оптимизма, и противъ фатализма, по мѣрѣ того, какъ она охватываетъ болѣе сложные умозрѣнія, въ которыхъ становятся замѣтны какъ несовершенства естественнаго устройства, такъ и его видоизмѣненія. Поэтому какъ это обвиненіе, такъ и предыдущее менѣе всего умѣстны по отношенію къ социальнымъ теоріямъ. Если въ пользу нихъ все же какъ-будто находятся кой-какіе доводы, то въ настоящее время это объясняется тѣмъ, что мыслители, разрабатывавшіе эту область, не могли хорошо знать ея природу и условія, такъ какъ не были достаточно проникнуты истинно научнымъ духомъ. Благодаря отсутствію надлежащей логической подготовки, ученые въ наши дни дѣйствительно часто злоупотребляли особеннымъ характеромъ социальныхъ явленій и представляли абсолютнымъ ихъ самопроизвольный мудрый ходъ, который, правда, выше плановѣрности, допускаемой ихъ степенью сложности. Но поскольку эти явленія обусловлены разумными существами, постоянно стремящимися исправлять недостатки своего коллективнаго устройства, они и должны представлять болѣе совершенный порядокъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы при той же степени сложности

ихъ дѣйствующія силы были бы слѣпы. Такъ какъ истинное понятіе добра всегда относится къ соотвѣтствующему социальному состоянію, то немислимо, чтобы какое-либо положеніе вещей или измѣненіе не могли въ извѣстныхъ отношеніяхъ найти себѣ оправданія, безъ котораго они были бы необъяснимы, какъ противорѣчація природѣ людей данной эпохи и характеру событій.

Таковы мотивы, поддерживающіе въ настоящее время опасное стремленіе къ политическому оптимизму даже у наиболѣе выдающихся мыслителей, которые, не получивъ строго научнаго образованія, не въ силахъ окончательно освободиться отъ теологико-метафизическихъ привычекъ по отношенію къ наиболѣе высокимъ умозрѣніямъ. Въ самопроизвольной гармоніи между каждымъ социальнымъ строемъ и соотвѣтствующимъ состояніемъ цивилизаціи, они, благодаря неточности опредѣленія, видятъ несуществующее совершенство. Но было бы несправедливо приписывать позитивизму заблужденія, очевидно несовмѣстимыя съ его дѣйствительнымъ направленіемъ и обусловленные исключительно недостаточной логической и научной подготовкой тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ разрабатывали социальные вопросы. Обязанность все объяснять приводитъ къ оправданію всего только тѣхъ ученыхъ, которые въ социологіи не умѣютъ отличать вліяніе лицъ отъ вліянія положеній.

ГЛАВА XXII.

Различныя значенія слова „позитивное“: относительное, органическое, точное, достовѣрное, полезное, дѣйствительное. Позже оно получить также моральное значеніе.

Разсматривая въ цѣломъ эту краткую оцѣнку основнаго направленія позитивизма, не трудно теперь понять, что всѣ характерныя черты новой философіи естественно резюмируются въ наименованіи, которое я ей далъ при ея зарожденіи.

Дѣйствительно, на всѣхъ западныхъ языкахъ словомъ *позитивное* и двумя производными отъ него словами обозначаются два свойства—реальность и полезность, сочетаніе которыхъ достаточно для опредѣленія истинно-философскаго духа, который, въ сущности, можетъ быть только обобщеннымъ и систематизированнымъ здравымъ смысломъ. Этотъ же терминъ напоминаетъ на всемъ Западѣ два качества—достоверность и точность, которыми современное мышленіе глубоко отличается отъ древняго. Последнее всѣми признанное свойство преимущественно характеризуетъ чисто-органическую тенденцію позитивнаго духа и тѣмъ отдѣляетъ его, несмотря на существовавшую первоначально связь, отъ просто метафизическаго духа, который всегда могъ быть только критическимъ: въ этомъ сказывается социальное назначеніе позитивизма, именно замѣнять теологію въ духовномъ направленіи человечества.

Это пятое значеніе существеннаго термина здравой философіи естественнымъ образомъ приводитъ къ относительному характеру новаго интеллектуальнаго направленія, такъ какъ современный умъ сможетъ отказаться отъ критическаго отношенія къ прошлому только тогда, когда онъ откажется отъ всякаго абсолютнаго принципа.

Когда публика на Западѣ пойметъ это послѣднее, не менѣ реальное, хотя болѣе скрытое соотношеніе, позитивное станетъ всюду неотдѣлимо отъ относительнаго, какъ оно теперь неразрывно связано съ органическимъ, точнымъ, достовѣрнымъ, полезнымъ и дѣйствительнымъ.

Когда эти главные качества истинной человѣческой мудрости постепенно соединятся въ одномъ удачномъ наименованіи, останется только пожелать по необходимости болѣе поздняго присоединенія къ нимъ моральныхъ свойствъ. Хотя эта формула до сихъ поръ обнимала только простыя интеллектуальныя черты, однако, естественный ходъ современнаго умственнаго движенія позволяетъ надѣяться, что слово позитивное въ конечномъ итогѣ приметъ характеръ, еще болѣе относящійся къ сердцу, чѣмъ къ разуму. Это послѣднее расширеніе совершится тогда, когда будетъ надлежащимъ образомъ понято, что позитивный импульсъ, именно въ силу реальности, единственно характеризовавшей его вначалѣ, долженъ привести теперь къ систематическому преобладанію чувства надъ разумомъ и даже надъ дѣятельностью. Благодаря такому превращенію философія вновь получить свое первоначальное благородное назначеніе, соответствующее этимологическому значенію этого слова (любовь мудрости); это станетъ осуществимымъ только благодаря примиренію моральныхъ и умственныхъ условій въ окончательномъ построеніи истинной соціальной науки.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соціальное назначеніе позитивизма, вытекающее изъ необходимой связи его со всей великой западной революціей.

ГЛАВА I.

Связь между французской революціей и позитивизмомъ.

Такъ какъ позитивная философія преимущественно характеризуется преобладаніемъ въ ея міропониманіи соціальной точки зрѣнія, то ея практическая пригодность естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ ея собственного теоретическаго строенія, которое, будучи хорошо понято, позволяетъ безъ затрудненія систематизировать дѣйствительную жизнь, а не ограничивается доставленіемъ намъ удовлетворенія чисто-созерцательнаго свойства. Съ другой стороны, это естественное примѣненіе ея значительно укрѣпляетъ ея истинный умозрительный характеръ, напоминая всегда о необходимости сосредоточить всѣ научныя силы на одной конечной цѣли, сдерживая, такимъ образомъ, по возможности обычную склонность отвлеченныхъ изслѣдованій вырождаться въ праздныя умствованія.

Но эта общая связь не была бы достаточно сильна, чтобы доставить теперь первенство столь новому и столь сложному образу мыслей, если бы все современное положеніе вещей не налагало отнынѣ на философію новую, болѣе опредѣленную обязанность—удовлетворять огромную соціальную потребность; это назначеніе философіи должно будетъ непосредственно привлечь интересъ публики къ ея теоретическимъ успѣхамъ, и ея прочность окажется, такимъ образомъ, не менѣе обезпеченной, чѣмъ ея достоинство. Поэтому, разсмотрѣвъ позитивизмъ какъ необходимый продуктъ умственнаго движенія, я долженъ теперь указать его политическое назначеніе, такъ какъ безъ этого указанія его нельзя надлежащимъ образомъ оцѣнить.

Чтобы ясно опредѣлить сущность этого назначенія, достаточно дать здѣсь хорошо понять тѣсную связь новой философіи со всей великой революціей, которая вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ ¹⁾ глубоко волнуетъ передовую часть человѣчества,

¹⁾ Настоящее сочиненіе написано Коптомъ въ 1848 г.

являясь конечнымъ результатомъ рѣшительнаго перехода, постепенно совершившагося въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ.

Этотъ кризисъ естественно долженъ былъ имѣть двѣ главныя фазы: одну отрицательную, закончившуюся на нашихъ глазахъ и навсегда разрушившую старую систему, не давъ, однако, еще опредѣленнаго и твердаго понятія о новомъ социальномъ состояніи; другую—положительную, которая уже началась и которая завершитъ основную разработку новой системы. Здравая философія должна была явиться послѣднимъ продуктомъ первой части кризиса и призвана отнынѣ руководить второй его частью; такова двойная связь позитивизма съ великой революціей, связь, которую мыъ предстоитъ здѣсь разсмотрѣть.

Г Л А В А II.

Отрицательная или разрушительная фаза революціи благоприятствовала идее прогресса и, слѣдовательно, изученію социальныхъ явленій.

Умственная реакція, наступившая вслѣдъ за великой революціей, имѣла то важное значеніе, что только благодаря ей человѣческій разумъ могъ съ неослабной энергіей устремиться къ созданію новой системы, истинная природа которой была скрыта для наиболѣе выдающихся мыслителей восемнадцатаго вѣка бесполезными обломками стараго строя. Это рѣшительная реакція была, въ особенности, необходима для построенія социальной науки, такъ какъ она уясняетъ истинную идею человѣческаго прогресса, которая служитъ основаніемъ социальной науки и которая иначе не могла бы занять господствующаго положенія.

Въ древности, когда порядокъ вещей считался неизмѣннымъ, могла появиться только предварительная теорія социальной науки, и великій Аристотель удивительнымъ образомъ ее обработалъ; подобно тому, какъ въ области біологіи чисто-статическія умозрѣнія рождались тогда безъ всякаго динамическаго понятія. Всякая же дѣйствительная идея социального прогресса по необходимости была чужда древнимъ философамъ, ибо они не имѣли передъ глазами удовлетворительной исторической картины непрерывнаго прогресса человѣчества.

Въ средніе вѣка этотъ прогрессъ сталъ настолько яснымъ, что могло зародиться, въ началѣ инстинктивно, понятіе о нашей способности совершенствоваться; это случилось, благодаря существовавшему тогда всеобщему убѣжденію въ превосходствѣ католицизма надъ политеизмомъ и иудаизмомъ, даже раньше, чѣмъ установленіе феодальнаго режима на развалинахъ римскаго строя дополнило духовную оцѣнку подтвержденіемъ гражданскаго свойства. Какъ бы смутно ни было это первоначальное чувство человѣческаго прогресса, оно все же обладало энергіей въ высокой степени и было довольно широко распространено, но оно значительно ослабло во время теологико-метафизической распри. Чтобы понять дѣйствительное начало прогрессивнаго стремленія, отличающаго великую семью западныхъ народовъ и удержавшаго ихъ отъ многихъ научныхъ заблужденій, нужно будетъ всегда восходить

къ этой эпохѣ, особенно къ тому времени, когда метафизика протестантовъ или деистовъ наименѣе искажала благородныя чувства среднихъ вѣковъ.

Но какъ бы было необходимо это первоначальное мнѣніе, оно, конечно, не могло быть достаточнымъ для построенія основной теоріи человѣческаго прогресса. Ибо, чтобы составить какую-либо прогрессію нужно имѣть, по крайней мѣрѣ, три члена, а тогда можно было составить только два, именно, сравнивать средніе вѣка съ древностью. Сверхъ того, абсолютный характеръ теологической философіи, руководившей эгимъ первымъ сравненіемъ мѣшалъ даже предположить существованіе третьяго члена, такъ какъ эта философія считала католическо-феодальный режимъ въ высшей степени совершеннымъ, уступающимъ развѣ только религіозной утопіи о будущей жизни.

Когда теологія пала настолько, чтобы не представлять препятствія въ этомъ отношеніи для воображенія современнаго человѣка, то это паденіе сначала повлекло за собой родъ умственной реакціи, которая долгое время была неблагоприятна для первой разработки идеи прогресса и выражалась въ слѣпой ненависти къ среднимъ вѣкамъ. Почти всѣ мыслители презирали господствовавшія тогда вѣрованія и были охвачены перазумнымъ восхищеніемъ къ древности до того, что совершенно отрицали превосходство сѣднѣвѣковаго соціального строя, нѣкоторое дѣйствительное пониманіе котораго сохранилось только среди необразованной массы и, въ особенности, у народовъ, не принявшихъ протестантства.

Идея прогресса начала занимать умы современныхъ народовъ только, когда она возродилась въ новой формѣ въ серединѣ семнадцатаго столѣтія, благодаря завершенію элементарной эволюціи, которая была произведена избранной частью человѣчества въ чаукахъ и промышленности и даже, хотя менѣе явно, въ области изящныхъ искусствъ. Но, несмотря на то, что эти частичныя научныя пріобрѣтенія дѣйствительно явились первымъ непосредственнымъ источникомъ систематическихъ понятій нашего вѣка о человѣческомъ прогрессѣ, они, однако, никоимъ образомъ не могли указывать на прогрессъ въ соціальномъ положеніи; онъ оставался даже болѣе сомнительнымъ, чѣмъ въ средніе вѣка; а между тѣмъ, соціальныя вопросы важнѣе всѣхъ этихъ спеціальныхъ точекъ зрѣнія.

Революціонное потрясеніе, рѣшительно толкнувшее Францію, представляющую собой нормальный центръ Запада, на путь полнаго преобразованія, было, такимъ образомъ, необходимо для построенія этой прогрессіи; оно указывало, по крайней мѣрѣ въ отдаленной и туманной перспективѣ, на третій существенно важный членъ, истинный обравъ новаго порядка, сравненіе котораго съ средними вѣками ознаменовало собой такой же общій и смѣлый шагъ, какъ тотъ, который совершили наши предки рыцарской эпохи подъ вліяніемъ справедливаго сознанія превосходства ихъ соціального строя надъ общественнымъ порядкомъ древнихъ народовъ.

Пока католико-феодальный режимъ не былъ окончательно уничтоженъ, его гордые обломки скрывали политическое будущее, лишая возможности составить ясное представленіе о непрерывномъ прогрессѣ обществённости. Въ силу особенности, свойственной социальнымъ явленіямъ, зрѣлище должнъ здѣсь развиваться одновременно съ зрителемъ. До начала великаго кризиса политическая эволюція, способная служить экспериментальнымъ основаніемъ для теоріи прогресса, оставалась, можно сказать,

еще настолько неполной, что умъ не былъ въ состояніи ее оцѣнить. Сто лѣтъ тому назадъ наиболѣе выдающіеся мыслители на самомъ дѣлѣ не могли реально представить себѣ непрерывный поступательный ходъ человѣчества, и оно имъ казалось обреченнымъ на круговое или колебательное движеніе. Но подъ влияніемъ революціи дѣйствительный инстинктъ человѣческаго прогресса самостоятельно и болѣе или менѣе рѣшительно пробудился у всѣхъ здравомыслящихъ людей сначала во Франціи, а затѣмъ и на всемъ Западѣ.

Итакъ, именно этому спасительному потрясенію мы обязаны силой и смѣлостью, позволившими намъ создать себѣ понятіе, на которомъ по необходимости покоится истинная социальная наука и, слѣдовательно, вся позитивная философія, которая стала всеобщей только благодаря этой наукѣ. Безъ теоріи прогресса, теорія порядка была бы недостаточной, даже если была бы допущена возможность построить на ней социологію, которая можетъ вытекать лишь изъ тѣснаго сочетанія этихъ двухъ теорій; потому что прогрессъ, во всѣхъ отношеніяхъ, есть не что иное какъ развитіе порядка и является также его единственнымъ и рѣшительнымъ показателемъ. Поэтому понятно, насколько позитивная философія непосредственно вытекаетъ изъ французской революціи, не говоря уже о томъ, что далеко не случайно совпаденіе революціи съ завершеніемъ постройки научнаго фундамента этой философіи.

Но, чтобы дополнить эту оцѣнку нужно теперь признать, что благотворное влияніе умственной реакціи, вызванной глубокимъ потрясеніемъ социальныхъ устоевъ могло начаться только тогда, когда чисто-революціонный духъ былъ настолько ослабленъ, что свѣтъ, озарившій будущее, не мѣшалъ болѣе видѣть совокупность прошлаго

Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, сильное революціонное пробужденіе начало намъ открывать, хотя смутно, третій членъ социальной прогрессіи, оно, съ другой стороны, препятствовало намъ справедливо оцѣнивать второй. пока продолжалась слѣпая ненависть, которую освободительное движеніе должно было намъ внушить ко всему средневѣковому и безъ которой мы не могли бы окончательно порвать со старымъ порядкомъ. Уничтоженіе промежуточнаго члена не менѣе вредило составленію общаго понятія, чѣмъ отсутствіе третьяго члена, который слишкомъ отличается отъ перваго, чтобы быть съ нимъ непосредственно сравниваемъ. Поэтому невозможно было образовать истинную теорію человѣческаго прогресса, не воздавъ сначала должнаго среднимъ вѣкамъ, которые одновременно и соединяли и раздѣляли древнее и новое состоянія. А эта справедливая оцѣнка была, конечно, несовмѣстима съ господствомъ собственно революціоннаго духа.

Въ этомъ смыслѣ сильная философская реакція, вызванная знаменитымъ. Де Мэстромъ, сыграла огромную роль въ подготовленіи истинной теоріи прогресса. Несмотря на очевидно ретроградный духъ, одушевлявшій эту кратковременную школу, ея труды будутъ всегда занимать мѣсто среди трудовъ, подготовившихъ систематическій позитивизмъ, хотя новая философія въ своемъ окончательномъ развитіи рѣшительно отвергла ихъ, воспользовавшись всѣми ихъ существенными результатами.

Такимъ образомъ, истинная социальная наука и здравая философія могли явиться только плодомъ молодого, полнаго революціоннаго пыла ума, который ниталъ въ себя все то, что въ трудахъ реакціонной школы было цѣннаго относительно историческаго значенія среднихъ вѣковъ. Только тогда могла зародиться

настоящее историческое направлѣніе, всеобщее сознаніе непрерывности человѣческаго прогресса, дотогѣ неизвѣстное даже моему главному предшественнику, знаменитому и несчастному Кондорсе.

Къ тому же времени гениальный Галль завершилъ новую систематическую разработку біологіи, создавъ научную теорію внутреннихъ функцій мозга, по крайней мѣрѣ постольку, поскольку индивидуальная эволюція позволяетъ ихъ оцѣнить.

Все это даетъ возможность окончательно понять совокупность соціальныхъ и умственныхъ условій, благодаря которымъ открытіе соціологическихъ законовъ и, слѣдовательно, созданіе позитивизма должны были имѣть мѣсто именно въ то время, когда я выступилъ на философскомъ поприщѣ, т.-е. черезъ одно поколѣніе послѣ прогрессивной диктатуры Конвента или почти съ момента паденія ретроградной тираніи Бонапарта.

Итакъ, великое революціонное потрясеніе и даже наступившая послѣ него долгая реакція должны были предшествовать и подготовить систематическую концепцію новой общей доктрины. Если уже философская обработка позитивизма требовала такого подготовленія, то оно было еще болѣе необходимо для его общественнаго признанія: для этого надо было обезпечить достаточную свободу изложенія и обсужденія его и въ особенности расположить въ его пользу общественное мнѣніе. Было бы излишне здѣсь настаивать на столь очевидной необходимости.

Г Л А В А III.

Доказательства безсилія метафизической или критической доктрины.

Послѣ того, какъ мы признали, что позитивизмъ явился результатомъ первой фазы революціи, мы должны теперь разсмотрѣть, почему онъ долженъ былъ руководить и второй фазой.

Здравая историческая оцѣнка далеко не устанавливаетъ того, что революція вызвала разрушеніе стараго порядка; напротивъ, она доказываетъ, что этотъ великій кризисъ обусловленъ сначала произвольнымъ, затѣмъ систематическимъ внутреннимъ разложеніемъ, которому, начиная съ четырнадцатаго вѣка, средневѣковая политическая система все болѣе и болѣе подвергалась на всемъ Западѣ и, въ особенности, во Франціи. Отнюдь не продолжалъ отрицательнаго движенія предшествовавшихъ пяти вѣковъ, революція тотчасъ же кладетъ ему предѣлъ, обнаруживая въ окончательномъ потрясеніи непоколебимое рѣшеніе всецѣло отречься отъ одряхлѣвшаго строя и непосредственно приступить къ полному преобразованію. Это рѣшеніе особенно ярко выразилось въ совершенномъ уничтоженіи королевской власти, съ которой были послѣдовательно связаны всѣ обломки духовнаго и гражданскаго характера стараго французскаго государственнаго строя. Но за исключеніемъ этого необходимаго предварительнаго акта, занявшаго только первое засѣданіе главнаго революціоннаго собранія, движеніе въ цѣломъ имѣло съ самаго начала, по существу, органическое назначеніе, въ особенности обнаружившееся, когда республиканское направлѣніе стало преобладающимъ.

Тѣмъ не менѣе ясно, что, вопреки этой основной тенденціи, первая часть революціи въ дѣйствительности была по преимуществу отрицательной. Эта первоначальная неудача въ области созидательной была вызвана не только настоятельными требованіями трудной и славной борьбы, которую Франція вела за свою независимость противъ грозныхъ нападеній ретроградной коалиціи; ее должно, главнымъ образомъ, приписать чисто-критическому характеру метафизическихъ доктринъ, которыя одни только могли руководить революціоннымъ движеніемъ.

Несмотря на естественную солидарность двухъ непрерывныхъ развитій,—отрицательнаго и положительнаго,—совершавшихся съ конца среднихъ вѣковъ, первое по необходимости оказалось болѣе подвинувшимся, чѣмъ второе. Дряхлость стараго режима должна была, такимъ образомъ, вызвать желаніе полного обновленія прежде, чѣмъ предварительное подготовленіе новаго строя могло быть достаточно выполнено, чтобы его истинная природа стала въ общихъ чертахъ очевидной. Приходится даже признать, что рѣшительная разработка преобразовательной доктрины не только не могла предшествовать революціонному потрясенію, но стала возможна лишь подъ его напоромъ. Не трудно поэтому понять непреодолимую неизбежность примѣнять въ это время въ качествѣ органическихъ принциповъ чисто-критическія доктрины, долженствовавшія руководить предшествовавшей борьбой. Хотя эта отрицательная метафизика становилась безпопеченной какъ только старый порядокъ былъ открыто осужденъ, однако, ея догматы были единственными общепринятыми и содержали единственную формулу, которая соотвѣтствовала социальному прогрессу. Итакъ, первоначальное движеніе должно было совершаться подъ руководствомъ безусловно отсталой доктрины, которая не могла удовлетворить своему новому назначенію.

Эта философія, по необходимости безсильная что-либо создать, имѣла органическое значеніе только въ томъ отношеніи, что она туманно формулировала, скорѣе сентиментальную, чѣмъ раціональную, программу политическаго будущаго, но нисколько не указывала какимъ образомъ къ нему подготовиться. Критическіе догматы, возведенные, такимъ образомъ, въ органическіе принципы, должны были скорѣ, въ силу своего абсолютнаго характера, развить глубокое анархическое стремленіе столь же враждебное основамъ новаго порядка, какъ и развалинамъ стараго строя.

Итакъ, рѣшительный опытъ, память о которомъ неизгладима и который благодаря этому не можетъ быть повторенъ, показываетъ безусловную органическую неспособность доктрины, руководившей въ началѣ революціоннымъ движеніемъ, которое только доказало настоятельную необходимость полнаго обновленія, не указавъ, однако, его характера.

Г Л А В А IV.

Періодъ реакціи (отъ 1794 до 1830 г.).

Въ создавшемся анархическомъ состояніи философіи и политики возникла сильная потребность въ порядкѣ, которая должна была вызвать продолжительную ретроградную реакцію; послѣдняя началась легальнымъ деизмомъ Робеспьера, особенно развивалась послѣ завоеваній Бонапарта и слабо продолжалась, несмотря на

воцарившійся миръ, при его жалкихъ преемникахъ. Ея прочнымъ результатомъ было только историческое и догматическое доказательство школы Де Мэстра ничтожнаго соціального значенія современной метафизики; въ умозрительномъ отношеніи ея недостаточность проявилась въ рѣшительномъ распространеніи позитивнаго метода на самыя высокія біологическія теоріи, благодаря удачнымъ работамъ Кабаниса и въ особенности Галля. Впрочемъ, это медленное противодѣйствіе окончательному освобожденію человечества далеко не достигло своей политической цѣли, а пробудило только влеченіе къ прогрессу, вслѣдствіе непреодолимаго отвращенія, которое внушала всюду мысль о восстановленіи стараго порядка, одряхлѣвшаго до того, что его природа и условія стали непонятными даже для тѣхъ, кто старался его возродить.

Это неизбежное пробужденіе революціоннаго духа стало обнаруживаться съ момента, когда, благодаря паступившему миру, пала главная опора реакціонной системы. Но это обновленіе отрицательной метафизики не сопровождалось болѣе никакими иллюзіями насчетъ ея органической способности. Ея догматы были приняты, за неимѣніемъ лучшей доктрины, въ сущности, только какъ средство для опроверженія ретроградныхъ принциповъ, подобно тому, какъ послѣдніе обязаны были кажущейся благосклонностью къ нимъ общественнаго мнѣнія только потребности сдерживать анархическія стремленія. Возникшіе новые споры о старыхъ предметахъ искорѣ показали публикѣ, что окончательное разрѣшеніе волнующихъ ее вопросовъ еще невозможно; поэтому она придавала реальное значеніе только условіямъ порядка и свободы, ставшими не менѣе необходимыми для философской работы, чѣмъ для матеріальнаго благополучія.

Такое положеніе вещей оказалось чрезвычайно благоприятнымъ для построения окончательной доктрины, основной принципъ которой дѣйствительно выяснился въ теченіе этой послѣдней фазы ретрограднаго движенія, когда я въ 1822 г. открылъ двойной общій законъ теоретической эволюціи.

Г Л А В А V.

Стаціонарное состояніе (отъ 1830 до 1848 г.).

Кажущееся равнодушіе публики, не видѣвшей ни на одномъ знамени истинной формулы соціального будущаго, было принято слѣпой властью за молчаливое одобреніе ея бесполезныхъ проектовъ. Но лишь только гарантіямъ прогресса стала угрожать серьезная опасность, памятное потрясеніе 1830 г. положило навсегда конецъ ретроградной политикѣ, начавшейся тридцать шесть лѣтъ тому назадъ. Ея основы стали уже столь шатки, что ея сторонники сами собою дошли до отрицанія своихъ собственныхъ доктринъ и стали развивать на свой ладъ главные революціонныя ученія. Послѣдствія, въ свою очередь, открыто отвергались ихъ старыми приверженцами, по мѣрѣ того какъ они становились достойнѣмъ правительства. Двойное и рѣшительное разрушеніе реакціонной системы наилучшимъ образомъ характеризуется для исторіи спорами, относящимися къ свободѣ образованія, которая въ продолженіе двадцати лѣтъ попеременно то допускалась, то отвергалась, во имя однихъ и тѣхъ

же мнимыхъ принциповъ, представлявшихъ съ обѣихъ сторонъ только отстаиваніе своихъ интересовъ. Это коренное разложеніе старыхъ убѣжденій непосредственно привело къ пробужденію общественнаго мнѣнія, требовавшаго отнынѣ согласованія духа порядка съ духомъ прогресса. Но это требованіе еще явственнѣе обнаружило полное отсутствіе дѣйствительнаго рѣшенія этой великой задачи, ибо позитивизмъ, единственно содержавшій принципъ рѣшенія, еще только нарождался. Напротивъ, истѣ ходячія мнѣнія стали одновременно анархическими и ретроградными. Что же касается того возрѣнія, которое предполагало ихъ согласованія, то благодаря своему органическому ничтожеству оно могло имѣть лишь то реальное значеніе, что одинаково поощряло и анархію и реакцію, постоянно уравнивая ихъ путемъ на- травливанія ихъ другъ на друга. Никто, въ сущности, не видѣлъ серьезнаго разрѣшенія великой революціи въ мнимомъ созданіи конституціонной монархіи, которая противорѣчила всему прошлому Франціи и могла намъ дать только тщетное эмпирическое подражаніе несовершенному политическому строю, преимущественно годному для Англіи.

Такимъ образомъ, эти послѣднія восемнадцать лѣтъ слѣдуетъ разсматривать какъ эпоху неподвижнаго состоянія, когда отсутствіе господствующей доктрины мѣшало приступить къ органическому завершенію революціи, несмотря на то, что ретроградная реакція, вызванная первоначальнымъ потрясеніемъ, окончательно прекратилась. Одни только настоящіе философы вступили на новый революціонный путь съ тѣхъ поръ, какъ построеніе соціальной науки позволило, наконецъ, точно опредѣлить общій характеръ человѣческаго будущаго, неизвѣстнаго моему главному предшественнику. Но для того, чтобы преобразовательная доктрина могла свободно стремиться къ мирному завоеванію общества, нужно было открыто осудить официальную ложь объ окончаніи революціи благодаря установленію парламентарнаго режима, и предоставить руководству духовнымъ перерожденіемъ независимымъ мыслителямъ. Таково, несомнѣнно, будетъ двоякое философское воздѣйствіе чудеснаго политическаго превращенія, пережитого Франціей.

Г Л А В А VI.

Уничтоженіе королевской власти. Республиканскій духъ предполагаетъ подчиненіе политики морали.

Благодаря поразительному инстинкту нашихъ энергичныхъ пролетаріевъ, слабые ретроградныя покушенія власти, переставшей удовлетворять своему первоначальному назначенію, были замѣчены и вызвали безвозвратное уничтоженіе французской королевской власти, которая давно уже потеряла свое бывшее обаяніе и составляла только сильное препятствіе для прогресса, не представляя никакой пользы для порядка. Ея бесполезное господство непосредственно мѣшало духовному преобразованію, но въ то же время ея дѣйствительное вліяніе было недостаточно для прекращенія жалкаго политическаго волненія, поддерживаемаго соперничествомъ чисто личныхъ интересовъ.

Республиканскій принципъ въ своемъ отрицательномъ значеніи окончательно резюмируетъ первую часть революціи, дѣлая невозможнымъ всякое возвращеніе королевской власти, которая, начиная со второй половины царствованія Людовика XIV, естественно объединяла всѣ ретроградныя стремленія. Въ своемъ положительномъ смыслѣ, онъ выражаетъ прямое начало преобразованія, провозглашая основное подчиненіе политики морали, т.-е. неизмѣнное посвященіе всѣхъ силъ служенію обществу.

Безъ сомнѣнія, этотъ принципъ существуетъ еще только какъ чувство; но именно на почвѣ чувства онъ долженъ былъ возникнуть и послѣ своей необходимой систематизаціи онъ именно какъ чувство всегда будетъ господствовать, какъ это устанавливаетъ первая часть настоящаго разсужденія. Съ этой точки зрѣнія французы, какъ достойный авангардъ великой семьи западныхъ народовъ, въ сущности, начали уже нормальную эру: ибо они безъ всякаго теологическаго вѣнзательства провозгласили истинный социальный принципъ, возникшій впервыя въ средніе вѣка подъ вліяніемъ католицизма, но получившій возможность первенствовать только подъ руководствомъ болѣе совершенной философіи и въ лучше подготовленной средѣ. Такимъ образомъ, Французская республика стремится освятить основную доктрину позитивизма, утверждающую всеобщее преобладаніе чувства надъ разсудкомъ и даже надъ дѣятельностью. Такая исходная точка должна вскорѣ привести общественное мнѣніе къ пониманію новой философіи, какъ единственно способной привести въ систему этотъ окончательный строй.

Г Л А В А VII.

Необходимое согласованіе между порядкомъ и прогрессомъ. Порядокъ останется регрессивнымъ, пока прогрессъ будетъ анархическимъ.

Новое положеніе вещей дѣлаетъ болѣе нагляднымъ вопросъ о необходимомъ согласованіи между порядкомъ и прогрессомъ, поставленный въ теченіе предыдущаго политическаго кризиса. Въ то же время полное безсиліе всѣхъ современныхъ школъ выполнить эту бесспорную программу становится, такимъ образомъ, болѣе очевиднымъ. Ибо безвозвратное уничтоженіе королевской власти разрушаетъ одновременно и послѣднее серьезное препятствіе, мѣшавшее еще социальному прогрессу, и единственную сохранившуюся гарантію общественнаго порядка.

Однако, всѣ политическія направленія, побуждаемыя теперь съ двухъ сторонъ къ строительству, ограничиваются чисто отрицательной дѣятельностью, состоящей для каждаго въ критикѣ—и то весьма неумѣлой—заблужденій противниковъ.

Въ состояніи, гарантирующемъ прогрессъ, но оставляющемъ беззащитнымъ порядокъ, послѣдній естественно требуетъ большихъ попеченій, для которыхъ нѣтъ еще надлежащаго систематическаго органа. Между тѣмъ опытъ рѣшительно доказалъ чрезвычайную непрочность всякаго чисто матеріальнаго строя, основаннаго исключительно на интересахъ и не опирающагося ни на чувства, ни на убѣжденія. Но съ другой стороны, при отсутствіи дѣйствительно господствующихъ доктринъ,

духовный порядокъ остается невозможнымъ. Нельзя даже разсчитывать на политическое вліяніе соціальнаго чувства, которое, будучи лишено принциповъ, часто приводитъ къ безпорядку. Въ силу этого, хотя недостаточность матеріальнаго режима всеобще признана, онъ по необходимости продолжается. Однако, республиканское состояніе уничтожаетъ наиболѣе характерное свойство этого режима, именно взяточничество, которое замѣнилось болѣе или менѣе продолжительнымъ усиленіемъ гнета всякій разъ, когда анархія особенно усиливается. Но эти временныя мѣры соразмѣрны соответствующимъ требованіямъ момента, между тѣмъ какъ порядокъ, которому въ этомъ случаѣ угрожаетъ большая опасность, нуждается для своего поддержанія въ болѣе энергичныхъ средствахъ.

Недолго спустя послѣ первоначальнаго составленія этого разсужденія, безпримѣрное революціонное движеніе ¹⁾ показало, что для защиты общественнаго порядка республика имѣетъ въ своемъ распоряженіи силы, значительно превосходящія тѣ, которыми могла располагать монархія. Королевская власть теряетъ, такимъ образомъ, единственное преимущество, которое говорило еще въ ея пользу, и отнынѣ ея единственное политическое проявленіе заключается въ ретроградномъ движеніи.

Между тѣмъ, благодаря вышеуказанному противорѣчивому положенію, ея партія какъ-будто стала теперь органомъ сопротивленія, поддерживающихъ матеріальный порядокъ. Такъ какъ только ея доктрины обладаютъ еще извѣстнымъ органическимъ, хотя и ретрограднымъ характеромъ, консервативные элементы объединяются въ пей, не встрѣчая серьезнаго противоѣдствія со стороны прогрессивныхъ элементовъ, смутно чувствующихъ свою настоящую неспособность. Но въ то же время оказывается, что эти принципы въ корень разрушены даже у приверженцевъ этой партіи, официальное значеніе которыхъ покоится на свободномъ одобреніи революціонныхъ догматовъ, обреченныхъ, такимъ образомъ, гибнуть въ лагерѣ ретроградовъ. Потребность въ порядкѣ теперь такъ сильна, что она на время доставляетъ преобладаніе партіи, лишившейся своихъ старыхъ убѣжденій и, казалось, уже исчезнувшей съ политическаго горизонта раньше водворенія нашей республики. Только позитивизмъ можетъ объяснить и положить конецъ этому ненормальному положенію вещей, основанному на слѣдующемъ очевидномъ законѣ; порядокъ остается регрессивнымъ, пока прогрессъ носитъ анархическій характеръ.

Но въ сущности понятное движеніе неосуществимо и его принципы всегда нейтрализуются непоследовательными уступками. Несмотря на самохвальство вожаковъ этого движенія, убѣждающихъ, что республиканскій строй разрушенъ, онъ самопроизвольно продолжаетъ существовать въ силу только своей своевременности, которая становится еще очевиднѣе отъ ребяческаго противоѣдствія почти всѣхъ оффиціальныхъ властей. Когда инстинктъ совершенствованія будетъ систематизированъ, его непреодолимый подъемъ вскорѣ укажетъ истинный источникъ современнаго строя.

¹⁾ Іюньскіе дни 1848 г.

Г Л А В А VIII.

Неудовлетворительность различныхъ политическихъ партій.

Кажущееся господство теологическихъ теорій, безсознательно подготавливая этотъ нормальный выходъ, ставить позитивизмъ въ положеніе, о которомъ я мечталъ вотъ уже десять лѣтъ, именно создаетъ возможность непосредственной борьбы между двумя органическими системами безъ всякаго вмѣшательства критики. Метафизика, которая всегда была непослѣдовательна, теперь окончательно признается бесполезной въ томъ самомъ строѣ, въ которомъ она надѣялась первенствовать. Когда дѣло доходить до созидательной работы, то вскорѣ обнаруживается полная бесполезность всѣхъ тѣхъ школъ, которыя ограничиваются непрерывными протестами противъ теологическихъ учреждений, допуская, однако, ихъ основные принципы. Онѣ настолько обезсилены, что не могутъ болѣе выполнять надлежащимъ образомъ своей старой отрицательной функціи, отнынѣ ставшей побочной принадлежностью позитивизма, являющагося единственнымъ твердымъ оплотомъ какъ противъ ретрограднаго движенія, такъ и противъ анархіи.

Дѣйствительно, психологи въ собственномъ смыслѣ потеряли пораженіе одновременно съ конституціонной королевской властью вслѣдствіе тѣснаго сродства этихъ двухъ продуктовъ протестантства. Но ихъ естественные противники, идеологи, которые, казалось, должны были, такимъ образомъ, обрѣсти свое бывшее вліяніе на народъ, не могли вернуть къ своимъ устарѣвшимъ доктринамъ былого довѣрія революціонеровъ. Наиболѣе передовые изъ нихъ, недостойные наслѣдники вольтеровской и дантоновской школъ, показали себя совершенно неспособными, по недостатку сердца и ума, руководить второй частью революціи которую они едва отличаютъ отъ первой. Я сначала судилъ о нихъ по чисто исключительному среди нихъ типу, по благородному Арману Каррелю, который, къ сожалѣнію, столь рано былъ похищенъ у нашей республики. Истинныя республиканскія убѣжденія не могли существовать у гѣхъ, кто, будучи воспитаны въ парламентскихъ интригахъ, руководили или содѣйствовали продолжительному заговору французской печати, имѣвшимъ цѣлью реабилитировать Бонапарта. Ихъ жалкая власть могла поддерживать матеріальный порядокъ, только опираясь на ретроградную партію; и они, постыдно отрехшись отъ своей философской вѣры, стали вскорѣ просто ея помощниками. Этотъ чудовищный союзъ останется навсегда характернымъ для гнуснаго предпріятія, всѣ свободные соучастники котораго вскорѣ получатъ справедливое пожизненное наказаніе въ ожиданіи суроваго приговора исторіи.

Но эта же тенденція реакціоннаго лицемѣрія уже ясно проявилась у другой группы деистовъ, учениковъ Руссо и подражателей Робеспьера. Хотя они, какъ недолго стоявшіе у кормила правленія, не такъ низко пали въ глазахъ народа, все же они не имѣютъ теперь никакой реальной точки опоры. Ихъ дикія анархическія воззрѣнія прямо несовмѣстимы со всеобщимъ современнымъ настроеніемъ, поддерживающимъ неизмѣнно промышленную дѣятельность, научный духъ и эстетическіе

вкусы. Эти ученые отъ гильотины, пустые софизмы которыхъ хладнокровно доказывали необходимость исключительныхъ жестокостей, были вскорѣ вынуждены для сохраненія своей популярности одобрить временное уничтоженіе государственнаго эшафота. Та же необходимость заставляетъ ихъ теперь отказаться отъ единственнаго реальнаго смысла ихъ кровавой эмблемы, служащей для означенія ихъ партіи, которая слишкомъ неопредѣленна, чтобы носить другое имя. Занятые слѣпой заботой о метафизическихъ правахъ, которыя народъ спокойно позволилъ у себя отнять, когда этого, повидимому, потребовалъ порядокъ, и въ которыхъ они упорно полагаютъ рѣшеніе республиканскаго вопроса, они также плохо поняли истинныя стремленія пролетаріата. Стремясь всегда угнетать во имя прогресса, они берутъ себѣ образцомъ государственнаго строя краткое и ненормальное политическое состояніе, которое нѣкогда не повторится. Будучи единственными сторонниками войны въ эпоху ненарушимаго мира и ограничивая упорядоченіе труда уничтоженіемъ промышленной іерархіи, созданной въ средніе вѣка, эти фразеры, проповѣдующіе анархію, во всѣхъ отношеніяхъ рѣшительно отвергаются своимъ вѣкомъ. Хотя пролетаріи питаютъ еще нѣкоторое довѣріе къ недостойнымъ или неспособнымъ вожакамъ, однако, теперь, когда метафизическіе предрассудки не смогутъ уже болѣе разжечь политическія страсти, это быстро падающее довѣріе не можетъ стать серьезной опасностью. Дѣйствительное значеніе анархической партіи заключается преимущественно въ роли пугала для ретроградной партіи, что побуждаетъ средніе классы выражать ей внѣшнее одобреніе, всегда противорѣчащее ихъ характеру и ихъ привычкамъ. Если бы, противъ всякаго вѣроятія, эти бесполезные уравниатели стали во главѣ правительства, то ихъ кратковременное царствованіе вызвало бы вскорѣ ихъ окончательное паденіе, ибо оно доказало бы народу ихъ полную неспособность руководить преобразованиемъ запада. Такимъ образомъ, подъ непрерывнымъ давленіемъ событій общественное мнѣніе все болѣе и болѣе высказывается противъ всякаго метафизическаго направленія, какъ оно раньше высказывалось противъ всякаго теологическаго направленія. Это окончательное паденіе всѣхъ отсталыхъ школъ подготовляетъ всеобщее признаніе позитивизма, единственно соответствующаго истиннымъ стремленіямъ девятнадцатаго вѣка, равно какъ его существеннымъ потребностямъ.

Г Л А В А IX.

Необходимость новой общей доктрины.

Чтобы пополнить характеристику современнаго положенія вещей во Франціи, достаточно указать, что общій ходъ преній и, въ особенности, событій, показывая съ болѣею очевидностью, чѣмъ раньше, основную потребность въ дѣйствительно всеобщей доктринѣ, способной положить конецъ политическимъ шатаніямъ и устранить или прекратить нарушенія порядка, обнаруживаетъ также особую необходимость въ духовной власти, которая одна только можетъ служить гарантіей практическаго значенія подобной философіи. При всѣхъ своихъ безчисленныхъ разногласіяхъ наши ме-

тафизическія секты сходятся въ этомъ тѣсномъ сѣщеніи двухъ основныхъ властей, и это возрѣніе, начиная съ четырнадцатаго вѣка и, въ особенности, подъ вліяніемъ протестанства, все болѣе и болѣе возводилось въ главный революціонный догматъ, которому ненавистенъ средневѣковой строй.

Подобно своимъ греческимъ предшественникамъ, мнимые современные философы, психологи или идеологи, всегда добивались полного сосредоточенія въ однихъ рукахъ всѣхъ человѣческихъ властей; они даже распространяли это заблужденіе среди ученыхъ спеціалистовъ.

Только систематическій позитивизмъ позволяетъ теперь оцѣнить удивительный инстинктъ, побуждавшій всѣхъ выдающихся людей средневѣковья отдѣлять моральную власть отъ политической. Это основное дѣленіе, являющееся образцовымъ произведеніемъ соціальнаго искусства и человѣческой мудрости, слишкомъ опередило свою эпоху для того, чтобы имѣть прочный успѣхъ, какъ вслѣдствіе теологическаго характера руководящихъ принциповъ, такъ и въ силу военнаго направленія активной жизни. Составляя главный фундаментъ будущаго строя, оно нынѣ пользуется пониманіемъ и уваженіемъ только въ новой философской школѣ, гдѣ и занимаетъ надлежащее почетное мѣсто, хотя оно пользуется также симпатіями народовъ, не принявшихъ протестантства.

Съ самаго начала революціи ученые педанты прямо стремились къ соціальному всемогуществу, о которомъ они всегда мечтали, какъ объ идеальномъ типѣ политическаго совершенства. Хотя естественные успѣхи общественнаго мнѣнія больше не допускаютъ опаснаго распространенія этой ретроградной утоніи, они, однако, еще слишкомъ безсистемны, чтобы помѣшать нѣкоторымъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Въ настоящее же время, когда политическое положеніе таково, что честолюбіе метафизическихъ новаторовъ можетъ не ограничиваться ролью простыхъ сторонниковъ министерства, они всѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, домогаются практическаго и теоретическаго главенства. Непрекращающіеся раздоры въ ихъ собственномъ лагерѣ и ихъ общее несогласіе съ современной средой устраняютъ опасеніе, что они когда-нибудь получатъ возможность серьезно препятствовать свободѣ мысли и проведутъ въ качествѣ закона какую-нибудь доктрину. Но они достаточно сдѣлали попытокъ въ этомъ направленіи, чтобы ясно показать общественному мнѣнію необходимо стѣснительный характеръ всякой соціальной теоріи, противорѣчащей истинному основному принципу новѣйшей политики, состоящему въ нормальномъ раздѣленіи двухъ главныхъ властей.

Такимъ образомъ, возмущеніе, которое вызоветъ честолюбіе метафизиковъ, неминуемо подвинетъ на спеціальную оцѣнку рѣшительныхъ доказательствъ новой философіи, которая все болѣе и болѣе будетъ представлять это дѣленіе одинаково необходимымъ какъ для порядка, такъ и для прогресса. Если позитивисты попрежнему будутъ избѣгать всякаго соблазна, противнаго ихъ убѣжденіямъ, ихъ мирное поведеніе среди безнолезнаго политическаго волненія окончательно примиритъ безпристрастную публику съ этой великой идеей, отнынѣ освобожденной отъ вѣрованій, которыя необходимо сопутствовали ея первому историческому выступленію. Это невольное противопоставленіе даетъ все болѣе и болѣе понять, что какъ истинная свобода, такъ и дѣйствительное единогласіе возможны теперь только при господствѣ позитив-

ныхъ доктринъ, единственныхъ выдерживающихъ критику, такъ какъ онѣ покоятся на дѣйствительныхъ доказательствахъ.

Народная мудрость, созрѣвшая благодаря особеннымъ условіямъ современнаго политическаго состоянія, вскорѣ съ непреодолимой энергіей потребуетъ отъ философовъ, чтобы они сосредоточивали всѣ свои силы на непосредственномъ управленіи умами и сердцами, безъ всякаго стремленія къ политическому господству; погоня за нимъ будетъ служить несомнѣннымъ признакомъ ихъ умственнаго безсилія и даже нравственнаго убожества.

Сверхъ того, уничтоженіе королевской власти обезпечиваетъ истиннымъ мыслителямъ полную свободу изслѣдованія и даже изложенія, покуда они сумѣютъ уважать условія порядка. Ибо, благодаря разрушенію этого послѣдняго остатка кастоваго режима, который раньше присваивалъ одному семейству право рѣшенія высокихъ социальныхъ вопросовъ, освобожденіе отъ господства теологическихъ воззрѣній было исполнѣ закончено. Какъ бы республиканскіе чиновники ни пытались угнетать, эта принадлежность королевской власти никогда не сможетъ серьезно перейти къ чисто временнымъ властямъ, которыя, будучи даже представлены отдѣльными личностями, всегда зависятъ отъ голосованія людей, не находящихся у власти. Позитивная философія безъ затрудненія докажетъ, что подобные уполномоченные почти также, какъ и ихъ довѣрители, чужды тѣмъ логическимъ и научнымъ условіямъ, которыхъ требуетъ теперь всякая систематическая разработка моральныхъ и социальныхъ доктринъ. Эти авторитеты, лишеныя духовной санкціи, могутъ, конечно, призывать къ подчиненію во имя порядка; но они могутъ разчитывать на истинное уваженіе только тогда, когда они строго ограничиваются своей ролью въ гражданской жизни, не ища никакого умственнаго главенства. Даже прежде чѣмъ центральная власть создастъ надлежащіе практическіе органы, республиканскій режимъ установитъ это необходимое разграниченіе сферъ вліянія у народа, уже освободившагося отъ всякаго ретрограднаго или анархическаго фанатизма. Такое направленіе разовьется тѣмъ лучше, чѣмъ больше возрастающія заботы о поддержаніи матеріальнаго порядка будутъ отвлекать дѣйствующія власти отъ всякаго вмѣшательства въ духовный порядокъ, созданіе котораго, такимъ образомъ, окажется всецѣло въ рукахъ свободныхъ мыслителей. Не случайный и даже не личный характеръ носить то огромное завоеваніе, которое я сдѣлалъ въ теченіе всей моей ученой дѣятельности, добившись свободы изложенія,— сначала письменнаго, затѣмъ устнаго—при различныхъ угнетавшихъ образахъ правленія. Отнынѣ всякій истинный философъ получитъ равносильную возможность, представляя, подобно мнѣ, справедливыя интеллектуальныя и моральныя гарантіи, которыхъ публика и правительство должны требовать отъ систематическихъ органовъ человѣчества. Къ какимъ бы жестокимъ мѣрамъ ни вынуждала когда-либо необходимость обуздать уравнилелей, я смѣю утвердить, что строватели всегда будутъ уважаемы и вскорѣ будутъ призваны на помощь общественному порядку, который не можетъ долго обходиться безъ санкціи разума.

Такимъ образомъ, благодаря важному политическому измѣненію, имѣвшему мѣсто во Франціи, вторая часть великой революціи, открывшаяся теперь публикѣ, какъ она уже давно открылась истиннымъ философамъ, стремится болѣе непосредственно и болѣе быстро развить свой настоящій общій характеръ, призывая новую

всеобщую доктрину руководить окончательнымъ преобразованіемъ міѣній и нравовъ, что является единственнымъ твердымъ основаніемъ для постепеннаго преобразованія соціальныхъ учреждений. Но, указавъ какимъ путемъ позитивизмъ получаетъ теперь это высокое назначеніе въ силу измѣненій, происшедшихъ самостоятельно въ самомъ центрѣ первоначальнаго революціоннаго движенія, слѣдуетъ дополнить эту оцѣнку, представляя духовное преобразование во всемъ характеризующемъ его объемѣ, такъ какъ, согласно здравой исторической теоріи, оно должно непременно обнять весь западъ Европы.

Г Л А В А X.

Реформа должна быть сначала интеллектуральная; она должна распространиться на весь западъ.

Огромный революціонный періодъ, отдѣляющій насъ отъ среднихъ вѣковъ, изгладилъ изъ нашей памяти основную связь, подготовленную завоеваніями Рима и установившуюся при Карлѣ Великомъ между различными западными народами, достигшими уже католико-феодалнаго состоянія. Несмотря на національныя различія, впоследствии увеличившіяся, благодаря религіознымъ несогласіямъ, эта обширная республика обнаружила всюду, въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ, такое интеллектуральное и соціальное развитіе, одновременно положительное и отрицательное, равнаго которому остальная, даже европейская, часть человѣчества не достигла до сихъ поръ. Хотя разрывъ узъ католицизма и упраздненіе рыцарскихъ обычаевъ значительно ослабили сначала общее чувство подобнаго братства, но оно стремилось возродиться въ новыхъ формахъ вслѣдствіе частичнаго сродства, вытекающаго изъ повсемѣтнаго преобладанія промышленной жизни, изъ общей эстетической эволюціи и изъ очевидной научной солидарности. Когда политическое разложеніе стало достаточно сильнымъ, чтобы всюду вызвать полное обновленіе, это сходство цивилизаціи выразилось въ общемъ инстинктивномъ желаніи участвовать въ соціальномъ движеніи, происходившемъ до сихъ поръ въ одной только націи.

Починъ въ неизбѣжномъ великомъ кризисѣ по необходимости выпалъ на долю населенія Франціи, которое было къ этому подготовлено лучше всякаго другого какъ вслѣдствіе кореннаго уничтоженія здѣсь стараго режима, такъ и благодаря основной разработкѣ французскими мыслителями новой системы. Но дѣятельныя симпатіи, выказанныя на всемъ западѣ къ первымъ шагамъ нашей революціи, показали, что наши западные братья представляютъ намъ только честь опаснаго почина въ общемъ преобразованіи передовой части человѣчества, какъ это провозгласило, даже въ разгаръ нашей оборонительной войны, наше памятное республиканское собраніе. Воспняія заблужденія, которыя затѣмъ характеризовали главную фазу реакціи, должны были, безъ сомнѣнія, заглушать съ обѣихъ сторонъ привычное чувство этой необходимой солидарности. Но, благодаря предыдущимъ свѣжпмъ событіямъ, оно было всюду до того глубоко заложено, что, вопреки непрерывнымъ усиліямъ различныхъ партій, заинтересованныхъ въ увѣковѣченіи этого исключительнаго раздѣленія, наступившій

миръ сдѣлалъ его снова дѣятельнымъ. Повсемѣстное паденіе различныхъ теологическихъ воззрѣній значительно облегчило это естественное стремленіе, такъ какъ изсякъ главный источникъ разногласій. Въ теченіе послѣдней фазы реакціи и, въ особенности, въ продолженіе послѣдовавшей за ней только что закончившейся продолжительной остановки, всѣ западно-европейскіе народы старались идти по пути, болѣе или менѣе совпадающему съ общимъ ходомъ французской революціи. Нашъ послѣдній политическій переворотъ могъ только укрѣпить это общее настроеніе, которое не можетъ, однако, тотчасъ произвести подобныя измѣненія у менѣе подготовленныхъ народовъ.

Для каждаго повѣстно, что это однообразіе внутренняго волненія способствуетъ все болѣе и болѣе упроченію внѣшняго мира, благопріятствовавшего его распространенію. Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе систематическихъ узъ, равноцѣпныхъ тѣмъ, которыми объединяли народы въ средніе вѣка, всеобщее вліяніе мирныхъ и разумныхъ современныхъ нравовъ создало уже между всѣми западно-европейскими націями роль самопроизвольнаго братства, которое до сихъ поръ невозможно было осуществить и которое не позволяетъ болѣе разсматривать никакое окончательное преобразование, какъ чисто національное.

Такая точка зрѣнія болѣе всякой другой способна ясно указать истинный общій характеръ второй части революціи. Первая часть, хотя въ итогѣ была полезна для всего запада, должна была развиваться, главнымъ образомъ, во Франціи, потому что нашъ народъ единственно созрѣлъ для первоначальнаго потрясенія, которое должно было даже воспламенить его національный патріотизмъ, дабы онъ могъ сопротивляться ретроградной коалиціи. Напротивъ, органическое завершеніе, начавшееся послѣ того, какъ общій кризисъ достигъ своихъ естественныхъ размѣровъ, слѣдуетъ отнынѣ всегда разсматривать, какъ дѣло общее всей западной Европѣ. Оно состоитъ, главнымъ образомъ, въ духовномъ преобразованіи, настоятельная необходимость котораго одинаково, хотя въ различныхъ формахъ, обнаружилась у пяти націй, составляющихъ нынѣ великую семью европейскихъ народовъ. Съ другой стороны, европейскій характеръ, все болѣе и болѣе выпукло выступающій въ преобразовательномъ движеніи, способенъ выдвинуть на первый планъ интеллектуальное и нравственное преобразование, тогда какъ перестройка гражданскихъ учрежденій по необходимости должна будетъ представлять глубокія національныя различія. Въ настоящее время первая социальная потребность на всемъ западѣ—это общая доктрина и одинаковые права, покоющіеся на однообразной системѣ всеобщаго воспитанія, руководимой и, примѣняемой одной и той же духовной властью. По мѣрѣ того, какъ эта потребность будетъ удовлетворяема, будетъ совершаться всюду гражданское преобразование совершенно особенностямъ каждой національности; но эти необходимыя различія нисколько не нарушатъ основнаго единства великой позитивистской республики, систематическая связь которой будетъ болѣе полной и болѣе прочной, чѣмъ связь католической республики, существовавшей въ средніе вѣка.

Такимъ образомъ, общее состояніе западной Европы не только способствуетъ тому, что философское движеніе одерживаетъ верхъ надъ политическими волненіями, оно, кромѣ того, вызываетъ рѣшительное господство духовной власти, которая одна только и можетъ произвести это свободное и систематическое обновленіе мнѣній и

правовъ во всей его обширности и съ надлежащимъ единообразіемъ. Поэтому старый революціонный предразсудокъ о смѣшеніи двухъ властей становится теперь прямо вреднымъ для социальнаго преобразованія, которое онъ нѣкогда подготовилъ. Съ одной стороны, онъ выдвигаетъ на первый планъ національныя особенности, которыя должны уже подчиниться задачамъ обще-европейскаго характера; и въ то же время, въ виду того, что дѣйствительное тождество кризиса требуетъ всюду одинаковаго рѣшенія, онъ побуждаетъ къ выполнению этого условія однородности посредствомъ принятія одипаковыхъ гражданскихъ учрежденій, что является столь же несбыточнымъ, какъ и опаснымъ.

Хотя въ моемъ основномъ трудѣ я тщательно опредѣлилъ, на основаніи совокупности прошлаго, составъ этой огромной европейской семьи, тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайной важности, которую это понятіе пріобрѣтаетъ теперь, я считаю необходимымъ прямо мотивировать здѣсь методическое перечисленіе его главныхъ элементовъ.

Г Л А В А XI.

Западная республика обнимаетъ Францію, Италію, Испанію, Англію и Германію.

Послѣ паденія римскаго господства и, въ особенности, начиная съ Карла Великаго, Франція постоянно составляла необходимый социальный и географическій центръ ядра отборной части человѣчества. Единственное крупное предпріятіе, которое западъ совершилъ съ общаго согласія,—именно, памятные крестовые походы, характеризующіе главную фазу средневѣковья—было, очевидно, выполнено подъ французскимъ влияніемъ. Правда, когда общее разложеніе католико-феодальнаго режима стало принимать систематическій характеръ, центръ потрясенія западной Европы оказался перемѣщеннымъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Отрицательная метафизика появилась сперва въ Германіи; затѣмъ съ приложеніемъ къ гражданскому устройству имѣло впервые мѣсто въ Голландіи и Англіи въ формѣ двухъ характерныхъ революцій, которыя, хотя и были неполными, вслѣдствіе недостаточной умственной подготовки, однако, послужили вступленіемъ къ великому кризису. Но послѣ этого двойкаго предварительнаго приложенія, обнаружившаго истинное социальное назначеніе критическихъ догматовъ, ихъ полное согласованіе и рѣшительное распространеніе совершались во Франціи, которая вновь становится главнымъ центромъ для разработки общаго политическихъ и нравственныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, первенство, которое пріобрѣла Франція въ преобразовательномъ движеніи и которое все болѣе и болѣе укрѣпляется, является въ сущности только естественнымъ возвращеніемъ къ нормальному устройству запада, временно измѣнившемуся въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Новая перемѣщенія центра социальнаго движенія можно ожидать только въ столь отдаленномъ будущемъ, что они насъ не должны тревожить; они, на самомъ дѣлѣ, могутъ быть вызваны широ-

кимъ распространеніемъ цивилизаціи за предѣлы западной Европы, какъ я это укажу въ концѣ этого разсужденія.

На сѣверѣ и на югѣ отъ этого естественнаго центра находятся двѣ пары за-
падныхъ государствъ, главную связь которыхъ будетъ всегда составлять Франція,
какъ благодаря своимъ нравамъ и языку, такъ и вслѣдствіе своего географическаго
положенія. Въ первую пару, являющуюся по существу протестантской, нужно прежде
всего поставить многочисленное населеніе Германіи съ различными примыкающими
къ ней государствами, въ особенности, Голландію, которая, начиная съ среднихъ вѣ-
ковъ, составляла во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе передовую ея часть; затѣмъ сюда
входитъ британское населеніе съ сѣверо-американцами включительно, несмотря на
ихъ нынѣшнее соперничество. Вторая пара, по преимуществу католическая, обни-
маетъ: на востокѣ обширное итальянское населеніе, всегда ясно отличающееся своими
особенностями, не взирая на разложеніе его государственнаго строя; на западѣ со-
вокупность испанскаго населенія, отъ котораго социальная наука не должна отдѣ-
лять родственныхъ ему португальцевъ, и которое столь распространило влияніе за-
падной Европы своей широкой, колонизаціонной дѣятельностью.

Чтобы дополнить социологическое опредѣленіе состава передовой части человѣ-
чества, нужно сюда добавить два второстепенныхъ элемента, которые, относясь исто-
рически—однѣ въ древней, другой въ новой исторіи—къ западнымъ народамъ, а
географически къ восточнымъ, составляютъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ виду ихъ
настоящаго состоянія, естественный переходъ между востокомъ и западомъ; эти эле-
менты суть: на югѣ греческое населеніе и на сѣверѣ польское. Здѣсь не мѣсто
указывать различныя промежуточные звенья, сближающія или отдѣляющія главные
части великой семьи.

Такова огромная республика, умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ
которой новая философія должна теперь руководить, комбинируя починъ, исходящій
изъ французскаго центра съ естественными реакціями, посредствомъ которыхъ каждый
изъ другихъ элементовъ долженъ совершенствоваться этотъ общій порывъ. Такая за-
дача наилучшимъ образомъ характеризуетъ социальную способность позитивизма,
дѣйствительно могущаго выполнить это назначеніе, для котораго метафизическая
философія годится не болѣе, чѣмъ теологическая. Если дрихлостъ послѣдней обусло-
вила разрывъ связи, существовавшей въ средніе вѣка между западными народами;
то разрушительная дѣятельность второй была прямымъ факторомъ этого событія.
Поэтому ни одна изъ нихъ не можетъ претендовать на роль объединитель-
ницы элементовъ, предшествовавшее отдѣленіе которыхъ преимущественно со-
вершалось подъ теологико-метафизическимъ влияніемъ. Исключительно самопроиз-
вольному позитивизму, одновременно промышленному, эстетическому и научному,
мы обязаны нѣкоторыми новыми отношеніями, которыя, начиная съ среднихъ вѣ-
ковъ, все болѣе и болѣе готовятъ восстановленіе связи между западными госу-
дарствами.

Итакъ, систематическій позитивный духъ, достигшій, наконецъ, своей полноты,
единственно способенъ стать во главѣ объединительнаго движенія. Только ему над-
лежитъ кореннымъ образомъ разсѣять антипатіи, питаемыя еще различными націо-
нальностями другъ къ другу, не измѣняя, однако, естественныхъ качествъ каждой

изъ нихъ, дабы создать путемъ мудраго сочетанія этихъ качествъ, общій геній новаго запада.

Г Л А В А XII.

Первая попытка отдѣлить духовную власть отъ свѣтской имѣла мѣсто въ католическомъ средневѣковѣ.

Повсемѣстное распространѣнiе великаго кризиса дѣлаетъ вполне очевиднымъ его дѣйствительно общій характеръ, уже установленный прямымъ изслѣдованiемъ его сущности. Такимъ образомъ, всѣ высокiя социальныя соображенiя, касающiяся какъ вѣншихъ, такъ и внутреннихъ вопросовъ, единогласно говорятъ за то, что вторая часть революцiи должна состоять преимущественно въ преобразованiи принциповъ и нравовъ на всемъ западѣ, дабы въ результатѣ создалось общественное мнѣнiе, непреодолимое преобладанiе котораго опредѣлитъ вѣдъ постепенное образованiе политическихъ учрежденiй, соотвѣствующихъ особенностямъ каждой національности, подъ общимъ руководствомъ духовной власти, которая надлежащимъ образомъ разработала основную доктрину.

Общiй духъ этой доктрины, главнымъ образомъ, историческiй, между тѣмъ какъ отрицательная часть революцiи должна была доставить преобладанiе анти-историческому направленiю. Слѣпая ненависть къ прошлому была тогда необходима, чтобы рѣшительно порвать со старымъ порядкомъ. Нанротивъ, отнынѣ для нашего полнаго освобожденiя требуется, чтобы мы прежде всего воздали должное прошлому; такая справедливая оцѣнка особенно свойственна истинному позитивному духу, единственно способному, благодаря своей неизмѣнно относительной природѣ, встать на подобную точку зрѣнiя. Лучшiй признакъ истиннаго превосходства заключается, безъ сомнѣнiя, какъ для доктринъ, такъ и для лицъ, въ правильной оцѣнкѣ всѣхъ своихъ противниковъ. И таково необходимое стремленiе настоящей социальной науки, основывающей теперь опредѣленiе будущаго на систематическомъ созерцанiи прошлаго. Дабы одна и та же идея окончательнаго преобразованiя, всегда точно связанная съ совокупностью человѣческой эволюцiи, могла всюду свободно стать господствующей, существовать только одинъ путь—навсегда разсѣять смутные и нестройныя образы, вызванные произвольными внушенiями. Сверхъ того, возрастающее преобладанiе социальнаго чувства совмѣстно съ естественнымъ прогрессомъ общественнаго мнѣнiя способствуютъ тому, чтобы послѣдняя часть революцiи приобрѣла этотъ историческiй характеръ, который ее глубоко отличить отъ первой, на что уже указываютъ многiя самопроизвольныя склонности.

Въ виду этого общаго расположенiя позитивизмъ никогда не долженъ скрывать основное отношенiе, существующее между духовнымъ преобразованiемъ, которое онъ совершилъ и удивительной попыткой въ этомъ направленiи, составляющей главную характерную черту средневѣковья. Далеко не предлагая человечеству разсматривать свое грядущее преобразование, какъ не имѣющее корней въ прошломъ, мы постоянно будемъ призывать его, достигшаго нынѣ зрѣлаго состоянiя, осуществить,

паконецъ, благородное предиріятіе, задуманное имъ въ юношескомъ возрастѣ, когда умственные и социальныя условія не позволяли еще добиться въ этомъ отношеніи рѣшительнаго успѣха. Мы слишкомъ полны будущимъ, чтобы опасаться, что насъ могутъ когда-либо серьезно заподозрить въ возвратѣ къ прошлому. Это обвиненіе было бы въ особенности странно со стороны тѣхъ изъ нашихъ противниковъ, которые видятъ теперь политическое совершенство въ первоначальномъ, теократическомъ или военномъ смѣшеніи двухъ основныхъ властей.

Раздѣленіе этихъ властей въ средніе вѣка составляетъ самый крупный шагъ, который до сихъ поръ сдѣлала общая теорія социального порядка. Хотя окончательное осуществленію этой идеи по необходимости должно было быть отложено до лучшихъ временъ, тѣмъ не менѣе, эта характеристическая попытка указала существенную цѣль и даже начертила главные результаты. Она же положила основаніе догмата о постоянномъ подчиненіи политики требованіямъ нравственности; этотъ догматъ есть отличительная черта современной общественности и онъ пережилъ, несмотря на серьезные и частые нападки, даже паденіе вѣрованій, впервые его провозгласившихъ, какъ это видно изъ того, что онъ получилъ республиканскую санкцію у наиболее передовой націи. Оттуда, слѣдовательно, беретъ свое начало это дѣятельное чувство собственнаго достоинства, соединенное съ сознаніемъ всеобщаго братства, характеризующее западные народы, въ особенности, тѣ, которые не приняли протестантизма. Сюда нужно отнести также единодушное стремленіе оцѣнивать людей сообразно ихъ личнымъ умственнымъ или нравственнымъ качествамъ, независимо отъ ихъ общественнаго положенія, всецѣло при томъ признавая необходимость неравенства въ распредѣленіи социальныхъ функций, вытекающаго изъ неизбежнаго практическаго преобладанія однихъ надъ другими. Съ этой же попыткой должно связать народныя обычаи свободнаго обсужденія вопросовъ нравственности и даже политики, обычаи, основанные на правѣ и обязанности каждаго примѣнять къ сужденію о поступкахъ и лицахъ универсальную доктрину, введенную въ общественное образованіе. Наконецъ, было бы излишне указывать прямую тенденцію этого важнаго учрежденія создать единство западныхъ народовъ, которое не имѣло другой систематической связи.

Всѣ эти социальные результаты, обычно приписываемые преимуществамъ христіанской религіи, при здоровой исторической оцѣнкѣ оказываются исходящими изъ одного главнаго источника, именно, изъ католическаго раздѣленія двухъ властей. Они остались достояніемъ только тѣхъ странъ, гдѣ этотъ режимъ могъ первенствовать, хотя и въ другихъ странахъ господствовала равноцѣнная мораль или даже тождественная религія. Впрочемъ, разложеніе католическаго организма значительно способствовало ихъ измѣненію, несмотря на ихъ тѣсную связь съ современными нравами, въ особенности тамъ, гдѣ старались вернуть этой доктринѣ ея первоначальныя авторитетъ и чистоту.

Позитивизмъ во всѣхъ отношеніяхъ воздалъ уже должное католицизму въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ любой изъ его собственныхъ защитниковъ, не исключая и знаменитаго Де-Мэстра, какъ это признали нѣкоторые искренніе органы ретроградной школы. Но эта справедливая оцѣнка не покоится только на величій задачі, выпавшей, такимъ образомъ, на долю среднихъ вѣковъ въ общей эволюціи человечества. Она вытекаетъ также изъ точнаго историческаго доказательства скороспѣлости та-

кого предпріятія, политическая неудача котораго зависѣла, главнымъ образомъ, отъ несовершенства руководящихъ доктринъ и противодѣйствія соотвѣтствующей среды. Хотя монотеизму гораздо менѣе, чѣмъ политеизму, противно постоянное раздѣленіе двухъ властей, но по необходимости абсолютная природа всякаго богословскаго направленія способствовала всегда вырожденію этого порядка въ чистую теократію. Его паденіе было даже опредѣлено окончательнымъ преобладаніемъ этого неизбѣжнаго стремленія, вызвавшаго въ четырнадцатомъ вѣкѣ всеобщее осужденіе, естественными выразителями котораго явились короли. Точно также, хотя это раздѣленіе властей болѣе согласуется съ собственно оборонительными войнами среднихъ вѣковъ, чѣмъ съ системой завоеваній древности, тѣмъ не менѣе, всякій настоящій военный духъ кореннымъ образомъ его отвергаетъ, какъ противное сосредоточенію власти, котораго требуетъ военный режимъ.

Поэтому это раздѣленіе могло въ то время быть дѣйствительно систематически продумано только нѣкоторыми выдающимися духовными или свѣтскими мыслителями. Его кратковременное осуществленіе было, главнымъ образомъ, необходимымъ результатомъ всего умственного и соціальнаго состоянія. Оно почти всегда представляло собой только видъ чрезвычайно непрочнаго равновѣсія, постоянно колеблющагося между теократіей и имперіей.

ГЛАВА XIII.

Отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Учрежденіе духовной власти, какъ органа Западной Республики.

Единственно позитивная цивилизація современнаго запада способна совершить теперь то, что могло быть только задумано въ средніе вѣка, при чемъ она утилизируетъ не только эту удивительную попытку среднихъ вѣковъ, но также и необходимую къ ней подготовку. Научное направленіе новой философіи и промышленный характеръ современной дѣятельности естественнымъ образомъ способствуютъ тому, чтобы отнынѣ сдѣлалось неизбѣжнымъ и даже общепароднымъ предпріятіемъ постоянное раздѣленіе властей, одновременно самопроизвольное и систематическое, которое въ средніе вѣка могло быть только смутно предчувствуемо, въ силу благотворныхъ влущеній пылкаго инстинкта прогресса.

Въ умственномъ отношеніи это предпріятіе на самомъ дѣлѣ сводится къ необходимому раздѣленію между теоріей и практикой, раздѣленію уже допущенному, хотя эмпирически, на всемъ западѣ относительно самымъ незначительныхъ предметовъ, и было бы странно считать его нежелательнымъ для самыхъ трудныхъ—науки и искусства. Съ соціальной точки зрѣнія оно въ особенности устанавливаетъ естественное различіе между воспитаніемъ и дѣйствіемъ или между моралью и политикой, различіе, безпрерывное развитіе котораго никто не дерзнулъ бы теперь открыто не признавать однимъ изъ главныхъ благодѣйній прогрессивной цивилизаціи. Дѣйствительная нравственность и истинная свобода глубоко заинтересованы въ томъ, чтобы поведеніе и сужденіе могли покоиться на настоящихъ принципахъ, примѣ-

неніе которыхъ, даже наиболѣе доступное доказательству, было бы почти всегда недостаточнымъ, если бы оно обуславливалось исключительно и непосредственно приказаніемъ или подчиненіемъ. Въ отношеніи общей гармоніи политическихъ силъ ясно, что двѣ власти, теоретическая и практическая, имѣютъ столь различные источники и пути касательно сердца, ума и характера, что отнынѣ увѣщательное и повелительное вліянія не могутъ исходить отъ однихъ и тѣхъ же органовъ. Всякое серьезное стремленіе осуществить эту ретроградную утопію, могло бы привести только къ невыносимому господству посредственностей, одинаково неспособныхъ въ обѣихъ областяхъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи настоящаго разсужденія будетъ сверхъ того доказано, что это основное раздѣленіе естественнымъ образомъ все болѣе и болѣе окажется подъ непреодолимымъ специальнымъ покровительствомъ двухъ социальныхъ элементовъ, по преимуществу отличающихся здравымъ смысломъ и нравственностью.

Наши права уже столь благопріятны этому существенному принципу всякой истинной современной политики, что если ему противятся, то исключительно только вслѣдствіе его первоначальной близости къ нынѣ устарѣвшимъ вѣрованіямъ. Но эти революціонныя предубѣжденія разсѣются, когда безпристрастная публика увидитъ, что эта важная идея составляетъ нераздѣльную часть доктрины, единственно дѣйствительно свободной отъ всякихъ теологическихъ воззрѣній.

Каждое человѣческое понятіе и даже каждое социальное улучшеніе должно было возникнуть сначала подъ внушеніемъ теологін, какъ это ясно доказываютъ всѣ факты, даже самые незначительные. Тѣмъ не менѣе, это никогда не мѣшало человѣчеству окончательно присваивать себѣ успѣхи, которыми оно было обязано первоначальному господству покидаемыхъ имъ затѣмъ вѣрованій. То же самое будетъ съ этимъ великимъ политическимъ принципомъ, который уже понимается реально только позитивистами и лишь какъ естественный выводъ изъ его частичныхъ повѣрковъ.

Единственное и прямое противодѣйствіе, которое онъ встрѣчаетъ теперь, исходить изъ лагеря метафизиковъ, такъ какъ онъ затрагиваетъ ихъ честолюбивыя притязанія на абсолютное господство. Оттуда же раздается всегда странный и часто ложный упрекъ въ теократизмѣ, направляемый иногда по адресу философовъ, открыто освободившихся отъ всякихъ вѣрованій, служащихъ для ихъ противниковъ средствомъ избѣгать рѣшительнаго спора.

Но тяжкія социальныя неурядицы, которыя вскорѣ вызоветъ бесполезное упрямство педантовъ, желающихъ регулировать законами то, что должно быть воспитано нравами, ясно покажутъ общественному мнѣнію безусловную своевременность позитивистскаго догмата о систематическомъ отдѣленіи моральнаго правительствa отъ политическаго. Первое, располагая только силой убѣжденія, ограничивается всегда въ активной жизни ролью простаго совѣтника, между тѣмъ какъ второе, опираясь на матеріальную силу, прямо указываетъ поведеніе.

На основаніи всѣхъ предыдущихъ соображеній органическое направленіе, долженствующее характеризовать вторую часть революціи, представляется какъ сочетаніе выдающагося социального генія средневѣковья съ поразительнымъ политическимъ инстинктомъ конвента. Въ промежуткѣ между этими двумя эпохами избранная часть

человѣчества дѣйствительно была лишена всякой систематической организаціи и въ ней совершился двоякій переломъ: разложеніе стараго порядка и подготовленіе новаго. Эти предварительныя условія пынѣ достаточно выполнены: ибо, съ одной стороны, желаніе соціальнаго обновленія стало неопредолимымъ, между тѣмъ какъ съ другой, философія, предназначенная имъ руководить, уже построена.

Итакъ, отнынѣ мы призваны вновь прямо приступить къ осуществленію, на лучшихъ умственныхъ и соціальныхъ основаніяхъ, великаго предпріятія, на которое покушались средніе вѣка, результатомъ котораго должно быть установленіе на всемъ западѣ мирнаго и разумнаго порядка, покоящагося на систематическомъ и постоянномъ преобладаніи всеобщей любви, господствующей и надъ умозрѣніемъ и надъ дѣйствіемъ. Общій ходъ этого переустройства будетъ такой же, какъ и ходъ предварительной ломки. Послѣдняя началась въ четырнадцатомъ вѣкѣ уничтоженіемъ на западѣ функций стараго организма; точно такъ же, окончательное преобразование начнется теперь съ прямого удовлетворенія интеллектуальныхъ и моральныхъ потребностей, общихъ пяти передовымъ народамъ.

Г Л А В А XIV.

Нравственное ученіе позитивизма. Оно состоитъ въ возвышеніи альтруизма надъ эгоизмомъ, общественныхъ интересовъ надъ личными.

Дабы лучше охарактеризовать соціальное назначеніе позитивизма, я долженъ вкратцѣ указать на присущую ему способность окончательно систематизировать всеобщую нравственность, которая составляетъ цѣль философіи и отправной пунктъ политики. Такъ какъ о всякой духовной власти слѣдуетъ, главнымъ образомъ, судить со стороны этого свойства, то ничто не можетъ лучше обнаружить естественное превосходство духовной стороны позитивизма надъ таковой католицизма.

Для позитивизма моральное искусство состоитъ въ возвышеніи систематическихъ инстинктовъ надъ эгоистическими побужденіями, общественности надъ личностью. Такой взглядъ на нравственность присущъ новой философіи, которая систематизируя усѣхи, сдѣланные современными народами, одна только даетъ истинную теорію челоуѣческой природы, столь несовершенно представленную католицизмомъ.

Пользуясь существеннымъ принципомъ біологіи, утверждающимъ основной переѣтъ органической жизни надъ всей животной жизнью, соціологія труда объясняетъ самопроизвольное вліяніе личныхъ чувствъ, всегда болѣе или менѣе связанныхъ съ инстинктомъ самосохраненія. Но она прямо примиряетъ это неизбѣжное первенство съ постояннымъ существованіемъ доброжелательныхъ страстей, которыя католическая теорія представляла чуждыми нашей организаціи и внушенными только сверхъестественной благодатью, не подчиняющейся никакимъ законамъ.

Такимъ образомъ, великая задача состоитъ въ томъ, чтобы доставить искусственнымъ путемъ общественному чувству то преобладаніе, которымъ личное чувство

естественно пользуется. Ея рѣшеніе покоится на другомъ биологическомъ принципѣ на принципѣ развитія функций и органовъ при постоянномъ ихъ упражненіи и ихъ стремленія атрофироваться, коль скоро они долгое время остаются въ бездѣйствіи. Наша же социальная жизнь по необходимости вызываетъ непрерывный подъемъ симпатическихъ инстинктовъ, между тѣмъ какъ оно стѣсняетъ развитіе личныхъ наклонностей, свободное проявленіе которыхъ вскорѣ привело бы къ прекращенію всѣхъ нашихъ взаимныхъ отношеній. Первые, слѣдовательно, возмѣщаютъ до извѣстной степени свою первоначальную слабость свойственной имъ способностью къ почти безконечному расширенію; и естественное вліяніе вторыхъ болѣе или менѣе умѣряется неизбѣжнымъ сопротивленіемъ.

Эти два неизмѣнныхъ стремленія естественнымъ образомъ возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ человѣчество развивается и ихъ двойной прогрессъ служить главнымъ показателемъ нашего постепеннаго совершенствованія. Мудрое систематическое вліяніе какъ частное, такъ и общественное можетъ значительно улучшить этотъ естественный порядокъ вещей, увеличивая благопріятныя вліянія и уменьшая вліяніе ихъ антагонистовъ.

Такова цѣль моральнаго искусства, которое, какъ и всякое другое, имѣетъ неизбѣжныя границы, хотя въ данномъ случаѣ они должны быть менѣе узкими, такъ какъ здѣсь явленія, вслѣдствіе ихъ чрезвычайной сложности, болѣе доступны измѣненію.

Такимъ образомъ, позитивная мораль, признавая за всеобщимъ принципомъ непосредственное преобладаніе социальнаго чувства, отличается не только отъ морали метафизической, но также и отъ богословской. Человѣческое счастье какъ частное, такъ и общественное она видитъ въ возможно большемъ развитіи доброжелательныхъ чувствъ, являющихся и наиболѣе пріятными и единственными, расширеніе которыхъ можетъ произойти одновременно у всѣхъ людей.

Это ученіе столь же глубокое и чистое, какъ оно просто и истинно, можетъ вытекать только изъ философіи, которая, благодаря характеризующей ее реальности, дошла уже до установленія умственного первенства социальной точки зрѣнія, единственно способной связать всѣ наши позитивныя умозрѣнія какъ логическія, такъ и научныя. Метафизика, въ виду ея интуитивнаго метода, не могла никогда рационально выйти изъ индивидуальной сферы. Теологія, въ особенности христіанская, могла подняться до социальныхъ теорій только косвенно, подъ давленіемъ настоятельныхъ требованій практики. Ея естественное направленіе носило по необходимости личный характеръ какъ относительно цѣли, поставленной жизни каждаго человѣка, такъ и касательно чувства, которое она считаетъ главнымъ.

Хотя наши великодушныя чувства должны были въ началѣ проявиться при теологическомъ режимѣ, однако, его нравственное значеніе слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать мудрости духовенства, исправлявшаго существенные недостатки единственной доктрины, которую оно могло въ то время примѣнять, сообразуясь съ социальными условиями, вытекавшими изъ самопроизвольнаго антагонизма между воображаемыми и реальными интересами. Напротивъ, въ позитивномъ состояніи моральная способность прямо присуща доктринѣ и можетъ достигнуть значительнаго развитія тотчасъ, какъ только установятся соотвѣтственныя убѣжденія, прежде чѣмъ

создастся какая-либо духовная организация, хотя это свойство не избавляет отъ необходимости въ подобной организаціи. Въ то время, какъ систематическая мораль, тѣсно связанная съ совокупностью реальныхъ знаній, приобретаетъ, такимъ образомъ, постоянство, дотоѣ невозможное, самопроизвольная мораль подъ непосредственнымъ и непрерывнымъ давленіемъ соціального чувства стремится подчинить своему вліянію всю человѣческую индивидуальную или коллективную жизнь.

Чтобы лучше понять совершенное единство позитивной морали, которымъ она обязана своему единому принципу всеобщей любви, слѣдуетъ рассмотреть значеніе этого принципа въ естественной систематизаціи ея различныхъ частей и въ специальной разработкѣ каждой изъ нихъ.

Г Л А В А XV.

Нравственная прогрессія чувствъ: личныя, семейныя, общественныя. Человѣческое сердце можетъ перейти отъ перваго члена къ третьему только подъ вліяніемъ семейныхъ чувствъ.

Общая послѣдовательность частей позитивной морали согласно тремъ главнымъ ступенямъ нашей жизни, — личной, семейной и общественной, — самопроизвольно представляетъ постепенное развитіе основнаго чувства, мало-по-малу развивающагося изъ аффектовъ, которые становятся все менѣе и менѣе энергичными, но все болѣе и болѣе возвышенными. Эта естественная прогрессія въ дѣйствительности составляетъ наше главное средство для достиженія по возможности нормальнаго преобладанія общественности надъ личностью. Въ самомъ дѣлѣ, между этими двумя крайними состояніями человѣческаго сердца существуетъ промежуточное состояніе, способное опредѣлить самопроизвольный переходъ, на которомъ покоится истинное рѣшеніе нравственной проблемы. Только благодаря семейнымъ обязанностямъ человѣкъ измѣняетъ своему первоначальному себялюбію и можетъ надлежащимъ образомъ подняться къ конечной ступени, къ общественности. Всякую попытку направлять нравственное воспитаніе непосредственно къ усиленію послѣдней, минуя промежуточную ступень, слѣдуетъ разсматривать какъ совершенно несбыточную и сопряженную съ серьезными опасностями для соціального порядка. Такая утопическая теорія, слишкомъ распространенная теперь, не только не составляетъ дѣйствительнаго соціальнаго прогресса, но представляетъ, въ сущности, рѣзкій поворотъ назадъ, основанный на ложной оцѣнкѣ древности.

Въ виду основнаго назначенія семейной жизни служить естественной связью между себялюбіемъ и общественностью, достаточно будетъ показать здѣсь ея необходимое устройство, чтобы охарактеризовать общій планъ позитивной морали, всегда соответствующей порядку естественныхъ отношеній.

Индивидуальная эволюція соціальнаго чувства начинается въ семьѣ благодаря неизбежной дѣтской привязанности, этому первому источнику нашего нравственнаго воспитанія, изъ котораго возникаетъ инстинктъ непрерывности и, слѣдовательно, уваженіе предковъ: именно такимъ образомъ каждое новое существо первоначально

вступаетъ въ связь со всей совокупностью человѣческаго прошлаго. Вскорѣ затѣмъ братская любовь дополняетъ этотъ первый зародышъ общественности, присоединяя къ нему прямой инстинктъ дѣйствительной солидарности. Возмужалость открываетъ далѣе новую семейную эволюцію, вводя совершенно добровольныя и поэтому еще болѣе общественныя отношенія, чѣмъ невольныя связи незрѣлаго возраста. Эта вторая эпоха нравственнаго воспитанія начинается съ супружеской привязанности, являющейся главнымъ фундаментомъ всѣхъ остальныхъ; въ ней взаимность и нерасторжимость брачныхъ узъ обеспечиваютъ полноту преданности. Названіе этого высшаго типа симпатическихъ инстинктовъ не требуетъ никакого опредѣленія. Изъ этого союза по преимуществу естественно вытекаетъ послѣдняя семейная привязанность, именно родительская, которая, уча насъ любить нашихъ потомковъ, завершаетъ наше самопроизвольное посвященіе въ универсальную общественность; такимъ образомъ, мы связываемся съ будущимъ, какъ сначала мы пріобщаемся къ прошлому.

Я долженъ былъ помѣстить группу семейныхъ чувствъ, касающихся добровольныхъ отношеній, послѣ той, которая относится къ невольнымъ привязанностямъ, дабы прослѣдить индивидуальное теченіе аффективной эволюціи съ дѣльною представить семейную жизнь, какъ необходимое промежуточное состояніе между личнымъ и социальнымъ существованіемъ. Но расположеніе должно быть обратное, когда прямо устанавливается собственная теорія семьи въ качествѣ естественнаго элемента общества. Тогда нужно разсматривать сперва чувство, составляющее главный фундаментъ семьи, строя новую социальную единицу, часто сводящуюся къ основной парѣ. Семья, однажды созданная брачнымъ союзомъ, увѣковѣчивается въ силу родительской привязанности, сопутствуемой дѣтской любовью, и распространяется затѣмъ благодаря братскимъ узамъ, единственно способнымъ непосредственно сблизить различныя семьи.

Въ этомъ новомъ порядкѣ семейныя чувства расположены по ихъ убывающей энергіи и возрастающему распространенію. Хотя послѣднее чувство обыкновенно изъ всѣхъ наименѣе сильное, оно, однако, пріобрѣтаетъ важное значеніе, если разсматривать его, какъ прямой переходъ отъ чисто семейныхъ привязанностей къ социальнымъ отношеніямъ, естественнымъ типомъ которыхъ исходу является братство. Но для того, чтобы дополнить краткій очеркъ этой теоріи, социологія должна еще помѣстить между этими двумя порядками чувствъ третій, промежуточный, слишкомъ мало оцѣненный до сихъ поръ, касающійся слугъ, въ которомъ семейныя отношенія смѣшиваются съ общественными. Одно названіе этой связи должно быть въ настоящее время, несмотря на наши анархическіе нравы, достаточно, чтобы напомнить намъ, что во всякомъ нормальномъ состояніи человѣчества она составляетъ естественное дополненіе къ семейнымъ привязанностямъ, предназначенное завершить самопроизвольное воспитаніе^е социального чувства путемъ спеціальнаго обученія подчиненію и повѣствованію, при чемъ и то и другое, должны регулироваться всеобщимъ принципомъ взаимной любви.

Этотъ бѣглый очеркъ главной нравственной теоріи достаточно характеризуетъ основное качество позитивной систематизаціи, оцѣнка которой будетъ дана на протяжении всего трактата, для котораго настоящее разсужденіе служить только общимъ вступленіемъ. Тѣмъ не менѣе, я считаю необходимымъ еще указать здѣсь полное

преобразование личной морали, въ которую только позитивизмъ впервые вводитъ единый принципъ всей новой доктрины тѣмъ, что связываетъ непосредственно съ любовью то, что относилось къ эгоизму даже въ католической философіи.

ГЛАВА XVI.

Альтруизмъ есть истинное основаніе личной морали.

Такъ какъ чувства могутъ развиваться лишь путемъ постоянного ихъ упражненія, тѣмъ болѣе необходимаго, чѣмъ ихъ природная энергія слабѣе, то, злоупотребляя легкостью оцѣнки, отличающей эту первую часть всеобщей нравственности, т.-е. сводя обязанности къ простымъ личнымъ соображеніямъ благоразумія, мы тѣмъ самымъ вступаемъ въ прямое противорѣчіе съ истиннымъ духомъ аффективного воспитанія. Какъ бы реальна ни была польза для личности отъ подобныхъ предписаній, такое направленіе по необходимости вырабатываетъ корыстолюбивыя наклонности, которыя и такъ уже являются слишкомъ преобладающими и должны были бы, напротивъ, по возможности, систематически упраздниться. Сверхъ того, специальная цѣль, которая здѣсь преслѣдуется, часто не достигается благодаря тому, что нравственное рѣшеніе предоставляется усмотрѣнію личности, чѣмъ заранѣе санкціонируются естественныя разнообразія рѣшенія, а также то, что отдѣльное лицо, беря на свою отвѣтственность вытекающія для него послѣдствія, о которыхъ оно одно только можетъ судить, измѣняетъ установленное правило.

Въ силу свойственной ему реальности позитивизмъ всецѣло преобразовываетъ эти первоначальныя предписанія, прямо подчиняя личность общественности, такъ какъ рѣчь идетъ о примѣненіи ихъ въ области, гдѣ интересы индивидуума отнюдь не единственны. Позитивная мораль рекомендуетъ такія основныя добродѣтели, какъ, напримѣръ, выгоды отъ умѣренности, цѣломудрія и т. д., отнюдь не въ силу ихъ пользы для личности. Не отрицая ихъ дѣйствительной индивидуальной полезности, она старается не слишкомъ на ней настаивать, изъ опасенія поддерживать привычку къ личнымъ соображеніямъ. Она, въ особенности, никогда не дѣлаетъ изъ этихъ выгодъ реальнаго основанія для своихъ заповѣдей, всегда связанныхъ съ социальнымъ чувствомъ. Если бы даже исключительная организація челоуѣка предохраняла его отъ губительныхъ послѣдствій неумѣренности или прелюбодѣнія, трезвости и воздержанія ему точно также строго предписываются, какъ необходимыя условія для надлежащаго выволенія имъ своихъ общественныхъ обязанностей. Это распространяется и на простѣйшую изъ всѣхъ личныхъ добродѣтелей, привычку къ чистоплотности; такимъ образомъ, облагораживается простое гигиеническое правило тѣмъ, что его связываютъ съ желаніемъ сдѣлать себя болѣе способнымъ служить другимъ. Только такимъ путемъ нравственное воспитаніе можетъ съ самаго начала пріобрѣсти свой истинный общій характеръ, пріучая челоуѣка подчиняться требованіямъ челоуѣчества въ своихъ малѣйшихъ поступкахъ, что приводитъ его прежде всего къ преодолѣнію своихъ дурныхъ наклонностей, оцѣнка которыхъ тогда становится болѣе легкой.

Такое преобразование личной нравственности достаточно подтверждаетъ существовавшее превосходство позитивизма, уже указанное относительно семейной морали, составлявшей однако главную заслугу католицизма и первое основаніе его прекрасной систематизаціи.

Было бы излишне особо останавливаться на общественной нравственности въ собственномъ смыслѣ, гдѣ новая философія должна обнаружить еще болѣе прямую и болѣе полную способность, такъ какъ только она можетъ надлежащимъ образомъ встать на эту точку зрѣнія. Какъ относительно точнаго опредѣленія всѣхъ взаимныхъ обязанностей, вытекающихъ изъ различныхъ реальныхъ отношеній, такъ и касательно укрѣпленія и расширенія основного чувства всеобщаго братства никакая метафизико-теологическая мораль не можетъ быть сравниваема съ позитивной, предписанія которой, всегда соотвѣтствующія общимъ законамъ нашей индивидуальной или коллективной природы, самопроизвольно приспосаблиются къ особенностямъ каждаго случая. Мы въ настоящемъ разсужденіи придется еще неоднократно говорить объ этой естественной способности, такъ что здѣсь мы нѣтъ надобности на этомъ болѣе настаивать.

Это бѣглое указаніе новой систематизаціи нравственности требуетъ теперь соотвѣтственного разсмотрѣнія общихъ средствъ, съ помощью которыхъ можно будетъ установить и примѣнить эту доктрину. Эти средства суть двухъ видовъ: одни, основныя, прямо относящіяся къ каждому моральному посвященію, устанавливають принципы и регулируютъ чувства; другія, дополнительные, способствуютъ правильному примѣненію принциповъ въ активной жизни. Эта двойная функція вначалѣ самопроизвольна, совершаясь единственно благодаря вліянію, даже косвенному, общей доктрины и соціального инстинкта; но она достигаетъ полной силы только когда становится систематической принадлежностью соотвѣтственной духовной власти.

ГЛАВА XVII.

Нравственное воспитаніе должно быть основано на разсудкѣ и на чувствѣ.

Нравственное воспитаніе въ собственномъ смыслѣ позитивизмъ основываетъ одновременно на разсудкѣ и на чувствѣ, выдвигая, однако, послѣднее всегда на первый планъ, согласно руководящему принципу новой философіи.

Благодаря средствамъ перваго вида, нравственныя предписанія будутъ приведены, наконецъ, къ подлиннымъ доказательствамъ, могущимъ выдержать всякую критику на основѣ истиннаго познанія нашей личной и общественной природы, законы которой позволяютъ точно оцѣнить въ дѣйствительной частной или общественной жизни любое прямое или косвенное, спеціальное или общее вліяніе всякой привязанности, мысли, дѣйствія и привычки. Соотвѣтственные убѣжденія могутъ стать столь же глубокими, какъ и тѣ, которые создаются на основаніи лучшихъ научныхъ доказательствъ съ тѣмъ естественнымъ приращеніемъ въ силѣ, которое должно вы-

текать изъ ихъ высшаго значенія и ихъ тѣснаго соотношенія съ нашими наиболѣе благородными инстинктами.

Сила этихъ предписаній должна распространяться не только на тѣхъ людей, которые будутъ въ состояннн понять всю логическую справедливость подобныхъ доказательствъ. Многочисленные примѣры уже показали относительно всѣхъ другихъ позитивныхъ вопросовъ, что понятія, допущенныя только на вѣру, могутъ быть приняты и примѣнены съ такимъ же рвеніемъ и твердостью, какъ и тѣ понятія, которыя наилучшимъ образомъ обоснованы. Достаточно, чтобы умственные и нравственные условія этой необходимой вѣры были надлежаще выполнены; и часто соврѣменный человѣкъ, вопреки его мнимои непокорности, слишкомъ легко подчиняется. Добровольное согласіе, которое мы ежедневно выражаемъ относительно какихъ-либо правилъ математическихъ, астрономическихъ, физическихъ, химическихъ и біологическихъ наукъ, даже когда при этомъ затрагиваются важнѣйшіе интересы, безъ сомнѣнія, распространится на нравственные заповѣди, когда будетъ признано, что опъ также доступны неопровержимымъ доказательствамъ.

Но развивая силу доказательства до невозможной дотолѣ степени, новая философія будетъ всегда избѣгать преувеличивать его значеніе для нравственного воспитанія, которое должно преимущественно покоиться на чувствѣ, какъ на то указываетъ простая общая постановка великой человѣческой проблемы. Какъ бы здравы ни были доказательства, ихъ исходная точка не можетъ быть непосредственно моральна, такъ какъ каждый будетъ оцѣнивать поведеніе другого скорѣе, чѣмъ свое, согласно требованіямъ безпристрастности и ясности, обязательнымъ для истинно научнаго умозрѣнія, которое всегда должно быть объективнымъ, а не субъективнымъ. А такая виѣшняя оцѣнка безъ непосредственнаго созерцанія своей собственной души, можетъ, правда, опредѣлить реальныя убѣжденія, но она не стремится развивать истинныя чувства, самопроизвольное упражненіе которыхъ она, напротивъ, можетъ нарушить и задержать, если она войдетъ въ привычку. Но такого излишества нечего опасаться у новыхъ моральныхъ руководителей человѣчества уже потому, что оно прямо противорѣчитъ тому глубокому познанію истинной человѣческой природы, которое ставитъ позитивизмъ неизмѣримо выше католицизма.

Такимъ образомъ, позитивное направленіе лучше всякаго другого всегда будетъ считать главнымъ источникомъ дѣйствительной нравственности прямой подъемъ, одновременно самопроизвольный и систематическій, соціальнаго чувства, которое оно постарается, по возможности, развивать даже съ самаго нѣжнаго возраста, пользуясь всѣми приемами, могущими быть указанными здравой философіей. Именно въ такомъ постоянномъ упражненіи и будетъ состоять, главнымъ образомъ, какъ частное, такъ и общественное нравственное воспитаніе, которому будетъ всегда подчинено умственное образованіе. Я дополню это общее указаніе ниже приводимой характеристикой народнаго воспитанія.

ГЛАВА XVIII.

Моральное воздѣйствіе духовной власти на общественное мнѣніе; распредѣленіе похвалъ и порицаній, прославленіе великихъ людей, осужденіе главныхъ ретроградовъ.

Какъ бы совершенно ни было полученное воспитаніе, оно не можетъ достаточно направлять поведеніе среди бурныхъ волненій активной жизни, если та же духовная власть, которая его направляла, не закрѣпитъ его значеніе, распространяя его систематическое приложеніе на всю нашу какъ частную, такъ и общественную жизнь путемъ надлежащаго напоминанія отдѣльнымъ лицамъ и классамъ или даже націямъ объ истинномъ смыслѣ забытыхъ или непризнанныхъ принциповъ, въ особенности, объ ихъ мудромъ примѣненіи въ каждомъ случаѣ. Но здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ основномъ воспитаніи, духовная власть должна менѣе обращаться къ чистому разсудку, чѣмъ къ непосредственному чувству. Ея главная сила явится результатомъ могущественной организаціи общественного мнѣнія, которое будетъ санкціонировать ея справедливое распредѣленіе похвалъ и порицаній, какъ это будетъ особо указано въ третьей части настоящаго разсужденія.

Это моральное воздѣйствіе человечества на каждого отдѣльнаго человѣка, — что является необходимымъ слѣдствіемъ всякаго истиннаго согласія между принципами и чувствами — должно быть развито при позитивномъ режимѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Большая реальность господствующей доктрины и полная общественность соотвѣтственной среды доставятъ въ этомъ отношеніи позитивной духовной власти нравственные преимущества, которыми не обладалъ католическій духовный авторитетъ.

Это естественное превосходство обнаружится, въ особенности, въ правильной организаціи почитанія памяти усопшихъ, что является въ рукахъ всякой духовной власти драгоценнѣйшимъ добавленіемъ къ нравственному воспитанію. Абсолютный характеръ теологической доктрины, еще болѣе чѣмъ несовершенство социальной среды, обусловилъ неудачу благородныхъ стремленій католицизма къ настоящей всеобщности. Несмотря на всѣ его усилія, онъ никогда не могъ обнять своей систематической санкціей болѣе, чѣмъ весьма ограниченную часть времени и мѣста, въ которой его оцѣнка была всегда столь слѣпа и несправедлива, что онъ за нее упрекаетъ теперь своихъ собственныхъ враговъ. Только позитивное прославленіе можетъ неослабно и послѣдовательно распространяться на всѣ эпохи и на всѣ мѣста. Основанное на истинной теоріи человѣческой эволюціи оно воздастъ должное каждому состоянію и каждой фазѣ ея, такимъ образомъ оно естественнымъ путемъ призываетъ потомство къ поддержкѣ всѣхъ моральныхъ заповѣдей даже частнаго характера, распространяя до малѣйшихъ случаевъ свою общую систему почитанія памяти усопшихъ всегда въ одномъ и томъ же духѣ.

Не забывая здѣсь впередъ съ указаніями, имѣющими войти въ трактатъ, введеніемъ къ которому служить настоящее разсужденіе, я считаю, однако, необходимымъ охарактеризовать теперь же эту способность позитивизма однимъ примѣромъ, кото-

рый может доставить материалъ для перваго ся примѣненія. Онъ состоитъ въ ежегодномъ торжественномъ чествованіи памяти на всемъ западѣ въ установленные дни нашихъ трехъ главныхъ предшественниковъ въ социальномъ отношеніи, Цезаря, Св. Павла и Карла Великаго, являющихся лучшими представителями древности, среднепѣковья и связывающаго эти эпохи католицизма. Ни одинъ изъ этихъ выдающихся людей не могъ быть до сихъ поръ надлежащимъ образомъ оцѣненъ, вслѣдствіе отсутствія здоровой исторической теоріи, которая одна только и можетъ указать на ихъ важное участіе въ основнѣйшей эволюціи. Этотъ пробѣлъ замѣтенъ даже по отношенію къ Св. Павлу, несмотря на почести, воздаваемые ему религіей; позитивизмъ естественнымъ образомъ поидетъ дальше въ этомъ отношеніи, исторически представляя этого великаго человѣка, какъ истиннаго основателя того, что неточно называютъ христіанствомъ. Новая всеобщая доктрина еще въ болѣе сильной степени является единственною, способною правильно оцѣнить Цезаря, почти непризнаемаго теологической и метафизической философіями, равно какъ Карла Великаго, предназначение котораго могло быть только весьма несовершенно обрисовано католицизмомъ.

Но не взирая на недостаточность систематическихъ сужденій, признательное общество самопроизвольно поддерживало культъ этихъ трехъ великихъ именъ. Отсюда понятно, насколько единодушно будетъ принято всей семьей западныхъ народовъ достойное позитивистское чествованіе ихъ памяти.

Чтобы доополнить этотъ характерный примѣръ, нужно еще добавить указаніе на двойной результатъ здоровой исторической оцѣнки, которая приводитъ не только къ восхваленію, но и къ порицанію. Хотя послѣднее должно развиваться гораздо менѣе, чѣмъ первое, изъ опасенія чрезмѣрно культивировать тягостные и даже губительные аффекты, тѣмъ не менѣе нужно иногда умѣть энергично клеймить, дабы дѣлать болѣе нагляднымъ одобреніе и, слѣдовательно, болѣе укрѣпить социальныя принципы и чувства. Такъ, устанавливая систематическое почитаніе памяти трехъ великихъ людей, наиболѣе способствовавшихъ ускоренію человѣческой эволюціи, я предложилъ бы одновременно подвергать торжественному порицанію двухъ главныхъ ретроградовъ, которыхъ намъ представляеть исторія, Юліана и Бонапарта, изъ которыхъ одинъ былъ болѣе безразсуденъ, а другой болѣе преступенъ. Реальное вліяніе этихъ двухъ отверженныхъ было достаточно обширно, чтобы ихъ справедливое періодическое клейменіе могло стать одинаково популярнымъ во всѣхъ частяхъ запада ¹⁾.

Эти двѣ различныя оцѣнки пропалаго составляютъ одновременно неизбежное продолженіе и необходимое дополненіе основнаго назначенія духовнаго организма, а именно, подготовленіе будущаго путемъ воспитанія въ собственномъ смыслѣ слова. Но это назначеніе даетъ почву для другого рода дополнительныхъ функций, имѣющихъ цѣлью прямо измѣнять настоящее, благодаря благотворному вліянію въ качествѣ совѣтника, которое всякая истинно воспитательная власть естественнымъ образомъ оказываетъ на любую часть активной жизни какъ частной, такъ и общественной. Хотя эти содѣянія должны быть всегда свободно получаемы практическими

¹⁾ Вслѣдствіи Конть взялъ обратно это предложеніе. См. *Système de Politique positive*, томъ IV, глава V. Пер.

дѣятелями, они, тѣмъ же менѣе, являются болѣе плодотворными, когда они мудро исходятъ отъ надлежащаго теоретическаго авторитета. Они преимущественно касаются взаимныхъ отношеній различныхъ классовъ или народовъ и стремятся, по возможности, улаживать различные внутренніе или внѣшніе споры, возникающіе на всемъ протяженіи соціальной среды, которая, допуская одну и ту же доктрину и получая одно и то же воспитаніе, добровольно признастъ однихъ и тѣхъ же интеллектуальныхъ и моральныхъ руководителей.

Въ третьей части настоящаго разсужденія мнѣ придется опредѣлить главную сферу этого втораго рода дополнительныхъ функцій, которыми заканчиваю здѣсь систематическое указаніе нормальныхъ областей повой духовной власти.

Г Л А В А XIX.

Девизъ позитивизма: порядокъ и прогрессъ.

Предшествующія замѣчанія позволяютъ теперь опредѣлить, какиимъ образомъ всѣ характерныя черты, отличающія эту способность къ преобразованію, самопроизвольно реформируются въ основномъ, одновременно философскомъ и политическомъ, девизѣ (порядокъ и прогрессъ), созданіе и провозглашеніе котораго я всегда буду считать своей заслугой.

Прежде всего, одинъ только позитивизмъ можетъ прочно построить каждое изъ этихъ двухъ важныхъ понятій, разсматриваемыхъ въ одно и то же время, какъ научныя и соціальныя. Эта исключительная способность очевидна по отношенію къ прогрессу, яснаго и полнаго опредѣленія котораго ни одна другая доктрина не можетъ дать. Но, хотя касательно порядка она менѣе замѣтна, все же, какъ видно изъ разъясненій, данныхъ въ первой части настоящаго разсужденія, она и здѣсь не менѣе реальна, не менѣе глубока.

Всякая предыдущая философія по необходимости должна была считать порядокъ недвижнымъ; а эта идея совершенно непримѣнима къ современной политикѣ. Позитивная же философія, способная избѣгать понятія абсолюта, не вводя, однако, понятія произвола, можетъ, такимъ образомъ, дать единственное понятіе порядка, соответствующее нашей прогрессивной цивилизаціи. Она строитъ это понятіе на ненуклебимомъ основаніи, сообщая ему объективный характеръ, согласно всеобщему догмату о непреложности естественныхъ законовъ, не допускающему въ этомъ отношеніи никакого субъективнаго уклоненія. Для новой философіи искусственный порядокъ, какъ соціальныхъ, такъ и всѣхъ другихъ явленій, необходимо покоится на естественномъ порядкѣ, обусловленномъ всюду совокупностью реальныхъ законовъ.

для насъ и для всѣхъ болѣе высшихъ животныхъ, стремящихся болѣе или менѣе улучшить свое матеріальное положеніе. Несмотря на низменный характеръ прогресса этого рода, онъ, благодаря своей болѣе легкой, составляетъ для насъ необходимое начало совершенствованія, болѣе высокія степени котораго не могутъ быть оцѣнены народами, оставшимися чуждыми его болѣе грубой формѣ. Это-то и является причиной наблюдаемаго въ настоящее время сильнаго влеченія къ матеріальному прогрессу, въ которомъ избранная часть человѣчества черпаетъ, сверхъ того, самопроизвольное побужденіе къ болѣе благоприятнымъ улучшеніямъ, систематическіе противники которыхъ не смѣютъ отвергать этой произвольной первоначальной соблазнительности. Впрочемъ, наша умственная и нравственная апатія, мѣшающая намъ предпринять какое-либо другое существенное совершенствованіе, объясняется, хотя и не оправдывается, чрезмѣрное значеніе, которое теперь придается матеріальному прогрессу.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что только второй родъ прогресса составляетъ главную характерную черту человѣчества, за исключеніемъ слабаго почина, обнаруживаемаго въ этомъ отношеніи нѣкоторыми высшими животными, которыя дѣйствительно въ самыхъ грубыхъ чертахъ стремятся улучшить также свою собственную природу.

Это истинно человѣческое совершенствованіе обнимаетъ три вида улучшеній, трудность которыхъ возрастаетъ одновременно съ ихъ важностью и обширностью, смотря по тому, касаются ли они нашей физической, интеллектуальной или моральной природы. Ея первая ступень, которая можетъ быть разложена согласно тому же принципу, почти сливается своимъ началомъ съ простымъ матеріальнымъ прогрессомъ. Но въ цѣломъ она является гораздо болѣе важной и болѣе трудной, въ виду ея чрезвычайно большаго вліянія на наше истинное счастье. Мы, наприимѣръ, болѣе выигрываемъ отъ малѣйшаго удлиненія нашей жизни или какого-либо укрѣпленія нашего здоровья, чѣмъ отъ болѣе старательныхъ усовершенствованій русла нашихъ рѣкъ или нашихъ искусственныхъ путей сообщенія, которыми никогда мы не достигнемъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуются птицы благодаря ихъ естественной организаціи. Во всякомъ случаѣ, этотъ первый видъ внутренняго прогресса не можетъ считаться исключительно присущимъ человѣку, такъ какъ нѣкоторые животные дѣлаютъ кой-какіе самопроизвольные шаги въ этомъ направленіи, въ особенности, относительно чистоплотности, являющейся естественнымъ началомъ подобнаго рода совершенствованія.

Такимъ образомъ, человѣчество хорошо характеризуется только интеллектуальными и моральными преуспѣхами, доступными для животныхъ лишь въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, коллективный же подъемъ ихъ возможенъ только при нашемъ постоянномъ вмѣшательствѣ.

Эти двѣ высшія ступени полнаго совершенствованія не равны по своей цѣнности, обширности и трудности, подобно тому, какъ не равны двѣ низшія ступени, при чемъ мы ихъ всегда оцѣниваемъ по ихъ дѣйствительному вліянію на частное или общественное человѣческое счастье. Наше умственное, научное или эстетическое улучшеніе какъ со стороны метода наблюденія, такъ и со стороны индуктивной или дедуктивной способности, когда социальное состояніе позволяетъ надлежащимъ

образомъ ею пользоваться, имѣть большее значеніе для нашей судьбы и доступно большому подъему, чѣмъ всѣ физическія и тѣмъ болѣе матеріальныя улучшенія.

Но согласно основному объясненію, данному въ началѣ настоящаго разсужденія, ясно, что истинное человѣческое счастье еще болѣе зависитъ отъ моральнаго прогресса, совершить который мы имѣемъ также больше возможности, хотя онъ и является болѣе труднымъ. Нѣтъ такого интеллектуальнаго улучшенія, которое въ этомъ отношеніи могло бы быть равноцѣнно, напримѣръ, дѣйствительному увеличенію доброты и мужества. Поэтому, чтобы упростить точное понятіе о совокупности нашей личной или общественной жизни, достаточно указать, что она должна быть, главнымъ образомъ, посвящена нравственному совершенствованію, приводящему насъ къ истинному счастью болѣе прямымъ и болѣе вѣрнымъ путемъ, чѣмъ всякое другое. Хотя оно не можетъ избавить насъ отъ предшествующихъ видовъ совершенствованія, долженствующихъ даже служить постепеннымъ подготовленіемъ къ нему, оно тѣмъ болѣе способно вмѣстѣ въ себя цѣль всей нашей жизни, что, благодаря этой связи, оно естественно вызываетъ всѣ другія совершенствованія.

Итакъ, наше совершенствованіе относится, главнымъ образомъ, къ двумъ нравственнымъ качествамъ, наиболѣе важнымъ для реальной жизни, а именно для аффективнаго импульса и активнаго рѣшенія; эти качества суть благорасположеніе и энергія; на это указываетъ удачная двусмысленность во всѣхъ нашихъ западныхъ языкахъ значенія слова сердце у двухъ половъ. Позитивная философія необходимо стремится развить эти качества болѣе непосредственно, болѣе ясно и болѣе вѣрно, чѣмъ всякая другая предшествующая ей доктрина.

Подчиняя социальному чувству всѣ наши мысли, чувства и дѣйствія, она является пропитанной благорасположеніемъ. Что касается энергіи, то она ее всюду предполагаетъ и постоянно внушаетъ тѣмъ, что кореннымъ образомъ исключаетъ всякое стѣсненіе свободы, возбуждаетъ въ насъ сознаніе истиннаго достоинства и непрерывно побуждаетъ насъ къ частной и коллективной дѣятельности. Наше собственное вступленіе въ эту конечную форму существованія составляетъ въ этомъ отношеніи рѣшительное доказательство, облизывая каждого изъ насъ преодолѣть страхи, которые нѣкогда приводили въ колебаніе наиболѣе мужественные и наиболѣе гордые характеры.

Такова основная система человѣческаго совершенствованія, являющагося вначалѣ матеріальнымъ, далѣе физическимъ, затѣмъ интеллектуальнымъ и, наконецъ, въ особенности, моральнымъ. Эти четыре главныхъ ступени могутъ быть разложены согласно тому же правилу на второстепенныя, при чемъ между ними образуется много нормальныхъ переходовъ. Хотя я и не могу здѣсь вдаваться въ эти подробности, все же считаю необходимымъ указать, что философскій принципъ всего этого разложенія, тождествененъ съ принципомъ истинной энциклопедической іерархіи, соответствующей или общности или сложности явленій. Оба ряда будутъ точно соответствовать другъ другу, если они будутъ составлены по одному и тому же способу. Они кажутся различными только въ виду необходимости болѣе подробно означать для научной цѣли ихъ нижнюю часть и для социального приложенія — ихъ высшую часть. Но эта двойная лѣстница истины и добра приводитъ къ одному и тому же заключенію какъ въ томъ случаѣ, когда социальная точка зрѣнія становится

выше всѣхъ другихъ, такъ и въ томъ, когда высшее благо полагается во всеобщей любви.

Эта систематическая оцѣнка основного девиза представляетъ собой краткую характеристику духовнаго преобразованія, составляющаго главное назначеніе новой философіи. Не трудно теперь понять, какимъ образомъ позитивизмъ осуществляетъ одновременно наиболѣе благородныя социальныя попытки католицизма въ средніе вѣка и наиболѣе важныя условія великой программы конвента. Окончательно присваивая себѣ противоположныя достоинства, принадлежавшія раньше католичеству и революціонному духу, онъ обезпечиваетъ одновременное упраздненіе теологическаго и метафизическаго методовъ мышленія, такъ какъ отнынѣ, когда лѣтъ противорѣчивыя функціи лучше выполняются одной конечной доктриной, они оба уже бесполезны. Нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской должно было въ особенности вызвать это сліяніе и это необходимое очищеніе, ибо оно было главнымъ предметомъ этого долгаго подготовительнаго антагонизма.

Г Л А В А XXII.

Политическія указанія. Переходный режимъ. Временное правительство.

Опредѣливъ по возможности умственное и нравственное преобразованіе, которое должно характеризовать на всемъ западѣ вторую часть великой революціи, мнѣ остается указать необходимыя отношенія между этимъ философскимъ движеніемъ и всей современной политикой.

Хотя эволюція позитивизма въ основѣ независима отъ социальныхъ стремленій, представляемыхъ нынѣ остатками старыхъ доктринъ, однако, общій ходъ событій можетъ оказать на нее воздѣйствіе, которое важнѣе предвидѣть. Обратно, новая доктрина, хотя и лишена возможности значительно измѣнить соответствующую среду, способна, однако, произвести здѣсь улучшенія, на которыя нужно указать. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія трактатъ, предисловіемъ къ которому служитъ это сочиненіе, будетъ содержать тщательное изслѣдованіе характера, который долженъ имѣть нормальный переходъ, долженствующій по возможности облегчить наступленіе нормальнаго будущаго, опредѣленнаго истинной социальной наукой. Поэтому эта вторая часть моего общаго введенія была бы неполной, если бы я не присоединилъ къ ней достаточное указаніе на то, какова должна быть эта временная политика, которая будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока обновляющая доктрина свободно не получитъ рѣшительнаго перевѣса.

Главная характеристическая черта этой политики опредѣляется ея временнымъ назначеніемъ. Ни одно постоянное учрежденіе не можетъ создаться, пока будетъ длиться современная анархія мнѣній и нравовъ. Покуда глубокія убѣжденія и систематическія привычки не возьмутъ верхъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ социальной жизни, могутъ имѣть успѣхъ лишь разлпчныя мѣры, способныя облегчить это основное переустройство. Всѣ другія попытки по необходимости будутъ недолговѣчны, какъ

опытъ это уже неоднократно подверждалъ вопреки напрасной надеждѣ ихъ авторовъ, поддерживаемой вначалѣ народнымъ увлеченіемъ.

Это неизбежное условіе нашего революціоннаго состоянія было надлежащимъ образомъ понято только памятнымъ собраніемъ, руководившимъ республиканскимъ переворотомъ. Изъ всѣхъ верховныхъ властей, которыя на протяженіи двухъ поколѣній стараются вершать наши судьбы, только конвентъ сумѣлъ избѣжать высокомерной политической иллюзіи, будто можно строить вѣчныя учрежденія, не ожидая созданія интеллектуальнаго и моральнаго фундамента. Поэтому онъ одинъ и оставилъ наиболѣе глубокіе слѣды въ умахъ и сердцахъ. Въ силу только того, что его великія мѣропріятія открыто назывались временными, не исключая даже тѣхъ, которыя болѣе касались будущаго, чѣмъ настоящаго, они оказывались въ естественной гармоніи со средой, подлежащей измѣненію. Всякій истинный философъ всегда будетъ испытывать почтительное восхищеніе къ этой истинкитивной мудрости, которая не только не могла опираться ни на какую реальную теорію, но ей приходилось безпрерывно бороться съ обманчивой метафизикой, духомъ которой были проникнуты умы всѣхъ выдающихся государственныхъ людей, которыми можетъ гордиться западъ со смерти великаго Фридриха. Это превосходство было бы необъяснимо, если бы обусловившая его настоящая необходимость не способствовала также въ значительной степени его подъему тѣмъ, что обнаруживала невозможность существованія въ данное время какого-либо окончательнаго строя, или тѣмъ, что сдерживала анархическія иллюзіи официальной доктрины путемъ сильнаго сосредоточенія политики, которое одно только могло помѣшать ретроградному вторженію.

Когда эта спасительная необходимость потеряла свой острый характеръ, великое собраніе поддалось, хотя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ его предшественникъ, метафизическому влеченію къ отвлеченному и полному устройству мнимаго окончательнаго состоянія, продолжительность котораго не достигла даже предѣла, назначеннаго въ началѣ для предварительнаго режима, обезсмертившаго первую половину правленія конвента.

Согласно своему первоначальному постановленію это революціонное правительство должно было прекратить свое существованіе только въ моментъ общаго мира. Но если бы оно могло продержаться до этого срока, то, вѣроятно, пришлось бы сохранить его и на будущее время, въ виду дѣйствительной невозможности установить въ то время окончательный образъ правленія.

Эта исключительная политика была, безъ сомнѣнія, продиктована только неотложными нуждами тогдашняго положенія, какъ необходимая для нашей національной заплаты. Однако, кромѣ этой временной необходимости, которая отодвигала на задній планъ всякое другое соображеніе, существовала болѣе глубокий и болѣе прочный мотивъ, который могла обнаружить только историческая теорія, тогда еще невозможная. Онъ состоялъ въ чисто отрицательной природѣ господствующей метафизики, которая обусловила полное отсутствіе интеллектуальныхъ и моральныхъ основаній, требуемыхъ истиннымъ политическимъ переустройствомъ. Хотя этотъ огромный пробѣлъ не сознавался, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ главной причиной, вслѣдствіе которой пришлось отложить введеніе окончательнаго режима. Воцарившійся миръ не замедлилъ бы его обнаружить, такъ какъ онъ былъ уже сознанъ въ про-

тивномъ лагерѣ людьми, чуждыми справедливой республиканской борьбѣ. Онъ былъ, въ особенности, пезамѣтенъ благодаря неизбежному первоначальному заблужденію, приписывавшему настоящую органическую способность чисто критическимъ доктринамъ, разработаннымъ въ теченіе предыдущаго вѣка. Когда именно это торжество революціонной метафизики сдѣлало очевиднымъ ея существенно анархическую природу, стремленіе къ окончательнымъ построеніямъ становится необходимымъ началомъ продолжительнаго ретрограднаго движенія, различныя фазы котораго заполняютъ все слѣдующее столѣтіе. Ибо отсутствіе принциповъ, приуроченныхъ къ дѣйствительному преобразованію, заставило основать эти тщетныя попытки на принципахъ стараго строя, выразившихъ единственныя понятія реального порядка, которыя были тогда доступны систематизаціи.

Г Л А В А XXIII.

Духовное преобразованіе должно предшествовать свѣтской реформѣ.

Наше революціонное состояніе, въ силу вышеуказаннаго обстоятельства, не позволяетъ еще и теперь приступить къ непосредственному свѣтскому преобразованію изъ опасенія новыхъ ретроградныхъ попытокъ, которыя отнынѣ оказались бы въ то же время и анархическими. Хотя позитивизмъ уже установилъ философскія основанія истиннаго окончательнаго режима, эти новые принципы, однако, еще столь мало развиты и, въ особенности, такъ плохо оцѣнены, что они никоимъ образомъ не могутъ руководить политической жизнью въ собственномъ смыслѣ. Покуда они не займутъ перваго мѣста въ умахъ и сердцахъ, на что потребуется, по меньшей мѣрѣ, цѣлое поколѣніе, они не смогутъ управлять постепеннымъ возведеніемъ окончательныхъ учреждений.

Въ настоящее время можно прямо заняться только духовнымъ преобразованіемъ, которое, не взирая на его чрезвычайную трудность, стало, наконецъ, настолько же осуществимымъ, насколько раньше оно было крайне необходимымъ. Когда оно будетъ достаточно двинуто впередъ, оно мало-по-малу опредѣлитъ дѣйствительное свѣтское преобразованіе, которое, будучи предпринято преждевременно, вызвало бы только новыя неудачи.

Конечно, эти смуты не могутъ уже повлечь за собой такихъ же тяжелыхъ политическихъ послѣдствій, какъ раньше, такъ какъ именно наша глубокая духовная анархія препятствуетъ преобладанію всѣхъ дѣйствительныхъ одновременно прочныхъ и общихъ убѣжденій. Единственныя сильно преобладавшія доктрины безвозвратно обезсилены послѣ того, какъ неопровержимый опытъ, сопровождавшійся рѣшительной критикой, доказалъ всюду органическую несостоятельность и разрушительную тенденцію революціонной метафизики. Ослабленная сдѣланными теологіи уступками, которыя были вызваны ея созидательными стремленіями, она можетъ только привести къ политикѣ, вѣчно колеблющейся между ретроградными стремленіями и анархіей, или, вѣрнѣе, являющейся одновременно стѣснительной и разру-

шительной въ силу необходимости обуздывать социальную среду, для которой господство метафизики сдѣлалось столь же ненавистно, какъ и царство теологіи.

Но хотя это коренной разладъ и долженъ теперь разсѣять всякое серьезное безпокойство о возможности глубокихъ политическихъ смуть, отнынѣ невозможныхъ въ виду отсутствія достаточной страстности, тѣмъ не менѣе, эмпирическія стремленія къ непосредственному созданію окончательнаго строя могутъ помимо ихъ неизбѣжной бесплодности вызвать еще прискорбныя нарушенія порядка. Внутреннее спокойствіе и внѣшній миръ покоятся теперь только на ослабленіи разрушительныхъ силъ, обусловленномъ расширеніемъ разрушительнаго движенія, но не существуетъ никакой прямой и нормальной гарантіи. Это странное положеніе вещей будетъ неминуемо продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться интеллектуальное и моральное междуцарствіе, не позволяющее установить надлежащее согласіе принциповъ и чувствъ, которое одно только способно создать въ этомъ двойномъ отношеніи реальную и полную безопасность.

Хотя самопроизвольность этого временнаго равновѣсія дѣлаетъ его болѣе прочнымъ, чѣмъ можно было бы ожидать, оно естественнымъ образомъ вызываетъ внутри и даже внѣ страны частыя тревоги, которыя, являясь всегда тягостными, нерѣдко влекутъ за собой на практикѣ губительныя реакціи. Всякая же попытка немедленно приступить къ свѣтской реформѣ не только не въ состояніи улучшить это положеніе, но всегда приводитъ къ ухудшенію его, искусственно оживляя одряхлѣвшія доктрины, которымъ нужно было бы предоставить естественно угасать. Тщетныя попытки со стороны власти къ ихъ пробужденію могутъ привести только къ нарушенію у публики и даже среди мыслителей умственной свободы, необходимой для мирнаго воцаренія истинныхъ и окончательныхъ принциповъ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что настало мирное время, наша новая республиканская политика, въ виду продолжающагося духовнаго междуцарствія, должна быть также, какъ и старая, по существу временной. Этотъ временный характеръ долженъ даже особенно рѣзко въ ней проявляться, такъ какъ не существуетъ уже никакихъ серьезныхъ иллюзій относительно органической цѣнности официальной метафизики, которая въ силу потребности въ какихъ-нибудь принципахъ, съ одной стороны, и по недостатку настоящей социальной доктрины—съ другой, нынѣ какъ будто воскресла, что составляетъ рѣзкій контрастъ съ полнымъ отсутствіемъ систематическихъ убѣжденій у большинства дѣятельныхъ умовъ. Иллюзія, вначалѣ неизбѣжная, заставившая пользоваться чисто критическими принципами въ качествѣ органическихъ, не можетъ серьезно возродиться.

Чтобы успокоиться на этотъ счетъ, достаточно обратить вниманіе на повсемѣстное распространеніе промышленныхъ нравовъ, эстетическихъ вкусовъ и научныхъ стремленій, тройное самопроизвольное вліяніе которыхъ непримиримо съ социальнымъ господствомъ метафизическихъ догмъ, какъ идеологическихъ, такъ и психологическихъ. Не нужно особенно бояться естественнаго увлеченія, возвращающаго насъ теперь къ первой части революціи, дабы вновь укрѣпить наши республиканскія чувства, заставляя насъ скорѣе забыть и продолжительное ретроградное движеніе и двусмысленное неподвижное состояніе, отдаляющія насъ отъ первоначальнаго потрясенія, съ которымъ все болѣе и болѣе непосредственно будутъ связываться

окончательныя воспоминанія челоѣчества. Удовлетворяя этой потребности, общественный инстинктъ не замедлитъ въ то же время понять, что въ этой великой эпохѣ главнымъ предметомъ подражанія должна быть для насъ только поразительная мудрость, съ которой конвентъ въ теченіе прогрессивной фазы оцѣнилъ необходимость безусловно временной политики, оставляя до лучшихъ временъ окончательное переустройство. Есть основаніе надѣяться, что всякая новая попытка создать отвлеченную конституцію вызоветъ вскорѣ во Франціи, и, слѣдовательно, на всемъ западѣ глубокое общее убѣжденіе въ полной тщетѣ подобныхъ опытовъ.

Впрочемъ, это послѣднее усиліе угасающей метафизики совершится при условіяхъ полной свободы обсужденія и среди народа одинаково недовѣрчиво относящагося, какъ къ политическимъ сущностямъ, такъ и къ христіанскимъ тайнамъ. Ни одинъ изъ предыдущихъ опытовъ не производился при условіяхъ столь неблагоприятныхъ для доктринъ, не допускающихъ истинныхъ доказательствъ, которыя составляютъ отнынѣ единственный возможный источникъ прочной вѣры. Такимъ образомъ, если даже новая конституція будетъ разработана со всей подлежащей тщательностью, общественное мнѣніе ее, можетъ быть отвергнетъ, прежде чѣмъ она будетъ окончена, не позволивъ ей официально существовать даже то короткое время, въ теченіе котораго въ среднѣй продержались предшествующія конституціи. Всякая же попытка со стороны закона ограничить по этому предмету свободу преній только вѣрнѣе приведетъ къ этому естественному слѣдствію нашего умственного и соціальнаго состоянія.

ГЛАВА XXIV.

Задача правительства въ теченіе духовнаго междуцарствія: обезпечить матеріальный порядокъ, гарантировать свободу слова и преній.

Необходимость, предписывающая намъ чисто временную политику, покуда будетъ длиться духовное междуцарствіе, опредѣляетъ также истинную природу этого переходнаго режима. Если бы революционное правительство конвента продержалось до наступленія общаго мира, оно, безъ сомнѣнія, осталось бы и далѣе у власти, измѣнивъ только согласно новымъ потребностямъ свой главный характеръ. Пока продолжалась національная борьба, оно должно было представлять собой сильную диктатуру, одновременно духовную и свѣтскую, отличающуюся отъ павшей королевской власти только болѣе высокой напряженностью вслѣдствіе чрезвычайно прогрессивнаго направленія; эта черта только и отличала ее отъ настоящей тираніи. Но миръ по необходимости положилъ конецъ этому полному сосредоточенію политики, безъ котораго защита республики была бы безуспѣшна. При измѣнившихся обстоятельствахъ временное правительство, обязанное своимъ существованіемъ только отсутствію истинныхъ социальныхъ принциповъ, должно допустить полную свободу изложенія и преній, дотогдѣ невозможную и даже опасную, но ставшую теперь необходимымъ условіемъ разработки и установленія новой всеобщей доктрины, которая одна лишь можетъ служить твердымъ основаніемъ для окончательнаго преобразованія.

Это предполагаемое превращеніе собственно революціоннаго правительства должно осуществиться въ исключительной политикѣ, наиболѣе подходящей для французской республики, возрождающейся среди общаго отнынѣ непоколебимаго мира и глубокой духовной анархіи. Недостойные преемники конвента превратили въ ретроградную тиранію ввѣренную имъ силою обстоятельствъ прогрессивную диктатуру. Въ послѣднюю фазу долгой реакціи это полное сосредоточеніе было кореннымъ образомъ обезсилено противоѣдѣствіемъ на основаніи закона мѣстной власти. Хотя центральная власть домогалась всегда оффиціального всемогущества, однако, неизбѣжное расширеніе свободы изслѣдованія все болѣе и болѣе сводило на нѣтъ ся бесполезное духовное господство, оставляя ей только свѣтское главенство, котораго требовалъ общественный порядокъ. Въ теченіе перерыва, послѣдовавшаго за реакціей, даже свѣтская диктатура была законнымъ путемъ уничтожена, благодаря раздробленію центральной власти и усиленію мѣстной власти. Обѣ эти власти молча отказались руководить духовнымъ преобразованіемъ, посвятить себя всецѣло все болѣе и болѣе трудному поддержанію матеріальнаго порядка среди полной умственной анархіи, которую еще усиливалъ позорный эмпиризмъ, который считалъ возможнымъ основать общественный строй на однихъ только интересахъ, безъ всякаго нравственнаго фундамента.

Прогрессивный характеръ, по необходимости присущій нашей республикѣ, конечно, несомнѣнно пріадаетъ ея двумъ свѣтскимъ органамъ естественное усиленіе напряженности, которое въ прежнее время возбудило бы непреодолимое отвращеніе. Но каждый изъ нихъ совершилъ бы огромную ошибку, если бы онъ попытался теперь возродить въ какой-либо формѣ временную диктатуру конвента. Хотя подобная попытка не могла бы увѣнчаться успѣхомъ, она, тѣмъ не менѣе, вызвала бы тяжелыя смуты, которыя отнынѣ были бы одновременно и анархическими и ретроградными, соответственно природѣ окончательно дискредитированной метафизики, которая при этомъ была бы примѣнена.

Такимъ образомъ, полное отсутствіе твердыхъ и общихъ убѣжденій заставляетъ вести теперь чисто временную политику, ограничивающуюся, главнымъ образомъ, матеріальнымъ порядкомъ; въ то же время благоприятныя условія внутренняго и вѣншнаго положенія вещей не требуютъ другой политики для содѣйствія великому умственному и нравственному обновленію, долженствующему характеризовать окончательный строй. Разсѣивая навсегда оффиціальную ложь, согласно которой конституціонная монархія признавалась окончательнымъ результатомъ великой революціи, наша республика можетъ провозгласить непреложнымъ только свой единственный нравственный принципъ: полное и постоянное преобладаніе социальнаго чувства, прямо посвящающаго общему благу всѣ реальныя силы.

Такое теперь единственное, истиннѣ окончательное правило, которое нѣтъ надобности предписывать, такъ какъ оно самопроизвольно вытекаетъ изъ всеобщихъ стремленій, не позволяющихъ его оспаривать съ тѣхъ поръ, какъ всѣ противорѣчивыя предрассудки совершенно разрушены. Но что касается доктринъ и, слѣдовательно, учреждений, могущихъ организовать это прямое царство универсальной общественности, наша республиканская форма правленія въ сущности остается неопредѣленной и допускаетъ множество режимовъ. Безвозвратнымъ, съ политической

точки зрѣнія, здѣсь является только полное уничтоженіе королевской власти, которая, въ какой бы формѣ она ни существовала, составляла съ давнихъ поръ во Франціи и даже, въ меньшихъ степеняхъ, на всемъ западѣ символъ регресса.

Это торжественное признаніе главенства социальнаго чувства—главная заслуга республиканской формы правленія—прямо отвергаетъ всякое притязаніе на непосредственное созданіе окончательнаго режима, такъ какъ это противорѣчитъ добросовѣстному исканію реальнаго рѣшенія, предполагающаго наличность систематическихъ условій, источникомъ которыхъ не могутъ быть современные остатки прежнихъ доктринъ. Требуя, чтобы умственное и нравственное преобразованіе отнынѣ было искренно предоставлено свободному соперничеству всѣхъ мыслителей, истинные философы будутъ, такимъ образомъ, говорить отъ имени республики, для которой чрезвычайно важно помѣшать теперь стѣснительному освященію какого-либо изъ нерациональныхъ вѣрованій. Подобная поддержка будетъ гораздо болѣе цѣлесообразна для обезпеченія полной философской свободы противъ вредныхъ излишествъ политическаго движенія, чѣмъ инстинктивное сопротивленіе реакціонной власти, обнаруженное ею въ теченіе парламентарнаго перерыва.

Это сильное, но слѣпое отвращеніе къ непосредственному создаванію учреждений, будетъ отнынѣ, къ счастью, замѣнено естественнымъ возрастаніемъ мудраго общественнаго равнодушія, вслѣдствіе неизбежнаго крушенія всѣхъ нестройныхъ попытокъ, внушенныхъ различными метафизическими утопіями. Единственная истинная философская опасность, которую можетъ представить новое политическое состояніе, заключается въ его стремленіи отвращать общество и даже мыслителей отъ всякаго глубокаго и продолжительнаго размышленія, побуждая ихъ отдаваться немедленнымъ практическимъ опытамъ, основаннымъ только на поверхностной и поспѣшной оцѣнкѣ. Слѣдуетъ признать, что наше современное настроеніе было бы совершенно неподходящимъ для первоначальной разработки преобразовательной доктрины, если бы эта доктрина не была уже проведена при принудительномъ равнодушіи, которое одно только посвящало ей нашъ слабый умъ въ то время, какъ обезсиленная политическая реакція уже не въ состояніи была помѣшать свободному полету философской мысли. Но подлинная концепція возникла окончательно въ послѣднюю фазу ретрограднаго движенія; затѣмъ она развивалась и даже распространялась во время остановки его при парламентарномъ режимѣ. Въ настоящее время новая философія выступаетъ въ качествѣ руководительницы социальнымъ прогрессомъ, навсегда возобладавшимъ. Эти временныя настроенія, которыя могли бы помѣшать ея возникновенію, довольно благопріятны для ея оцѣнки, лишь бы только ея главные органы сумѣли всегда съ достоинствомъ избѣгать пошлаго соблазна, который побуждаетъ нынѣ многихъ мыслителей отдаваться интересамъ дня. Только позитивная философія способна хорошо оцѣнить ничтожество и серьезную опасность различныхъ метафизическихъ утопій, оспаривающихъ руководство окончательнымъ преобразованиемъ, и она вскорѣ отвлечетъ публику отъ этого бесполезнаго политическаго волненія, чтобы сосредоточить всеобщее вниманіе на полномъ обновленіи мнѣній и нравовъ на основаніи ея принциповъ.

Пока республиканское правленіе обезпечиваетъ позитивизму полную свободу, необходимую для его дѣйствительнаго назначенія, оно можетъ быть, съ другой точки

зрѣнія, разсматриваемо, какъ начало нормальнаго состоянія, постепенно опредѣляющаго основную независимость новой духовной власти отъ мѣстной или центральной временной власти. Не только правительство, въ собственномъ смыслѣ, вскорѣ вынуждено будетъ признать свою неспособность осудить общую доктрину, требующую наличности высокихъ научныхъ знаній, которыми наши государственные люди большей частью чужды, но, кромѣ того, неурядицы, вызываемыя честолюбивыми мечтаніями метафизиковъ, неспособныхъ оцѣнить современное положеніе, побудятъ общество оказывать довѣріе только мыслителямъ, которые откажутся отъ всякой политической карьеры и торжественно посвятятъ себя философіи.

Такимъ образомъ, нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, систематически проводимое позитивизмомъ, явится результатомъ нашего республиканскаго режима, который, увлекаясь соблазнительной легкостью непосредственныхъ примѣненій, вначалѣ какъ будто мѣшаетъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Хотя кажется, что наши революціонные предрасудки насъ еще значительно удаляютъ отъ этого великаго соціальнаго принципа, однако, опытъ вскорѣ заставитъ правительство и общество признать его, чтобы обезпечить одновременно порядокъ и прогрессъ, которымъ одинаково угрожаютъ метафизическія утопіи. Всѣ истинные мыслители будутъ стараться даже преодолѣть слѣпое отвращеніе, внушаемое имъ этимъ принципомъ, и признають, что если онъ и осуждаетъ ихъ пустое политическое честолюбіе, зато онъ имъ открываетъ огромное поприще благороднаго нравственнаго возвышенія. Помимо своего высокаго соціальнаго назначенія, этотъ новый путь одинъ только можетъ привести къ осуществленію справедливыхъ личныхъ притязаній на званіе истиннаго философа, которое въ настоящее время часто компрометируется стремленіемъ философовъ къ временнымъ успѣхамъ.

Г Л А В А XXV.

Девизъ 1830 года соотвѣтствовалъ политическому состоянію.

Истинный характеръ нашей современной политики настолько опредѣленъ общими состояніемъ, что практическій инстинктъ опередилъ въ этомъ отношеніи здравыя теоретическія указанія, какъ это доказываетъ удачный девизъ (свобода, общественный порядокъ), самопроизвольно возникшій у средняго класса въ пачалѣ долгаго неподвижнаго состоянія. Этотъ девизъ, авторъ котораго неизвѣстенъ, не имѣлъ никакой реальной связи съ ретроградными стремленіями пришедшей въ упадокъ королевской власти. Хотя онъ по существу эмпириченъ, тѣмъ не менѣе, его самопроизвольность дѣлаетъ его болѣе способнымъ, чѣмъ всякое другое метафизическое правило, формулировать два главныхъ условія породившей его соціальной среды.

Систематизируя это внушеніе общественной мудрости, здравая философія должна теперь его укрѣпить двойнымъ дополненіемъ, необходимымъ для его перваго назначенія, но слишкомъ противорѣчающимъ современнымъ предрасудкамъ для того, чтобы вытскать изъ какого-либо практическаго источника. Оно состоитъ въ одновременномъ

развитіи двухъ членовъ формулы и провозглашаетъ истинную свободу обученія и главенство центральной власти надъ мѣстной.

Братскость этого разсужденія не можетъ мнѣ помѣшать дать здѣсь же, въ томъ и другомъ отношеніяхъ, хотя и чрезвычайно бѣгое, но полное резюме разъясненій, предназначенныхъ для четвертаго тома настоящаго трактата.

Г Л А В А XXVI.

Свобода обученія. Упраздненіе бюджета исповѣданій и бюджета Университета.

Отнынѣ позитивизмъ дѣйствительно составляетъ единственное систематическое ученіе, допускающее настоящую свободу изложенія и критики, которую не могутъ открыто провозгласить доктрины, неспособныя выдержать глубокой критики, такъ какъ онѣ не въ состояніи представить какихъ-либо рѣшительныхъ доказательствъ. Эта свобода, издавна обезпеченная по отношенію къ письменному изложенію, должна теперь распространиться на устное изложеніе и должна быть дополнена отказомъ свѣтской власти отъ всякой учебной монополіи.

Свободное обученіе, къ которому одинъ только позитивизмъ можетъ вполне искренно стремиться, стало необходимымъ для нашего состоянія: съ одной стороны какъ переходная мѣра, а съ другой даже какъ возвѣщеніе нормальнаго будущаго. Съ первой точки зрѣнія оно составляетъ необходимое условіе для признанія всякой доктрины, способной установить на основаніи тщательнаго обсужденія твердыя и общія убѣжденія, которыя считаетъ необходимымъ всякая законная система народнаго образованія, хотя она и не въ состояніи ихъ создать. Во второмъ отношеніи свобода преподаванія характеризуетъ уже окончательное состояніе, провозглашая совершенную некомпетентность всякой свѣтской власти въ дѣлѣ воспитанія.

Итакъ, позитивизмъ нисколько не отрицаетъ, что обученіе должно быть подчинено извѣстнымъ правиламъ. Но онъ устанавливаетъ, что организація учебнаго дѣла невозможна до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться духовное междоусобице; и что когда она станетъ осуществимою, благодаря свободному вліянію всеобщей доктрины она будетъ исключительно принадлежать новой интеллектуальной и моральной власти. До тѣхъ поръ государство должно отказаться отъ всякой полной системы всеобщаго образованія, оно должно только мудро поощрять тѣ отрасли образованія, которыми обычно наиболѣе пренебрегаютъ въ частныхъ учебныхъ предпріятіяхъ, въ особенности, въ начальномъ образованіи. Тѣмъ не менѣе, однако, нужно заботливо поддерживать, усовершенствуя, поскольку это позволяетъ нынѣшнее состояніе знаній, различныя общественныя учрежденія для высшаго спеціальнаго образованія, основанныя или преобразованныя конвентомъ; ибо они содержатъ драгоцѣнныя самопроизвольные зародыши будущей учебной системы. Но все то, что великое собраніе упразднило, должно быть теперь окончательно уничтожено, не исключая даже научныхъ академій, губительное умственное и нравственное вліяніе которыхъ показало послѣ ихъ возстановленія, насколько мудро было ихъ первоначальное закрытіе.

Справедливое постоянное поначеніе правительства о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ должно относиться не къ доктринамъ, а къ правамъ, позорно забытымъ современнымъ законодательствомъ. Вотъ единственная общая официальная функція, которую долженъ сохранить въ этомъ отношеніи нашъ временный режимъ. За исключеніемъ же этого, онъ долженъ предоставить всеобщее образованіе свободнымъ попыткамъ частныхъ обществъ, дабы создать почву для возникновенія окончательной системы, немедленное построеніе которой было бы только опасной мечтой.

Главное условіе подобной свободы состоитъ нынѣ въ одновременномъ уничтоженіи теологическаго и метафизическаго бюджетовъ, предоставляя каждому материально поддерживать то исповѣданіе и образованіе, которыя онъ предпочитаетъ. Это двойное упраздненіе должно, впрочемъ, производиться со справедливостью и великодушіемъ, подобающимъ дѣйствительному преобразованію, стоящему выше всякаго злобнаго соперничества; нужно будетъ, такимъ образомъ, соответственно вознаградить лицъ духовнаго и педагогическаго персонала, которымъ придется пострадать отъ мѣры, которую они не могли предвидѣть. Такое отягощеніе значительно облегчитъ это необходимое слѣдствіе изъ состоянія, которое въ виду отсутствія какой-либо свободно господствующей доктрины, запрещаетъ, какъ ретроградный поступокъ, законное признаніе какой-либо изъ устарѣвшихъ системъ, нѣкогда оспаривавшихъ другъ у друга духовное главенство. Наши республиканскіе нравы уже достаточно благоприятны для этого режима, вопреки стремленію идеологовъ наслѣдовать психологамъ въ пользованіи метафизическими выгодами.

Г Л А В А XXVII.

Преобладаніе центральной власти необходимо для обезпеченія общественнаго порядка.

Что касается условій общественнаго порядка, то систематическая санкція позитивизма должна ихъ также значительно укрѣпить, продолживъ революціонные предразсудки противъ прямого преобладанія центральной власти. Метафизическое дѣленіе власти на исполнительную и законодательную составляетъ только невѣрное эмпирическое отраженіе великаго раздѣленія, возникшаго въ средніе вѣка между двумя элементами, необходимыми для управленія человѣчествомъ. Не взирая на тщетныя попытки конституціи разграничить ихъ, мѣстная и центральная власть всегда будутъ оспаривать другъ у друга всю полноту свѣтскаго авторитета, нераціонально раздробленнаго между ними въ виду временной необходимости. Такъ какъ все прошлое Франціи было благоприятно для преобладанія центральной власти до эпохи ея вырожденія къ концу семнадцатаго вѣка, то предпочтеніе, оказываемое нами нынѣ мѣстной власти, составляетъ въ дѣйствительности историческую несообразность, которая стремится прекратиться одновременно съ прекращеніемъ опасеній, что можетъ наступить реакція.

Республиканское состояніе, давая намъ въ этомъ отношеніи прочную гарантію, вскорѣ измѣнитъ обычное направленіе нашихъ политическихъ симпатій. Центральная

власть не только представляетъ единственную дѣйствительно отвѣтственную власть, но является нынѣ наиболее приспособленной для нашихъ существенныхъ потребностей благодаря практическому духу, который необходимо будетъ въ ней все болѣе и болѣе преобладать и который дѣлаетъ ее болѣе склонной открыто отказываться отъ всякаго притязанія на духовное главенство. Собрание, представляющее мѣстную власть, вслѣдствіе своего двусмысленнаго характера часто, напротивъ, уклоняется въ сторону теоретическаго господства, между тѣмъ какъ оно не удовлетворяетъ ни одному изъ главныхъ условий, требуемыхъ послѣднимъ. Преобладаніе мѣстной власти было бы, такимъ образомъ, губительнымъ для истинной свободы изслѣдованія, въ которой она должна инстинктивно усматривать естественный источникъ духовнаго авторитета, призваннаго ограничить ея собственный авторитетъ.

Только позитивизмъ, который въ настоящее время одинъ только можетъ оцѣнить эти различныя стремленія, смѣетъ также безповоротно провозгласить, что они систематически ведутъ къ предпочтенію центральной власти въ большинствѣ ея споровъ съ мѣстной властью. Философы, стоящіе выше всякаго подозрѣнія въ ретроградности или угодлиности, отказывающіеся отъ всякаго служенія политикѣ и посвящающіе себя теперь духовному преобразованію, не побоятся энергично проповѣдывать прямое господство центральной власти и сведеніе мѣстной власти къ ея необходимымъ функціямъ. Нашъ республиканскій режимъ, несмотря на противорѣчащіе внѣшніе признаки, вскорѣ станетъ благопріятнымъ для этого спасительнаго преобразованія нашихъ первоначальныхъ революціонныхъ обычаевъ, такъ какъ оно разсѣетъ справедливое недовѣріе, внушенное ретрограднымъ духомъ королевской власти, а также облегчитъ на будущее время возможность подавлять всякое искаженіе, при чемъ мирное теченіе нашей обычной политики не будетъ нарушаться болѣзью передъ случайностями, не могущими отнынѣ стать страшными.

Когда центральная власть обнаружитъ истинно прогрессивный характеръ, она найдетъ французское общество готовымъ къ сильному ограниченію мѣстной власти, путемъ сокращенія на три четверти чрезмѣрнаго числа членовъ представительнаго собранія, или же сведенія ея существенныхъ правъ къ періодическому вотированію налоговъ. Послѣдняя ретроградная фаза и продолжительный застой при парламентарномъ режимѣ вызвали въ этомъ отношеніи въ цѣломъ поколѣніи исключительныя настроенія, которыя легко могутъ измѣнить мудрое направленіе правительства и доказательство здравой философіи. Противорѣча всему нашему прошлому, они увлекаютъ насъ къ подражанію переходному политическому строю Англіи. Благодаря тому только, что въ послѣднее время представительная система сильно распространилась, она вскорѣ будетъ дискредитирована во Франціи, именно этотъ чрезвычайный подъемъ и обнаружить ея совершенную недостаточность и безпокойный характеръ, въ которыхъ ее упрекаетъ истинная философія.

Кромѣ этого существеннаго совершенствованія каждаго изъ двухъ важныхъ условий, присущихъ нашему временному режиму, позитивизмъ систематизируетъ и укрѣпляетъ ихъ внутреннюю естественную связь. Съ одной стороны, онъ даетъ понятіе, что истинная свобода требуетъ теперь сильнаго преобладанія центральной истинно прогрессивной власти, надлежащимъ образомъ сведенной къ практическому назначенію путемъ мудраго отреченія отъ духовнаго первенства. Ибо эта обычная

власть теперь необходима для обузданія стремленій къ притѣсненію различныхъ современныхъ доктринъ, которыя, будучи всѣ болѣе или менѣе несовмѣстимы съ раздѣленіемъ двухъ соціальныхъ властей, побуждаютъ обосновывать умственное согласіе на матеріальномъ угнетеніи. Сверхъ того, безъ этой охранительной власти полной философской свободѣ, соответствующей нашимъ современнымъ нравамъ, угрожала бы опасность также со стороны анархическихъ наклонностей, присущихъ духовному междуцарствію. Съ другой стороны, только увеличеніе этой свободы и можетъ позволить центральной власти достигнуть постоянного преобладанія надъ мѣстной властью, что является необходимымъ для дѣйствительнаго укрѣпленія общественнаго порядка, ибо искреннее уваженіе къ свободѣ немедленно разсѣиваетъ всѣ опасенія, какъ бы ни началось попятное движеніе, опасенія, препятствующія благотворному расширенію этой власти.

Какъ бы эмпирически ни были эти до сихъ поръ вполне естественныя безпокойства, они, безъ сомнѣнія, прекратятся тотчасъ послѣ officialнаго провозглашенія свободы обученія и ассоціацій, ибо тогда свѣтская власть не можетъ надѣяться и даже мыслить о томъ, чтобы дать первенство какой-нибудь доктринѣ въ окончательномъ строѣ нашего республиканскаго общества.

ГЛАВА XXVIII.

Способность позитивизма преобразовывать, не опираясь ни на Бога, ни на короля.

Указанія, данныя въ этой второй части, характеризуютъ уже особую способность позитивизма не только опредѣлять и готовить будущее, но также исправлять и улучшать настоящее всегда на основаніи точной систематической оцѣнки прошлаго, на основаніи здоровой теоріи человѣческой эволюціи. Ни одна другая философія не можетъ приступить къ рѣшенію вопроса, который передовая часть человечества отнынѣ ставитъ всѣмъ своимъ духовнымъ вождямъ: преобразовать общество, не опираясь ни на Бога, ни на короля, благодаря только нормальному преобладанію, одновременно частному и общественному, соціальному чувству, которому надлежащимъ образомъ помогаютъ позитивный разумъ и реальная дѣятельность.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Народное значеніе позитивизма.

Г Л А В А I.

Черты сходства между философами и пролетаріями.

Въ силу философской природы и спеціальнаго назначенія позитивизма, ему приходится искать основную точку опоры внѣ всѣхъ духовныхъ или свѣтскихъ классовъ, которые до сихъ поръ болѣе или менѣе участвовали въ управленіи чело-вѣчествомъ. За исключеніемъ рѣдкихъ единичныхъ личностей, число которыхъ, впро-чемъ, вскорѣ значительно увеличится, каждый изъ этихъ классовъ, благодаря своимъ предрасудкамъ и страстямъ, естественно представляетъ серьезныя препятствія для умственнаго и нравственнаго преобразованія, долженствующаго характеризовать вторую часть великой западной революціи. Неправильное образованіе и эмпирическія привычки мѣшаютъ имъ создать цѣльное міросозерцаніе, которому отнынѣ нужно подчинить всѣ спеціальныя понятія. Дѣятельный аристократическій эгоизмъ у нихъ обыкновенно мѣшаетъ дѣйствительному преобладанію социальнаго чувства этого высшаго принципа нашего возрожденія.

Не только нельзя рассчитывать на классы, господство которыхъ было навсегда разрушено въ началѣ революціоннаго кризиса, но мы должны ожидать почти столь же сильнаго, хотя болѣе скрытаго противодѣйствія со стороны тѣхъ классовъ, которые достигли высшаго социальнаго положенія, котораго они такъ долго добивались. Ихъ политическія стремленія сводятся, главнымъ образомъ, къ обладанію властью, не касаясь ея назначенія и ея осуществленія. Они не шутя полагали, что парламентарный режимъ, свойственный заканчивающемуся нынѣ переходному состоянію покоя, является завершеніемъ революціи. Они долго будутъ сожалѣть объ этой эпохѣ застоя, такъ какъ она была особенно благоприятна для ихъ честолюбивой дѣятельности.

Полное социальное преобразованіе почти такъ же пугаетъ эти средніе классы, какъ и старыя дворянскія сословія. Какъ одни, такъ и другія охотно согласились бы, по возможности, продлить въ новыхъ формахъ, даже республиканскихъ, теологическую систему лицемерія, составляющую теперь единственный реальный остатокъ ретрограднаго режима. Эта безнравственная система является для нихъ вдвойнѣ привлекательной, ибо она обезпечиваетъ почтительное подчиненіе массъ, не предписывая

вождямъ никакихъ строгихъ обязанностей. Если ихъ критико-метафизическіе предразсудки стремятся увѣковѣчить духовное междуцарствіе, пренятствующее окончательному преобразованію, то ихъ страсти не менѣе страшатся воцаренія новаго моральнаго авторитета, который, конечно, главнымъ образомъ, дастъ себя чувствовать людямъ богатымъ.

Въ восемнадцатомъ вѣкѣ большая часть вельможъ и даже королей могла принять чисто-отрицательную философію, которая, избавляя ихъ отъ многихъ затрудненій, доставляла имъ легкую извѣстность и не требовала отъ нихъ никакой серьезной жертвы. Но это обстоятельство не позволяетъ еще надѣяться, что наши богатые и образованные классы столь же сочувственно отнесутся къ позитивной философіи, которая начинаетъ теперь дисциплинировать умы, дабы преобразовать нравы.

Въ силу этой двойной причины, позитивизмъ можетъ встрѣтить искреннее коллективное одобреніе только среди классовъ, которые, будучи избавлены отъ безполезнаго обученія словамъ и сущностямъ и естественно одушевлены дѣятельной общественностью, составляютъ отнынѣ наилучшую опору для здраваго смысла и нравственности. Однимъ словомъ, наши пролетаріи единственно способны стать рѣшительными помощниками новыхъ философовъ. Импульсъ къ преобразованію зависитъ, главнымъ образомъ, отъ тѣснаго союза между этими двумя крайними элементами окончательнаго строя. Вопреки ихъ естественному различію,—впрочемъ, болѣе кажущемуся, чѣмъ дѣйствительному,—они въ основѣ имѣютъ много сходныхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ чертъ. Умъ тѣхъ и другихъ будетъ все болѣе и болѣе обнаруживать одинъ и тотъ же инстинктъ реальности, равное предпочтеніе полезнаго и одинаковое стремленіе подчинять мысли, касающіяся мелочныхъ вопросовъ, цѣльнымъ взглядамъ. Съ той и съ другой стороны разовьются также великодушныя привычки мудрой беззаботности къ матеріальнымъ благамъ и равное презрѣніе къ свѣтскимъ почестямъ; по крайней мѣрѣ, тогда, когда истинные философы, благодаря сношенію съ достойными пролетаріями, окончательно выработаютъ свой собственный характеръ.

Когда эти основныя симпатіи смогутъ достаточно обнаружиться, ясно станетъ, что каждый пролетарій является во многихъ отношеніяхъ самороднымъ философомъ, подобно тому какъ всякій философъ представляетъ собой съ различныхъ сторонъ систематическаго пролетарія. Сверхъ того, эти два крайнихъ класса проявятъ одинаковое отношеніе къ промежуточному классу, который сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ свѣтское преобладаніе, и отъ котораго поэтому обыкновенно зависитъ ихъ общее матеріальное существованіе.

Всѣ эти сходства естественнымъ образомъ вытекаютъ изъ ихъ положенія и назначенія. Если эти послѣднія еще недостаточно отчетливо выражены, то это обусловливается, главнымъ образомъ, отсутствіемъ настоящаго философскаго класса, насчитывающаго сейчасъ лишь нѣкоторыхъ изолированныхъ представителей. Хотя истинные пролетаріи, къ счастью, не столь рѣдки, однако, только во Франціи или скорѣе только въ Парижѣ, они могли проявить себя достойнымъ образомъ свободными отъ всякихъ вслѣпыхъ вѣрованій и отъ всякаго пустого соціальнаго престижа. Исклчительно въ Парижѣ можно понять глубокую реальность вышеприведенной оцѣнки.

ГЛАВА II.

Положеніе пролетарія благопріятствуетъ развитію великодушныхъ чувствъ и общихъ взглядовъ.

Мы видимъ, что повседневныя занятія пролетарія гораздо болѣе благопріятны философскимъ размышленіямъ, чѣмъ занятія среднихъ классовъ, ибо они не поглощаютъ ихъ настолько, чтобы мѣшать послѣдовательному мышленію даже во время практической работы. Этотъ умственный досугъ облегчается морально естественнымъ отсутствіемъ отвѣтственности: положеніе труда само собой предохраняетъ ихъ отъ честолюбивыхъ расчетовъ, безпрестанно тревожащихъ предпринимателя. Характеръ размышленій того и другого опредѣляется даже этимъ двоякимъ различіемъ, въ силу котораго одинъ стремится къ общимъ понятіямъ, а другой къ специальнымъ взглядамъ. Для достойнаго пролетарія, столь превозносимая теперь узкая специализація прямо представляется въ ея настоящемъ свѣтѣ, т.-е. какъ притупляющая умственные способности, ибо она обрекаетъ умъ на такую жалкую дѣятельность, что она у насъ никогда не возобладастъ, несмотря на эмпирическія настоянія нашихъ экономистовъ-англомановъ. Напротивъ, эта исключительная и непрерывная специализація должна казаться значительно менѣе унижительною и даже какъ будто необходимою для предпринимателя и даже для ученаго, примѣняющихъ ее къ вопросамъ, занимающимъ болѣе посредственныя умы, по крайней мѣрѣ, когда здоровое образованіе не развило у нихъ вкусъ и привычку къ отвлеченнымъ обобщеніямъ.

Но моральная противоположность между двумя формами практическаго существованія еще рѣзче выступаетъ, чѣмъ ихъ интеллектуальная противоположность. Гордость, внушаемая обыкновенно свѣтскими успѣхами, въ сущности плохо оправдывается родомъ достоинствъ, необходимымъ для приобрѣтенія, хотя бы вполне законнаго, высокаго положенія или богатства. Тѣ, кто болѣе цѣнятъ внутреннія качества, чѣмъ видимыя результаты, безъ труда признають, что практическія побѣды, какъ промышленныя, такъ и военныя, зависятъ преимущественно отъ характера, а не отъ ума или сердца. Онѣ требуютъ, главнымъ образомъ, сочетанія извѣстной степени энергіи съ благоразуміемъ и достаточной настойчивости. Когда эти условія имѣются въ наличности, умственная посредственность и моральное несовершенство нисколько не помѣшаютъ использовать благопріятныя обстоятельства, которыя обыкновенно необходимы для подобныхъ успѣховъ. Можно даже утверждать, безъ всякаго преувеличенія, что бѣдность мыслей и чувствъ зачастую способствуетъ проявленію и поддержанію соответственныхъ наклонностей. Когда нуженъ большой подъемъ трехъ активныхъ качествъ, то онъ скорѣе опредѣляется личными побужденіями жадности, честолюбія или славы, чѣмъ высшими инстинктами.

Такимъ образомъ, какого бы уваженія ни заслуживало всякое законное возвышеніе, философскія, болѣе ясновидящая, чѣмъ религія, не можетъ на основаніи его заключать о моральномъ превосходствѣ иельможей и богачей, такъ какъ это не вытекаетъ изъ истинной теоріи человѣческой природы.

Обычное существованіе пролетарія гораздо болѣе способно само собой развивать наши лучшіе инстинкты. Даже касательно трехъ активныхъ качествъ, отъ которыхъ зависять, главнымъ образомъ, свѣтскіе успѣхи, одно только благоразуміе обыкновенно оказывается у него недостаточнымъ, что уменьшаетъ значеніе двухъ другихъ въ личной жизни, не вреди, однако, ихъ соціальному примѣненію. Во всякомъ случаѣ, моральное превосходство пролетарскаго типа опредѣляется преимущественно прямымъ подъемомъ различныхъ высшихъ инстинктовъ. Когда окончательная систематизація мѣтній и нравовъ закрѣпитъ истинный характеръ, присущій этому громадному основному классу современнаго общества, станетъ понятнымъ, что различные домашнія привязанности естественно должны здѣсь развиваться болѣе, чѣмъ среди промежуточныхъ классовъ, которые слишкомъ заняты личными расчетами, чтобы достойно оцѣнить подобныя связи.

Но главное моральное значеніе пролетарской жизни касается собственно соціальныхъ чувствъ, которыя здѣсь сами собой дѣятельно развиваются, даже съ младенческаго возраста. Именно тутъ мы обыкновенно находимъ лучшіе образцы настоящей привязанности, даже среди тѣхъ, кои, въ силу своей постоянной зависимости, слишкомъ часто благодаря нашимъ аристократическимъ нравамъ переходящей въ безпріавіе, кажутся обреченными на нравственное убожество. Искреннее благоговѣніе, чистое отъ всякой угодливости, наивно развивается тутъ по отношенію къ выдающимся лицамъ всякаго рода, причемъ оно не нейтрализуется педантическимъ высокомеріемъ и не смущается свѣтскимъ соперничествомъ. Великодушныя побужденія поддерживаются здѣсь всегда неволью вытекающими изъ личнаго опыта дѣятельными симпатіями къ страданіямъ, присущимъ человѣчеству. Ни въ какой другой средѣ соціальное чувство не встрѣчаетъ столько спонтаннаго возбужденія, по крайней мѣрѣ, что касается активной солидарности, въ которой каждый, сохраняя свою ярко выраженную индивидуальность, видитъ главное средство къ достиженію благополучія. Если инстинктъ человѣческой непрерывности недостаточно еще развитъ среди пролетаріевъ, то это зависить, главнымъ образомъ, отъ отсутствія у нихъ систематической культуры, единственно цѣлесообразной въ этомъ отношеніи.

Въ настоящее время было бы излишне доказывать, что ни одинъ другой классъ не даетъ столь частыхъ и столь рѣшительныхъ примѣровъ искренняго и скромнаго самоотверженія въ каждомъ случаѣ дѣйствительной общественной потребности. Наконецъ, важно отмѣтить по этому поводу, что, въ виду отсутствія правильнаго образованія, всѣ эти высокія моральныя качества слѣдуетъ разсматривать какъ врожденныя пролетаріату, съ тѣхъ поръ какъ коренное освобожденіе народныхъ умовъ не позволяетъ относить эти результаты къ религіозному вліянію. Хотя этотъ столь неуризнанный типъ пролетарія въ дѣйствительности существуетъ еще пока только въ Парижѣ, его первое появленіе въ центрѣ Запада должно дать всѣмъ истиннымъ наблюдателямъ достаточное понятіе о полномъ окончательномъ распространеніи характера, столь соотвѣтствующаго здоровой теоріи человѣка, въ особенности, когда позитивизму удастся надлежащимъ образомъ систематизировать эти самородныя стремленія.

Г Л А В А III.

Конвентъ и пролетаріи.

Благодаря этой краткой оцѣнкѣ становится понятнымъ поразительный социальный инстинктъ, побудившій конвентъ искать среди нашихъ пролетаріевъ главной поддержки не только противъ угрожавшихъ ему исключительныхъ опасностей, но также для окончательнаго преобразованія, въ которому онъ горячо стремился, хотя и не былъ въ состояніи опредѣлять его природу. Однако, въ виду отсутствія дѣйствительно общей доктрины и вслѣдствіе анархическаго вліянія господствующей метафизики, этотъ основной союзъ былъ тогда задуманъ въ духѣ, противорѣчившемъ его главной цѣли, такъ какъ онъ по обычаю призывалъ народъ захватить въ свои руки политическую власть. Подобное направленіе, безъ сомнѣнія, опредѣлялось временными необходимостями тогдашняго состоянія, когда защита республики зависѣла, главнымъ образомъ, отъ пролетаріевъ, единственно преданныхъ и непоколебимыхъ. Но, будучи считаемо, согласно абсолютному духу официальной теоріи, за окончательное, оно вскорѣ стало несовѣстимымъ съ существенными условіями современнаго общества. Это не значитъ, что народъ вообще не долженъ, даже въ случаѣ надобности, оказывать помощь, даже матеріальную, для поддержанія свѣтской власти. Такое подчиненное вышестательство, какъ во внутреннія, такъ и во внѣшнія дѣла, не только не является анархическимъ, но составляетъ, очевидно, необходимую гарантію всякаго нормальнаго строя. Нужно даже привнать, что въ этомъ отношеніи французскіе нравы еще весьма несовершенны, такъ какъ они располагаютъ наше населеніе равнодушно относиться къ повседневному дѣйствіямъ охранительной полиціи. Но всякое прямое участіе народа въ политическомъ управленіи, для рѣшенія важныхъ социальныхъ мѣропріятій въ современномъ государствѣ, уместно только въ періодъ революціи. Въ окончательномъ же состояніи оно необходимо будетъ анархическимъ, если не станетъ вполне призрачнымъ.

Г Л А В А IV.

Верховная власть народа. Позитивизмъ ея не допускаетъ; но онъ признаетъ, въ крайнихъ случаяхъ, право на возмущеніе.

Не допуская метафизическаго догмата о верховной власти народа, позитивизмъ систематически извлекаетъ изъ него все то, что въ немъ заключается дѣйствительно благотворнаго, какъ для исключительныхъ случаевъ, такъ, въ особенности, для нормальнаго существованія, устраняя огромныя опасности, связанныя съ его полнымъ примѣненіемъ. Въ революціонной практикѣ его главное значеніе состоитъ въ прямомъ оправданіи права на бунтъ. Позитивная же политика представляетъ это право, какъ крайнее средство, необходимое для всякаго общества, которое, при без-

условномъ подчиненіи, слишкомъ проповѣдуемомъ современнымъ католицизмомъ, рисковало бы подпасть подъ иго тиранніи. Съ научной точки зрѣнія, должно въ немъ видѣть спасительный кризисъ, еще болѣе необходимый для коллективной, чѣмъ для индивидуальной жизни, соотвѣтственно очевидному биологическому закону, гласящему, что болѣзненное состояніе является тѣмъ болѣе частымъ и тѣмъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ организмъ сложнѣе и выше. Такъ что никто не можетъ серьезно опасаться, что грядущее возобладаіе позитивизма, которое вызоветъ исчезновеніе собственно революціоннаго духа, расположитъ когда-либо къ пассивному подчиненію. Это значило бы принять болѣзнь за окончательный видъ здоровья. Глубоко относительный характеръ новой соціальной доктрины, напротивъ, дѣлаетъ ее единственно способной кореннымъ образомъ примирить обычное подчиненіе съ исключительнымъ возмущеніемъ, какъ этого требуютъ одновременно здравый смыслъ и человѣческое достоинство. Сохраняя это опасное лекарство для дѣйствительно крайнихъ случаевъ, она, не колеблясь, его одобритъ и даже будетъ рекомендовать, когда оно станетъ безусловно необходимымъ. Но она выполнитъ эту временную функцію и не введетъ въ обычай отдавать политическіе вопросы и выборы на судъ очевидно некомпетентныхъ людей, которыхъ она, сверхъ того, сумѣетъ склонить къ добровольному отреченію отъ ихъ анархическихъ правъ.

Что касается нормальнаго предписанія, которое дѣйствительно содержитъ въ себѣ, хотя въ весьма неясной формѣ, метафизическая теорія народовластія, то позитивизмъ особенно способенъ освободить его отъ опасной примѣси и тѣмъ увеличить его соціальное значеніе, нисколько не ослабляя его. Онъ различаетъ въ немъ два весьма отличныхъ другъ отъ друга понятія, которыя до сихъ поръ смѣшивались—одно политическое, примѣняющееся въ нѣкоторыхъ определенныхъ случаяхъ, другое моральное, имѣющее всеобщее примѣненіе.

ГЛАВА V.

Преобразование метафизическаго догмата о верховной власти народа.

Первое сводится къ провозглашенію, отъ имени соціальной массы, частныхъ постановленій, главные мотивы которыхъ всѣ граждане могутъ обыкновенно достаточно оцѣнить и которыя прямо касаются практическаго существованія всей общины, какъ то: судебные приговоры, объявленіе войны и т. д. Въ позитивномъ строѣ эти благородныя предписанія, подсказанныя привычнымъ инстинктомъ всеобщей солидарности, станутъ еще болѣе внушительными, такъ какъ будутъ обращены ко всему человѣчеству, а не къ отдѣльному народу. Но было бы нелѣпо распространять этотъ обычай на тѣ многочисленные случаи, когда населеніе, неспособное само принять рѣшеніе, должно принимать рѣшенія лицъ, облеченныхъ его довѣріемъ. Эта соціальная необходимость зависить либо отъ трудности рѣшаемаго вопроса, либо отъ слишкомъ косвеннаго или слишкомъ ограниченнаго вліянія предпринимаемой мѣры. Ти-

пичнымъ примѣромъ могутъ служить рѣшенія,—часто весьма важныя—касающіяся научныхъ понятій, а также большинство практическихъ промышленныхъ, медицинскихъ и т. д. правилъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, позитивизмъ можетъ легко предохранить народную справедливость отъ разрушительныхъ заблужденій, которыя приобрѣтаютъ серьезное значеніе только подъ влияніемъ метафизическаго высокомерія, почти неизвѣстнаго нашимъ необразованнымъ пролетаріямъ.

Съ другой стороны, нормальное толкованіе мнимаго народовластія сводится къ основному обязательству направлять всю социальную дѣятельность къ общему благу, впрочемъ, весьма относительному, что касается пролетарской массы: какъ въ силу ея подавляющаго численнаго перевѣса, такъ въ особенности, въ виду трудностей, связанныхъ съ ея естественнымъ положеніемъ, требующимъ искусственнаго попеченія, въ которомъ другіе слои общества мало нуждаются. Но понимаемое въ такомъ смыслѣ, это по существу республиканское понятіе совпадаетъ съ всеобщимъ основаніемъ истинной морали, выражающимся въ прямомъ и непрерывномъ преобладаніи общественности надъ личностью. Позитивизмъ не столько не противорѣчитъ этому понятію, но какъ это уже было доказано въ настоящемъ обзорѣ—онъ является единственнымъ принципомъ его полной систематизаціи, даже умозрительной. Присвоивъ себѣ навсегда это великое социальное правило, временнымъ выразителемъ котораго была, послѣ паденія католицизма, метафизическая философія, онъ его окончательно очищаетъ отъ всякаго анархическаго духа. Ибо онъ переноситъ на моральную почву то, что революціонная доктрина съ такой опасностью ставитъ на политическую почву, благодаря свойственному ей предразсудку, касающемуся постоянного смѣшенія двухъ основныхъ силъ. Я скоро буду имѣть случай специально указать, насколько это спасительное преобразование не только не ослабитъ республиканскій принципъ, а напротивъ, увеличитъ его непрерывную цѣлесообразность, не прибѣгая къ обманамъ или возмущеніямъ, которыя его метафизическая форма стремится всегда вызывать.

Г Л А В А VI.

Способность пролетаріата стать опорой для духовной власти.

Мы переходимъ теперь къ прямой характеристикѣ главнаго коллективнаго участія, которое должны принимать пролетаріи въ окончательномъ строѣ человѣчества. Оно принадлежитъ имъ въ силу ихъ естественной способности стать необходимыми союзниками духовной власти въ ея тройной социальной функціи—въ оцѣнкѣ, руководствѣ и даже въ подготовкѣ. Всѣ интеллектуальныя и моральныя свойства, которыя мы только-что отмѣтили у пролетаріата, содѣйствуютъ тому, чтобы указанная его роль неизмѣнно сохранялась за ними. За исключеніемъ класса философовъ,—главнаго органа духа общности,—никакая другая часть современнаго общества не можетъ такъ, какъ пролетаріи, быть расположена вести себя надлежащимъ образомъ съ общей точки зрѣнія.

Превосходство пролетаріевъ надъ другими слоями общества еще болѣе очевидно нѣ обладаніи социальнымъ чувствомъ; въ этомъ отношеніи они обыкновенно стоятъ даже выше истинныхъ философовъ, слишкомъ отвлеченныя стремленія которыхъ значительно выигрываютъ отъ повседневнаго соприкосновенія съ врожденными благородными порывами народа.

Итакъ, пролетаріатъ болѣе всякаго другого класса общества естественнымъ образомъ приспособленъ понимать и въ особенности чувствовать дѣйствительныя нравственныя начала, хотя онъ и не въ состояніи ихъ привести въ стройную систему. Эта прирожденная способность обнаруживается преимущественно по отношенію къ собственно социальной морали, являющейся наиболѣе важной и наиболѣе законченной изъ трехъ главныхъ частей всеобщей морали.

Наконецъ, помимо этихъ естественныхъ склонностей и сердца, коллективныя потребности пролетаріата по необходимости заставляютъ его поддерживать главные нравственныя правила, которыя обыкновенно выгодны для него. Для поднятія этихъ правилъ на надлежащую высоту въ активной жизни, духовная власть не можетъ очень разсчитывать на помощь посредствующихъ классовъ, являющихся естественными посетителями свѣтскаго господства, злоупотребленія котораго ея предписанія должны умѣрять и исправлять. Обычныя эгоистическія стремленія вельможъ и богатыхъ, вредно отражаются, главнымъ образомъ, на пролетаріатѣ, а потому именно пролетаріевъ и нужно призвать на поддержку нравственныхъ правилъ. Они тѣмъ болѣе способны энергично поддерживать ихъ, что они по необходимости не должны принимать участія въ собственно политическомъ управленіи. Всякое участіе ихъ въ свѣтской власти не только носило бы анархическій характеръ, но и отвлекло бы ихъ отъ главнаго лѣкарства, которымъ социальный порядокъ исцѣляетъ всѣ мучающіе ихъ недуги. Народная мудрость вскорѣ оцѣнитъ несомнѣнное ничтожество предлагаемыхъ пылѣ немедленныхъ рѣшеній. Она не замедлитъ понять, насколько ея законныя требованія преимущественно связаны съ нравственными средствами, предоставляемыми пролетаріямъ позитивизмомъ, хотя этотъ послѣдній ихъ призываетъ также не стремиться къ призрачной власти, вносящей смуту.

Это основное стремленіе народа содѣйствовать духовной власти въ ея главной социальной задачѣ настолько естественно, что оно уже обнаружилось въ средніе вѣка по отношенію къ католицизму; подобнымъ же тяготѣніемъ нужно объяснить и тѣ симпатіи, которыя послѣдній, несмотря на свой общій упадокъ, еще вызываетъ у народокъ, не принявшихъ протестантства. Поверхностные наблюдатели принимаютъ часто эту привязанность за истинное признаніе этихъ вѣрованій, а въ сущности это наибольшее къ нимъ равнодушіе. Но это историческое заблужденіе разсѣетъ впріемъ, который въ непродолжительномъ времени эти народы, неправильно причисленные къ отстающимъ націямъ, окажутъ позитивизму, когда они поймутъ его способность удовлетворять лучше католицизма основныя потребности, справедливо подсказываемыя имъ социальнымъ истинствомъ.

ГЛАВА VII.

Нравственная и политическая сила преобразованнаго общественнаго мнѣнія.

Какъ бы то ни было, это врожденное тяготѣніе пролетаріата къ духовной власти не могло значительно развиваться въ средніе вѣка, такъ какъ народный элементъ едва освободился отъ остатковъ рабства, когда католицизмъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Здравая историческая теорія считаетъ даже отсутствіе этой поддержки одной изъ причинъ неизбѣжнаго крушенія благородной попытки католичества. Это преждевременное духовное ученіе, благодаря неизбѣжному оскудѣнію соотвѣствующихъ вѣрованій, а также вслѣдствіе ретрограднаго характера духовныхъ авторитетовъ, въ сущности уже распалось къ тому времени, когда пролетаріатъ сталъ настолько значительной соціальной силой, что былъ въ состояніи оказать ему рѣшительную поддержку, если бы оно того заслуживало.

Такимъ образомъ, вся новѣйшая эволюція способствовала тому, чтобы позитивизмъ организовалъ основной союзъ между философами и пролетаріями, одинаково подготовленными къ этому окончательному союзу, благодаря положительнымъ и отрицательнымъ переи́намъ, совершившимся на западѣ въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ.

Этотъ преобразовательный союзъ, главнымъ образомъ, призванъ создать господство общественнаго мнѣнія, которое, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, согласно всѣмъ инстинктивнымъ и систематическимъ предвидѣніямъ, должно стать главной характерной чертой окончательнаго строя человѣчества.

Благотворное вліяніе общественнаго мнѣнія неизбежно станетъ важнѣйшей опорой нравственности,—не только соціальной, но также частной и даже личной—среди тѣхъ народовъ, у которыхъ каждый человѣкъ долженъ будетъ жить все болѣе и болѣе на виду у всѣхъ, что позволитъ обществу дѣйствительно контролировать дѣятельность каждаго. Неизбѣжное паденіе теологическихъ иллюзій дѣлаетъ эту силу особенно необходимой, такъ какъ большинство людей, даже развитыхъ умственно, не въ достаточной степени обладаетъ естественной нравственностью. Послѣ несравнимаго удовлетворенія, непосредственно сопровождающаго постоянное упражненіе соціальнаго чувства, общее одобреніе будетъ составлять наилучшую награду за хорошее поведеніе. Оставляя доступную о себѣ память было всегда главнымъ желаніемъ каждаго, даже при теологическомъ режимѣ. Въ позитивномъ строѣ это благородное честолюбіе пріобрѣтетъ еще больше значенія, какъ единственное средство удовлетворить нашу внутреннюю потребность въ увѣковѣченіи нашего существованія; и сила общественнаго мнѣнія, являясь болѣе необходимой для новаго нравственнаго строя, развивается въ немъ съ болѣею напряженностью. Реальность, свойственная всегда доктринамъ, соотвѣствующимъ совокупности фактовъ, лучше обезпечиваетъ авторитетъ правилъ нравственности и ихъ цѣлесообразное примѣненіе, чѣмъ смутныя и автори-

тетныя метафизическія или теологическія предписанія. Съ другой стороны, прямое и постоянное воззваніе къ общественному интересу, какъ къ единственному приципу позитивной морали, возбуждаетъ постоянное вмѣшательство общественнаго мнѣнія, являющагося единственнымъ естественнымъ судьей всякаго поведенія, направляемаго, такимъ образомъ, къ общему благу. Теологическо-метафизическое ученіе о личномъ значеніи существованія каждаго человѣка, не допускало, конечно, подобнаго воззванія.

Не приходится далѣе доказывать, что по отношенію къ политикѣ въ собственномъ смыслѣ, сила общественнаго мнѣнія должна стать ея регулирующимъ началомъ. Вліяніе этой силы сказывается уже теперь, несмотря на нашу умственную анархію, всякій разъ, когда благодаря какому-нибудь рѣшительному толчку, устраняются коренныя общественныя разногласія, обыкновенно сводящія на нѣтъ ея значеніе. Вліяніе ея обнаруживается даже тогда, когда общественное мнѣніе увлекается по ложному пути, чему наши правительства почти никогда не въ состояніи достаточно противодѣйствовать.

Приведенныя здѣсь двоякаго рода доказательства позволяютъ судить о томъ, какое важное значеніе должно пріобрѣсти закономѣрное пользованіе этой силой, когда она явится результатомъ не случайнаго и временнаго совпаденія мнѣній, но систематическаго исновѣданія всеобщихъ принциповъ. Отсюда можно ясно видѣть, насколько окончательное возрожденіе соціальныхъ учрежденій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ предварительнаго преобразованія мнѣній и нравовъ.

Такое духовное основаніе не только необходимо для того, чтобы опредѣлить, въ чемъ должно состоять гражданское переустройство, но оно также доставитъ главные средства для осуществленія этого предпріятія. По мѣрѣ возстановленія умственнаго и нравственнаго единства, оно необходимо будетъ руководить постепеннымъ развитіемъ новой политической системы.

Такимъ образомъ, главные соціальныя улучшенія могутъ быть осуществлены задолго до того, какъ духовное преобразование будетъ закончено. Въ средніе вѣка католическій строй игралъ значительную роль въ возрожденіи общества, несмотря на то, что его собственная внутренняя организація еще мало подвинулась впередъ. Въ нашемъ возрожденіи подобное соотношеніе между духовнымъ и свѣтскимъ прогрессомъ должно имѣть мѣсто въ большей степени.

ГЛАВА VIII.

Организація общественнаго мнѣнія.

Двоякое пазначеніе общественнаго мнѣнія само опредѣляетъ главные условія его нормальной организаціи. Его нравственное и политическое значеніе требуетъ, прежде всего, истинныхъ соціальныхъ принциповъ, затѣмъ публики, которая, одобрявъ ихъ, санкціонировала бы ихъ специальное примѣненіе и, наконецъ, систематическаго органа, который, по установленіи всеобщей доктрины, руководилъ бы ея повсѣдств-

нимъ приложеніемъ. Несмотря на его естественную очевидность, этотъ анализъ общественнаго мѣня еще настолько мало признанъ, что нѣкоторые прямые указанія необходимы здѣсь для характеристики каждаго изъ трехъ общихъ условій.

Первое, въ сущности, состоитъ въ распространеніи на социальное искусство основного дѣленія между теоріей и практикой, необходимость котораго въ незначительныхъ случаяхъ никто уже не оспариваетъ. Именно благодаря этому обстоятельству, новая духовность скорѣе будетъ признана выше старой. Въ средніе вѣка общіе принципы нравственнаго и политическаго поведенія могли имѣть лишь эмпирическій характеръ, освященный только религіей. Все превосходство этого строя надъ древнимъ ограничивалось, въ этомъ отношеніи, въ отдѣленіи этихъ правилъ отъ ихъ частнаго примѣненія, благодаря чему они становились предметомъ непосредственнаго предварительнаго изученія и предохранялись отъ вліянія перемичивыхъ страстей. Однако, не взирая на важность подобнаго раздѣленія, ему не хватало осмысленности, и поэтому здравый смыслъ долженъ былъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выяснять примѣненіе принциповъ, которые сначала были смутны и абсолютны, соотвѣтственно природѣ самихъ вѣрованій. Въ виду этого, цѣлесообразность этого перваго спиритуализма была обусловлена его косвенной способностью развивать социальное чувство въ той единственной формѣ, которая была тогда возможна.

Позитивный спиритуализмъ обладаетъ теперь значительно болѣе удовлетворяющимъ характеромъ, такъ какъ основанъ на полной систематизаціи, одновременно объективной и субъективной. Не теряя ничего въ практической цѣнности, социальные принципы приобрѣтаютъ внушительный теоретическій авторитетъ и въ особенности непоколебимое постоянство, благодаря ихъ необходимой связи съ совокупностью реальныхъ законовъ нашей личной или коллективной природы. Эти законы подтверждать, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ принципы, которые не будутъ прямо изъ нихъ выведены.

Связаннымъ, такимъ образомъ, постоянно съ основною общественностью, практическія правила смогутъ быть въ каждомъ случаѣ подвергнуты ясному и однородному толкованію, способному устранить всякіе софизмы. Эти рациональные принципы, дѣлающіе наше поведеніе независимымъ отъ минутныхъ побужденій, одни только и могутъ обезпечить цѣлесообразное примѣненіе социальнаго чувства и предохранить насъ отъ заблужденій, вызываемыхъ часто его произвольными внушеніями. Его прямое и постоянное развитіе, безъ сомнѣнія, составляетъ въ дѣйствительной жизни какъ общественной, такъ и частной, первый источникъ нравственности. Но это необходимое условіе обыкновенно недостаточно для обузданія естественнаго господства эгоизма, если практическое поведеніе не будетъ намѣчено напередъ, въ каждомъ важномъ случаѣ, согласно доказуемымъ правиламъ, принятымъ сначала на вѣру, а затѣмъ—по убѣжденію. Ни въ какомъ дѣлѣ искреннее и пылкое желаніе преуспѣть не избавляетъ насъ отъ необходимости познать природу и условія добра. Политическая и нравственная практика не можетъ быть освобождена отъ этой обязанности, хотя непосредственныя внушенія чувства въ данномъ случаѣ болѣе дѣйствительны, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Множество примѣровъ изъ общественной и частной жизни уже вполне показани, насколько чувство можетъ увлечь насъ на ложный путь, когда его побужденія не просвѣщены надлежащими принципами. Такимъ-то образомъ, за

отсутствіемъ систематическихъ убѣжденій, первоначальныя великодушныя стремленія республиканской Франціи по отношенію къ остальному Западу вскорѣ выродились въ жестокое угнетеніе, когда отсталый вождь разбудилъ себялюбіе французовъ.

Обратные случаи еще болѣе обычны и также способны характеризовать эту естественную солидарность между чувствами и принципами. Ложная социальная доктрина часто способствовала естественному главенству эгоизма, извращая понятіе объ общемъ благѣ. Современная исторія даетъ тому поразительный примѣръ, именно незаслуженное довѣріе, оказываемое въ Англіи софистической теоріи Мальтуса о пародонаселеніи. Несмотря на несочувственный пріемъ, который эта теорія встрѣтила у всѣхъ другихъ западныхъ народовъ, и не взирая на то, что она уже отвергнута смѣлыми англійскими мыслителями, это безнравственное заблужденіе даетъ еще кажущуюся научную санкцію преступной антипатіи, питаемой руководящими классами ко всякому глубокому возрожденію британскаго населенія.

Послѣ установленія всеобщей доктрины слѣдующимъ главнымъ условіемъ для созданія господства общественнаго мнѣнія является наличность социальной среды, способной проводить основныя принципы. Вотъ чего, главнымъ образомъ, недоставало католическому спиритуализму, крушеніе котораго поэтому было неизбежно, даже если бы религіозныя вѣрованія были болѣе долговѣчны.

Я уже достаточно указалъ, почему современный пролетаріатъ является прочной и естественной точкой опоры для новой духовной власти. Потребность въ ней столь же бесспорна, какъ и ея естественное возникновеніе. Хотя позитивная доктрина сама по себѣ несравнимо болѣе цѣлесообразна, чѣмъ всѣ недоказуемыя заповѣди, тѣмъ не менѣе, не нужно рассчитывать на то, что внушаемыя ею убѣжденія смогутъ когда-либо сдѣлать совершенно излишней эту сильную поддержку. Разсудокъ отнюдь еще не можетъ быть такимъ прямымъ авторитетомъ въ нашей несовершенной организаціи. Даже социальное чувство, несмотря на его чрезвычайно большое значеніе, было бы недостаточно для обычнаго и надлежащаго руководства активной жизнью, если бы общественное мнѣніе не укрѣпляло благія личныя намѣренія.

Для того, чтобы чувство общности одержало верхъ надъ личными интересами, требуется не только постоянное внимательство настоящихъ общихъ принциповъ, способныхъ разсѣять всякое сомнѣніе касательно поведенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но требуется также безпрестанное воздѣйствіе всѣхъ на каждого какъ для того, чтобы обуздать эгоистическія побужденія, такъ и для возбужденія симпатическихъ чувствъ. Безъ этого всеобщаго сотрудничества чувство и разсудокъ оказались бы всегда почти недостаточными, настолько наша несовершенная природа стремится всегда удовлетворять личныя инстинкты.

Выше мы видѣли, что пролетаріи естественно составляютъ въ этомъ отношеніи главный источникъ общественнаго мнѣнія, не только въ силу ихъ численнаго превосходства, но, въ особенности, благодаря ихъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ въ соединеніи съ ихъ социальнымъ положеніемъ. Такимъ образомъ, позитивизмъ, поставивъ, наконецъ, основную проблему человѣческой жизни, одинъ только и указываетъ въ самой природѣ великаго организма различныя существенныя основанія реальнаго рѣшенія ея.

Г Л А В А IX.

Рабочіе клубы.

Отныѣ ничто не можетъ помѣшать нашимъ пролетаріямъ, какъ изолированнымъ, такъ и, въ особенности, соединеннымъ въ общества, свободно судить о повседневномъ примѣненіи и даже объ общихъ принципахъ социальнаго режима, по необходимости затрагивающаго ихъ болѣе, чѣмъ всякій другой классъ. Памятное стремленіе нашего народа образовывать всюду клубы, безъ особаго къ тому понужденія и вопреки отсутствію всякаго дѣйствительнаго энтузіазма, лишній разъ доказало, насколько противорѣчили нашимъ правамъ матеріальныя стѣсненія, которыя эти естественныя наклонности раньше испытывали. Эти стремленія не только не могутъ пойти на убыль, но должны все болѣе и болѣе укорениться и развиваться, такъ какъ они вполне соответствуютъ привычкамъ, чувствамъ и потребностямъ пролетаріевъ, составляющихъ главное основаніе этихъ союзовъ.

Истинная социальная доктрина должна ихъ укрѣплять, сообщая имъ болѣе правильную организацію и болѣе важную цѣль. Отнюдь не являясь въ какомъ-либо отношеніи анархическими, они въ сущности являются незамѣтной и естественной подготовкой къ обычаямъ окончательнаго возрожденнаго человѣчества. Эти союзы поддерживаютъ социальное чувство посредствомъ постоянного благотворнаго его возбужденія. Общественное мнѣніе вырабатывается одновременно и болѣе быстро, и болѣе полно, по крайней мѣрѣ, послѣ достаточной индивидуальной подготовки къ нему.

Никто теперь не подозреваетъ, какое важное и благотворное значеніе приобретутъ эти естественныя стремленія, когда истинно всеобщая доктрина надлежащимъ образомъ ихъ упорядочитъ. Они явятся тогда главной точкой опоры для духовнаго преобразованія, которому будетъ, такимъ образомъ, обеспечена активная поддержка народа, тѣмъ болѣе рѣшительная, что она всегда будетъ свободной и мирной.

Опасеніе, что эти союзы могутъ вызвать политическія волненія, обусловленныя только эмпирической оцѣнкой нашего революціоннаго прошлаго. Вмѣсто того, чтобы поддерживать и развивать въ пролетаріяхъ желаніе пользоваться такъ называемыми политическими правами, рабочіе клубы, напротивъ, будутъ отвлекать ихъ отъ всякаго напраснаго вмѣшательства въ политику, призывая нашихъ пролетаріевъ къ ихъ основной социальной службѣ, какъ главнаго вспомогательнаго элемента духовной власти. Эту благородную и нормальную будущность позитивизмъ представитъ нѣ болѣе привлекательной, чѣмъ могутъ быть для нихъ теперь метафизическія идилліи.

Клубъ, въ сущности, долженъ, главнымъ образомъ, замѣнить церковь при скорбѣ, подготовить новый храмъ, подъ постепеннымъ давленіемъ преобразовательной доктрины, которая мало-по-малу доставитъ первенство окончательному культу Человѣчества, какъ я это особо укажу въ концѣ этого обзора.

Не препятствуя свободному развитію всѣхъ прогрессивныхъ стремленій, нашъ республиканскій строй скорѣ обнаружитъ самопроизвольное стремленіе нашего народа направить отныѣ по этому новому руслу различныя социальныя чувства, единственнымъ регуляторомъ которыхъ былъ долгое время католицизмъ.

Г Л А В А X.

Философскіе органы общественнаго мнѣнія.

Чтобы закончить изложеніе истинной теоріи общественнаго мнѣнія, мнѣ остается только указать здѣсь на то, что долженъ необходимо существовать философскій органъ, связывающій доктрину съ публикой, безъ чего ихъ взаимоотношеніе было бы почти безрезультатнымъ. Это послѣднее условіе еще болѣе неизбѣжно, чѣмъ первое; и оно на дѣлѣ всегда имѣло мѣсто, ибо всякое ученіе предполагаетъ наличность первоначальныхъ основателей его и даже обыкновенныхъ учителей. Было бы очевиднымъ противорѣчіемъ считать, что нравственные и политическіе принципы имѣютъ высокое социальное значеніе, и въ то же время допускать, что лица, которыя ихъ устанавливаютъ или преподають, лишены всякаго духовнаго авторитета.

Отрицательная метафизика, сперва протестантская, затѣмъ деистическая, могла, конечно, временно допустить подобную несообразность, когда разумная часть общества была преимущественно занята тѣмъ, чтобы обезопасить себя отъ католическаго регресса. Во время этой продолжительной борьбы каждый превращался въ своего рода священника, толкующаго по своему усмотрѣнію ученіе, которое могло обойтись безъ собственныхъ органовъ, такъ какъ оно заключалось, главнымъ образомъ, въ критикѣ. Наши различные метафизическія организаціи прямо освятили подобное положеніе вещей своими предварительными декларациями, которыя какъ бы давали каждому гражданину общее средство для социальной оцѣнки, избавляющее его отъ необходимости обращаться къ специальнымъ толкователямъ. Я, къ сожалѣнію, не могу здѣсь подробнѣе рассмотреть это неправильное распространеніе на прочное органическое состояніе того порядка, который могъ соотвѣтствовать только революціонному переходному состоянію.

По отношенію къ простѣйшимъ искусствамъ никто не помышлялъ бы требовать, чтобы общія правила существовали безъ теоретической разработки, или чтобы ихъ специальное толкованіе было предоставлено простому инстинкту практика. Какъ можетъ быть иначе относительно наиболѣе труднаго и наиболѣе важнаго искусства, болѣе сложнаго и менѣе точнаго правила котораго требуютъ въ каждомъ случаѣ specialнаго объясненія? Доказательства социальныхъ принциповъ никогда не станутъ настолько удовлетворительными, чтобы позитивная доктрина могла когда-либо, даже при наилучшей постановкѣ образованія, избавить отъ необходимости прибѣгать къ частной или общественной реальной жизни къ помощи философскихъ совѣтовъ. Моральные мотивы, указывающіе на необходимость такого постоянного посредствующаго органа между правиломъ и приложеніемъ, еще болѣе рѣшительны, чѣмъ интеллектуальныя соображенія. Если, съ одной стороны, философскій органъ одинъ только можетъ достаточно знать истинный духъ руководящей доктрины, то, съ другой стороны, онъ же единственно способенъ представлять гарантію чистоты, возвышенности

и безпристрастія, безъ которыхъ его совѣты не имѣли бы почти никакого значенія для преобразованія индивидуальнаго или коллективнаго поведенія. Именно черезъ его посредство должно, главнымъ образомъ, совершаться это воздѣйствіе всѣхъ на каждого, признанное выше необходимымъ для истинной нравственности. Правда, онъ не является главнымъ источникомъ общественнаго мнѣнія, какъ высокоумные теоретики это часто полагаютъ. Но хотя сила послѣдняго по существу вытекаетъ изъ свободнаго народнаго признанія, это естественное содѣйствіе становится вполнѣ успѣшнымъ только при систематическомъ провозглашеніи единодушныхъ сужденій, кромѣ исключительныхъ случаевъ, когда достаточно прямого выраженія народной воли.

Такимъ образомъ, пролетаріатъ и философы являются двумя солидарными элементами въ спеціальной выработкѣ и даже въ обычномъ проявленіи настоящаго общественнаго мнѣнія. При отсутствіи перваго изъ этихъ элементовъ наилучше установленная доктрина была бы обыкновенно безсильна; безъ другаго она почти никогда не имѣла бы достаточной прочности, чтобы преодолѣть постоянныя препятствія, которыя наша личная и социальная природа противопоставляетъ практическому господству основныхъ правилъ.

Эта потребность въ систематическихъ органахъ для руководства и провозглашенія общественнаго мнѣнія даетъ себя, въ сущности, чувствовать даже среди нашей духовной анархіи каждый разъ, когда наступаетъ настоящее проявленіе общественнаго мнѣнія, которое не могло бы имѣть мѣста, если бы никто не взялъ на себя почина или отвѣтственности. Въ частной жизни это вмѣшательство зачастую отсутствуетъ; въ наличности потребности въ немъ насъ убѣждаетъ неудовлетворительность на практикѣ даже наименѣ спорныхъ правилъ, если ихъ спеціальное примѣненіе не регулируется никакимъ постояннымъ авторитетомъ. Болѣе легкая оцѣнка и болѣе дѣятельныя чувства стремятся тогда возмѣстить несовершеннымъ образомъ этотъ крупный пробѣлъ.

Вслѣдствіе болѣе трудныхъ условій и болѣе высокихъ требованій общественной жизни, она никогда не оставалась вполнѣ лишенной систематическаго вмѣшательства. Въ каждомъ изъ ея проявленій обнаруживается, даже теперь, необходимое участіе нѣкотораго духовнаго авторитета, представителями котораго чаще всего являются философы и литераторы.

Итакъ, наше умственное и нравственное безначаліе не избавляетъ общественное мнѣніе отъ руководителей и толкователей. Только ему приходится удонлетворяться лицами, которыя могутъ представить лишь личныя свидѣтельства, не гарантирующія прочности ихъ убѣжденій и чистоты ихъ чувствъ.

Поставленный такимъ образомъ позитивизмомъ вопросъ объ организаціи общественнаго мнѣнія не можетъ долгое время оставаться нерѣшеннымъ. Въ сущности, этотъ вопросъ сводится къ нормальному раздѣленію на двѣ социальныя власти, подобно тому, какъ главное условіе позитивной доктрины было выше приведено къ соотвѣтственному раздѣленію на теорію и практику. Съ одной стороны, ясно, что здравое отношеніе нравственныхъ и политическихъ правилъ можетъ,—какъ и для всякаго другого искусства,—исходить только отъ философовъ, посвятившихъ себя изученію естественныхъ законовъ, на которыхъ эти правила покоятся. А для того,

чтобы философы могли сохранить цѣльное міросозерцаніе, что единственно составляетъ ихъ интеллектуальную заслугу—они должны тщательно воздерживаться отъ всякаго участія въ активной жизни и особенно общественной, подъ вліяніемъ которой ихъ умозрительная способность скорѣе ослабѣваетъ. Съ другой стороны, это условіе не менѣе необходимо для сохраненія чистоты ихъ чувствъ и духовнаго безпристрастія, что является двойной нравственной гарантіей ихъ общественнаго или частнаго авторитета.

Г Л А В А XI.

Необходимое сочетаніе трехъ элементовъ общественнаго мнѣнія: доктрина, сила и органъ.

Такова вкратцѣ позитивная теорія общественнаго мнѣнія. Посредствомъ своихъ трехъ необходимыхъ элементовъ: доктрины, силы и органа, общественное мнѣние глубоко связано съ совокупностью духовнаго преобразованія; или скорѣе, оно составляетъ только самую обыкновенную оцѣнку этого основного предмета. Всѣ его части находятся между собой въ тѣсномъ естественномъ согласіи. Если позитивные принципы могутъ разсчитывать только на поддержку пролетаріевъ, то послѣдніе, въ свою очередь, не могутъ отнынѣ сочувствовать какому-либо другому ученію. То же самое можно сказать относительно философскихъ органовъ, независимость которыхъ можетъ быть установлена и поддерживаема только народомъ.

Наши ученые инстинктивно отвергаютъ необходимость двухъ властей, такъ какъ это привело бы къ систематическому ограниченію ихъ честолюбія. Это раздѣленіе власти страшитъ также богачей, которые опасаются, что оно породитъ моральный авторитетъ, способный наложить на ихъ эгоизмъ непреодолимую узду. Одни пролетаріи могутъ теперь понимать эту реформу и сочувствовать ей, такъ какъ имъ болѣе доступны цѣльные взгляды и социальное чувство. Лучше предохраненные, въ особенности во Франціи, отъ метафизическихъ софизмовъ и отъ аристократическихъ прельщеній, ихъ умъ и сердце готовы легко усвоить правила позитивизма, касающіяся этого основного условія нашего истиннаго возрожденія.

Эта теорія общественнаго мнѣнія ясно указываетъ, въ какомъ положеніи находится уже организація этого важнаго современнаго регулятора и чего ему, главнымъ образомъ, еще недостаетъ. Существуютъ уже доктрина, сила и даже органъ, но эти элементы не вступили еще между собою во взаимное сочетаніе. Поэтому весь успѣхъ возрожденія зависить, въ концѣ концовъ, отъ тѣснаго союза между философами и пролетаріями.

Чтобы закончить характеристику этого окончательнаго союза, мнѣ остается указать на общія выгоды, которыя онъ можетъ доставить народу въ вопросѣ о нормальномъ удовлетвореніи ихъ законныхъ требованій.

Главное улучшеніе, подлежащее скорѣе развитію и укрѣпленію всѣхъ другія, состоитъ въ томъ, что пролетаріи, благодаря своему благородному социальному назначенію, станутъ отнынѣ необходимыми помощниками духовной власти. Этотъ огромный классъ

людей, который, съ самаго своего зарожденія въ средніе вѣка, оставался чуждымъ новому строю, занять тогда положеніе, выполнѣ соответствующее его собственной природѣ и общему благу. Помимо своихъ специальныхъ занятій, всѣ члены этого класса примутъ важное участіе въ общественной жизни, которое вознаградитъ ихъ за неизбѣжныя неудобства ихъ частной жизни. Такое народное сотрудничество, далеко не нарушая основного порядка, явится наиболѣе прочной гарантіей порядка, въ силу того только, что оно будетъ не политическимъ, но моральнымъ.

Таково окончательное измѣненіе, которое позитивизмъ вносить въ указанный революціоннымъ духомъ способъ социальнаго вышательства пролетаріевъ. Бурный споръ о правахъ мы замѣняемъ мирнымъ опредѣленіемъ обязанностей. Напрасныя споры объ обладаніи властью замѣнены изслѣдованіемъ правилъ, относящихся къ мудрому ея осуществленію.

При поверхностной оцѣнкѣ современнаго состоянія можетъ показаться, что наши пролетаріи еще весьма далеки отъ подобнаго настроенія. Но болѣе глубокое изученіе можетъ выполнѣ убѣдить, что даже производимый ими теперь опытъ расширенія политическихъ правъ вскорѣ покажетъ имъ непригодность этого средства, мало соответствующаго ихъ естественнымъ потребностямъ. Не отрекаясь формально отъ этихъ правъ,—что было бы несовмѣстимо съ ихъ социальнымъ достоинствомъ, они, руководимые мудрымъ инстинктомъ, не замедлятъ еще болѣе рѣшительно ихъ упразднить. Позитивизмъ безъ труда убѣдитъ ихъ, что, если духовная власть для полнаго достиженія своей социальной цѣли, должна всюду развѣтвляться, то для сохраненія порядка требуется, напротивъ, обычное сосредоточеніе свѣтской власти. Это убѣжденіе явится преимущественно результатомъ здоровой оцѣнки чисто-нравственной природы основныхъ затрудненій, справедливо озабочивающихъ нашихъ пролетаріевъ.

Г Л А В А XII.

Коммунизмъ.

Пролетаріи уже сдѣлали въ указанномъ выше направленіи самопроизвольный шагъ, значеніе котораго еще очень плохо понято. Знаменитое утопическое ученіе, быстро распространяющееся среди нихъ, служить имъ пока, въ виду отсутствія лучшей доктрины, для формулированія ихъ собственной точки зрѣнія на главный социальный вопросъ. Хотя опытъ первой части революціи не разочаровалъ ихъ окончательно въ политическихъ иллюзіяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, выяснилъ, что собственность для нихъ болѣе важна, чѣмъ власть въ собственномъ смыслѣ слова. Распространяя на этотъ пунктъ великую социальную проблему, коммунизмъ оказываетъ большую услугу, которую не могутъ умалить временныя опасенія, вызываемыя его метафизическими формами. Поэтому эта утопія должна быть тщательно отдѣлена отъ многочисленныхъ заблужденій, порождаемыхъ нашей духовной анархіей, призывающей неспособные или плохо подготовленные умы къ наиболѣе труднымъ умозрѣніямъ. Эти ненужныя теоріи столь мало характерны, что приходится ихъ различать по именамъ ихъ авторовъ.

Коммунизмъ не пазывается именемъ какого-либо лица и не является случайнымъ плодомъ исключительнаго положенія. Въ немъ нужно видѣть самопроизвольный прогрессъ, скорѣе аффективный, чѣмъ раціональный, истиннаго революціоннаго духа, стремящагося нынѣ заниматься преимущественно нравственными проблемами, отодвигая на второй планъ собственно политическіе вопросы.

Конечно, эти вопросы рѣшаются коммунистами, какъ и ихъ предшественниками, исключительно политическимъ путемъ, такъ какъ они также хотятъ руководить поведеніемъ посредствомъ власти. Но вопросъ, который они, наконецъ, поставили, требуетъ непремѣнно моральнаго рѣшенія, его политическое рѣшеніе окажется столь недостаточнымъ и губительнымъ, что вскорѣ непремѣнно должно одержать верхъ рѣшеніе, указываемое позитивизмомъ, который станетъ руководителемъ окончательнаго преобразованія мнѣній и правовъ.

Въ коммунизмѣ слѣдуетъ особенно цѣнить свойственныя ему благородныя чувства, а не напрасныя теоріи, служащія временнымъ выраженіемъ этихъ чувствъ въ средѣ, гдѣ они не могутъ еще иначе формулироваться. Наши пролетаріи, весьма мало проникнутые метафизическими воззрѣніями, принимая эту утопію, отнюдь не придаютъ этимъ доктринамъ такого же значенія, какъ люди ученые. Коль скоро они найдутъ лучшее выраженіе для своихъ законныхъ желаній, они, не колеблясь, предпочтутъ ясныя и реальныя понятія, могущія служить основаніемъ для прочнаго мирнаго строя, смутнымъ и призрачнымъ идеямъ, анархическое направленіе которыхъ они вскорѣ инстинктивно поймутъ. До этого момента они должны примыкать къ коммунизму, какъ къ единственному движенію, которое можетъ въ настоящее время подымать и энергично поддерживать самый основной вопросъ. Даже опасенія, вызываемыя рѣшеніемъ, которое они нынѣ предлагаютъ, способствуютъ привлеченію и сосредоточенію общаго вниманія на этомъ важномъ предметѣ, который, безъ этого постоянного напоминанія, устранился бы или игнорировался бы метафизическимъ эмпиризмомъ и аристократическимъ эгоизмомъ правящихъ классовъ.

Впрочемъ, и тогда, когда наши коммунисты переработаютъ свои идеи, имъ не захѣтъ отказываться отъ своего имени, которое указываетъ только на основное преобладаніе социальнаго чувства. Но наше благотворное республиканское преобразование избавитъ ихъ даже отъ этого названія и предложитъ имъ равноцѣнное обозначеніе, не вызывающее тѣхъ опасеній, которыя связаны со словомъ коммунизмъ.

Итакъ, новая философія не только не страшится коммунизма, но, напротивъ, рассчитываетъ на скорый успѣхъ среди 'большинства примкнувшихъ къ нему пролетаріевъ, въ особенности во Франціи, гдѣ отвлеченныя ученія имѣютъ мало вліянія на вполне свободомыслящихъ людей. Этотъ результатъ необходимо будетъ достигаться по мѣрѣ того, какъ народъ будетъ знакомиться съ основной способностью позитивизма разрѣшать лучше коммунизма главную социальную проблему.

ГЛАВА XIII.

Соціализмъ.

Новая формула, сама собой одержавшая верхъ среди нашихъ пролетаріевъ послѣ перваго изданія настоящаго разсужденія, уже ясно обнаружила, что ихъ настроеніе измѣнилось. Одобривъ удачное выраженіе «соціализмъ», они тѣмъ самымъ одновременно приняли проблему коммунистовъ и отвергли ихъ рѣшеніе ея, нынѣ какъ-будто безвозвратно отброшенное. Но современные соціалисты могутъ обходить коммунизмъ только до тѣхъ поръ, пока они занимаютъ пассивную или критическую позицію. Если они пріобрѣтутъ политическое главенство раньше, чѣмъ ихъ идеи окажутся въ уровнѣ съ ихъ чувствами, они по необходимости дойдутъ до анархическихъ заблужденій, которыя они теперь инстинктивно отвергаютъ. Вотъ почему быстрое распространеніе соціализма внушаетъ основательную тревогу классамъ, сопротивленіе которыхъ, опирающееся на опытъ, составляетъ теперь единственную законотѣрную гарантію матеріальнаго порядка.

Въ самомъ дѣлѣ, проблема, поставленная коммунистами, допускаетъ рѣшеніе только въ коммунистическомъ духѣ, пока продолжается революціонное смѣшеніе духовной и свѣтской властей. Такимъ образомъ, единодушное отрицаніе, встрѣчаемое этими утопіями, должно всюду приготовить благопріятную почву для позитивизма, который отнынѣ одинъ только и можетъ предохранить Западъ отъ всякой серьезной коммунистической попытки. Основывая, наконецъ, современную политику на надлежащемъ систематическомъ раздѣленіи властей, впервые возникшемъ въ средніе вѣка, создающая партія стремится теперь удовлетворить бѣдныхъ и въ то же время успокоить богатыхъ! Предлагаемое ею нормальное рѣшеніе вскорѣ сдѣлаетъ бесполезными эти недолговѣчныя обозначенія. Окончательно очищенное древнее наименованіе «республиканцы» будетъ всегда достаточно для обозначенія истинныхъ преобразовательныхъ чувствъ, между тѣмъ какъ названіе «позитивистовъ» исключительно будетъ характеризовать воззрѣнія, нравы и даже соотвѣтственные учрежденія.

ГЛАВА XIV.

Позитивная теорія собственности.

Побуждаемый свойственной ему реальностью, равно какъ и постояннымъ стремленіемъ посвятить разсудокъ на службу чувству, позитивизмъ вдвойнѣ стремится основать систематизацію самопроизвольнаго коммунистическаго принципа на социаль-ной природѣ собственности и на необходимости ее упорядочить.

Истинные философы, не колеблясь, поддерживаютъ своимъ авторитетомъ инстинктивные протесты пролетаріевъ противъ неправильнаго опредѣленія собственности,

принятаго большинствомъ современныхъ юристовъ, приписывающихъ этому институту абсолютную индивидуальность, право пользоваться и злоупотреблять. Эта анти-общественная теорія, исторически вызванная чрезырною реакціей противъ исключительныхъ притѣсненій, несправедлива и неосновательна.

Такъ какъ никакой видъ собственности не можетъ быть созданъ или даже переданъ въ другія руки исключительно его обладателемъ, безъ необходимаго спеціальнаго и общаго сотрудничества общества, то поэтому пользованіе имъ никогда не должно быть чисто-индивидуальнымъ. Всегда и всюду общество болѣе или менѣе вмѣшивалось и подчиняло пользованіе имъ социальнымъ потребностямъ. Налогъ дѣйствительно дѣлаетъ все общество участникомъ каждаго частнаго владѣнія; и общій ходъ цивилизаціи не только не уменьшаетъ этого участія, но, напротивъ, постоянно его увеличиваетъ, въ особенности среди современныхъ народовъ, все болѣе и болѣе расширяя связь каждаго со всѣми.

Другой всеобщій обычай показываетъ, что въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ общество даже считаетъ себя въ правѣ завладѣть всецѣло собственностью. Хотя право конфискаціи было временно отмѣнено во Франціи, тѣмъ не менѣе, этотъ единственный случай отмѣны его, обусловленный недавними злоупотребленіями этимъ безспорнымъ правомъ, не можетъ оказаться устойчивѣе традицій, поддерживающихъ это право, и власти, установившей его. Наши коммунисты, такимъ образомъ, прекрасно опровергли юристовъ относительно общей природы собственности.

Вполнѣ приемлема также ихъ основная критика экономистовъ, метафизическія правила которыхъ препятствуютъ всякому социальному упорядоченію личнаго владѣнія. Это догматическое заблужденіе, вызванное, какъ и предыдущее, неправильнымъ вѣдѣтельствомъ, прямо противорѣчитъ здоровой философіи, хотя оно и признаетъ, что общественныя явленія подчиняются естественнымъ законамъ, и тѣмъ какъ-будто къ ней приближается. Похоже на то, что экономисты одобрили этотъ основной принципъ только для того, чтобы точнѣе обнаружить, насколько они неспособны его понимать; ибо прежде, чѣмъ распространять его на наиболѣе важныя явленія, имъ слѣдовало рассмотреть его относительно самыхъ незначительныхъ; пренебрегши этимъ, они показали свое полное непониманіе тенденціи естественнаго порядка—становиться, по мѣрѣ своего осложненія, все болѣе и болѣе измѣняемымъ. Такъ какъ вся наша дѣятельность покоится на этомъ понятіи, то нельзя извинить педантизма экономической метафизики, съ которымъ она осуждаетъ непрестанное вѣдѣтельство чело-вѣческой мудрости въ разлчныя отрасли социальнаго движенія. Естественные законы, управляющіе этимъ движеніемъ, на самомъ дѣлѣ, не только не препятствуютъ намъ его безпрестанно видоизмѣнять, но должны, напротивъ, способствовать лучшему приложенію нашей дѣятельности, которая здѣсь оказывается болѣе цѣлесообразной и болѣе необходимой, чѣмъ относительно всѣхъ другихъ явленій.

Итакъ, съ этихъ различныхъ сторонъ основной коммунистическій принципъ поглощается позитивизмомъ. Значительно укрѣпляя его, новая философія также расширяетъ его, такъ какъ она примѣняетъ его ко всѣмъ формамъ чело-вѣческаго существованія, которыя, согласно истинному республиканскому духу, всѣ, безъ исключенія, должны быть отданы на служеніе обществу.

Эгоистическія чувства и мелочные взгляды необходимо преобладали въ теченіе

долгаго революціоннаго переходнаго состоянія, отдѣляющаго насъ отъ среднихъ вѣковъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе не соответствуютъ окончательному строю современнаго общества.

Во всякомъ нормальномъ состояніи человѣчества, каждый гражданинъ является государственнымъ чиновникомъ, болѣе или менѣе опредѣленныя преимущества котораго обуславливаютъ одновременно его права и обязанности. Этотъ всеобщій принципъ долженъ, безъ сомнѣнія, распространяться также на собственность, которую позитивизмъ разсматриваетъ, главнымъ образомъ, какъ необходимую социальную функцію, состоящую въ накопленіи и управленіи капиталами, съ помощью которыхъ каждое поколѣніе подготавливаетъ поле дѣятельности для слѣдующаго за нимъ. Эта нормальная оцѣнка облагораживаетъ владѣніе собственностью, не ограничивая его справедливой свободой и даже внушая къ нему больше уваженія.

ГЛАВА XV.

Различіа между коммунизмомъ и позитивизмомъ.

Но именно въ этомъ пунктѣ здравая соціологическія теорія совершенно расходится съ инстинктивными взглядами народной мудрости. Принимая и даже значительно дополняя коммунистическую аргументацію, позитивисты совершенно отбрасываютъ коммунистическое рѣшеніе, которое считаютъ недостаточнымъ и разрушительнымъ. Наше рѣшеніе, главнымъ образомъ, отличается отъ послѣдняго введеніемъ моральныхъ средствъ вмѣсто политическихъ.

Такимъ образомъ, главное социальное различіе между позитивизмомъ и коммунизмомъ относится, въ концѣ концовъ, къ нормѣ: ѣному отдѣленію свѣтской власти отъ духовной; эта мѣра, отсутствовавшая до сихъ поръ во всѣхъ представленіяхъ объ обновленіи, всегда оказывается въ основѣ каждой важной современной проблемы, какъ единственный окончательный выходъ для человѣчества. Характеризуя лучше коммунистическое заблужденіе, позитивизмъ его оправдываетъ, такъ какъ эту ошибку онъ раздѣляетъ со всѣми другими признанными нынѣ доктринами. Когда почти всѣ высоко образованные умы не понимаютъ основного принципа современной политики, развѣ можно порицать народный инстинктъ за то, что онъ до сихъ поръ находился подъ этимъ всемірнымъ вліяніемъ революціоннаго эмпиризма?

Мнѣ нѣтъ надобности, въ особенности здѣсь, предпринимать спеціальное изслѣдованіе древней утопіи, основательно опровергнутой двадцать два вѣка тому назадъ великимъ Аристотелемъ, провозгласившимъ, такимъ образомъ, органическій характеръ позитивной философіи даже на первой стадіи ея возникновенія. Сверхъ того, крайняя непоследовательность современнаго коммунизма указываетъ на полное отсутствіе въ немъ разсудительности и въ то же время на благородный сантиментальный источникъ его. Ибо онъ отличается отъ древней утопіи, представленной преимущественно Платономъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что послѣдній, кроиѣ общности

имущества, проповѣдывалъ также общность женъ и дѣтей, что на самомъ дѣлѣ и являлось необходимымъ слѣдствіемъ этой утопіи.

Какъ бы связаны ни были эти два заблужденія, эта утопія понимается въ такомъ смыслѣ только немногими учеными, плохо направленный умъ которыхъ тревожитъ мало дѣятельное сердце. Наши же необразованные пролетаріи, будучи благородно непослѣдовательными, принимаютъ только ту часть этой недѣлимой ложной утопіи, которая относится къ ихъ социальнымъ потребностямъ, энергично отвергая все то, что оскорбляетъ наши лучшія чувства.

Не вдаваясь въ подробное обсужденіе этихъ иллюзій, важно отмѣтить главные недостатки соответствующаго имъ метода, такъ какъ за исключеніемъ позитивизма, они болѣе или менѣе присущи всѣмъ обновляющимъ школамъ. Они состоятъ, съ одной стороны, въ незнаніи или даже отрицаніи естественныхъ законовъ, управляющихъ социальными явленіями и, съ другой, въ обращеніи къ политическимъ средствамъ тамъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ должны стоять нравственные средства. Дѣйствительно, эти двѣ связанные между собою ошибки обуславливаютъ недостаточность и опасность различныхъ утопій, тщетно оспаривающихъ другъ у друга руководство нашимъ возрожденіемъ. Чтобы сдѣлать эту оцѣнку болѣе ясной, я буду принимать ее къ наиболѣе яркому заблужденію, откуда всякій безъ труда можетъ распространить ее и на всѣ другія.

ГЛАВА XVI.

Необходимое согласованіе между независимостью и содѣйствіемъ.

Незнаніе реальныхъ законовъ общественности обнаруживается, прежде всего, въ опасномъ стремленіи коммунизма подавлять всякую индивидуальность. Помимо того, что такимъ образомъ игнорируется естественное преобладаніе личнаго инстинкта, опускается также изъ виду одна изъ двухъ основныхъ характерныхъ чертъ коллективнаго организма, въ которомъ раздѣленіе функций столь же необходимо, какъ и ихъ участіе. Если бы между всѣми людьми установилась такая солидарность, что люди стали бы матеріально неотдѣлимыми, какъ это наблюдается въ нѣкоторыхъ уродливыхъ случаяхъ вѣшняго сращенія двухъ людей, общество немедленно перестало бы существовать. Эта крайняя гипотеза позволяетъ понять, насколько индивидуальность необходима для нашей социальной природы, такъ какъ она создаетъ почву для разнообразія одновременныхъ усилій, благодаря чему общественная жизнь стоитъ выше всякаго личнаго существованія.

Великая задача человѣчества состоитъ въ согласованіи, по возможности, этого необходимаго раздѣленія съ не менѣе необходимымъ единеніемъ. Исключительная работа объ этомъ послѣднемъ условіи привела бы къ уничтоженію всякой реальной дѣятельности и даже истиннаго человѣческаго достоинства, такъ какъ всякая отвѣтственность перестала бы существовать. Несмотря на радости домашняго очага, часто

отсутствіе независимости дѣлаетъ нестерпимымъ существованіе подѣ постоянной опекой семьи. Что же было бы, если бы каждый находился въ подобномъ положеніи по отношенію къ безразличной общинѣ?

Таковъ огромный недостатокъ всѣхъ утопій, приносящихъ въ жертву истинную свободу анархическому равенству или даже преувеличенному братству. Въ этомъ смыслѣ позитивизмъ по существу присоединяется—хотя и на основаніи иного принципа,—къ рѣшительной критикѣ, которой коммунизмъ подвергся у нашихъ экономистовъ, въ особенности въ почтенномъ трактатѣ наиболѣе передового изъ нихъ (Дюноа¹⁾).

ГЛАВА XVII.

Въ промышленномъ строѣ руководители необходимы.

Коммунизмъ противорѣчитъ также социологическимъ законамъ въ томъ, что онъ игнорируетъ естественную организацію современной промышленности, откуда онъ хочетъ устранить необходимыхъ руководителей. Армія не можетъ существовать безъ офицеровъ, равно какъ и безъ солдатъ; это простое понятіе одинаково приложимо къ промышленному строю, какъ и къ военному порядку. Хотя современная промышленность все еще безсистемна, однако, естественно установившееся дѣленіе на предпринимателей и рабочихъ составляетъ, безъ сомнѣнія, необходимый зародышъ для окончательной организаціи. Никакое великое предпріятіе не могло бы существовать, если бы каждый исполнитель долженъ былъ быть также управляющимъ или если бы управленіе было неопредѣленно ввѣрено косной и неответственной толпѣ.

Современная промышленность, очевидно, стремится безпрестанно увеличивать свои предпріятія, причемъ всякое увеличеніе вызываетъ точчасъ и большее расширеніе. А эта естественная тенденція, будучи далеко не неблагоприятной для пролетаріевъ, одна только и даетъ возможность дѣйствительно систематизировать матеріальную жизнь, когда она будетъ надлежащимъ образомъ упорядочена моральнымъ авторитетомъ. Ибо философская власть наложить именно на крупнѣйшихъ руководителей предпріятій обязанности, благоприятныя для ихъ подчиненныхъ. Если бы матеріальное могущество не было достаточно сконцентрировано, мы не имѣли бы необходимыхъ силъ для выполненія великихъ нравственныхъ предписаній, или пришлось бы требовать чрезмѣрныхъ жертвъ, несовмѣстимыхъ ни съ какимъ промышленнымъ движеніемъ.

Таковъ неизбежный недостатокъ всякой реформы, которая ограничивается заботой о захватѣ общественной или частной власти, вмѣсто того, чтобы упорядочить пользованіе ею, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Такимъ путемъ сводятся на нѣтъ силы, цѣлесообразное употребленіе которыхъ составляетъ наше главное средство для устраненія чрезвычайныхъ социальныхъ затрудненій.

¹⁾ См. объ этомъ авторъ въ 3-емъ выпускѣ настоящей сѣрии.

ГЛАВА XVIII.

Коммунизмъ игнорируетъ историческую непрерывность.

Итакъ, несмотря на почтительное чувство, внушаемое современнымъ коммунизмомъ, онъ, въ виду отсутствія въ немъ истинно-научнаго обоснованія, совершенно не годится, какъ средство для исцѣленія общественнаго недуга. Можно даже сдѣлать нашимъ коммунистамъ болѣе тяжкій упрекъ, именно въ прямой ограниченности ихъ социальнаго инстинкта. Ибо чувство солидарности, которымъ они такъ гордятся, ограничивается настоящимъ временемъ, и въ немъ отсутствуетъ историческая безпрерывность, составляющая, однако, главную характерную черту человечества. Когда они укрѣпляютъ свой нравственный порывъ на историческомъ основаніи и простираютъ исторически ту связь, которую они видятъ только на ограниченномъ промежуткѣ, они тотчасъ замѣтятъ необходимость всеобщихъ условій, которыя ими теперь игнорируются. Они поймутъ тогда важность института наслѣдства, какъ естественнаго способа передачи однимъ поколѣніемъ другому уже выполненныхъ трудовъ и средствъ для ихъ усовершенствованія.

Расширеніе этого института на индивидуальную жизнь является только слѣдствіемъ его очевидной необходимости въ коллективной жизни. Но упреки, которые заслуживаютъ въ этомъ отношеніи наши коммунисты, могутъ быть направлены также по адресу всѣхъ другихъ новаторскихъ сектъ, которыя, вслѣдствіе своего анти-историческаго направленія, имѣютъ въ виду всегда общество безъ предковъ, даже въ томъ случаѣ, когда они интересуются, главнымъ образомъ, потомками.

Всѣ эти безспорные недостатки не могутъ помѣшать здравой философіи снисходительно судить настоящій современный коммунизмъ, принимая во вниманіе или его истинный источникъ, или его дѣйствительное назначеніе. Было бы весьма несправедливо судить въ отдѣльности объ ученіи, которое имѣетъ смыслъ и цѣнность только относительно среды, въ которой оно возникло. Оно здѣсь своеобразно выполняетъ необходимую функцію, прямо указывая на главную социальную проблему, которую только нарождающійся позитивизмъ могъ лучше формулировать.

Было бы совершенно неосновательно предположить, что достаточно одной постановки вопроса безъ сопровождающаго ее теперь опаснаго рѣшенія. Это значило бы совершенно игнорировать реальныя требованія нашего слабаго ума, который даже въ области простѣйшихъ предметовъ не можетъ долгое время останавливаться на вопросахъ, лишенныхъ всякаго отвѣта. Если бы, напримѣръ, Галль и Бруссэ только ставили тѣ проблемы, которыя они дерзнули разрѣшить, ихъ принципы оказались бы безспорными, но безплодными, зъ виду отсутствія побужденія къ обновленію, могущаго вытекать только изъ систематическаго рѣшенія, какимъ бы рискованнымъ оно ни казалось вначалѣ.

Какимъ образомъ можно было обойти эту потребность ума въ наиболѣе трудныхъ и наиболѣе страстныхъ вопросахъ?

Итакъ, если внимательно сравнимъ коммунистическія заблужденія съ другими социальными доктринами, занявшими въ наши дни, даже официально, господствующее положеніе, наше заключеніе будетъ въ пользу первыхъ. Развѣ они, напимѣръ, болѣе бессмысленны и въ основѣ болѣе опасны, чѣмъ эмпирическая утопія, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія пользовалась во Франціи большимъ успѣхомъ и еще теперь увлекаетъ многихъ ученыхъ,—утопія о завершеніи великой революціи путемъ установленія парламентарнаго режима, пригоднаго только для переходнаго состоянія Англіи?

Сверхъ того, наши мнимые консерваторы избѣгаютъ коммунистическихъ заблужденій, только отбрасывая или обходя соответственные вопросы, становящіеся, однако, все болѣе и болѣе неустраняемыми. Когда же они начинаютъ ихъ разсматривать, они, въ свою очередь, впадаютъ въ тѣ же самыя опасныя ошибки, по необходимости общія всѣмъ школамъ, отвергающимъ отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской и стремящимся замѣнить воспитаніе нравовъ созданіемъ законовъ. Такъ, напимѣръ, официальные доктрины предлагаютъ нынѣ чисто-коммунистическія учрежденія: дѣтскіе пріюты, ясли и т. д., между тѣмъ какъ народный инстинктъ справедливо осуждаетъ ихъ, какъ противныя всеобщему развитію семейныхъ привязанностей.

ГЛАВА XIX.

Несмотря на благородство мотивовъ, вызвавшихъ коммунизмъ, онъ какъ система не имѣетъ никакой цѣнности.

За исключеніемъ временнаго противодѣйствія другимъ ложнымъ доктринамъ, коммунизмъ имѣетъ цѣнность только въ силу благородства вызвавшихъ его чувствъ, по его призрачное и разрушительное рѣшеніе социальной проблемы никогда не можетъ быть допущено. Однако, одинъ этотъ благородный нравственный источникъ сохранить за нимъ все возрастающее вліяніе до того времени, когда наши пролетаріи признаютъ, что удовлетворенія тѣхъ же потребностей можно достигнуть болѣе мягкими и болѣе дѣйствительными средствами.

Нашъ республиканскій строй, который съ перваго взгляда кажется столь благоприятнымъ для этой утопіи, долженъ, однако, скорѣе уменьшить ея значеніе, такъ какъ онъ стремится непосредственно санкціонировать социальный принципъ, являющійся заслугой коммунизма, но освобождая его отъ опасныхъ иллюзій, искажающихъ его. Во Франціи, гдѣ легкость пріобрѣтенія всюду развиваетъ естественную склонность къ собственности, особенно нечего бояться практическихъ послѣдствій этихъ заблужденій; напротивъ, ихъ благотворное вліяніе выразится въ томъ, что отнынѣ будетъ обращено серьезное вниманіе на справедливыя народныя требованія. Но въ тѣхъ западныхъ государствахъ, гдѣ вслѣдствіе того, что аристократія менѣе пришла въ упадокъ, а пролетаріи болѣе угнетены и менѣе развиты, преимущественно же въ Англіи, опасность станетъ болѣе серьезной. Даже среди католическихъ народовъ, гдѣ истинное братство представляло лучшее сопротивленіе для анархическаго эгоизма, коммунистическія волненія могутъ быть окончательно избѣгнуты только при быстромъ

распространеніи позитивизма, призваннаго развѣять всѣ социальныя заблужденія и дать истинное рѣшеніе всѣмъ вызывающимъ ихъ вопросамъ.

Природа социального недуга показываетъ, что средство для его исцѣленія должно быть преимущественно моральное, и народный инстинктъ не замедлитъ понять эту необходимость, покоящуюся на дѣйствительномъ знаніи человечества. Въ этомъ смыслѣ коммунизмъ, самъ того не вѣдая, подготавливаетъ практическое главенство позитивизма, ставя съ непреодолимой энергіей проблему, которую одна только новая философія можетъ на самомъ дѣлѣ мирно разрѣшить.

ГЛАВА XX.

Контролировать употребленіе богатства болѣе цѣлесообразно, чѣмъ оспаривать право богатаго.

Не вдаваясь въ бесполезный и бурный споръ о происхожденіи и объемѣ частной собственности, новая философія прямо устанавливаетъ нравственные правила, относящіеся къ ея социальному назначенію. Распределеніе реальныхъ силъ и въ особенности матеріальныхъ, настолько недоступно нашему вѣдѣтельству, что мы потратили бы нашу недолгую жизнь на безплодные и нескончаемые споры, если бы мы, главнымъ образомъ, занялись исправленіемъ, именно въ этомъ отношеніи, несовершенствъ естественнаго порядка. Для публики важно знать не то, въ чьихъ рукахъ находится та или иная социальная власть, а то, какъ обладатели таковой ею пользуются; и съ этой стороны наши усилія могутъ быть приложены съ большимъ успѣхомъ. Сверхъ того, регулируя назначеніе собственности, мы производимъ косвенное воздѣйствіе на владѣніе ею.

Эти необходимыя правила должны быть, по своему происхожденію, моральными, а не политическими, въ своемъ же примѣненіи—общими, а не специальными. Всѣ тѣ лица, кои имъ подчиняются, примутъ ихъ добровольно, въ силу воспитанія, и будутъ ихъ соблюдать, сохраняя достоинство свободы такъ, какъ это понималъ уже Аристотель. Благодаря моральному приравненію частной собственности къ общественной обязанности, они не будутъ вынуждены исполнять тиранническія предписанія, которыя глубоко унижаютъ человѣческую природу, такъ какъ уничтожаютъ добровольность и ответственность. Эта нормальная оцѣнка будетъ часто примѣняться даже въ обратномъ смыслѣ, дабы упрочить положеніе общественныхъ служащихъ, вмѣсто того, чтобы потрясать собственниковъ.

Истинный республиканскій принципъ состоитъ въ направленіи всѣхъ силъ общества къ общему благу. Для этого нужно, съ одной стороны, точно опредѣлить то, чего въ каждомъ случаѣ требуетъ общая польза, и съ другой, всюду создать соотвѣтственные настроенія. Эта двойная и постоянная функція можетъ быть выполнена при наличности, прежде всего, основной доктрины, надлежащаго образованія и правильно руководимаго общественнаго духа. Такъ что она должна, главнымъ образомъ,

зависѣть отъ философскаго авторитета, который позитивизмъ поставилъ во главѣ современнаго общества.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе человѣческой слабости и впредь будутъ необходимы, кромѣ чисто-нравственнаго управленія, еще и законы въ собственномъ смыслѣ слова для обузданія наиболѣе прямыхъ и наиболѣе опасныхъ правонарушеній. Но это неизбежное дополненіе вскорѣ станетъ еще менѣе нужнымъ, чѣмъ оно было въ средніе вѣка при социальномъ главенствѣ католицизма. Духовныя наказанія и награды берутъ верхъ надъ свѣтскими по мѣрѣ того, какъ, благодаря эволюціи, въ человѣкѣ развивается чувство связи каждаго со всѣми; эта эволюція совершается по тремъ естественнымъ путямъ: черезъ чувство, разумъ и дѣятельность.

ГЛАВА XXI.

Институтъ наслѣдствъ не заслуживаетъ тѣхъ нападокъ, которымъ онъ подвергается.

Являясь болѣе мирнымъ и цѣлесообразнымъ, чѣмъ коммунизмъ, въ силу своей большей истинности, позитивизмъ даетъ также болѣе широкое и болѣе полное рѣшеніе крупныхъ социальныхъ затруднительныхъ проблемъ. Въ отношеніи собственности нужно считать столь же узкимъ, какъ и разрушительнымъ поверхностное и зачастую завистливое осужденіе института наслѣдства за то, что онъ ведетъ къ нетрудовому владѣнію. Разсматривая эти эмпирическія обвиненія съ нравственной точки зрѣнія, тотчасъ замѣчаешь ихъ коренной недостатокъ, выражающійся въ совершенномъ игнорированіи основного свойства подобнаго способа передачи, а именно, развивать лучше всякаго другого склонности, благопріятныя для правильнаго употребленія богатства. Ибо умъ и сердце избѣгаютъ въ этомъ случаѣ скряжническихъ или неблагоприятныхъ привычекъ, порождаемыхъ обыкновенно медленнымъ накопленіемъ капиталовъ. Наслѣдственное владѣніе богатствомъ заставляетъ насъ быть болѣе отзывчивымъ. Такимъ образомъ, тѣ, которыхъ клеймятъ именемъ паразитовъ, могутъ при мудромъ преобразованіи возрѣній и нравовъ, легко стать наиболѣе полезными изъ всѣхъ богатей.

Сверхъ того, извѣстно, что нетрудовое существованіе становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ, по мѣрѣ того, какъ благодаря цивилизаціи становится все труднѣе жить безъ заработка. Итакъ, стремленіе ниспровергнуть общество изъ-за наблюдающагося въ немъ злоупотребленій, которыя имѣютъ временный характеръ и могутъ принять даже благопріятное нравственное направленіе, является во всѣхъ отношеніяхъ заблужденіемъ, заслуживающимъ глубокаго порицанія.

ГЛАВА XXII.

Интеллектуальный труд, являющийся социальной силой, долженъ быть упорядоченъ.

Позитивистское рѣшеніе стоитъ выше коммунистическаго также благодаря своей полнотѣ. Коммунизмъ занимается исключительно богатствомъ, точно это въ настоящее время единственныя неправильно распределенныя и плохо управляемыя социальныя силы. Однако, существуютъ еще и другія реальныя злоупотребленія большинства другихъ человѣческихъ способностей, въ особенности интеллектуальныхъ дарованій, которыя наши утописты даже не пытаются упорядочить.

Позитивизмъ, будучи единственнымъ ученіемъ, способнымъ разсматривать всю совокупность нашего существованія, одинъ только можетъ утвердить настоящее происхожденіе социального чувства, распространяя его на всѣ формы нашей реальной дѣятельности.

Моральное требованіе подчиненія частныхъ занятій общественному служенію еще болѣе примѣнимо къ ученому, художнику и т. д., чѣмъ къ простому пролетарію, какъ относительно источника способностей, такъ и относительно ихъ назначенія. Тѣмъ не менѣе, стремясь сдѣлать общимъ достояніемъ матеріальныя блага, единственныя, которыя могутъ вполне принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, коммунисты не распространяютъ этой утопіи на духовныя блага, которыя могли бы гораздо скорѣе подвергнуться такому превращенію. Часто даже апостолы коммунизма оказываются ярыми сторонниками мнимой литературной собственности. Эта непоследовательность только подтверждаетъ ничтожество социальной доктрины, обнаруживающей свое безсиліе въ случаяхъ, наиболѣе соответствующихъ ея назначенію. Ибо подобное расширеніе тотчасъ показало бы неудобство политическихъ предписаній и необходимость моральныхъ правилъ, которыя одни только способны одинаково обезпечить правильное употребленіе реальныхъ силъ.

Самопроизвольность, которая безусловно необходима для успѣшнаго интеллектуальнаго порыва, мѣшаетъ, конечно, коммунистическому инстинкту подчинить его своей уставной утопіи. Напротивъ, позитивизмъ не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій и не вызываетъ никакого возмущенія, когда онъ распространяетъ свое моральное вліяніе на силы, болѣе всего нуждающіяся въ мудромъ руководствѣ. Уважая ихъ справедливую свободу, онъ укрѣпляетъ также свободу менѣе важныхъ способностей, заглушеніе которыхъ можетъ имѣть опасныя послѣдствія.

Когда истинная мораль гарантируетъ социальное направленіе всякой частной дѣятельности, свободное развитіе этой послѣдней, безъ сомнѣнія, увеличиваетъ ея общественное значеніе. Отнюдь не стѣняя частную предприимчивость, современная цивилизація возлагаетъ на нравственность все болѣе и болѣе функций, въ особенности матеріальныхъ, которыя раньше выполнялись правительствомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Эта непреодолимая тенденція ошибочно привела экономистовъ къ отрпцанію потребности во всякой истинной систематизаціи. Она указываетъ только возрастающее преобладаніе моральныхъ предписаній надъ политическими постановленіями.

ГЛАВА XXIII.

Воздѣйствіе общественнаго мнѣнія на капиталистовъ.

Характерная способность позитивизма переносить на моральную почву разрѣшеніе главныхъ соціальныхъ затрудненій должна послужить къ удовлетворенію справедливыхъ народныхъ требованій, вызываемыхъ различными промышленными конфликтами. Очищенные, такимъ образомъ, отъ всякаго апархическаго стремленія, законныя желанія пролетаріата приобрѣтутъ непреодолимую силу, въ особенности, когда они будутъ провозглашены во имя свободно господствующей доктрины и отъ имени философскаго авторитета, настолько же безпристрастнаго, какъ и прозвѣщеннаго. Внушая народу обычное уваженіе къ его свѣтскимъ руководителямъ, эта духовная власть сумѣетъ предписать послѣднимъ обязанности, отъ которыхъ они не смогутъ увернуться. Такъ какъ всѣ классы, благодаря всеобщему образованію, усвоятъ основныя начала налагаемыхъ на нихъ особыхъ обязательствъ, то чувство и разсудокъ, являясь единственнымъ оружіемъ и поддерживаемые только общественнымъ мнѣніемъ, приобрѣтутъ такое практическое значеніе, о которомъ ничто не можетъ дать теперь представленія. Даже вспоминая средніе вѣка, трудно составить себѣ о немъ правильное понятіе, потому что мы приписываемъ чувству страха или несбыточнымъ надеждамъ то, что вытекало, главнымъ образомъ, изъ энергичнаго распредѣленія похвалъ и порицаній. По необходимости нуждающійся въ помощи общественнаго мнѣнія позитивный духъ сообщить ему широту и постоянство, какія не могъ ему доставить католическій духъ, какъ я это указалъ во второй части настоящаго разсужденія.

ГЛАВА XXIV.

Отказъ участвовать въ дѣлѣ или забастовка.

Итакъ, единственное нормальное разрѣшеніе обычныхъ споровъ, возникающихъ между рабочими и предпринимателями, возможно лишь путемъ высшаго посредничества свободно уважаемаго всѣми философскаго авторитета. Чтобы дать понять всю цѣлесообразность подобнаго рѣшенія, нужно его распространить на упорядоченіе матеріальнаго антагонизма между двумя активными классами. Этотъ конфликтъ между богатыми и массой не могъ еще значительно развиваться, такъ какъ объединеніе, которое одно только и дѣлаетъ его значительнымъ, было до сихъ поръ возможно лишь для одной стороны. Хотя въ Англіи законодательство не воспрещаетъ пролетаріямъ вступать въ союзы, тѣмъ не менѣе, недостаточное умственное и нравственное развитіе англійскаго рабочаго класса мѣшаетъ ему надлежащимъ образомъ использовать это право.

Когда французская трудящаяся масса получить возможность объединяться столь же свободно, какъ и работодатели, матеріальный антагонизмъ приметъ такіе размѣры, что скорѣй обѣ стороны почувствуютъ потребность въ духовномъ примирительномъ органѣ.

Философское примиреніе не можетъ, однако, претендовать на полное упраздненіе крайнихъ средствъ; но оно значительно ограничить ихъ примѣненіе, а также ихъ смягчить. Эти средства сведутся съ одной и съ другой стороны къ отказу участвовать въ дѣлѣ, что должно быть всюду предоставлено каждому свободному дѣятелю на его личную отвѣтственность за послѣдствія, давая ему только въ исключительныхъ случаяхъ понять важность его обычной функціи. Рабочаго нельзя принуждать къ работѣ сильнѣе, чѣмъ предпринимателя къ управленію предпріятіемъ. Моральная власть осудить только всякое злоупотребленіе той или другой стороною этой крайней формы протеста, составляющей всегда право различныхъ элементовъ коллективнаго организма, въ силу ихъ естественной независимости.

Въ наиболѣе спокойныя времена всякій общественный дѣятель могъ въ исключительныхъ случаяхъ отказаться отъ исполненія своихъ обязанностей, какъ это часто дѣлали въ средніе вѣка священники, профессора, судьи и т. д. Нужно поэтому ограничиться упорядоченіемъ этого права. Его упорядоченіе въ области промышленности составитъ одну изъ второстепенныхъ задачъ философской власти, съ которой почти всегда естественно будутъ совѣтоваться о подобныхъ мѣрахъ, какъ и во всякомъ другомъ серьезномъ общественномъ или частномъ событіи. Когда она одобритъ прекращеніе работъ или отрѣшеніе отъ должности, то эта высокая санкція придастъ подобному способу дѣйствія такую силу, какой онъ не располагаетъ теперь. Только такимъ путемъ частичная мѣра сможетъ распространиться сперва на всѣхъ членовъ одной и той же профессіи, затѣмъ изъ одной области промышленности на всѣ другія, и даже перейти, наконецъ, на всѣ западные народы, которые свободно признають однихъ и тѣхъ же духовныхъ руководителей.

Правда, философское неодобреніе не сможетъ помѣшать лицамъ, которыя почувствуютъ себя оскорбленными, примѣнять на свой рискъ эту крайнюю форму протеста; ибо истинная теоретическая власть всегда только совѣтуетъ и никогда не приказываетъ. Но въ этомъ случаѣ,—если только философы не ошиблись въ своемъ осужденіи,—эта мѣра не сможетъ стать широкой и значительной, что является обыкновенно необходимымъ для ея полной удачи.

Эта теорія стачекъ, въ сущности, сводится къ упорядоченію въ промышленныхъ отношеніяхъ вышеуказаннаго права отказаться отъ исполненія самыхъ высокихъ социальныхъ функцій, какъ крайняго средства всякаго коллективнаго организма. Она одинаково примѣнима какъ къ простѣйшимъ и частнымъ случаямъ, такъ и къ случаямъ наиболѣе рѣдкимъ и наиболѣе важнымъ. Философское вмѣшательство, призванное или добровольное, будетъ всегда сильно вліять на результатъ: либо путемъ систематизаціи законныхъ, но эмпирическихъ стремленій, либо путемъ осужденія ихъ особаго проявленія.

ГЛАВА XXV.

Позитивизмъ и социализмъ. Точки согласія и разногласія.

Совокупность предыдущихъ соображеній приводитъ къ точному опредѣленію главнаго практическаго различія между политикой позитивистовъ и таковой коммунистовъ или социалистовъ. Всѣ обновляющія школы сходятся въ томъ, что необходимо, главнымъ образомъ, заняться народомъ, дабы доставить ему надлежащее мѣсто въ современномъ обществѣ, которое, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, подготавливаетъ свое окончательное устройство. Ихъ воззрѣнія совпадаютъ также относительно природы важныхъ социальныхъ потребностей пролетаріевъ,—съ одной стороны, въ нормальномъ образованіи и съ другой въ упорядоченномъ трудѣ,—одинаково требующихъ систематизаціи.

Вотъ все то, что позитивизмъ дѣйствительно имѣетъ общаго съ нашими различными прогрессивными доктринами. Но онъ глубоко отличается отъ ихъ всѣхъ планомъ и способомъ осуществленія организаціи этой двоякой потребности. Онъ считаетъ, что систематизація второй должна быть основана на первой, между тѣмъ, какъ до сихъ поръ онѣ предполагались одновременными; и даже старались упорядочить трудъ, прежде чѣмъ организовать образованіе.

Хотя это различіе въ порядкѣ кажется съ перваго взгляда незначительнымъ, оно, однако, достаточно, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить ходъ нашего возрожденія. Ибо преобладающій въ настоящее время методъ стремится, въ сущности, начать матеріальное преобразование независимо отъ духовнаго; т.-е. построить социальное зданіе безъ интеллектуальныхъ и моральныхъ основаній. Отсюда вытекаетъ общее желаніе удовлетворить справедливыя народныя требованія путемъ бесплоднаго и губительнаго предпочтенія собственно политическихъ мѣръ, цѣлесообразность которыхъ кажется непосредственной. Напротивъ, позитивизмъ выдвигаетъ на первое мѣсто мирное и вѣрное, но косвенное и постепенное вліяніе чувства и разсудка, подкрѣпляемое мудрымъ общественнымъ мнѣніемъ, подъ систематическимъ руководствомъ истинныхъ философовъ, поддерживаемыхъ свободнымъ народнымъ согласіемъ.

Однимъ словомъ, двоякое рѣшеніе общей социальной проблемы будетъ всегда эмпирическимъ и революціоннымъ, оставаясь при этомъ чисто національнымъ, или оно станетъ рациональнымъ и мирнымъ, имѣя истинный западный характеръ въ зависимости отъ того, будетъ ли организація труда предшествовать или слѣдовать за организаціей образованія.

ГЛАВА XXVI.

Необходимость въ новой системѣ образованія для разрѣшенія социальныхъ проблемъ.

Моя характеристика значенія позитивизма для народа была недостаточна, если бы я вкратцѣ не указалъ здѣсь такую систему всеобщаго образованія, которое

должно составлять одновременно и главную функцію новой духовной власти и наиболѣе могущественный способъ удовлетворенія законныхъ желаній пролетаріевъ.

Соціальная заслуга католицизма состояла, главнымъ образомъ, въ установленіи впервые, поскольку это возможно было въ средніе вѣка, систематическаго образованія общаго безразлично для всѣхъ классовъ, не исключая даже тѣхъ, которые пребывали еще въ рабствѣ. Эта важная реформа по необходимости была связана съ началомъ созданія духовной власти, независимой отъ свѣтской. Помимо ея временныхъ благодѣяній, мы ей обязаны и нѣкоторымъ вѣчнымъ принципомъ, а именно, что мораль должна преобладать надъ наукой.

Но этотъ первый опытъ долженъ былъ быть чрезвычайно неполнымъ, какъ вслѣдствіе несовершенства среды, въ которой онъ производился, такъ и благодаря недостаткамъ руководившей имъ доктрины. Предназначенное преимущественно для угнетенныхъ народовъ, это образованіе должно было, главнымъ образомъ, внушать почти пассивную покорность, и только правящимъ классамъ предписывались обязанности, но безъ всякой истинной интеллектуальной культуры. Эта двойственность вполнѣ отвѣчала ученію, которое полагало основную цѣль каждаго индивидуальнаго существованія внѣ соціальной жизни, и представляла всѣ явленія подчиненными тайной волѣ.

Съ этихъ различныхъ сторонъ католическая система образованія могла быть дѣйствительно пригодной только въ средніе вѣка, во время постепеннаго освобожденія избранной части человѣчества отъ древняго рабства, путемъ превращенія этого института сперва въ крѣпостное состояніе, чтобы достигнуть затѣмъ полнаго освобожденія личности. При древнемъ строѣ католическая система была бы разрушительной; при новомъ она была бы рабской и недостаточной. Она должна была служить лишь длительнымъ и труднымъ переходомъ отъ одной формы общественности къ другой. Послѣ своего освобожденія отъ личной зависимости, пролетаріи стали развивать прогрессивную дѣятельность, стремясь достигнуть истиннаго коллективнаго положенія, но вскорѣ они почувствовали, что эта система никоимъ образомъ не можетъ удовлетворить ихъ интеллектуальныя и соціальныя потребности.

Тѣмъ не менѣе, именно она до сихъ поръ являлась единственной истинной системой всеобщаго образованія, ибо нельзя присвоить это названіе мнимому университетскому образованію, которое, благодаря метафизикамъ, постепенно, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, одержало верхъ на всемъ Западѣ. То было только расширеніе спеціальнаго образованія, которое раньше получали священники и которое сводилось преимущественно къ изученію латинскаго языка и діалектики, необходимой для защиты богословскихъ догмъ. Этика же оставалась связанной только съ теологическимъ образованіемъ. Въ сущности, это метафизическое и научное образованіе способствовало переходу къ новому порядку только своей критикой, хотя оно попутно и участвовало въ органической эволюціи и въ особенности эстетической. Его недостаточность и нерациональность все болѣе и болѣе обнаруживались по мѣрѣ того, какъ оно распространялось среди новыхъ классовъ, истинное назначеніе которыхъ, какъ активное, такъ и умозрительное, требовало совсѣмъ иной подготовки. Поэтому эта мнимая всеобщая система никогда не имѣла успѣха среди пролетаріевъ, даже у протестантскихъ народовъ, хотя каждый вѣрующій становился у нихъ какъ бы священникомъ.

Итакъ, вслѣдствіе дряхлости теологическаго и безсилія метафизическаго методовъ мышленія, основаніе истинной системы народнаго образованія вынадаеть на долю позитивизма, такъ какъ только онъ способенъ нынѣ надлежащимъ образомъ примирить два рода одинаково необходимыхъ условій, а именно: умственные и нравственные, которыя съ конца среднихъ вѣковъ постоянно противопоставлялись. Преобладаніе сердца надъ разсудкомъ будетъ теперь болѣе прочно установлено, чѣмъ при католическомъ режимѣ, при чемъ на свободу истиннаго умозрѣнія не будетъ сдѣлано никакого посягательства. Ибо, какъ и въ активной жизни, разсудокъ будетъ всегда упорядочивать чувство, естественное развитіе котораго, начинающееся съ рожденія, будетъ неизмѣнно расти, благодаря троякому упражненію: личному, семейному и соціальному.

ГЛАВА XXVII.

Народное образованіе.—Краткое изложеніе новой системы.

Характеризуя главное назначеніе новой духовной власти, я уже прямо коснулся окончательнаго согласованія всеобщей морали. Вотъ почему я долженъ здѣсь ограничиться указаніемъ на высокое положеніе, которое она сначала самопроизвольно, затѣмъ систематически займетъ во всемъ курсѣ позитивнаго образованія и какимъ образомъ она сама собой окажется связанной со всей системой реальныхъ знаній.

Подобное образованіе, а также практическая жизнь, къ которой она должна подготовить, будетъ всегда подчинять умы общественной пользѣ, считая послѣднюю цѣлью, а первый—средствомъ. Оно въ особенности предназначено подготовить пролетаріевъ къ ихъ благородной соціальной службѣ, въ качествѣ главныхъ помощниковъ философской власти, а также побудить ихъ лучше выполнять свои спеціальныя функціи.

Обнимая періодъ отъ рожденія до совершеннолѣтія, все образованіе дѣлится на двѣ общія части: одна по существу самопроизвольная, заканчивающаяся съ наступленіемъ половой зрѣлости или съ началомъ обученія ремеслу, должна по возможности имѣть мѣсто въ семьѣ и состоять, главнымъ образомъ, въ развитіи эстетическаго вкуса; другая—систематическая—будетъ преимущественно состоять изъ ряда публичныхъ научныхъ курсовъ объ основныхъ законахъ различныхъ родовъ явленій и будетъ служить фундаментомъ для моральной координаціи, которая должна направить всѣ пріобрѣтенныя раньше познанія къ ихъ общему соціальному назначенію. Къ сроку, указанному долгимъ опытомъ, какъ на время законнаго совершеннолѣтія, когда у насъ принято считать практическое обученіе законченнымъ, каждый пролетарій окажется, такимъ образомъ, подготовленнымъ умомъ и сердцемъ къ общественному и частному служенію.

Первая половина домашняго образованія должна быть посвящена, подъ руководствомъ родителей и въ особенности матерей, физическому воспитанію, до конца

второго прорѣзыванія зубовъ. Это предварительное воспитаніе, состоявшее до сихъ поръ въ грубыхъ упражненіяхъ мускуловъ, тогда будетъ состоять, главнымъ образомъ, въ развитіи чувствъ и ловкости и тѣмъ подготавливать насъ къ наблюденію и дѣйствію. Никакое ученіе въ собственномъ смыслѣ не можетъ въ этотъ періодъ имѣть мѣста, ни даже обученіе чтенію и письму; образованіе сводится къ усвоенію всякаго рода фактовъ, естественно привлекающихъ къ себѣ нарождающееся вниманіе. Философія индивида, какъ и философія рода соответственнаго возраста, ограничивается чистымъ фетишизмомъ, естественное теченіе котораго никакое ненужное вѣдѣніе не должно нарушать. Вся забота родителей состоитъ въ томъ, чтобы внушать дѣтямъ взгляды и привить имъ привычки, которые систематическое образованіе потомъ оправдаетъ. Безпрестанное дѣятельное развитіе добрыхъ чувствъ является въ этомъ возрастѣ наилучшимъ основаніемъ для истинной нравственности.

Въ продолженіе приблизительно семи лѣтъ, протекающихъ между смѣной зубовъ и половой зрѣлостью, это домашнее воспитаніе начинать принимать систематическій характеръ, но только относительно изящныхъ искусствъ; но очень важно, въ особенности съ нравственной точки зрѣнія, чтобы оно еще происходило въ вѣдрахъ семьи.

Истинное эстетическое обученіе сводится всегда къ болѣе или менѣе правильнымъ упражненіямъ, не требующимъ никакихъ специальныхъ лекцій, по крайней мѣрѣ, для общаго образованія, за исключеніемъ развѣ случаевъ подготовленія къ извѣстнымъ профессіямъ. Ничто, поэтому, не помѣшаетъ производить ихъ въ домашней обстановкѣ, начиная со второго позитивистскаго поколѣнія, когда лучше развитый вкусъ позволить родителямъ руководить этими занятіями. Они обнимутъ, главнымъ образомъ, съ одной стороны поэзію, какъ основное искусство, и, съ другой—музыку и рисованіе, какъ два болѣе важныхъ специальныхъ искусства. Такимъ образомъ, этотъ возрастъ при изученіи поэзіи будетъ посвященъ усвоенію западныхъ языковъ, безъ которыхъ современная поэзія не можетъ быть достаточно оцѣнена. Помимо своего эстетическаго назначенія, эти занятія могутъ имѣть высокую нравственную цѣль, именно—разсѣивать національныя предубѣжденія и европеизировать позитивистскіе нравы. Здравая философія налагаетъ на каждый народъ социальное обязательство знать всѣ языки пограничныхъ націй. Сообразно этому безспорному принципу, Франція, въ виду ея центрального положенія, доставляющаго ей столько выгодъ, вынуждена изучать четыре европейскихъ языка. Когда всѣ естественныя связи пяти передовыхъ народовъ будутъ укрѣплены путемъ всеобщаго примѣненія подобнаго правила, общій западно-европейскій языкъ не замедлитъ самъ собой возникнуть, безъ всякаго содѣйствія метафизическихъ утопій относительно абсолютнаго единства человѣческой рѣчи.

Въ теченіе этой послѣдней половины первоначальнаго образованія, когда будетъ развиваться преимущественно воображеніе, индивидуумъ совершитъ свою собственную философскую эволюцію, поднимаясь отъ простаго первичнаго фетишизма къ истинному политензму, какъ это сдѣлалъ въ свое время родъ, находясь на той же стадіи. Это неизбежное сходство между личнымъ развитіемъ и социальнымъ прогрессомъ всегда болѣе или менѣе обнаруживалось, вопреки предостереженіямъ христіанскаго эмпиризма, которыя никогда не могли отвлечь ребенка отъ наивныхъ фантазій,

свойственныхъ этому фазису. Позитивное образованіе бережно отнесется къ этому необходимому стремленію, не требуя отъ родителей, однако, никакого лицемерія и не давая мѣста противорѣчію въ будущемъ. Чтобы все примирить, достаточно будетъ быть искреннимъ и говорить ребенку, что его первоначальныя вѣрованія соотвѣтствуютъ только дѣтскому возрасту и должны привести его къ другимъ, согласно основному закону всякой человѣческой эволюціи. Подобное мудрое отношеніе, кромѣ своего научнаго преимущества приучить ребенка къ этому главному догмату позитивизма, естественнымъ образомъ воздѣйствуетъ на нарождающееся чувство общественности, напередъ располагая сочувственно относиться къ многочисленнымъ народамъ, находящимся еще на этой ступени интеллектуальной жизни.

Вторая часть позитивнаго образованія не можетъ оставаться чисто домашней, такъ какъ она требуетъ школьнаго преподаванія, въ которомъ большая часть родителей сможетъ принимать только второстепенное участіе. Но эта необходимость не должна, однако, привести къ лишенію ребенка семейной жизни, не перестающей быть весьма важной для его нравственной эволюціи, требованія которой должны всегда имѣть перевѣсъ. Онъ можетъ слушать лучшихъ учителей, не подвергая свои личныя и внушенныя семьей нравственныя привычки измѣненіямъ, неизбѣжно налагаемымъ нашими схоластическими монастырями. Соприкосновеніе со сверстниками, которое, повидимому, вознаграждаетъ за ущербъ, наносимый въ этомъ случаѣ личности, можетъ быть достигнуто еще лучше свободнымъ знакомствомъ съ другими семьями, при чемъ могутъ быть приняты во вниманіе чувства симпатіи. Это требованіе, дѣлающее одновременно болѣе легкимъ и болѣе совершеннымъ народное образованіе, можетъ оказаться неподходящимъ только для нѣкоторыхъ профессій, спеціальное подготовленіе къ которымъ, можетъ быть, и впредь потребуетъ обученія въ закрытыхъ заведеніяхъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы даже въ этихъ исключительныхъ случаяхъ эта необходимость оставалась окончательно неизбѣжной.

Что касается общаго хода систематическаго образованія, то онъ уже ясно и точно начертанъ энциклопедическимъ закономъ, составляющимъ второй необходимый элементъ моей теоріи эволюціи. Ибо научныя познанія пролетарія, подобно познаніямъ философа, должны относиться сперва къ неорганическому міру, затѣмъ къ нашей собственной личной и социальной природѣ, дабы создать двойное раціональное основаніе для нашего повседневнаго поведенія.

Извѣстно, что знанія о неорганическихъ тѣлахъ содержатся въ двухъ парахъ предварительныхъ наукъ: математико-астрономической и физико-химической. Каждой изъ нихъ позитивное образованіе посвятить два года. Однако, на первую, вслѣдствіе ея чрезвычайной обширности и преобладающаго въ ней логическаго характера, потребуется по двѣ еженедѣльныхъ лекціи, между тѣмъ какъ для всего остального образованія пролетарія будетъ достаточно по одной лекціи въ недѣлю. Благодаря тому, что въ этотъ періодъ требованія ремесленнаго обученія будутъ весьма незначительны, этотъ первоначальный перевѣсъ теоретическихъ занятій не вызоветъ затрудненій. Вслѣдъ за этой подготовкой будетъ приступлено къ изученію биологіи, которая можетъ быть легко пройдена въ теченіе пятого года, и ея курсъ будетъ состоять изъ сорока лекцій, вполне философскихъ и популярныхъ. Далѣе, шестой учебный годъ будетъ посвященъ окончательной систематизаціи всѣхъ реальныхъ

умозрѣній путемъ изученія статической и динамической социологіи, которая сдѣлаетъ общедоступными истинныя понятія о строеніи и движеніи человѣческихъ обществъ, особенно современныхъ. Подобный фундаментъ позволитъ использовать седьмой и послѣдній годъ позитивнаго ученія для направленія совокупности этого образованія къ его главному социальному назначенію съ помощью методическаго изложенія морали, каждое основное доказательство которой можетъ теперь быть вполне оцѣнено на основаніи здраваго воззрѣнія на міръ, жизнь и человѣчество.

При прохожденіи всѣхъ этихъ наукъ, трехмѣсячныя каникулы каждаго года будутъ посвящены публичнымъ экзаменамъ, имѣющимъ цѣлю констатировать степень усвоенія учащимися учебнаго матеріала. Ученики будутъ охотно продолжать заниматься изящными искусствами среди научныхъ работъ, если только руководители будутъ мудро поощрять природные вкусы. Въ связи съ этимъ, въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ философскаго образованія ученики добровольно захотятъ изучать два главныхъ древнихъ языка, въ качествѣ поэтическаго добавленія, связаннаго сверхъ того съ историческими и моральными теоріями, которыми пролетаріи въ то время будутъ заниматься. Если греческій языкъ дастъ, главнымъ образомъ, понятіе о зарожденіи искусства, то латинскій еще болѣе полезенъ для полнаго пониманія нашей социальной непрерывности.

Философская эволюція индивида, подобно эволюціи рода, завершить свое постепенное подготовленіе въ теченіе этихъ семи лѣтъ умственнаго развитія переходомъ отъ первобытнаго политеизма къ врожденному монотеизму, благодаря возрастанію вліянія разсудка на преобладавшее въ началѣ воображеніе. Нужно будетъ также относиться съ уваженіемъ къ этому свободному метафизическому переходу, когда каждый наивно отдастъ послѣднюю дань главнымъ условіямъ развитія человѣка. Слѣдуетъ признать, что этотъ предварительный методъ мышленія будетъ всегда соответствовать отвлеченной и независимой природѣ математическихъ теорій, которыя поглотятъ первые два года ученія. Покуда дедукція имѣетъ перевѣсъ надъ индукціей, умъ по необходимости остается расположеннымъ къ метафизическимъ понятіямъ. Ихъ само собою совершающееся развитіе скорѣй приведетъ каждаго къ сведенію своихъ первоначальныхъ теологическихъ идей къ болѣе или менѣе смутному деизму; послѣдній благодаря физико-химическимъ теоріямъ, безъ сомнѣнія, вырождается затѣмъ въ нѣкотораго рода атеизмъ, который подъ благотворнымъ вліяніемъ біологическихъ и въ особенности социологическихъ понятій окончательно будетъ замѣненъ истиннымъ позитивизмомъ.

Такимъ-то образомъ окончательная систематизація морали совпадетъ съ полнымъ личнымъ сознаніемъ общей человѣческой связи, что позволитъ новому члену человѣчества какъ слѣдуетъ относиться ко всѣмъ своимъ предкамъ и современникамъ, не переставая работать для грядущихъ поколѣній.

ГЛАВА XXVIII.

Польза путешествій для пополненія образованія.

Этотъ планъ народнаго образованія кажется съ перваго взгляда несовмѣстимымъ съ драгоценной привычкой пролетаріевъ—привычкой, выработанной свойственной имъ мудростью,—посвящать послѣдніе годы обученія ремеслу, вольнымъ путешествіямъ, столь полезнымъ для ума и сердца. Но этотъ прекрасный обычай нисколько не противорѣчитъ сѣдлому образу занятій, такъ какъ онъ даетъ возможность оставаться на продолжительное время въ главныхъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ рабочий естественно найдетъ возможность прослушать годичный курсъ, соответственный тому, который онъ прослушалъ бы на родинѣ. Однородность философской корпораціи и ея однообразное территоріальное распространеніе устраняетъ неудобства, связанныя съ подобными передвиженіями. Такъ какъ каждый систематическій курсъ требуетъ всего только семь преподавателей, изъ которыхъ каждый послѣдовательно проходитъ всѣ энциклопедическія ступени, то общее число учителей будетъ настолько незначительнымъ, что они всюду будутъ одинаково достойными и будутъ всюду также одинаково вознаграждаться. Отнюдь не препятствуя путешествіямъ пролетаріевъ, позитивный порядокъ вещей придастъ имъ новый интеллектуальный и социальный характеръ, распространяя ихъ на весь Западъ, гдѣ пролетарій сможетъ всюду легко продолжать свое образованіе, не встрѣчая даже затрудненій изъ-за незнанія языка.

Эти мудрыя странствованія, благодаря которымъ разовьется братство западныхъ народовъ, дополняютъ сверхъ того эстетическое образованіе, вслѣдствіе того, что они будутъ способствовать какъ лучшему усвоенію языковъ, изученныхъ въ юношескомъ возрастѣ, такъ, въ особенности, лучшему пониманію музыкальных, художественныхъ или архитектурныхъ произведеній, которыя можно правильно оцѣнить только на мѣстѣ.

ГЛАВА XXIX.

Сконцентрированіе знаній.

Въ настоящее время могутъ возникать опасенія, что триста шестьдесятъ лекцій этого семейнаго обученія не позволятъ надлежащимъ образомъ обнять всю совокупность основныхъ знаній. Но объ этомъ нужно суждать не по обширности соответствующихъ нынѣшнихъ курсовъ, зависящей отъ ихъ слишкомъ большой спеціализаціи и въ особенности отъ эмпирической разбросанности большинства преподавателей, пользующихся неправильнымъ научнымъ методомъ. Когда здравая философія

переработаетъ различныя позитивныя теоріи и дастъ перевѣсъ дѣльному и просозерцанію, основанному на социальномъ чувствѣ, явится привычка къ концентраціи понятій и къ болѣе содержательнымъ лекціямъ, которыя всегда будутъ направлять, а не замѣнять добровольныя усилія, обусловливающія всякій истинный педагогическій успѣхъ. Забытый нынѣ исключительный примѣръ позволяетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о подобномъ обновленіи. Я имѣю въ виду знаменитые курсы, удачно названныя революціонными, которые въ первое время существованія Политехнической Школы проходили въ три мѣсяца курсъ трехъ лѣтъ. То, что было тогда поразительнымъ исключеніемъ, вызваннымъ, главнымъ образомъ, республиканской экзальтаціей, можетъ стать нормальнымъ явленіемъ, когда моральная сила будетъ опираться на полную умственную систематизацію, неизвѣстную нашимъ выдающимся предшественникамъ.

Дидактическое значеніе чувства до сихъ поръ игнорировалось, такъ какъ, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, культура ума совпадаетъ съ инертностью сердца. Но непрерывное добровольное и систематическое подчиненіе ума социальному чувству, составляющее главную характерную черту позитивизма, будетъ плодотворно и въ теоретическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Родители и учителя воспользуются въ каждомъ курсѣ народнаго образованія всѣми благопріятными случаями для развитія у своихъ питомцевъ социальнаго чувства, обычное обращеніе къ которому скраситъ самыя сухія лекціи. Умъ будетъ главнымъ образомъ посвященъ укрѣпленію и развитію сердца, которое, въ свою очередь, оживитъ и направитъ его. Эта тѣсная солидарность между общими мыслями и великодушными чувствами облегчитъ научныя занятія пролетарія тѣмъ болѣе, что послѣднія будутъ происходить послѣ занятій эстетическихъ, которыя породятъ хорошія привычки и скрасятъ всю нашу жизнь.

ГЛАВА XXX.

Роль государства.

Назначая этотъ образовательный курсъ преимущественно для народа, я не только хотѣлъ лучше охарактеризовать его всеобщее распространеніе и его философскую природу. На мой взглядъ не должно существовать никакого другого организованнаго образованія, по крайней мѣрѣ, общаго. Священный долгъ, уплачиваемый такимъ образомъ республикой по отношенію къ пролетаріямъ, нисколько не распространяется на классы, имѣющіе возможность воспитывать своихъ дѣтей по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, это специальное образованіе можетъ быть только частнымъ развитіемъ или, самое большое, опредѣленнымъ примѣненіемъ здраваго общаго образованія, которое позволитъ каждому пріобрѣтать, даже безъ посторонней помощи, эти второстепенныя познанія.

Что касается профессиональнаго обученія, то оно даже относительно важнѣйшихъ искусствъ должно быть чисто практическимъ, отдѣльнымъ отъ настоящаго

образованіи. Господствующее нынѣ на этотъ счетъ ложное мнѣніе обусловлено тѣмъ, что со времени упраздненія католическаго режима, къ сожалѣнію, отсутствуетъ всякое общее образованіе. Ибо дорогія учрежденія, созданныя въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ на всемъ Западѣ и надлежащимъ образомъ преобразованныя во Франціи Конвентомъ, составляютъ въ сущности только научные зародыши, необходимые для окончательнаго обновленія общаго образованія. Насколько ихъ теоретическое значеніе безспорно, настолько можно усомниться въ ихъ практическомъ значеніи, ради котораго они, повидимому, созданы: соотвѣтственныя искусства легко могли бы безъ нихъ обойтись, даже безъ Политехнической Школы, Музея естественной исторіи и т. д. Они имѣютъ крупную цѣнность только какъ временныя средства, подобно всѣмъ здоровымъ учрежденіямъ нашей анархической эпохи. Въ этомъ смыслѣ они могутъ теперь быть съ пользою преобразованы подъ вліяніемъ такой философіи, которая, не создавая иллюзій относительно ихъ долговѣчности, лучше приспособить ихъ къ важному современному ихъ назначенію. По различнымъ соображеніямъ она предложитъ даже нѣкоторые новыя учрежденія, въ особенности высшую школу философіи, которая будетъ обнимать совокупность человѣческихъ языковъ, согласно ихъ истиннымъ аналогіямъ, чѣмъ возмѣститъ необходимое уничтоженіе греко-латинскихъ каедръ.

Безъ сомнѣнія, однако, все это предварительное сооруженіе не доживетъ до конца девятнадцатаго вѣка, когда одержитъ верхъ окончательная система истиннаго общаго образованія. Теперешняя необходимость въ немъ не должна вводить въ заблужденіе относительно его истиннаго характера и его назначенія.

Государство, въ сущности, обязано дать образованіе только пролетаріямъ; и, мудро организовавъ его, оно не будетъ нуждаться ни въ какомъ спеціальному учрежденіи. Эти окончательныя принципы значительно облегчаютъ народное образованіе и въ то же время его облагораживаютъ. Они побудятъ націи, провинціи и города наперерывъ просить у западной власти наиболѣе выдающихся преподавателей для этихъ курсовъ, и всякій истинный философъ будетъ почитать за честь читать въ нихъ, когда всѣ поймутъ, что дѣйствительная популярность образованія необходимо совпадаетъ съ его систематической возвышенностью. Эта дѣятельность естественнымъ образомъ станетъ главной функціей большинства носителей новой духовности, по крайпей мѣрѣ, на протяженіи большей части ихъ практической карьеры.

Какъ видно изъ предыдущихъ указаній, это общее образованіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть теперь непосредственно организовано. Каковы бы ни были въ этомъ отношеніи искреннія настроенія различныхъ современныхъ правительствъ, ихъ эмпирическія усилія значительно повредили бы построенію этого великаго зданія, если бы они пожелали его ускорить и, въ особенности, если бы они попытались имъ руководить.

Въ самомъ дѣлѣ, всякая настоящая система образованія предполагаетъ предварительное вліяніе истинной философской и соціальной доктрины, опредѣляющей ея природу и назначеніе. Дѣти не могутъ воспитываться на принципахъ, расходящихся съ убѣжденіями родителей, а также безъ помощи послѣднихъ. Хотя систематическое образованіе должно затѣмъ сильно укрѣпить мнѣнія и нравы, уже привившіеся въ соціальной средѣ, оно, однако, невозможно, пока эти связующіе принципы сами собою

не приобретут достаточнаго преобладанія. До тѣхъ поръ умственной и нравственной систематизаціи могутъ достигнуть только лица, достаточно подготовленные и старающіяся, по возможности, исправить недостатки и пробѣлы собственнаго образованія, руководствуясь новой всеобщей доктриной. Эти медленно созрѣвающія личныя убѣжденія будутъ указывать общій путь ближайшему поколѣнію, если доктрина дѣйствительно суждено возобладать.

Таковъ, въ этомъ отношеніи, естественный ходъ, котораго не можетъ измѣнить никакое искусственное вліяніе. Поэтому, отнюдь не приглашая современныхъ правительствъ уже теперь организовать всеобщее образованіе, мы должны ихъ побуждать искренно отказаться отъ праздныхъ или возмутительныхъ правъ, которыя они—особенно во Франціи—еще присваиваютъ себѣ относительно этого предмета. Выше я указалъ двойное исключеніе, допускаемое этимъ общимъ правиломъ касательно начального и высшаго спеціальнаго образованія, которыя должны все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе общества, какъ необходимыя зачатки истиннаго обновленія. Кромѣ того, весьма важно, чтобы свѣтская власть, центральная или мѣстная, отказалась отъ своего страннаго руководства учебнымъ дѣломъ, установивъ путемъ единовременнаго упраздненія бюджета на поддержаніе богословскихъ и метафизическихъ учебныхъ заведеній, полную свободу обученія, два главныхъ условія котораго я выше указалъ. Пока всеобщая доктрина не одержитъ верхъ, усилія современныхъ правительствъ, направленные къ прямому возрожденію народнаго образованія, могутъ быть только ретроградными, такъ какъ имъ придется опираться на какую-нибудь изъ остальныхъ доктринъ, которыя слѣдуетъ всецѣло замѣнить другими.

Итакъ, въ настоящее время слѣдуетъ, главнымъ образомъ, стараться внушить взрослымъ систематическія убѣжденія, которыя затѣмъ создадутъ почву для истиннаго обновленія образованія въ собственномъ смыслѣ слова. Среди главныхъ средствъ, какъ печатныхъ, такъ и устныхъ, которыя можно примѣнять на этой подготовительной стадіи, я долженъ особенно указать на болѣе или менѣе методическій рядъ народныхъ курсовъ о различныхъ позитивныхъ наукахъ, включая сюда исторію, отнынѣ заслуживающую занимать среди нихъ мѣсто. Но эти курсы могутъ оказаться вполнѣ цѣлесообразными лишь тогда, когда они будутъ носить истинно-философскій и, слѣдовательно, социальный характеръ даже при изложеніи простѣйшихъ математическихъ теорій. Они должны также оставаться независимыми отъ какого бы то ни было правительства, дабы избѣжать вліянія всякой официальной доктрины.

Всѣмъ этимъ условіямъ можно удовлетворить, если считать эти курсы западно-европейскими, а не чисто-національными. Такимъ образомъ достигается активное участіе свободной философской ассоціаціи, къ которой на всемъ Западѣ добровольно будутъ принадлежать всѣ, кто можетъ достойно и безкорыстно сотрудничать въ этомъ великомъ дѣлѣ переходнаго періода. Позитивизмъ одинъ только можетъ вызвать теперь подобную организацію. И именно такимъ-то путемъ вскорѣ разовьется основной союзъ между философами и пролетаріями.

Въ соответствии съ этимъ независимымъ движеніемъ, усилія, направленные на распространеніе позитивистскихъ убѣжденій, естественнымъ образомъ совпадутъ съ свободнымъ подъемомъ духовной власти, которая въ нихъ найдетъ опору для нашего возрожденія. Переходной же режимъ будетъ все болѣе приближаться къ

нормальному состоянію, по мѣрѣ того, какъ будетъ вырисовываться солидарность между этими двумя крайними классами окончательнаго строя.

Чтобы лучше понять эту постепенную тенденцію, можно сравнить позитивистскіе курсы съ соответственными клубами. Между тѣмъ, какъ одни прямо готовятъ будущее, другіе преслѣдуютъ ту же цѣль, обсуждая прошлое и направляя настоящее, такъ что одновременно вырабатываются три главныя формы новаго спиритуализма.

Г Л А В А XXXI.

Союзъ между философами и пролетаріями.

Совокупность нынѣшнихъ соображеній уже достаточно ясно характеризуетъ окончательную систему народнаго образованія и долженствующую ее подготовить непосредственную переходную ступень. Въ это переходное время союзъ между философами и пролетаріями дастъ важныя для обѣихъ сторонъ результаты задолго до того, какъ нормальное состояніе станетъ возможнымъ на Западѣ. Эта энергичная поддержка позволитъ зарождающемуся спиритуализму приобрести уваженіе и даже любовь свѣтскихъ вождей, особенно расположенныхъ въ настоящее время пренебрежительно относиться ко всякой нематеріальной силѣ. Ихъ тщеславная гордость не разъ заставитъ ихъ прибѣгать къ помощи философовъ для усмиренія справедливаго негодованія пролетаріевъ. Какой бы огромной ни казалась всегда сила толпы, она, въ сущности, значительно уступаетъ силѣ богатства. Ибо первая, главнымъ образомъ, зависитъ отъ солидарности, которая, чтобы стать продолжительной, требуетъ интеллектуальнаго и моральнаго соглашенія, болѣе досуднаго философскому вліянію, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Хотя философамъ никогда не удастся вполнѣ управлять пролетаріями, какъ объ этомъ мечтали нѣкоторые безпринципные люди, они, тѣмъ не менѣе, смогутъ во многомъ измѣнить ихъ страсти и поведеніе, когда они будутъ надлежащимъ образомъ примѣнять свою моральную власть въ цѣляхъ порядка или прогресса. Это свободное вліяніе можетъ вытекать только изъ чувства довѣрія и признательности, обусловливаемого преимущественно оказанными услугами. Такъ какъ никто не можетъ придать достаточно вѣса своимъ собственнымъ домогательствамъ, то именно философамъ надлежитъ представлять правящимъ классамъ справедливыя требованія пролетаріевъ, между тѣмъ какъ послѣдніе заставятъ свѣтскую власть уважать новую духовную власть. Благодаря этому обоюдному обмѣну услугами, пожеланія однихъ будутъ очищены отъ всякой анархической тенденціи и притязанія другихъ будутъ свободны отъ тщеславнаго честолюбія. Отнюдь не унижая своего собственнаго достоинства своекорыстными стремленіями, каждый изъ двухъ классовъ получитъ, такимъ образомъ, удовлетвореніе своихъ главныхъ потребностей, и будетъ ограничиваться благороднымъ выполненіемъ своей соціальной функціи.

Чтобы закончить характеристику позитивистской политики, единственно подобающей пролетаріямъ, мнѣ остается указать на умственные и сердечныя качества, которыя она у нихъ предполагаетъ и изъ которыхъ вытекають тѣ требованія, которыя пролетаріи должны предъявлять къ своимъ союзникамъ-философамъ.

Эти различныя условія, въ концѣ-концовъ, сводятся къ лучшему развитію свойственныхъ народу склонностей, уже преобладающихъ въ центрѣ великаго западнаго движенія.

Въ интеллектуальномъ отношеніи существуютъ два главныхъ условія: одно—отрицательное или освобожденіе, другое—положительное или подготовка.

ГЛАВА XXXII.

Пролетаріи не питають болѣе никакого довѣрія къ теологіи.

Отрицательное условіе уже достаточно выполнено, по крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, относительно теологическаго строя, болѣе глубоко павшаго въ глазахъ нашихъ пролетаріевъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Безпочвенный дензъмъ, на которомъ останавливаются еще многіе ученые, не встрѣчаетъ никакого довѣрія въ народѣ, къ счастью, чуждомъ наукъ о словахъ и сущностяхъ,—наукъ, которыя одиѣ только могутъ продлить эту чрезвычайную задержку въ современномъ освободительномъ движеніи. Нужно только, чтобы истинныя склонности народнаго духа проявились болѣе рѣзко, во избѣжаніе всякихъ иллюзій относительно интеллектуальнаго характера нашего возрожденія. А это рѣшительное возрожденіе не замедлитъ совершиться въ той вполнѣ свободной средѣ, въ которой новая философія будетъ служить органомъ систематизаціи. Мы должны на это разсчитывать тѣмъ болѣе, что это возрожденіе тѣсно связано съ социальными потребностями народа, такъ какъ система теологическаго лидерства—система, которую нужно теперь окончательно разрушить,—была, главнымъ образомъ, установлена или, по крайней мѣрѣ, примѣнена въ цѣлихъ противодѣйствія справедливымъ требованіямъ народа. Этотъ безнравственный обманъ ведетъ лишь къ умственному закрѣпощенію пролетаріевъ и стремится только обойти ихъ законныя желанія реальнаго улучшенія, отылекая ихъ несбыточной надеждой на будущее.

Такимъ образомъ, только пролетаріи могутъ и должны раскрыть этотъ обманъ, болѣе смѣшной, чѣмъ гнусной, для чего имъ достаточно открыто и энергично заявить о своихъ убѣжденіяхъ такъ, чтобы у правящихъ классовъ не осталось на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Имъ придется отвернуться отъ всѣхъ ученыхъ, которые окажутся недостаточно свободомыслящими или сколько-нибудь прикосновенными къ этому систематическому притворству, на которое, начиная съ Робеспьера, попраются всѣ ретрограды: какъ демагоги, такъ и монархисты. Тѣмъ, кто искренно считаетъ нашу социальную жизнь временнымъ изгнаніемъ, въ которомъ каждый долженъ по возможности меньше принимать участіе, кричакая народная мудрость не замедлитъ

отвѣтитъ предложеніемъ отказаться, согласно ихъ собственному принципу, отъ всякаго участія въ управленіяхъ общественнымъ строемъ, чуждымъ ихъ единственной цѣли.

ГЛАВА XXXIII.

Пролетаріи должны также отказаться отъ метафизическихъ идей.

Освобожденіе нашихъ пролетаріевъ отъ метафизическихъ идей меньше подвинулось впередъ, но оно, однако, столь же необходимо, какъ и избавленіе ихъ отъ теологическихъ воззрѣній. У народовъ, не принявшихъ протестантства, метафизическія блужданія, опутывающія нынѣ умы германцевъ, безъ сомнѣнія, не пользуются большимъ довѣріемъ. Но народъ всюду, даже въ Парижѣ, нѣ силу ложнаго предразсудка, съ уваженіемъ относится къ соотвѣтственному образованію, хотя онъ самъ, къ счастью, этой премудрости не вкусилъ. Весьма важно поэтому разсѣять эту послѣднюю иллюзію нашихъ пролетаріевъ, которая отнынѣ одна только препятствуетъ подъему социальнаго чувства. Она покоится прежде всего на слишкомъ частомъ смѣшеніи образованности съ умомъ, откуда народъ простодушно заключаетъ, что только образованные люди способны управлять. А это ошибочное, хотя весьма извинительное мнѣніе часто приводитъ къ избранію неспособныхъ руководителей.

Лучшая оцѣнка нашего общества покажетъ народу, что вопреки высокомѣрію нашихъ образованныхъ людей и даже ученыхъ, большинство дѣйствительно сильныхъ умовъ находится теперь внѣ этихъ группъ, именно среди столь пренебрегаемыхъ практиковъ и иногда среди самыхъ необразованныхъ пролетаріевъ. Въ средніе вѣка, когда воспитаніе преобладало надъ образованіемъ, лучше разсуждали и умѣли восхищаться и пользоваться глубокой реальной мудростью весьма невѣжественныхъ рыцарей. Прямота, проницательность и даже связность мыслей суть вообще качества совершенно независимыя отъ всякаго образованія, и ихъ развитіе гораздо болѣе обусловливается практической жизнью, чѣмъ теоретическимъ обученіемъ. Что касается цѣльнаго міросозерцанія, являющагося главнымъ основаніемъ всякой политической способности, то можно съ увѣренностью сказать, что оно отсутствуетъ преимущественно у образованныхъ классовъ.

ГЛАВА XXXIV.

Слѣпое благоговѣніе пролетаріевъ передъ литераторами и адвокатами.

Предыдущее замѣчаніе приводитъ, далѣе, къ оцѣнкѣ главнаго источника глубокаго заблужденія, въ которомъ я упрекаю наиболѣе передовыхъ изъ нашихъ пролетаріевъ. Это заблужденіе преимущественно вытекаетъ изъ ихъ ошибочнаго смѣшенія

всѣхъ видовъ образованія. Политическое довѣріе, которое они, къ несчастію, питаютъ еще къ литераторамъ и адвокатамъ, показывается, что обаяніе педагоговъ пережило у нихъ престижъ богослововъ и монархистовъ. Но естественное теченіе нашей республиканской жизни, при систематическомъ вліяніи здоровой философіи, въ концѣ концовъ разсѣетъ и этотъ предразсудокъ. Народъ вскорѣ инстинктивно пойметъ, что постоянное упражненіе въ письменномъ или устномъ выраженіи мыслей не только не создаетъ прочной гарантіи въ способности пониманія, но, напротивъ, можетъ сдѣлать насъ неспособными ко всякой точной и рѣшительной оцѣнкѣ. Покоясь на образованіи, лишенномъ всякихъ истинныхъ принциповъ, оно почти всегда предполагаетъ или обуславливаетъ полное отсутствіе твердыхъ убѣжденій. Большинство этихъ людей, изучающихъ искусство формулировать чужія мысли, становится въ концѣ концовъ неспособными отличить истину отъ лжи въ простѣйшихъ вопросахъ, даже когда этого требуетъ ихъ собственный интересъ. Поэтому народъ долженъ, наконецъ, отказаться отъ слѣпного восхищенія ими и перестать довѣрять имъ свою судьбу. Уваженіе къ людямъ, стоящимъ выше на социальной лѣстницѣ, конечно, необходимо для хорошаго порядка; но это іерархическое чувство должно быть лучше направлено.

Прида такимъ образомъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, какова должна быть ихъ собственная умственная подготовка и, слѣдовательно, умственная подготовка ихъ истинныхъ представителей, пролетаріи поймутъ, что она преимущественно состоитъ въ систематизаціи посредствомъ здоровыхъ научныхъ теорій врожденного имъ позитивнаго духа. Ихъ повседневный трудъ уже имѣетъ въ себѣ зачатки настоящаго философскаго метода и направляетъ ихъ вниманіе къ главнымъ естественнымъ законамъ. Поэтому парижскіе пролетаріи—естественный типъ западнаго народа—понимаютъ лучше, чѣмъ большинство нашихъ ученыхъ, это тѣсное сочетаніе реальности съ полезностью, характеризующее позитивное мышленіе. Ихъ спеціальныя занятія вызываютъ гораздо меньше потребность въ обобщеніи. Но они оставляютъ досугъ для мысли, благодаря чему могутъ развиваться естественныя наклонности всѣхъ способныхъ людей.

Однако, именно социальный толчекъ дать народу вскорѣ понять, насколько для него важно дополнить и согласовать свои реальныя представленія. Рѣшившись теперь по возможности исправить существующій плохой порядокъ вещей, онъ убѣдится въ необходимости познать сперва его истинные законы, какъ это дѣлается во всякомъ иномъ хозяйствѣ. Далѣе онъ пойметъ, что нельзя правильно оцѣнить настоящее, не связавъ его, съ одной стороны, съ прошедшимъ и, съ другой, съ будущимъ. Даже необходимость измѣнить естественное теченіе социальныхъ явленій пробудитъ въ немъ желаніе познакомиться съ ихъ исторіей и съ ихъ характеромъ, дабы лучше избѣжать всякаго ошибочнаго или излишняго вмѣшательства.

Признавъ, такимъ образомъ, что политическое искусство зависитъ, еще болѣе, чѣмъ всякое другое, отъ знанія соотвѣтственной науки, народный умъ вскорѣ пойметъ, что эта наука, будучи отнюдь не изолированной, требуетъ предварительнаго изученія индивидуальнаго человѣка и внѣшняго міра. Такимъ образомъ, онъ пройдетъ всю основную іерархію позитивныхъ представленій и сознательно возвратится къ источнику, который ему естественно указываютъ его спеціальныя занятія, относящіяся, главнымъ образомъ, къ неорганическому міру.

Этотъ необходимый ходъ пролетарскаго разума вскорѣ представитъ ему позитивную философію какъ единственно подходящую для народа, какъ теоретически, такъ и практически, такъ какъ она обнимаетъ ту же область, имѣть то же назначеніе и такъ же выдвигаетъ на первое мѣсто социальныя соображенія. Народный инстинктъ проникнется, такимъ образомъ, сознаниемъ, что это ученіе ограничивается приведеніемъ въ систему того, что въ немъ является врожденнымъ, и что это упорядоченіе значительно увеличиваетъ общественную и частную силу морали и здраваго смысла, этого обычнаго двоякаго основанія отнынѣ нераздѣльныхъ умозрительной и активной мудростей.

Тогда наши пролетаріи со стыдомъ будутъ вспоминать, что они нѣкогда вѣряли наиболѣе трудныя дознанія лицамъ, не знавшимъ даже точнаго различія между кубическимъ сантиметромъ и кубическимъ дециметромъ. Съ другой стороны, не нужно особенно опасаться того, что ученые въ собственномъ смыслѣ слова, столь уважаемые средними классами, пріобрѣтутъ теперь большое вліяніе на народъ. Они несправедливо вѣдали въ виду ихъ равнодушнаго отношенія къ высокимъ социальнымъ вопросамъ, передъ которыми по необходимости стушевываются ихъ академическія занятія пустяками. Присущій имъ эмпиризмъ дѣлаетъ ихъ неспособными удовлетворять справедливыя требованія этихъ наивныхъ умовъ, которые, согласно выраженію великаго Мольера, желаютъ имѣть ясное представленіе обо всемъ. По мѣрѣ того, какъ суетное честолюбіе современныхъ ученыхъ заставитъ ихъ выходить за предѣлы той области, которой они до сихъ поръ занимались, народный умъ съ удивленіемъ станетъ замѣчать, насколько ихъ столь хваленый методъ мышленія сузилъ ихъ пониманіе, сведя его къ нѣсколькимъ несложнымъ и чаще всего мало-важнымъ вопросамъ. Здравая философія разсвѣтъ это естественное удивленіе, объяснивъ, какимъ образомъ этотъ видъ академическаго идиотизма явился результатомъ неправильнаго удлиненія переходной стадіи. Этотъ временный методъ мышленія, являясь прогрессивнымъ въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ, именно тѣмъ, что онъ позволилъ выполнить долгую подготовительную научную работу философскаго обновленія, предначертаннаго Бэкономъ и Декартомъ, долженъ былъ стать ретрограднымъ съ тѣхъ поръ, когда, вслѣдствіе завершенія этой подготовительной работы, оказалось возможнымъ приступить къ непосредственному построенію науки, по необходимости относящейся къ Человѣчеству. Далеко не способствуя главному современному умственному движенію, онъ является, въ особенности во Франціи, серьезнымъ препятствіемъ къ рѣшительному расширенію и согласованію этого движенія, какъ это поразительнымъ образомъ предчувствовала революціонная мудрость Конвента, когда она возымѣла смѣлую мысль закрыть Академію Наукъ. Наши пролетаріи вскорѣ поймутъ, насколько политическій инстинктъ великаго собранія былъ вѣренъ. Поэтому нужно полагать, что они сумѣютъ отказать въ своемъ довѣріи метафизикамъ и литераторамъ, не ища покровительства у плохихъ ученыхъ. Ихъ социальный цѣль внушать имъ, что имъ нужны обобщеніе и позитивность. И въ то время какъ главные представители промышленности, въ силу узости своихъ взглядовъ, будутъ продолжать восхищаться нашими учеными, народъ будетъ политически тяготѣть къ истиннымъ философамъ, чрезвычайно небольшое число которыхъ возрастетъ благодаря призыву пролетаріевъ и даже благодаря вступленію послѣднихъ въ ихъ ряды.

ГЛАВА XXXV.

Пролетарій долженъ считатьъ себя состоящимъ на общественной службѣ.

Что касается моральныхъ условій народнаго подъема, то они вытекають, главнымъ образомъ, изъ дѣятельнаго чувства важности основнаго назначенія пролетаріата, связаннаго съ сознаніемъ его нынѣшняго положенія.

Съ первой точки зрѣнія наши пролетаріи могутъ морально считатьъ себя истинными общественными служащими, одновременно специальными и общими. Однако, такой характеръ ихъ дѣятельности никоимъ образомъ не долженъ повлечь за собой измѣненія нынѣшней формы частнаго вознагражденія, естественно устанавливаемаго за всякую услугу, настолько непосредственную и ограниченную, что ея особая оцѣнка можетъ быть прямой и обычной. Нужно только дополнить это индивидуальное вознагражденіе каждой дѣятельности справедливой соціальной благодарностью по отношенію къ трудящемуся, подобно тому какъ у насъ уже принято поступать относительно такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, гдѣ плата за трудъ не избавляетъ отъ признательности. Въ этомъ смыслѣ самопроизвольное республиканское направленіе Конвента опередило систематическія указанія здравой философіи въ характеристикѣ народнаго сотрудничества.

Чтобы понять дѣйствительное значеніе своего спеціального труда, пролетаріямъ достаточно предположить его полное или даже временное прекращеніе, что тотчасъ вызвало бы разстройство основнаго порядка современной жизни. Гораздо труднѣе для нихъ въ настоящее время оцѣнить свое общее участіе, являющееся главнымъ источникомъ общественнаго мнѣнія и, слѣдовательно, существенной поддержкой моральнаго авторитета. Но, согласно моимъ предыдущимъ разъясненіямъ, эта нормальная функція столь неминуемо вытекаетъ изъ ихъ природы и состоянія, она такъ соответствуетъ ихъ коллективнымъ потребностямъ, что пониманіе ея станетъ для нихъ все доступнѣе, по мѣрѣ того, какъ теченіе событій позволитъ или даже потребуетъ ея примѣненіе.

Это постепенно нарастающее сознаніе своего значенія можетъ принять существенно вредное направленіе только въ томъ случаѣ, если пролетаріи сосредоточатъ свое вниманіе на томъ, что метафизики называютъ политическими правами. Занятіе этими вопросами отвлекло бы народъ отъ моральныхъ вопросовъ, относящихся къ пользованію властью, и втянуло бы ихъ въ бесполезные споры, касающіеся обычнаго обладанія послѣдней.

Но эта опасность не внушаетъ серьезной тревоги въ особенности во Франціи, гдѣ истиннкъ пролетаріевъ не испорченъ метафизическимъ фанатизмомъ. Наставническія увѣщанія нашихъ идеологовъ, даже официальныхъ, не помѣшаютъ народнои мудрости понять, что не въ этомъ его истинное соціальное назначеніе. Нынѣшнее преслѣщеніе избирательными голосованіями приведетъ вскорѣ къ добровольному

упраздненію этого призрачнаго права, не имѣющаго болѣе даже привлекательности привилегіи. Тщетныя усилія сосредоточить вниманіе народа на собственно политическихъ вопросахъ не будутъ въ состояніи отвлечь его отъ настоящихъ социальныхъ проблемъ, дѣйствительное рѣшеніе которыхъ по преимуществу моральное. Онъ никогда не позволитъ свести результаты великой революціи къ простымъ перемѣщеніямъ лицъ или измѣненіямъ партійныхъ группировокъ, ни даже къ какимъ бы то ни было измѣненіямъ центральной власти.

Это настроеніе народа требуетъ равносильныхъ стремленій у тѣхъ, кто жаждетъ стать его духовными руководителями. Подобно ему, они должны ставить социальные проблемы выше простыхъ политическихъ вопросовъ и лучше его цѣнить существенно нравственную природу соответственныхъ рѣшеній. Для этого они прежде всего должны принять, какъ нормальное основаніе современной организаціи, систематическое отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Этотъ принципъ настолько отвѣчаетъ народнымъ потребностямъ, что вскорѣ народъ потребуетъ отъ всѣхъ своихъ интеллектуальныхъ вождей, чтобы они его приняли. Чтобы его лучше обезпечить, онъ, безъ сомнѣнія, заставитъ ихъ формально отречься отъ всякаго притяванія на центральную или даже мѣстную свѣтскую власть.

Посвящая себя, такимъ образомъ, исключительно служенію Человѣчеству, истинные философы внушатъ больше довѣрія своимъ союзникамъ-пролетаріямъ, а также правящимъ классамъ. Избавленная отъ непосредственнаго примѣненія, социальная теорія сможетъ получить свободное развитіе, которое, отнюдь не вызывая безпорядка, надлежащимъ образомъ подготовитъ нормальное будущее, не пренебрегая и нынѣшнимъ переходнымъ состояніемъ. Въ то же время социальная практика, освобожденная отъ напрасныхъ наставническихъ притязаній, не сохранитъ болѣе никакой ретроградной связи съ отжившими доктринами и постепенно приспособится къ прогрессивнымъ указаніямъ общественнаго духа, энергично выполняя въ то же время свою необходимую матеріальную службу.

Г Л А В А XXXVI.

Пролетарій не долженъ стремиться ни къ богатству, ни къ политической карьерѣ.

Чтобы лучше соответствовать своему нынѣшнему и окончательному назначенію, народные нравы должны только болѣе развивать свой самобытный характеръ. Для этого пролетарскій инстинктъ долженъ, главнымъ образомъ, очиститься отъ всякаго суетнаго стремленія къ почестямъ или личному богатству. Метафизическій эмпиризмъ охотно свелъ бы результаты великой революціи къ расширенію для народа доступа къ политической или гражданской власти. Но эта возможность, хотя необходима для окончательнаго строя, далеко не отвѣчаетъ истиннымъ народнымъ потребностямъ, такъ какъ она можетъ способствовать только индивидуальнымъ

улучшеніямъ, не измѣняющимъ судьбы соціальной массы, но скорѣе стремящимся часто ее ухудшить, вслѣдствіе ухода изъ нея наиболѣе энергичныхъ членовъ. Одинъ только Конвентъ сумѣлъ надлежащимъ образомъ оцѣнить этотъ фактъ. Только онъ умѣлъ уважать пролетаріевъ, какъ таковыхъ, въ ихъ частной дѣятельности и въ ихъ общемъ участіи въ государственной жизни, являющемся главнымъ возмѣщеніемъ неприглядныхъ матеріальныхъ условій ихъ существованія. Всѣ вожаки, какъ ретрограднаго, такъ и стационарнаго, состояній, послѣдовавшіе за Конвентомъ, пытались, напротивъ, отвлечь ихъ отъ соціальной цѣли, облегчая имъ личный доступъ къ высшимъ положеніямъ. Привыкшіе къ слѣпой рутинѣ средніе классы невольно присоединились къ этой развращающей политикѣ и стали проповѣдывать, что всѣ должны подражать имъ и стремиться дѣлать сбереженія. Эта привычка къ сбереженію необходима для накопленія и управленія капиталами; она должна поэтому преобладать въ промежуточной части окончательнаго организма. Но онѣ были бы неумѣстны и даже губительны во всѣхъ остальныхъ частяхъ, тамъ, гдѣ матеріальное существованіе, главнымъ образомъ, зависитъ отъ какой-либо заработной платы. Философы и пролетаріи должны одинаково остерегаться нравовъ, стремящихся унижить ихъ моральный характеръ, не улучшая обыкновенно ихъ физическаго положенія. У тѣхъ и другихъ отсутствіе всякой серьезной практической отвѣтственности и свободный подъемъ, — какъ общественный, такъ и частный, — умозрительной и аффективной жизни составляютъ главные условія истиннаго счастья. Вопреки мнѣнію нашихъ экономистовъ, утверждающихъ, что сберегательныя классы имѣютъ важное соціальное значеніе, здравая философія вполне одобритъ рѣшительное отвращеніе, проявляемое къ этимъ организаціямъ народнымъ инстинктомъ, видящимъ въ нихъ, главнымъ образомъ, постоянный источникъ моральнаго развращенія, такъ какъ они обыкновенно заглушаютъ великодушныя чувства. Эмпирическія разглагольствованія противъ кабакковъ не помѣшаютъ имъ оставаться и впредь единственными мѣстами народныхъ собраній, гдѣ вырабатывается чувство общности, заслуживающее большаго поощренія, чѣмъ эгоистичное посѣщеніе сберегательныхъ кассъ. Что касается истинныхъ личныхъ опасностей, сопряженныхъ съ этой мудрой непредусмотрительностью, то они вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи постоянно уменьшаются, причемъ сохраняется характеръ пролетарія, составляющій одновременно его главное достоинство и наиболѣе драгоцѣнное утѣшеніе. Эта поправка вытекаетъ преимущественно изъ возрастающаго подъема чувствъ и мыслей. Призывая народъ къ общественной жизни, позитивная философія сумѣетъ сдѣлать клубъ наилучшимъ коррективомъ кабака.

Въ этомъ отношеніи философамъ надлежитъ прислушиваться къ великодушнымъ внушеніямъ народнаго инстинкта. Всякая жадность къ деньгамъ, какъ и всякое свѣтское честолюбіе, лицъ, стремящихся къ духовному управленію человѣчествомъ, будутъ вызывать законное подозрительное отношеніе къ нимъ со стороны народа, такъ какъ они такимъ образомъ выкажутъ свою моральную несостоятельность, обыкновенно связанную съ тайнымъ безсиліемъ мысли.

Моральная власть философовъ, которымъ помогаютъ пролетаріи, преимущественно заключается въ позитивномъ строѣ въ томъ, чтобы непрерывно измѣнять, путемъ справедливаго распредѣленія уваженія, соціальную группировку, въ которой

должно всегда превѣшивать матеріальное значеніе. Хотя субординація должностей не перестанетъ существовать, каждое должностное лицо будетъ, однако, оцѣниваться сообразно качествамъ его ума и сердца, что предохранить и отъ анархіи, и отъ рабства. Ничто не сможетъ помѣшать народу понять, что истинныя качества, необходимыя для отправленія различныхъ общественныхъ должностей, весьма несообразны съ доставляемымъ ими свѣтскимъ господствомъ. Онъ будетъ все болѣе и болѣе сознавать, что настоящее человѣческое счастье отнюдь не связано съ тѣмъ или инымъ высокимъ положеніемъ и что оно можетъ скорѣе стать удѣломъ скромнаго положенія, кромѣ развѣ тѣхъ исключительныхъ личностей, которыя должны стремиться къ власти—по сужденію, можетъ-быть, болѣе пагубному, чѣмъ полезному нашей коллективной мудрости въ примѣненіи къ общественному благу. Истинные пролетаріи, равно какъ истинные философы, вскорѣ перестанутъ завидовать высокому положенію, неизбежно связанному съ серьезной отвѣтственностью.

Когда это взаимоотношеніе не будетъ болѣе призрачнымъ, народъ убѣдится, что все социальное искусство имѣетъ цѣлью удовлетворять его справедливыя потребности путемъ совѣстной дѣятельности его духовныхъ вождей съ его свѣтскими руководителями. Поэтому онъ не пожелаетъ ни славы, купленной цѣной тяжелыхъ размысленій, ни могущества, сопряженного съ постоянными заботами. Давая возможность свободно проявляться необходимымъ теоретическимъ и практическимъ дарованіямъ, социальная масса сможетъ наслаждаться состояніемъ, соответствующимъ нашей обычной организаціи, сообразно которой дѣйствительное благополучіе преимущественно связано съ умѣреннымъ упражненіемъ чувства и разсудка и умѣренной же дѣятельностью. Такъ какъ матеріальная нужда будетъ устранена, то каждый будетъ искать справедливаго вознагражденія за свое хорошее поведеніе въ неизмѣнномъ, даже посмертномъ, уваженіи той части человѣчества, которая могла его оцѣнить.

Однимъ словомъ, опредѣленіе, сохранившееся въ силу ложной скромности, но вытекавшее изъ инстинктивно понятой социаль ной дѣйствительности, будетъ все болѣе и болѣе соответствовать характеру высшихъ должностныхъ лицъ, которыя будутъ невольными слугами своихъ добровольныхъ подчиненныхъ. Позитивное общество будетъ такъ организовано, что его теоретическіе и практическіе вожди, несмотря на личныя выгоды, связанныя съ ихъ положеніемъ, будутъ часто сожалѣть, что они не родились или не остались пролетаріями. Для великихъ душъ свѣтское или духовное первенство доставляло всегда прочное удовлетвореніе лишь потому, что оно открывало имъ болѣе широкое социальное поприще и позволяло принимать большее участіе въ созиданіи общественнаго блага. Главное-же достоинство окончательнаго порядка будетъ состоять въ томъ, что для всѣхъ станетъ доступна эта благотворная связь частной жизни съ общественной, и самому ничтожному гражданину будетъ обезпечено социальное вліяніе, не распорядительное, но совѣщательное, всегда соразмѣрное съ его усердіемъ и заслугами.

Всѣ соображенія, изложенныя въ этой третьей части, подтверждаютъ положеніе, высказанное въ началѣ ея, о необходимой способности пролетаріата составлять главную опору не только окончательной системы, но также нашего временнаго строя, который разсматриваемый такимъ образомъ, будетъ возможно меньше отличаться отъ

подготавливаемого имъ нормальнаго состоянія. Главныя условія этой политики переходнаго времени, которыя я указалъ, заканчивая вторую часть, находятъ наилучшую гарантію въ естественныхъ настроеніяхъ западно-европейскаго народа и въ особенности во Франціи. Нашимъ свѣтскимъ руководителямъ слѣдуетъ благоразумно сообразоваться съ народными стремленіями вмѣсто того, чтобы пытаться ими управлять: ибо они сами собою соотвѣтствуютъ нашимъ истиннымъ современнымъ потребностямъ въ свободѣ и въ общественномъ порядкѣ.

ГЛАВА XXXVII.

Свобода союзовъ и свобода обученія.

Свобода критики и свобода слова существуютъ во Франціи съ большей полнотой, чѣмъ гдѣ-либо, и покоятся, главнымъ образомъ, на умственной эмансипаціи нашихъ пролетаріевъ, въ особенности парижскихъ. Они освободились отъ всѣхъ богословскихъ воззрѣній, не примкнувъ ни къ какому метафизическому ученію. Но полное отсутствіе систематическихъ убѣжденій поразительнымъ образомъ согласуется у нихъ съ покорностью ума, побуждающей ихъ принимать тѣ убѣжденія, въ которыхъ соединены реальность и полезность. Всѣ другіе классы современнаго общества готовы принудительно навязать доктрины, не выдерживающія критики. Только народъ можетъ укрѣпить и расширить свободу, необходимую истиннымъ философамъ для выполненія ихъ функціи. И никакая сила закона не можетъ внушить такого чувства безопасности, какъ эта моральная гарантія. Каковы бы ни были покушенія нѣкоторыхъ главарей или партій оставаться на одномъ мѣстѣ или идти вспять, имъ не удастся притѣснить такой народъ. Это является наиболѣе рѣшительнымъ обстоятельствомъ, утверждающимъ за Франціей естественную роль руководительницы великаго западно-европейскаго возрожденія.

Народъ скорѣе преодолѣетъ отрицательное отношеніе къ свободѣ союзовъ и свободѣ обученія. Населеніе съ столь сильнымъ общественнымъ инстинктомъ не позволитъ окончательно лишить себя права устраивать свободные союзы, которые ему позволяютъ удовлетворять его главныя наклонности и преслѣдовать его главныя интересы. Глубоко сознаваемая имъ потребность въ настоящемъ образованіи, дать которое одинаково неспособны какъ метафизики, такъ и теологи, все болѣе и болѣе будетъ его побуждать содѣйствовать съ непреодолимой энергіей установленію истинной свободы обученія, главные условія котораго при отсутствіи такой поддержки, еще долгое время не были бы возможны. Что касается политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, то народная гарантія здѣсь не менѣе необходима. Миръ, какъ и свобода, зависитъ отъ основнаго настроенія нашихъ пролетаріевъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Пролетаріи и война.

Поразительное спокойствіе, царящее нынѣ на Западѣ, обусловлено преимущественно непреодолимымъ отвращеніемъ, питаемымъ нашими пролетаріями къ войнѣ. На это не столько указываютъ напрасныя сожалѣнія различныхъ ретроградныхъ партій объ упадкѣ военнаго духа, сколько необходимое учрежденіе сперва во Франціи, затѣмъ на всемъ Западѣ принудительнаго набора, ясно характеризующаго наши современные нравы. Такимъ образомъ, вопреки ложнымъ разглагольствованіямъ, надо признать, что въ наши арміи добровольно идутъ только офицеры. Пролетаріи, сверхъ того, менѣе, чѣмъ какой-либо другой классъ проникнуты національными предразсудками, которые хотя и значительно ослаблены, но все еще сѣютъ рознь въ великой европейской семьѣ. Они болѣе дѣятельно проявляются у среднихъ классовъ, преимущественно изъ-за промышленнаго соперничества. Въ глазахъ пролетаріевъ они всюду ступшеваются передъ основнымъ сходствомъ склонностей и состояній трудящихся всего Запада.

Эта благотворная солидарность вскорѣ пріобрѣтетъ надлежащую прочность, въслѣдствіе всеобщаго участія народа въ разрѣшеніи поднятаго имъ теперь великаго соціального вопроса объ отведеніи подобающаго ему мѣста въ новомъ строѣ. И въ виду повсемѣстнаго преобладанія этого интереса, никакое военное или промышленное заблужденіе не въ состояніи будетъ его преодолѣть и вызвать войну на Западѣ.

ГЛАВА XXXIX.

Въ теченіе переходнаго періода политическая власть должна быть централизована.

Могущественныя соціальныя волненія, правда, менѣе благоприятны для внутренняго порядка, чѣмъ для внѣшняго мира. Но тревога, не безъ основанія внушаемая намъ нынѣшней духовной анархіей, не можетъ намъ помѣшать по достоинству оцѣнить гарантіи, которыя даютъ намъ, даже въ этомъ отношеніи, истинныя стремленія пролетаріевъ. Преобладаніе центральной власти надъ мѣстной, которое, какъ мы выше видѣли, необходимо для общественнаго порядка, можетъ быть достигнуто лишь при содѣйствіи народа. Правительство, въ собственномъ смыслѣ слова, если оно только не будетъ вызывать опасеній въ ретроградности, безъ труда встрѣтитъ въ немъ поддержку противъ собранія депутатовъ, гдѣ почти всегда будутъ господствовать анти-пролетарскія тенденціи. Между этими двумя видами свѣтской власти народный инстинктъ естественно предпочтетъ тотъ изъ нихъ, болѣе практи-

ческий характеръ и менѣе двусмысленная роль котораго лучше отвѣчаютъ его главнымъ желаніямъ.

Пустые конституціонные споры выгодны для честолюбцевъ изъ среднихъ классовъ, такъ какъ они облегчаютъ ихъ политическую карьеру. Но эта безплодная агитація вызываетъ мало интереса и часто несправедливое презрѣніе у народа, которому она не можетъ принести никакой пользы и законныя требованія котораго она стремится обойти, увеличивая непрочность единственной власти, способной ихъ удовлетворить.

Итакъ, народное предпочтеніе обезпечено всякой администраціи, которая сумѣетъ его заслужить, въ особенности во Франціи, гдѣ политическія страсти уже улеглись благодаря непреодолимому вліянію поднятыхъ социальныхъ вопросовъ.

Поддержка пролетаріевъ должна не только укрѣпить центральную власть, но и значительно улучшить ея обычный характеръ; ибо она приведетъ ее къ ея истинному практическому назначенію тѣмъ, что освободитъ ее отъ пустыхъ теоретическихъ притязаній. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, стремленія философовъ къ систематизаціи отнынѣ встрѣтятся болѣе благоприятныя условія для своего осуществленія, благодаря добровольному вліянію ихъ союзниковъ-пролетаріевъ.

Чтобы лучше охарактеризовать это спасительное вмѣшательство народа въ современную политику, мнѣ остается еще указать, какая группа населенія могла бы выставить изъ своей среды центральное правительство, способное руководить переходнымъ состояніемъ свѣтской власти до момента прекращенія духовнаго междуцарствія.

Удачная двусмысленность, выражаемая, въ особенности на французскомъ языкѣ, словомъ народъ (*peuple*), постоянно напоминаетъ, что пролетаріи не образуютъ настоящаго класса, но составляютъ социальную массу, откуда вытекаютъ, какъ необходимые органы, различные спеціальныя классы. Со времени уничтоженія кастъ, послѣднимъ остаткомъ которыхъ была королевская власть, наши свѣтскіе вожди вербовались, главнымъ образомъ, въ пролетарской средѣ. Въ нормальномъ государствѣ требуется только, чтобы эти новые властители, прежде чѣмъ занять какой-либо государственный постъ, предварительно приобрѣли въ частной практикѣ умѣнье властвовать, необходимое для ихъ политической дѣятельности.

Во всякомъ правильно строѣ правительство, въ собственномъ смыслѣ слова, можетъ быть только расширеніемъ гражданской власти. Вотъ почему окончательный порядокъ современныхъ обществъ обезпечиваетъ главнымъ представителямъ промышленности обладаніе свѣтской властью. Хотя они кажутся еще малоспособными для этой власти, они не замедлятъ ее получить, когда духовное преобразование сдѣлаетъ ихъ болѣе достойными ея и облегчитъ имъ пользованіе ею, упростивъ ее и придавъ ей чисто практическій характеръ.

Однако, ни одно изъ этихъ двухъ условій въ настоящее время еще не выполнено, что затрудняетъ доступъ къ свѣтской власти лицамъ, которые, въ концѣ-концовъ, станутъ ея законными представителями. Они могутъ уже взять на себя различныя спеціальныя обязанности, какъ мы это недавно видѣли, даже относительно функцій, кажущихся на первый взглядъ совершенно чуждыми промышленнымъ способностямъ. Но за исключеніемъ единичныхъ личностей, на возможность

появленія которыхъ ничто не указываетъ и отъ которыхъ не долженъ зависѣть нашъ временный режимъ, — эти классы еще не способны замѣнить королевскую власть въ ея роли центрального органа. До сихъ поръ они слишкомъ далеки отъ той возвышенности взглядовъ и чувствъ, которая могла бы имъ позволить такой политической подъемъ. Впрочемъ, это двойное условіе практическаго первенства и внѣ промышленности вообще выполняется не лучше. Наличность его еще менѣе наблюдается среди ученыхъ, особенно во Франціи, гдѣ академическій режимъ такъ сузилъ умъ, изсушилъ сердце и разслабилъ характеръ, что большинство ученыхъ стало неспособно къ дѣйствительной жизни и въ особенности къ малѣйшему руководительству, даже научному.

Г Л А В А XL.

Впродолженіи переходнаго періода власть должна быть, въ видѣ исключенія, ввѣрена пролетаріямъ.

Неспособность къ общественной службѣ нашихъ различныхъ специальныхъ классовъ заставляетъ искать другого средства для удовлетворенія этого революціоннаго требованія и обратиться туда, гдѣ цѣльное міросозерцаніе менѣе сдавлено и чувство долга лучше развито. Здравая историческая теорія даетъ мнѣ основаніе рѣшительно заявить, что одни только наши пролетаріи могутъ выставить изъ своей среды достойныхъ представителей высшей свѣтской власти до окончанія духовнаго междоусобія, т.-е. на время, по крайней мѣрѣ, одного поколѣнія.

Освободившись отъ всякаго педантократическаго или аристократическаго обаянія, легко видѣть, при рациональномъ изслѣдованіи, согласно соображеніямъ, приведеннымъ въ началѣ этой третьей части, что у народа общность мыслей и благородство чувствъ болѣе возможны и болѣе непосредственны, чѣмъ у всѣхъ другихъ классовъ. Обычный недостатокъ административныхъ понятій и привычекъ дѣлаетъ нашихъ пролетаріевъ малоспособными къ различнымъ специальнымъ должностямъ практической государственной дѣятельности. Но это обстоятельство не является для нихъ препятствіемъ къ пользованію высшимъ авторитетомъ, ни къ исполненію высокихъ социальныхъ функций, требующихъ истинной широты взглядовъ и не предполагающихъ никакихъ специальныхъ знаній. Когда эти важные посты будутъ заняты достойными пролетаріями, ихъ мудрый и скромный инстинктъ сумѣетъ найти подходящихъ лицъ изъ нѣдръ тѣхъ классовъ, откуда они до сихъ поръ вербовались. Такъ какъ ихъ умѣлый выборъ обезпечитъ практическій характеръ и прогрессивный духъ правительства, они смогутъ безъ опасеній использовать всѣ специальные способности даже тѣхъ лицъ, которымъ, какъ стоящимъ очень высоко, наиболѣе можетъ быть противна служба республикѣ.

Такимъ образомъ, всѣ свѣтскіе элементы окажутъ,—подъ влияніемъ могучаго

импульса со стороны пролетаріевъ, — надлежащее содѣйствіе нашему окончательному преобразованію, въ особенности среди военныхъ и судей, особенно способныхъ къ превращенію въ искреннихъ республиканцевъ. Въ то время какъ это обладаніе верховной властью ободрить и успокоить народную массу и сдѣлаетъ излишними обычные приемы обузданія, оно воздѣйствуетъ на представителей промышленности въ томъ смыслѣ, что они будутъ дѣлаться все болѣе и болѣе достойными предстоящаго имъ свѣтскаго высокаго назначенія, по мѣрѣ того какъ ихъ чувства будутъ очищаться и ихъ взгляды расширяться.

Итакъ, условія свободы и общественного порядка создадутъ почву для передачи революціоннымъ путемъ центральной власти нѣсколькимъ выдающимся пролетаріамъ на время духовнаго междуцарствія. Ихъ воцареніе не породитъ въ пролетарской массѣ опасныхъ честолюбивыхъ стремленій, подобно тѣмъ, какія вызываетъ теперь въ этой средѣ жажда обогащенія; ибо всѣ ясно поймутъ исключительную природу и необходимыя условія этого рѣдкаго величія.

Назначеніе этой политической аномаліи опредѣляетъ также ея форму осуществленія. Надо на самомъ дѣлѣ освободиться отъ корыстной рутины, которая въ послѣднее время сдѣлала изъ мѣстной власти родъ обязательной подготовки къ центральной власти, хотя въ дѣйствительности именно центральная власть была всегда предметомъ честолюбія парламентаріевъ. Неопровержимый опытъ достаточно подтвердилъ, въ этомъ отношеніи, здравыя теоретическія соображенія, согласно которымъ такая школа можетъ воспитывать только бесполезныхъ болтуновъ, лишенныхъ всякой настоящей политической способности, каковыми были, напримѣръ, жирондисты. Помимо того, что наши пролетаріи, идя такимъ путемъ, врядъ ли могли бы восторжествовать, слѣдуетъ признать, что если бы они имѣли несчастье достигнуть успѣха, они потеряли бы прямоту и самобытность, составляющія теперь ихъ истинныя качества, дѣлающія ихъ достойными этой исключительной отвѣтственной роли.

Такимъ образомъ, временный постъ, который позитивизмъ предназначаетъ для вождей пролетаріевъ, послѣдніе должны будутъ занять сразу, безъ всякихъ парламентарныхъ околичностей. Тогда наше прямое движеніе къ окончательному возрожденію приобрететъ тотъ характеръ, который ему долженъ быть свойственъ: мирный и энергичный, благодаря добровольному и систематическому сотрудничеству философовъ, свободныхъ отъ всякаго свѣтскаго честолюбія, и диктаторовъ, чуждыхъ всякой духовной тираніи. Общественный разумъ будетъ отнынѣ считать мятежникомъ и въ то же время ретроградомъ всякаго ученаго, который будетъ домогаться свѣтской власти, и всякаго правителя, который пожелаетъ поучать. Однимъ словомъ, наше революціонное правительство подвергнется тому внутреннему преобразованію, въ которомъ нуждалось правительство Конвента, если бы это удивительное политическое созданіе могло, какъ того хотѣли его творцы, просуществовать до наступленія всеобщаго мира.

Таковъ окончательный договоръ между истинными философами и истинными пролетаріями относительно руководства органическимъ завершеніемъ великой революціи, путемъ мудраго восстановленія режима Конвента, не искаженного опытами, произведенными его различными преемниками эпохи реакціи и застоя. Цѣльное міросозерцаніе и социальное чувство одинаково присущи обоимъ элементамъ этого

основного сочетанія, что является необходимой гарантiей для настоящаго переходнаго времени и вѣрнымъ залогомъ нормальнаго будущаго.

Если одинъ изъ нихъ является спонтаннымъ представителемъ этого будущаго, то другой долженъ стать его систематическимъ органомъ. Теоретическіе пробѣлы нашихъ пролетаріевъ будутъ легко восполнены философами, которые, подчиняясь непреодолимому требованію социальнаго чувства, ознакомятъ своихъ союзниковъ со здравой исторической теоріей, безъ которой человѣческая солидарность представляется лишенной своей главной особенности—непрерывности. Хотя нравственное несовершенство современныхъ философовъ создаетъ много затрудненій для пролетаріевъ, тѣмъ не менѣе народное движеніе встрѣтитъ поддержку въ ихъ высокомъ убѣжденіи о всеобщемъ преобладаніи сердца; это убѣжденіе въ состояніи будетъ преодолѣть пустое высокомеріе, которое могло бы разстроить этотъ союзъ, имѣющій цѣлью обновленіе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Роль женщины въ позитивизмъ.

Г Л А В А I.

Женщина, являясь аффективнымъ элементомъ общества, должна стать высшимъ регуляторомъ человѣческой жизни.

Какъ бы велика ни была сила, которую дѣятельное сотрудничество пролетаріевъ должно доставить соціальному вліянію философовъ, преобразовательный импульсъ требуетъ еще третьяго элемента, указываемаго истинной теоріей человѣческой природы и подтверждаемаго здравой исторической оцѣнкой великаго современнаго кризиса.

Наша моральная организація складается не только изъ разсудка и дѣятельности, представителями которыхъ являются философскій и пролетарскій элементы; но она также характеризуется чувствомъ, въ которомъ, согласно теоріи, изложенной въ началѣ этого «Обзора», сосредоточено даже ея преобладающее начало. А этотъ высшій факторъ, составляющій единственное реальное основаніе человѣческаго единства, не представленъ ни достаточно прямо, ни достаточно полно въ описанномъ нами выше основномъ союзѣ между философами и пролетаріями.

Конечно, соціальное чувство будетъ господствовать въ рѣшительномъ подъемѣ каждой изъ этихъ двухъ силъ. Но его источникъ не является здѣсь ни достаточно чистымъ, ни достаточно глубокимъ и поэтому его сила не соответствовала бы его назначенію, если бы не была вдохновляема изъ болѣе прочнаго и болѣе живого источника.

Общественное чувство новыхъ философовъ будетъ, безъ сомнѣнія, отличаться постоянствомъ, такъ какъ оно связано у нихъ съ систематическими убѣжденіями; но его собственная раціональность слишкомъ ослабила бы его энергію, если бы менѣе разсудочное побужденіе постоянно не оживляло его. Хотя ихъ благородная общественная служба должна вскорѣ сообщить ихъ чувствамъ дѣятельность, неизвѣстную отвлеченнымъ мыслителямъ, тѣмъ не менѣе это коллективное возбужденіе не можетъ обходиться безъ эмоцій частнаго характера. Даже то, что ихъ нравы выгадаютъ изъ сношеній съ пролетаріями, не сможетъ достаточно восполнить обычные пробѣлы умозрительной организаціи.

Съ другой стороны, если присущія народу страсти болѣе самородны и болѣе сильны, чѣмъ страсти философовъ, то за то онѣ вообще отличаются меньшимъ постоянствомъ и меньшей чистотой. Ихъ активное назначеніе не позволяетъ имъ быть ни достаточно безкорыстными, ни достаточно устойчивыми. Всѣ моральныя выгоды, связанныя съ систематизаціей народнаго элемента, безъ естественной помощи болѣе мягкихъ и болѣе постоянныхъ эмоцій, не могли бы возмѣстить ущерба, наносимаго общественности эгоистическими побужденіями. Избавляя пролетаріевъ отъ необходимости формулировать свои жалобы или желанія, философы не могутъ измѣнить ихъ неизбѣжное себялюбіе.

Такимъ образомъ союзу, который по необходимости будетъ руководить нашимъ преобразованіемъ, недостаетъ еще достаточнаго представителя высшаго человѣческаго регулятора. Такимъ представителемъ можетъ быть только непосредственно сродный ему элементъ, подобно тому, какъ философскій элементъ свойствененъ разсудку, а пролетарскій—дѣятельности. Такова основная побудительная причина необходимости присоединенія женщины къ преобразовательному союзу, какъ только его стремленія и потребности станутъ достаточно доступны оцѣнкѣ. Только этотъ третій элементъ позволитъ органическому движенію принять свой истинный и окончательный характеръ, такъ какъ онъ естественно обезпечитъ постоянное подчиненіе разсудка и дѣятельности всеобщей любви, и тѣмъ по возможности предохранитъ перваго отъ заблужденій, второго отъ мятежнаго характера.

Такъ какъ включеніе этого элемента доставитъ позитивизму необходимое средство для завершенія всего современнаго движенія, отъ котораго женщины до сихъ поръ были слишкомъ устранены, то оно является для позитивизма неизбѣжной обязанностью.

Г Л А В А II.

Женщина и современные идеи.

Революція могла до сихъ поръ внушать симпатію только нѣкоторымъ женщинамъ; коллективнаго одобренія онѣ ей пока не выражаютъ, вслѣдствіе существенно отрицательнаго характера ея первой части. Онѣ по-прежнему высоко ставятъ преимущественно средневѣковыя соціальныя учрежденія. А это предпочтеніе обусловлено не только, какъ это принято думать, ихъ справедливыми сожалѣніями объ упадкѣ рыцарскихъ нравовъ. Правда, средніе вѣка являются для нихъ единственной эпохой, когда культъ женщины былъ надлежащимъ образомъ организованъ. Но болѣе питимый и менѣе корыстный мотивъ опредѣляетъ, главнымъ образомъ, ихъ невольное влеченіе къ этимъ прекраснымъ воспоминаніямъ. Наиболѣе нравственный элементъ челоуѣчества долженъ предпочитать всякому другому единичный режимъ, который прямо возвелъ въ принципъ преобладаніе морали надъ политикой. Таковъ, смѣю утверждать, тайный источникъ главныхъ сѣтованій, вызываемыхъ у женщинъ безвозвратнымъ разложеніемъ средневѣковой соціальной системы.

Отдавал должное различнымъ частнымъ успѣхамъ, которыми человѣчество обязано современному движенію, онѣ считаютъ ихъ недостаточной компенсаціей общаго упадка, знаменующаго, но ихъ мнѣнію, возвратъ къ старому, когда политика имѣла перевѣсъ надъ моралью. Временная необходимость въ подобномъ положеніи вещей, соответствующемъ свѣтской диктатурѣ, вызванной несовершенствомъ католическаго духа, должна быть, вслѣдствіе отсутствія истинной исторической теоріи, плохо оцѣнена умами, почти чуждыми активной жизни. Такъ что женщинамъ совершенно неправильно приписывали, на основаніи этихъ благородныхъ сѣтованій, ретроградныя стремленія. Онѣ съ большимъ правомъ могли бы сдѣлать подобный упрекъ намъ, за наше слѣпое восхищеніе греческимъ или римскимъ строемъ, который все еще ставится гораздо выше католико-феодальнаго режима. Но долговѣчность этого заблужденія объясняется, главнымъ образомъ, недѣльнымъ образованіемъ, отъ котораго женщины, къ счастью, избавлены.

Какъ бы то ни было, эти женскія настроенія наивно выражаютъ главное условіе нашего истиннаго возрожденія, именно потребность возстановить систематическое подчиненіе политики морали, но не болѣе прямо, болѣе обширномъ и болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ то основаніе, на какое оно опиралось въ средніе вѣка. Характернымъ же результатомъ подобнаго режима является культъ женщины. Итакъ, вотъ какой цѣной обновляющее движеніе пріобрѣтеть искреннее расположеніе женщинъ! Эта программа, я думаю, можетъ казаться ретроградной только тѣмъ философамъ, которые неспособны ее выполнить.

Такимъ образомъ, женщины не отворачиваются отъ революціи, а только отъ анти-историческаго направленія, господствовавшаго въ ея первой части, когда слѣпое осужденіе среднихъ вѣковъ оскорбляло ихъ лучшія чувства. Могли-ли онѣ пріивѣтствовать метафизическій режимъ, который, казалось, полагалъ человѣческое счастье, главнымъ образомъ, въ пользованіи политическими правами, настоящаго влеченія къ которымъ никакая утопія никогда имъ не внушить? Но онѣ глубоко сочувствуютъ справедливымъ народнымъ требованіямъ, характеризующимъ главную цѣль великаго кризиса. Ихъ врожденные желанія всегда будутъ благопріятствовать прямымъ усиліямъ философовъ и пролетаріевъ, направленнымъ къ превращенію политическихъ споровъ въ соціальныя сдѣлки съ надлежащимъ перевѣсомъ обязанностей надъ правами.

Если онѣ сожалеютъ о своемъ прежнемъ мирномъ вліяніи, то это преимущественно потому, что онѣ теперь устраняются грубымъ эгоизмомъ, который уже болѣе не смягчается революционнымъ энтузіазмомъ.

Итакъ, всѣ недовольства современнымъ положеніемъ вещей, въ которыхъ упрекаютъ женщинъ, способствуютъ лучшему выявленію основной необходимости разсѣять, наконецъ, нравственную и умственную анархію, которая порождаетъ всѣ главные поводы ихъ справедливыхъ обвиненій.

Г Л А В А III.

Позитивизмъ даетъ удовлетвореніе законнымъ желаніямъ женщины.

Дабы женщины могли вполне примкнуть къ революціонному движенію, достаточно, чтобы оно стало стремиться прямо къ своему органическому назначенію и совершенно отказалось бы отъ первоначальнаго отрицательнаго направленія, но необходимость котораго женщины не могли понять настолько, чтобы оправдать его заблужденія. Надо, чтобы этотъ окончательный кризисъ представлялся отнюдь не какъ явленіе, нениѣющее никакой связи со средними вѣками, но, сообразно своему истинному историческому характеру, какъ призванный осуществить на лучшихъ основаніяхъ всеобщее преобладаніе, которымъ мораль пользовалась въ то время. Однимъ словомъ, позитивизмъ долженъ внушить женщинамъ любовь ко второй части революціи, основывая наши республиканскіе права на рыцарскомъ чувствѣ.

Только такимъ образомъ дополнится преобразовательное движеніе, которое осталось бы незаконченнымъ безъ близкаго участія того человѣческаго элемента, который является наилучшимъ представителемъ основнаго принципа окончательнаго режима, а именно, преобладаніе общественнаго чувства надъ личнымъ. Одни только философы могутъ сообщать этому принципу дѣйствительно систематическое постоянство, которое предохранитъ его отъ всякихъ софистическихъ искаженій. Дѣятельное же проведеніе его можетъ быть поддержано только пролетаріями, безъ которыхъ его примѣненіе почти всегда затруднялось бы. Но одні лишь женщины должны придать ему полную чистоту, свободную одновременно и отъ размышленія и отъ угнетенія. Въ этомъ составѣ преобразовательный союзъ явится предвареніемъ будущаго нормальнаго состоянія человѣчества и живымъ типомъ нашей собственной природы.

Если бы новая философія не могла заручиться поддержкой женщинъ, она должна была бы отказаться отъ идеи всецѣло замѣнить теологію въ ея прежней соціальной функціи. Но основная теорія, изложенная въ началѣ этого «Обзора», гарантируетъ приемлемость позитивизма для женщинъ еще болѣе непосредственно, чѣмъ его цѣлесообразность для народа. Ибо его всеобщій принципъ и его методъ пониманія и разсматриванія великой человѣческой проблемы суть только систематическое проведеніе идей, которыя спонтанно свойственны женщинамъ. Имъ, а также народу онъ открываетъ благородное соціальное поприще и въ то же время обезпечиваетъ удовлетвореніе ихъ справедливыхъ личныхъ желаній.

Эти общія свойства въ томъ и другомъ случаѣ отнюдь не случайны, а составляютъ необходимое слѣдствіе реальности, отличающей новую философію, которая основываетъ всегда свой свободный авторитетъ на точной оцѣнкѣ того, что есть. Эмпирическія предубѣжденія не помѣшаютъ женщинамъ вскорѣ понять, что позитивизмъ удовлетворитъ лучше, чѣмъ католицизмъ, всѣ ихъ потребности, не только интеллектуальныя, но, въ особенности, моральныя и соціальныя, привязывающія ихъ еще къ режиму, отсталость котораго имъ видна, благодаря ихъ мудрой проницательности.

Эти предрасудки вытекаютъ теперь изъ весьма извинительнаго смѣшенія здравой философіи съ ея научнымъ началомъ. Такимъ образомъ, сухость, въ которой столь справедливо упрекаютъ ученыхъ, вмѣняется въ вину новымъ философамъ, умъ которыхъ долженъ былъ вначалѣ держаться такого же строя мыслей. Но когда установятся нормальныя отношенія между тремя элементами позитивнаго союза, несправедливость этого мѣненія скорѣ обнаружится. Женщины признаютъ тогда, что моральная опасность нашихъ научныхъ изслѣдованій зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ узкой и эмпирической спеціализаціи, отвергающей всегда социальную точку зрѣнія. Онѣ поймутъ, что эта опасность не можетъ распространяться на ознакомленіе съ основными философскими понятіями, въ значительной степени даже прирожденными, при чемъ различныя научныя изслѣдованія составляютъ только необходимый рядъ предварительныхъ этаповъ, способствующихъ правильному пониманію социальныхъ вопросовъ и лучше позволяющихъ посвятить всю нашу жизнь всеобщему совершенствованію. Такъ, свойственный женщинамъ, позволить имъ не смѣшивать этой подготовки, всегда относящейся къ единственной цѣли совершенствованія съ дѣятельностью, всецѣло посвященной академическимъ пустякамъ. Впрочемъ, все изложенное въ этомъ «Обзорѣ», вполне избавляетъ насъ отъ дальнѣйшихъ разъясненій по этому вопросу.

Г Л А В А IV.

Женщина не должна повелѣвать. Она должна вліять на мужчину любовью и совѣтомъ.

Въ позитивномъ строѣ социальное назначеніе женщинъ непосредственно является необходимымъ слѣдствіемъ ихъ истинной природы.

Этотъ полъ, безъ сомнѣнія, выше нашего въ отношеніи наиболѣе основнаго свойства человѣческаго рода, именно, стремленія давать перевѣсъ общественному чувству надъ личнымъ. Въ силу этого моральнаго качества, независимаго отъ какого-либо матеріальнаго назначенія, онъ заслуживаетъ всегда наше нѣжное благоговѣніе, какъ наиболѣе чистый и наиболѣе прямой типъ Человѣчества, которое не можетъ быть достойнымъ образомъ изображено въ формѣ мужчины. Но это естественное превосходство не даетъ еще женщинамъ того социального первенства, о которомъ иногда мечтали смѣлые люди, хотя и безъ ихъ согласія. Ибо правильный взглядъ на реальную цѣль всего человѣческаго существованія, составляющій ихъ положительное преимущество, сочетается у нихъ со столь же несомнѣнной отсталостью во взглядѣ на различныя средства ея достиженія. Во всѣхъ видахъ силы, не только тѣлесной, но также умственной и волевой, женщина очевидно уступаетъ мужчинѣ, соотвѣтственно нормальному закону, относящемуся вообще къ міру животныхъ. А практическая жизнь, поскольку она безпрестанно требуетъ упорной дѣятельности, по необходимости управляется не чувствомъ, а силой. Если бы нужно

было только любить, какъ въ рисуемой христіанствомъ будущей жизни, свободной отъ всякихъ матеріальныхъ потребностей, женщина царствовала бы. Но для борьбы съ невзгодами нашей настоящей жизни нужно, главнымъ образомъ, дѣйствовать и мыслить; поэтому мужчина долженъ повелѣвать, несмотря на то, что онъ стоитъ ниже женщины въ моральномъ отношеніи. Во всякомъ большомъ предпріятіи успѣхъ зависитъ болѣе отъ энергіи и таланта, чѣмъ отъ усердія, хотя послѣднее условіе сильно вліяетъ на два первыхъ.

Таковъ естественный недостатокъ общей гармоніи между тремя частями нашей моральной организаціи, обрекающей женщинъ умѣрять посредствомъ любви царство силы. Вѣрное чувство своего аффективного превосходства, обыкновенно, внушаетъ имъ желаніе господствовать, которое поверхностная критика слишкомъ часто приписываетъ эгоистическимъ наклонностямъ. Но опытъ постоянно напоминаетъ имъ, что въ мірѣ, гдѣ необходимыя блага рѣдки и трудно достижимы, власть по необходимости принадлежитъ болѣе сильному, а не болѣе любящему, хотя послѣдній болѣе достоинъ ею обладать.

Этотъ вѣчный споръ приводитъ только къ постоянному ограниченію первенства мужчинъ. Мужчина тѣмъ болѣе идетъ на уступки—независимо отъ всякой чувственности,—что въ глубинѣ души онъ сознаетъ естественное превосходство женщинъ касательно главнаго атрибута Человѣчества. Онъ сознаетъ, что его собственная власть обусловлена, главнымъ образомъ, требованіями нашего положенія, налагающаго на насъ всегда трудныя работы, въ которыхъ эгоизмъ проявляется сильнѣе чувства общности. Поэтому-то во всѣхъ человѣческихъ обществахъ публичная жизнь принадлежитъ мужчинамъ, а жизнь женщинъ ограничена преимущественно домашнимъ кругомъ. Цивилизація отнюдь не уничтожаетъ этого естественнаго различія, но безпрестанно его развиваетъ, совершенствуя его, какъ я это ниже укажу.

Отсюда вытекаетъ основное сходство въ условіяхъ соціальной жизни женщинъ, философовъ и пролетаріевъ. Здѣсь мы также находимъ объясненіе тѣсной солидарности между тремя необходимыми элементами умѣряющей власти.

Относительно философовъ аналогія основана на томъ, что то же роковое обстоятельство, которое мѣшаетъ женщинамъ первенствовать въ силу ихъ аффективного превосходства, лишаетъ мыслителей еще въ большей степени власти, которая, по ихъ мнѣнію, должна имъ принадлежать вслѣдствіе ихъ теоретическаго превосходства. Если бы наши матеріальныя потребности были легче удовлетворимы, практическое преобладаніе менѣе препятствовало бы интеллектуальному могуществу. Но въ этомъ случаѣ первенство болѣе подобало бы женскому элементу. Ибо нашъ разумъ развивается, главнымъ образомъ, для того, чтобы освѣщать дѣятельность,—его собственный порывъ въ весьма незначительной степени вызывается строеніемъ нашего мозга. Одна только любовь сохранила бы тогда свою неизмѣнную спонтанность. Такимъ образомъ, власть надъ реальнымъ міромъ еще менѣе принадлежитъ мыслящимъ существамъ, чѣмъ любящимъ, хотя высокомѣріе ученыхъ не столь безропотно, какъ тщесловіе женщинъ. Вопреки ея притязаніямъ, интеллектуальная сила, въ сущности, не болѣе нравственна, чѣмъ сила матеріальная. Онѣ обѣ составляютъ только средство, моральность котораго зависитъ отъ его употребленія. Въ нашей природѣ непосредственно нравственнымъ является лишь любовь, которая одна только и

стремится дать перевѣсъ общественному чувству надъ личнымъ. Если-же любовь не можетъ господствовать, на какомъ основаніи сталъ бы царствовать разумъ?

Всякое практическое первенство принадлежитъ дѣятельности. Такимъ образомъ, роль разсудка, еще болѣе чѣмъ чувства, сводится къ видоизмѣненію реальной жизни. Вотъ почему философскій элементъ устраняется отъ участія во власти управляющей, по крайней мѣрѣ, настолько же, насколько и женскій элементъ. Въ тщетной борьбѣ за господство уму всегда удается только видоизмѣнять. Невозможность главенствовать становится даже косвеннымъ источникомъ его нравственности, которая развратилась бы если бы осуществилось его господство. Онъ можетъ значительно улучшать естественный порядокъ, но при условіи всегда относиться къ нему съ уваженіемъ. Благодаря своей способности къ систематизаціи, онъ связываетъ между собою всѣ социальныя элементы, которымъ свойственно благотворно видоизмѣнять матеріальное преобладаніе. Такимъ образомъ, женское вліяніе, какъ средніе вѣка это показали, является необходимымъ союзникомъ для всякой духовной власти.

Естественная же солидарность этого вліянія съ народнымъ элементомъ будетъ охарактеризована въ концѣ этого соціологическаго анализа моральнаго могущества.

Умѣряющая сила, будучи сначала чисто аффективной, становится затѣмъ рациональной, когда къ ней присоединяется разумъ. Чтобы стать активной, ей остается только соединиться съ естественно тяготеющей къ ней пролетарской массой. А это неизбежное дополненіе обусловлено тѣмъ, что народъ, хотя и образуетъ необходимое основаніе практической власти, такъ же, какъ и два другихъ элемента, не участвуетъ въ управленіи государствомъ.

Сила, въ собственномъ смыслѣ слова,—та сила, которая управляетъ дѣйствіями, но не регулируетъ волю, вытекаетъ изъ двухъ весьма различныхъ источниковъ: массы и богатства. Хотя первый считается болѣе матеріальнымъ, чѣмъ второй, на самомъ дѣлѣ онъ вноситъ больше нравственнаго элемента, такъ какъ, вытекая изъ участія многихъ, онъ предполагаетъ извѣстную солидарность чувствъ и мыслей, менѣе совмѣстимую съ преобладаніемъ эгоизма, чѣмъ непосредственная власть богатства. Но даже съ этой стороны его вліяніе слишкомъ косвенно и слишкомъ непостоянно, чтобы онъ могъ всегда первенствовать. Этотъ элементъ устраняется отъ участія въ государственномъ управленіи и сводится къ моральному вліянію силою матеріальной необходимости, создающей такое же социальное положеніе для женщинъ и для философовъ.

Основное преобладаніе физическихъ потребностей обуславливаетъ непосредственное вліяніе богатства, поскольку оно доставляетъ средства для ихъ удовольствія. Ибо богатые суть естественные хранители матеріаловъ, вырабатываемыхъ каждымъ поколѣніемъ для облегченія существованія и подготовленія работы слѣдующаго поколѣнія. Такимъ образомъ, въ рукахъ каждаго богача сама собою сосредоточивается практическая власть, которую масса можетъ превозмочь только въ исключительныхъ случаяхъ. Эта необходимость обнаруживается даже среди воинственныхъ народовъ, гдѣ численное вліяніе, хотя болѣе прямое, имѣетъ преобладающее значеніе только относительно способа пріобрѣтенія. Но промышленное состояніе, при которомъ насилие перестаетъ быть обычнымъ источникомъ богатства, дѣлаетъ особенно ощутительнымъ этотъ социальный законъ.

Отнюдь не уменьшаясь подъ давленіемъ успѣховъ просвѣщенія, его естественное вліяніе по необходимости увеличивается по мѣрѣ того, какъ постоянное возрастаніе капиталовъ увеличиваетъ средства, позволяющія существовать лицамъ, не обладающимъ никакимъ имуществомъ. Именно въ этомъ смыслѣ останется всегда истиннымъ безнравственное положеніе древности: *Paucis nascitur humanum genus*.

Итакъ, лишенная политической силы, пролетарская масса становится у современныхъ народовъ все болѣе и болѣе необходимымъ элементомъ моральной силы, какъ это было разъяснено въ третьей части настоящаго «Обзора». Этика этой массы, еще болѣе косвенная, чѣмъ этика философскаго элемента, еще болѣе подчинена практическимъ соображеніямъ. Когда управленіе государствомъ случайно оказывается въ рукахъ народной массы, тогда богатство, благодаря своей способности умѣрять власть, становящуюся уже насильственной, приобретаетъ, вопреки своей природѣ, нѣкоторый нравственный характеръ.

Выше мы признали, что главные качества сердца я ума, свойственныя современнымъ пролетаріямъ, вытекаютъ преимущественно изъ ихъ соціального положенія. Они значительно измѣнились бы къ худшему, если бы практическій авторитетъ, присущій богатству, перешелъ навсегда къ массѣ.

ГЛАВА V.

Комбинированное дѣйствіе женщинъ, философовъ и пролетаріевъ составляетъ моральную силу.

Такова вкратцѣ позитивная теорія моральной силы, призванной умѣрять самопроизвольное царство матеріальной силы путемъ необходимаго совмѣстнаго дѣйствія трехъ соціальныхъ элементовъ, не принимающихъ участія въ государственномъ управленіи, въ собственномъ смыслѣ слова. Это основное сочетаніе составляетъ наше главное средство для рѣшенія, насколько это возможно, великой человѣческой проблемы, именно, для установленія постоянного преобладанія общественной жизни надъ личной.

Каждый изъ трехъ естественныхъ элементовъ умѣряющей власти сообщаетъ ей необходимыя качества. При отсутствіи перваго ей не доставало бы чистоты и самобытности; при отсутствіи втораго—постоянства и мудрости, при отсутствіи третьяго—энергіи и дѣятельности.

Хотя философскій элементъ не является ни наиболѣе прямымъ, ни наиболѣе дѣйствительнымъ, тѣмъ не менѣе, именно онъ представляетъ эту силу, потому что только онъ систематизируетъ ея организацію и разъясняетъ способы ея осуществленія, сообразно истиннымъ законамъ соціальнаго существованія. И именпо какъ систематическому носителю умѣряющей силы, духовная сила дала ему свое собственное имя. Но подобное наименованіе можетъ породить ложную идею о природѣ силы гораздо

болѣе моральной, чѣмъ интеллектуальной. Уважая драгоцѣнную историческую традицію, позитивизмъ, однако, исправить этотъ обычай, установившійся во времена, чуждыя всякой соціальной теоріи, и въ эпоху, когда разумъ считался центромъ человѣческаго единства. Поэтому въ позитивномъ строѣ женщины составляютъ домашній источникъ умѣряющей власти, систематическимъ органомъ, которой становятся философы, а политической гарантіей—пролетаріи. Хотя учрежденіе этого основнаго сочетанія принадлежитъ раціональному элементу, не слѣдуетъ никогда забывать, что его собственное участіе менѣе непосредственно, чѣмъ участіе элемента аффективнаго, и менѣе значительно, чѣмъ таковое активнаго элемента. Его соціальное вліяніе возможно лишь при условіи, когда онъ опирается на женское чувство и на народную энергію.

Такимъ образомъ, необходимость приобщить теперь женщинъ къ великому преобразовательному движенію не только не создаетъ никакой помѣхи для философій, должившейся имъ руководить, но, напротивъ, доставляетъ ей могущественное средство, обнаруживая истинную организацію моральной силы, призванной регулировать осуществленіе всякой другой человѣческой власти. Это явится первымъ шагомъ къ нормальному будущему, поскольку это позволяетъ нынѣшнее переходное состояніе, такъ какъ преобразовательный импульсъ вытекаетъ изъ того же основнаго совмѣстнаго дѣйствія, которое, будучи лучше развито и болѣе упорядочено, явится затѣмъ главной характерной чертой конечнаго режима. Такъ что это окончательное состояніе человѣчества оказывается вполне согласнымъ съ нашей собственной природой, въ которой чувство, разумъ и дѣятельность, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и всѣ вмѣстѣ, точно соотвѣтствуютъ тремъ необходимымъ элементамъ преобразовательнаго союза: женскому, философскому и народному.

Всѣ соціальныя эпохи позволяютъ, болѣе или менѣе ясно, проверить эту теорію, три стороны которой опредѣляются всегда одной и той же основной необходимостью, относящейся къ биологическому закону, по которому животныя функціи подчинены въ организмѣ функціямъ питанія. Но въ соціологіи особенно примѣнимъ указанный во второй части этого «Обзора» общій принципъ (прогрессъ есть развитіе порядка), позволяющій связывать каждое динамическое умозрѣніе съ соотвѣтственнымъ статическимъ понятіемъ. Ибо человѣческая эволюція всегда увеличиваетъ умѣряющее вліяніе моральной силы, либо путемъ особаго развитія ея трехъ элементовъ, либо укрѣпляя ихъ совмѣстное дѣйствіе. Прекрасное историческое наблюденіе Робертсона надъ постепеннымъ улучшеніемъ судьбы женщинъ является только частнымъ случаемъ этого соціологическаго закона. Всѣ эти успѣхи имѣютъ общимъ началомъ биологическій законъ, по которому преобладаніе растительной жизни надъ животной уменьшается по мѣрѣ того, какъ организмъ растетъ и развивается.

Въ различныхъ формахъ древняго политеистическаго строя умѣряющая сила сводилась всегда къ домашнему вліянію женскаго элемента безъ всякой общественной помощи со стороны интеллектуальной силы, которая была еще неизмѣнно связана съ матеріальнымъ могуществомъ, сперва какъ источникъ его, затѣмъ какъ его орудіе. Въ средніе вѣка западный католицизмъ сдѣлалъ первую попытку привести къ систему моральную силу, подчинивъ практической порядокъ независимому духовному авторитету, обыкновенно опиравшемуся на помощь женщинъ.

Я указаль уже въ третьей части настоящаго произведенія, что одна только современная эволюція позволила дополнить организацію умѣряющей силы включеніемъ въ ея составъ наиболѣе энергичнаго ея элемента, такъ какъ только теперь началось организованное выступленіе на соціальной аренѣ нашихъ пролетаріевъ. Моральная сила, носившая сначала чисто аффективный характеръ и ставшая затѣмъ рачіональной, можетъ нынѣ стать активной, не теряя своего основного характера, ибо она по-прежнему слагается изъ вліяній, лежащихъ внѣ политическаго порядка въ собственномъ смыслѣ слова. Всѣ эти силы убѣждаютъ, совѣтуютъ, судятъ, но, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, ни одна изъ нихъ никогда не повелѣваетъ. Поэтому соціальная миссія позитивизма состоитъ, главнымъ образомъ, въ систематизаціи самопроизвольнаго сочетанія трехъ необходимыхъ элементовъ, развивая специальное назначеніе каждаго изъ нихъ.

Вопреки нынѣшнимъ предубѣжденіямъ, новая философія въ состояніи выполнить всѣ условія этого необходимаго общественнаго служенія. Эта способность позитивизма достаточно установлена въ предыдущихъ частяхъ этого «Обзора» относительно элемента философскаго и элемента народнаго, какъ изолированныхъ, такъ и соединенныхъ между собою. Мнѣ остается охарактеризовать ее здѣсь прямо касательно женскаго элемента.

Это разъясненіе само собою вытекаетъ изъ аффективнаго принципа, поставленнаго въ началѣ настоящей книги, какъ всеобщее основаніе позитивизма. Основывая всю здравую философію на систематическомъ преобладаніи сердца, тѣмъ самымъ создается почва для участія женщинъ въ новой духовной власти, въ качествѣ существенной ея части. Католическій духъ могъ видѣть въ нихъ только драгоценную вспомогательную силу, ибо ея прямой источникъ не зависѣлъ отъ ихъ содѣйствія. Позитивный же духъ оцѣниваетъ ихъ, какъ необходимый элементъ, такъ какъ въ нихъ наиболѣе естественнымъ и наиболѣе чистымъ образомъ выраженъ его основной принципъ. Помимо ихъ домашняго вліянія, позитивизмъ преимущественно ожидаетъ отъ нихъ приведенія двухъ другихъ элементовъ къ тому общему единству, отъ котораго каждый изъ послѣднихъ зачастую расположенъ уклоняться и которое первоначально создано было женщинами.

Какъ бы сильно ни дѣйствовали на истинныхъ философовъ доказательства, устанавливающія логическое и научное преобладаніе соціальной точки зрѣнія, которая приводитъ затѣмъ къ систематическому первенству сердца надъ разумомъ, это косвенное убѣжденіе не можетъ сдѣлать для нихъ излишнимъ прямое воздѣйствіе всеобщей любви. Они сами прекрасно знаютъ, какъ невелико практическое значеніе чисто интеллектуальныхъ вліяній, и потому, въ интересахъ ихъ собственной миссіи, они никогда не будутъ уклоняться отъ этой пріятной необходимости. Смѣю думать, что я это надлежащимъ образомъ понялъ, когда я писалъ 11 марта 1846 года той, которая, несмотря на ея смерть, навсегда останется моею неизмѣнной подругой¹⁾, слѣдующія слова: «Чтобы стать истиннымъ философомъ, мнѣ въ особенности недоставало страсти, одновременно глубокой и чистой, которая дала бы мнѣ возможность достаточно оцѣнить эффектную сторону челоѣчества».

¹⁾ Клотильда де Вб.

Подобныя эмоціи оказываютъ паразитическое философское воздѣйствіе, поднимал тотчасъ умъ на истинно всеобщую точку зрѣнія, куда научный путь можетъ быть проложенъ лишь посредствомъ долгой и трудной разработки, ослабляющей его первоначальный пылъ и мѣшающей ему поэтому дѣятельно изслѣдовать новыя слѣдствія установленнаго такимъ образомъ принципа.

Итакъ, непосредственный сердечный порывъ, вызываемый женскимъ вліяніемъ, не только необходимъ для социальнаго значенія философіи, которая никогда не смогла бы стать народной, если бы для ея усвоенія требовалась научная подготовка, подобная той, которая была необходима для ея первоначальнаго образованія. Постоянное женское вліяніе необходимо также для всѣхъ ея систематическихъ выразителей, дабы сдерживать ихъ естественное стремленіе къ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, выражающимся въ празднои умствованія, которыми всегда гораздо легче заниматься, чѣмъ здоровыми изслѣдованіями.

ГЛАВА VI.

Позитивизмъ и католицизмъ. Новая духовная власть будетъ превосходить старую.

Чтобы понять въ этомъ отношеніи превосходство новаго спиритуализма, было бы достаточно принять во вниманіе, что старый былъ совершенно лишень спасительнаго женскаго импульса, вслѣдствіе неизбежнаго для католической системы безбрачія духовенства. Ибо женское вліяніе могло, такимъ образомъ, сказываться только внѣ духовной корпораціи, не совершенствуя прямо ея собственныхъ членовъ, какъ ѣдая сатира Аріоста это справедливо отмѣтила. Незаконныя же связи духовенства, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ случаевъ, могли имѣть не нравственное значеніе, а скорѣе развращающее, такъ какъ вступавшія въ эти связи духовныя лица вынуждены были постоянно лицемѣрить.

Но прямое сравненіе основного характера двухъ духовныхъ направленій показываетъ еще лучше, насколько новое будетъ болѣе способно, чѣмъ старое, надлежащимъ образомъ развивать во всѣхъ классахъ моральное вліяніе женщинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, аффективный принципъ позитивизма по необходимости социаленъ, между тѣмъ какъ аналогичный принципъ католицизма могъ быть только существенно личнымъ. Каждый вѣрующій католикъ преслѣдовалъ всегда чисто индивидуальную цѣль, которая такъ завладѣвала имъ, что заглушала всякое не относившееся къ ней чувство. Правда, мудрость духовенства, достойная выразительница народнаго инстинкта, ставила исполненіе главныхъ социальныхъ обязанностей необходимымъ условіемъ личнаго спасенія. Но это косвенное побужденіе хотя и давало возможность нашимъ лучшимъ чувствамъ правильно проявляться, но значительно портило ихъ безкорыстіе и даже ихъ чистоту. Безконечное воздаяніе, обѣщанное за всѣ жертвы, не могло создать почвы для вполне безкорыстнаго чувства, ибо для

этого потребовалось бы невозможное и даже святотатственное отреченіе отъ надежды на будущее, личный характеръ котораго по необходимости оскверняетъ всякую безкорыстную преданность.

Этотъ строй мыслей породилъ недостойную моральную теорію, ставшую столь опасной въ рукахъ метафизиковъ, которые сохранили ея ложный принципъ, сведя на нѣтъ ея теологическіе коррективы. Отцѣнивая любовь къ Богу даже въ ея наиболѣе совершенной и чистой формѣ, приходится признать, что это чувство могло быть социальнымъ только косвенно, въ виду тождества цѣли, указанной такимъ образомъ всѣмъ сердцамъ. Но въ основѣ ея собственный характеръ былъ настолько эгоистиченъ, что она требовала, какъ типъ совершенства, полного пожертвованія всякой другой привязанностью. Эта тенденція очень легко замѣчается у наиболѣе выдающихся выразителей христіанскаго духа и чувства. Она въ особенности обнаруживается въ чудномъ поэтическомъ произведеніи ¹⁾ того монаха, столь же нѣжнаго, сколь и возвышеннаго, который наилучшимъ образомъ изобразилъ католическій идеалъ. Размышляя ежедневно объ этомъ произведеніи, не имѣющемъ себѣ равнаго и столь достойнаго быть украшеннымъ нашимъ великимъ Корнелемъ, я часто чувствовалъ, какъ подобный строй мыслей изуродовалъ естественное благородство сердца, которое, несмотря на всѣ помѣхи, доступно иногда наиболѣе чистому порыву. Повидимому, наши вполне безкорыстные чувства врождены намъ гораздо глубже, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, такъ какъ они не переставали развиваться, несмотря на господство въ теченіе двѣнадцати вѣковъ такого угнетающаго воспитанія.

Г Л А В А VII.

Позитивизмъ разсматриваетъ сердце и умъ, какъ два взаимно другъ другу помогающихъ элемента.

Позитивный строй мыслей, въ виду своего полного соотвѣтствованія съ нашей природой, одинъ только можетъ поощрять прямой подъемъ—одновременно частный и общественный—этого поразительнаго атрибута челоуѣчества, остававшагося до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи, за недостаткомъ надлежащаго систематическаго воспитанія. Католическое поощреніе дѣятельности сердца было въ основѣ враждебно уму, который, въ свою очередь, по необходимости старался освободиться отъ гнета чувства. Напротивъ, позитивная дисциплина естественнымъ образомъ устанавливаетъ наиболѣе полную и наиболѣе дѣятельную гармонію между чувствомъ и разсудкомъ.

Въ позитивизмѣ размышленіе стремится всегда укрѣплять чувство общественности, дѣлая привычной реальную связь cadaго со всѣми. Такъ какъ нашъ умъ

¹⁾ Подражаніе Іисусу Христу.

не можетъ сохранять впечатлѣнія, не приведенныя въ систему, то отсутствіе соціальной теоріи мѣшаетъ ему точно оцѣнить эту обычную солидарность, которая обнаруживается ему только въ исключительныхъ случаяхъ. Но позитивное образованіе, въ которомъ всегда господствуетъ соціальная точка зрѣнія, естественнымъ образомъ сдѣлаетъ такую оцѣнку чрезвычайно легкой, потому что всякая форма нашего реального существованія, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго, постоянно связывается съ этими явленіями.

Только теологическое или метафизическое неясное міросозерцаніе можетъ давать и принимать безполезныя разъясненія, въ которыхъ человѣку часто приписывается то, что въ дѣйствительности относится къ человѣчеству. Когда здравая теорія позволить ясно увидѣть то, что въ дѣйствительности есть, каждому останется только присматриваться къ своей собственной физической, интеллектуальной или моральной жизни, для того, чтобы всегда понимать свои обязанности относительно всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ. Тотъ, кто сталъ бы себя считать независимымъ отъ другихъ въ своихъ чувствахъ, мысляхъ или поступкахъ, не могъ бы даже выразить подобнаго богохульства, не впадая тотчасъ же въ прямое противорѣчіе, такъ какъ его рѣчь не ему принадлежитъ. Величайшій умъ не въ состояніи самостоятельно создать простѣйшій языкъ, ибо послѣдній всегда требуетъ народнаго сотрудничества многихъ поколѣній.

Послѣ всего сказаннаго, я думаю, было бы излишне болѣе останавливаться на характеристикѣ очевиднаго стремленія истиннаго позитивнаго духа систематически развивать чувство общности, постоянно напоминая намъ, что одно только цѣлое реально, такъ какъ части могутъ имѣть лишь абстрактное существованіе.

Помимо этого неизмѣннаго благотворнаго воздѣйствія ума на сердце, окончательное состояніе Человѣчества должно доставить нашимъ наилучшимъ чувствамъ болѣе чистыя, болѣе прямыя и болѣе активныя средства для развитія, чѣмъ какое-либо изъ предшествовавшихъ режимовъ. Именно такимъ образомъ благожелательныя чувства могутъ, наконецъ, освободиться отъ всякаго личнаго разсчета. Они будутъ стремиться первенствовать,—поскольку это позволяетъ наша несовершенная природа,—такъ какъ они болѣе способны удовлетворить насъ и болѣе доступны развитію, чѣмъ всѣ другія. Сердца, чуждыя теологическихъ страховъ и надеждъ, одни только могутъ вполне вкусить истинное человѣческое счастье, чистую и безкорыстную любовь, въ чемъ дѣйствительно и заключается высшее благо, которое напрасно искали различныя старыя философіи. Его естественное преимущество достаточно характеризуется неподобнымъ наблюденіемъ, которое можетъ подтвердить всякая чувствительная душа: любить еще лучше чѣмъ быть любимымъ.

Хотя эта мысль можетъ въ настоящее время показаться экзальтированной, она, однако, прямо соотвѣтствуетъ истинной природѣ нашей души, всегда болѣе переживающей въ активномъ состояніи, чѣмъ въ пассивномъ. Счастье быть любимымъ никогда не можетъ быть избавлено отъ эгоистическаго элемента: какъ можемъ мы не гордиться привязанностью человѣка, котораго мы предпочитаемъ всѣмъ другимъ? Если же любя мы бываемъ лучше удовлетворены, то это показываетъ естественное превосходство вполне безкорыстныхъ привязанностей. Нашъ основной недостатокъ заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что эти послѣднія врождены

намъ значительно слабѣе эгоистическихъ наклонностей, необходимыхъ для нашего сохраненія. Но коль скоро онѣ возбуждены, хотя бы даже по мотивамъ, имѣющимъ первоначально личный характеръ, онѣ стремятся развиваться, въ силу присущей имъ пріятности. Сверхъ того, окружающіе насъ люди создаютъ для нихъ благоприятную почву, между тѣмъ какъ они по необходимости подавляютъ наши эгоистическія побужденія.

Отсюда понятно какимъ образомъ позитивная философія, безъ всякаго напряженія, сможетъ систематизировать эти естественныя стремленія, дабы сообщить нашимъ симпатическимъ инстинктамъ такую постоянную дѣятельность, какой они до сихъ поръ не могли проявлять. Какъ только наше сердце избавится отъ гнета теологовъ и отъ сухости метафизиковъ, оно легко пойметъ, что реальное благополучіе, какъ частное, такъ и общественное, состоитъ, главнымъ образомъ, въ возможно большемъ развитіи чувства общности и въ удовлетвореніи личныхъ желаній лишь постольку, поскольку это необходимо въ виду нашихъ неизбежныхъ слабостей. Такимъ-то путемъ позитивизмъ оказывается пригоднымъ для всѣхъ существъ и для всѣхъ состояній. Въ незначительнѣйшихъ, какъ и въ важнѣйшихъ отношеніяхъ, образованное человѣчество будетъ вскорѣ проводить на практикѣ это очевидное правило: давать лучше, чѣмъ получать.

Это постоянное возбужденіе сердца, въ свою очередь, окажетъ на умъ благотворное вліяніе, которое будетъ спеціально исходить отъ женщинъ. Я уже объ этомъ достаточно говорилъ и могу здѣсь не вдаваться въ подробныя объясненія; скажу только, что лишь изъ чувства я почерпнулъ истинный принципъ всякой позитивной систематизаціи, даже систематизаціи мысли. Единственное замѣчаніе, которое я долженъ теперь добавить къ предыдущимъ основнымъ соображеніямъ, касается поразительной способности этого направленія легко преодолевать величайшія философскія затрудненія. Взывая къ сердцу, можно немедленно внушить уму научный образъ мыслей, пригодность котораго онъ долго отрицалъ бы, если бы онъ открылъ его только путемъ разсужденія. Попробуйте, напримѣръ, доказать чистому геометру, хотя бы выдающемуся и добросовѣстному, логическое и научное превосходство социальныхъ умовѣній надъ всѣми другими реальными размышленіями, — и вамъ удастся его убѣдить въ этомъ лишь послѣ долгихъ усилій, когда онъ, такъ сказать, исчерпаетъ всѣ свои индуктивные и дедуктивные аргументы. Напротивъ, чувство прямо подскажетъ пролетарію или женщинѣ, не получившимъ никакого образованія, истинность этого великаго энциклопедическаго принципа, который они тотчасъ и будутъ примѣнять въ различныхъ практическихъ случаяхъ. И только такимъ путемъ высокія социальныя понятія могутъ дѣйствительно стать преобладающими и именно такимъ образомъ можно заставить всѣхъ пріобрѣтать познанія, необходимыя для ихъ социальнаго значенія.

Симпатическій инстинктъ еще болѣе способенъ дѣятельно вызывать социальныя чувства, чѣмъ подвергаться ихъ справедливому вліянію. Поэтому, когда позитивное образованіе станетъ господствующимъ, наличность моральныхъ условій будетъ зачастую считаться гарантіей настоящей интеллектуальной способности. Революціонная мудрость Конвента какъ-будто предчувствовала возможность подобной солидарности, осмѣливаясь иногда ставить ресубликанскія чувства выше научныхъ заслугъ. Хотя

на практикѣ подобное направленіе вскорѣ теряетъ реальную почву и, покуда всеобщая мораль не систематизирована, становится даже вреднымъ, тѣмъ не менѣе упрекъ въ ретроградности болѣе заслуживаетъ нынѣшній обычай, который не оставляетъ мѣста сердцу въ профессиональных гарантіяхъ, единственно опредѣляемыхъ теперь умомъ. Но эти заблужденія исторически объясняются угнетающимъ характеромъ тѣхъ вѣрованій, которыя одни только могли до сихъ поръ непосредственно руководить воспитаніемъ чувства.

Роковая вражда, продолжающаяся съ конца среднихъ вѣковъ между умомъ и сердцемъ, можетъ прекратиться только при возобладаніи позитивнаго духа; никакой другой способъ мышленія не въ состояніи надлежащимъ образомъ подчинить разумъ чувству, не вредя въ то же время собственному развитію каждаго изъ нихъ, какъ я это установилъ въ началѣ настоящаго «Обзора». Нынѣшнее первенство ума приводитъ только къ беспорядку. Онъ можетъ стать дѣйствительно органическимъ лишь тогда, когда отречется отъ своего главенства въ пользу сердца. Но это отреченіе можетъ быть дѣйствительнымъ только при условіи, что оно совершится вполнѣ свободно. А такой результатъ можетъ дать только позитивизмъ, ибо онъ основывается на томъ же принципѣ, на который разумокъ опирается въ своихъ притязаніяхъ, именно на реальномъ доказательствѣ, отъ котораго духъ не можетъ отказаться, не признавъ себя единичнымъ. Всякое другое теологическое или метафизическое средство по необходимости увеличило бы зло, немедленно вызывая разумокъ на новый бунтъ противъ чувства.

Г Л А В А VIII.

Тяготѣніе женщины къ позитивизму.

Женщины, будучи лучшими чѣмъ мы судьями въ оцѣнкѣ морали, поймутъ, что аффективное превосходство позитивизма надъ всѣми другими философіями, еще опредѣленнѣе, чѣмъ его отнынѣ бесспорныя умозрительныя преимущества. Онѣ быстро придутъ къ этому заключенію, когда онѣ перестанутъ смѣшивать новую философію съ ея научнымъ введеніемъ.

Хотя ихъ умъ еще менѣе нашего способенъ къ слишкомъ общимъ индукціямъ и къ весьма удлинненнымъ дедукціямъ, однимъ словомъ, ко всѣмъ усилямъ абстрактнаго мышленія, онѣ, однако, обыкновенно лучше склонены понимать сочетаніе реальности съ полезностью, характеризующее позитивность. Въ этомъ отношеніи онѣ стоятъ выше пролетаріевъ, имѣя къ тому же то общее преимущество, что онѣ чужды нашему современному бессмысленному образованію. Онѣ еще болѣе чѣмъ народъ находятся въ нормальномъ состояніи, чрезвычайно благоприятномъ для самопроизвольнаго и правильнаго развитія созерцательной жизни, вслѣдствіе ихъ обычной отчужденности отъ практической дѣятельности. Такимъ образомъ, ихъ умъ естественнымъ образомъ оказывается расположеннымъ къ здоровой философіи, требующей без-

корыстнаго и равнодушнаго вниманія. Ихъ умственное родство съ истинными философами, въ сущности, гораздо тѣснѣе, чѣмъ близость послѣднихъ съ учеными въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ онѣ одобряютъ не только позитивность, но и общность, ученые же цѣнятъ только грубую позитивность. Поразительная рациональная формула Мольера, которую я выше примѣнилъ къ пролетаріямъ, была назначена авторомъ, именно, для женщинъ. Поэтому-то уже первая систематическая разработка новой философіи, начавшаяся благодаря могущественному вліянію Декарта, приковала къ себѣ женскій умъ. Это основное тяготѣніе ярко обнаружилось, когда позитивный синтезъ не могъ еще позволить себѣ высокія соціальныя и моральныя умозрѣнія. Возможно-ли, чтобы оно не продолжало развиваться еще болѣе, когда позитивизмъ, достигшій, наконецъ, полноты, поставилъ себѣ главной задачей то, что можетъ служить наиболѣе достойнымъ предметомъ размысленія для обоехъ половъ?

Итакъ, новая философія можетъ считать какъ женскій умъ, такъ и народный разсудокъ своими естественными вспомогательными элементами, безъ которыхъ она никогда не смогла бы преодолѣть глубокія предубѣжденія нашихъ образованныхъ классовъ, въ особенности во Франціи, гдѣ, однако, должно совершиться ея окончательное развитие.

ГЛАВА IX.

Католицизмъ очистилъ любовь въ ущербъ нѣжности.

Нужно замѣтить, что необходимая помощь женщинъ будетъ зависѣть болѣе отъ моральныхъ симпатій, чѣмъ отъ интеллектуальнаго тяготѣнія, какъ только женщины непосредственно оцѣнятъ позитивизмъ и убѣдятся въ его аффективномъ превосходствѣ надъ средневѣковымъ католицизмомъ. Сердце тотчасъ направитъ ихъ къ единственной философіи, которая надлежащимъ образомъ систематизируетъ всеобщее преобладаніе чувства. Никакой строй мыслей не покажется имъ болѣе привлекательнымъ, чѣмъ тотъ, который представляетъ ихъ какъ естественное олицетвореніе истинно-основного принципа человѣческаго единства, поставленнаго, такимъ образомъ, подъ ихъ особое попеченіе. Если онѣ теперь какъ-будто сожалѣютъ о прошломъ, то это исключительно потому, что онѣ нигдѣ не находятъ справедливаго удовлетворенія своимъ драгоценнымъ соціальнымъ инстинктамъ.

Общій характеръ католическаго режима, въ сущности, еще менѣе соотвѣтствуетъ женскому чувству, чѣмъ мужскому разсудку, ибо онъ оскорбляетъ преобладающее свойство женскаго сердца. Въ минимѣ моральномъ совершенствѣ христіанства всегда смѣшивали нѣжность съ непорочностью. Правда, любовь не можетъ быть глубокой, если она не чиста. Но, именно, въ этомъ единственномъ отношеніи католическій строй благоприятствовалъ развитію истинной страсти, между тѣмъ какъ политеизмъ, главнымъ образомъ, поощрялъ чувственныя желанія. Христіанство,

кромѣ того, неопровержимо доказало, что нравственная чистота, даже доведенная до фанатизма, можетъ существовать безъ всякой нѣжности. Таково теперь главное значеніе католицизма для женщины, съ тѣхъ поръ какъ рыцарскій духъ не смягчаетъ болѣе христіанской суровости.

Политеистическій режимъ, въ сущности, болѣе благопріятствовалъ нѣжности, хотя она здѣсь не отличалась чистотой. Католическая систематизація чувствъ имѣла центромъ совершенно эгоистическую привязанность, которая въ особенности оскорбляла лучшія наклонности женскаго сердца. Помимо того, что любовь къ Богу толкала каждого къ монашескому уединенію, ея преобладаніе прямо препятствовала взаимной нѣжности. Вынужденный любить свою даму черезъ посредство своего Бога, рыцарь не могъ, безъ святотатственнаго противорѣчія, слѣдовать лучшимъ внушеніямъ своего сердца, всегда подавляемымъ подобнымъ посредничествомъ.

Итакъ, будучи отнюдь не заинтересованы въ увѣковѣченіи стараго режима, женщины вскорѣ почувствуютъ особое побужденіе содѣйствовать его безвозвратному упраздненію, во имя главныхъ свойственныхъ имъ чувствъ. Это неизбежное стремленіе обнаружится, когда моральныя условія, естественнымъ образомъ, отданныя на ихъ справедливое попеченіе, не будутъ болѣе оскверняться чисто матеріальнымъ социализмомъ. Позитивизмъ-же въ полной мѣрѣ доставляетъ ихъ сердцу, еще лучше чѣмъ ихъ уму, эту необходимую гарантію. Глубоко зная нашу истинную природу, онъ одинъ только можетъ надлежащимъ образомъ сочетать наивную нѣжность политеизма съ драгоценной непорочностью католицизма, не опасаясь различныхъ софистическихъ смутныхъ представленій, которыми отличается современная апархія. Подчиняя другъ другу эти два основныхъ качества женскаго сердца, позитивизмъ, не колеблясь, поставитъ нѣжность выше непорочности, какъ ближе стоящую къ общей цѣли человѣческаго совершенствованія, т.-е. къ преобладанію социальнаго чувства надъ личнымъ. Женщина, лишенная нѣжности — еще болѣе уродливое социальное явленіе, чѣмъ мужчина, лишенный мужества. Сверхъ того, значительныя умственные способности и даже избытокъ энергіи у женщины могли бы принести ей и окружающимъ ее только вредъ или, по крайней мѣрѣ, если эти способности не будутъ заглушены богословской дисциплиной. Ея характеръ внушалъ бы ей лишь возмущеніе противъ всякой реальной власти, и ея умъ занимался бы только придумываніемъ разрушительныхъ софизмовъ, какъ въ нашемъ анархическомъ состояніи это зачастую обнаруживается.

ГЛАВА X.

Вліяніе женщинъ на пролетаріевъ и философовъ.

Итакъ, согласно изложенной выше теоріи, позитивизмъ даетъ женщинамъ благородное социальное назначеніе, одновременно общественное и частное, вполнѣ соответствующее ихъ истинной природѣ. Не оставляя семьи, онѣ должны своеобразно

участвовать въ умѣряющей власти вмѣстѣ съ пролетаріями и философами, отказываясь, еще рѣшительнѣе чѣмъ они, отъ всякой руководящей роли даже въ домашнемъ быту. Онѣ, однимъ словомъ, являются естественными жрицами Человѣчества, какъ объ этомъ подробнѣе будетъ указано въ концѣ этого «Обзора». Ихъ функции состоятъ, главнымъ образомъ, въ непосредственномъ культивированіи аффективного начала человѣческаго единства, наиболѣе чистое олицетвореніе котораго онѣ собою представляютъ.

На этомъ поприщѣ онѣ должны оказать общественное вліяніе на всѣ классы, создавая всегда почву для преобладанія чувства надъ разсудкомъ и надъ дѣятельностью. Я уже достаточно указалъ, какимъ образомъ онѣ воздѣйствуютъ на философовъ, которые, —если только не захотятъ быть недостойными своей миссіи,—почувствуютъ личную потребность все чаще подкрѣплять свою душу у этого самопроизвольнаго источника истинной общественности, дабы лучше бороться съ присущими имъ сухостью и разглагольствованіемъ.

Чувство, когда оно чисто и глубоко, само исправляетъ свои естественныя злоупотребленія, ибо они по необходимости вредятъ неизмѣнно преслѣдуемому имъ благу. Напротивъ, заблужденія разума и неправильные поступки могутъ быть указаны и, въ особенности, исправлены только любовью, которая одна только непосредственно отъ нихъ страдаетъ. Отсюда вытекаетъ естественная и непрестанная обязанность женскаго элемента мягко предостерегать два другихъ элемента умѣряющей власти, дабы привести ихъ къ основному принципу, находящемуся подъ специальной охраной женщинъ, исправляя у каждаго изъ нихъ свойственные ему недостатки.

Что касается пролетаріевъ, то это женское вліяніе, главнымъ образомъ, назначено для борьбы съ ихъ природнымъ стремленіемъ злоупотреблять присущей имъ энергіей, дабы получить путемъ насилія то, чего они должны были бы добиваться путемъ свободнаго соглашенія. Не взирая на трудности подобной миссіи, женщины здѣсь встрѣтятъ менѣе препятствій, чѣмъ имъ предстоитъ при исправленіи у философовъ злоупотребленіе разсужденіемъ. До сихъ поръ было мало примѣровъ, чтобы философы подъ женскимъ вліяніемъ отказались аргументировать, когда нужно чувствовать. Напротивъ, хотя женское вліяніе еще нисколько не систематизировано, оно часто исправляетъ у народа злоупотребленіе энергіей. Это различіе, безъ сомнѣнія, обусловлено отсутствіемъ въ настоящее время истинныхъ философовъ, ибо таковыми нельзя назвать жалкихъ софистовъ, риторовъ, психологовъ или идеологовъ, неспособныхъ ни на какое реальное размышленіе. Но, кромѣ того, оно въ особенности зависитъ отъ преобладающихъ чертъ характера каждаго класса. Высокомеріе педантовъ всегда будетъ менѣе успѣшно исправляться женскимъ вліяніемъ, чѣмъ народное насиліе; ибо пролетарій сильнѣе философа проникнуть аффективнымъ началомъ, прямое обращеніе къ которому составляетъ единственное оружіе женщинъ. Садизмъ представляетъ имъ гораздо больше препятствій, чѣмъ страсть. Женское вліяніе, надлежащимъ образомъ комбинируемое съ народнымъ инстинктомъ, дѣйствительно составляетъ нашу главную гарантію противъ громаднхъ социальныхъ волненій, которыя, кажется, должно вызвать нынѣшнее анархическое состояніе умовъ. Хотя разумъ и не въ состояніи исправить пагубные софизмы, сердце умѣетъ

насъ предохранять отъ обусловливаемыхъ ими безпорядковъ. Поразительная непоследовательность, съ которой я выше поздравилъ нашихъ коммунистовъ, служить въ этомъ отношеніи рѣшительнымъ доказательствомъ.

Такимъ образомъ, среди теологическихъ заблужденій, невольно стремящихся разрушить или парализовать общество, многіе пролетаріи постоянно выказываютъ нѣжное благоговѣніе къ женщинамъ, не наблюдаемое въ той же степени ни у одного изъ современныхъ классовъ. Важно остановиться на этихъ радостныхъ примѣрахъ, не только для того, чтобы отдать справедливость мало цѣнимой половинѣ рода человѣческаго, но, въ особенности, дабы, въ виду этихъ спонтанныхъ проявленій анархическаго состоянія, уразумѣть важныя моральныя средства, которыя намъ обѣщаютъ нормальное будущее. Наставленія педантовъ, конечно, не имѣли никакого вліянія на этотъ драгоценный результатъ; напротивъ, они скорѣе мѣшаютъ его осуществленію, укрѣпляя своими бессмысленными опроверженіями тѣ самыя заблужденія, на которыя они же нападаютъ. Мы этимъ всецѣло обязаны народному чувству, надлежащимъ образомъ возбужденному естественнымъ вліяніемъ женщинъ. Протестантскіе народы, у которыхъ это вліяніе менѣе сильно, теперь болѣе страдаютъ практически отъ метафизическаго коммунизма. Женщинамъ же мы въ особенности обязаны тѣмъ, что организація человѣческой семьи испытываетъ теперь незначительные удары, несмотря на глубоко ретроградный республиканизмъ, выдвигающій практиковавшееся у нѣкоторыхъ древнихъ народностей полное поглощеніе семьи отечествомъ, какъ типъ новѣйшей общественности.

Это благотворное стремленіе къ практическому исправленію всѣхъ моральныхъ заблужденій до того присуще женщинамъ, что оно распространяется даже на систематическіе соблазны, которые мужчины, по своей грубости, считаютъ непреодолимыми. Губительныя слѣдствія развода вотъ уже три вѣка ослаблены въ протестантской Германіи, благодаря инстинктивному отвращенію, питаемому къ этому институту женщинами. Такимъ же образомъ сдерживаются теперь еще болѣе чувствительныя пораженія, грозящія основному институту брака и подготовляемые метафизическимъ направленіемъ, получившимъ, благодаря нашей анархіи, возможность обновить свои старыя заблужденія. Ни одно изъ послѣднихъ не могло имѣть серьезнаго успѣха среди женщинъ, хотя всѣ они кажутся чрезвычайно способными ихъ соблазнить. Видя ихъ безсиліе опровергнуть подобные софизмы, которые одна только истинная социальная наука можетъ разрѣшить, наши проповѣдники анархизма поспѣшно заключаютъ, что женскій рассудокъ здѣсь будетъ побѣжденъ. Но, къ счастью, женщины, какъ и пролетаріи, судятъ въ этомъ случаѣ только по внушенію чувства, которое ведетъ ихъ гораздо лучше, чѣмъ умъ, лишенный теперь всякаго принципа, способнаго предупредить или исправить его серьезныя заблужденія.

Послѣ сказаннаго было бы излишне долѣе останавливаться на характеристикѣ естественной способности женщинъ исправлять всюду моральныя недостатки, присущіе каждому изъ социальныхъ элементовъ. Если это драгоценное вліяніе уже чрезвычайно дѣйствительно, будучи только слѣдствіемъ самопроизвольнаго побужденія сердца, то оно должно пріобрѣсти гораздо больше постоянства и даже расширенія при систематической помощи реальной философіи, которая отброситъ всѣ софизмы и разсѣетъ всѣ несообразности, отъ которыхъ чистый инстинктъ не можетъ насъ достаточно предохранить.

Такимъ образомъ, вліяніе женщинъ на общественную жизнь не должно быть исключительно пассивнымъ и выражаться только въ необходимомъ одобреніи истиннаго общественного мнѣнія, формулируемаго философами и провозглашаемаго пролетаріями. Помимо этого постоянного индивидуальнаго или коллективнаго участія, онѣ должны также оказывать активное моральное вліяніе, дабы напоминать всюду основной принципъ, первоначальнымъ источникомъ котораго онѣ явились и наилучшими органами котораго онѣ естественно всегда будутъ. Но, чтобы закончить характеристику этой двоякой общественной функціи, важно отмѣтить ее естественную согласованность съ необходимымъ условіемъ, предписывающимъ женщинамъ дѣйствовать, главнымъ образомъ, въ кругу домашней жизни.

ГЛАВА XI.

Салонъ позволяетъ женщинѣ оказывать соціальное вліяніе.

Западно-европейская цивилизація уже давно нашла естественный исходъ изъ этого кажущагося противорѣчія, которое древніе должны были считать неразрѣшимымъ и которое на дѣлѣ всюду еще существуетъ. Когда средневѣковые нравы обезпечили женщинамъ справедливую внутреннюю свободу, на Западѣ искорѣ появились благотворные добровольные союзы, гдѣ общественная жизнь тѣсно смѣшивалась съ частной подъ руководствомъ женщины. Развившіяся, главнымъ образомъ, во Франціи въ теченіе долгаго переходнаго состоянія, эти періодическія лабораторіи, въ которыхъ само-собою вырабатывалось мнѣніе, кажутся теперь отжившими или выродившимися, благодаря нашей умственной и нравственной анархіи, не позволяющей никакого свободнаго обмѣна чувствъ и мыслей. Но такой соціальный обычай, который въ свое время столь сильно благопріятствовалъ философскому движенію, породившему великій современный кризисъ, не можетъ исчезнуть въ средѣ, гдѣ истинная общественность стремится одержать верхъ. По мѣрѣ того, какъ новая философія будетъ объединять умы и сердца, этотъ обычай будетъ все шире и все рѣшительнѣе распространяться.

Такова естественная форма, въ которую единственно можетъ достойно влиться общественная дѣятельность женщины, являясь здѣсь преобладающей съ общаго согласія всѣхъ остальныхъ. Когда салоны будутъ такимъ образомъ преобразованы, они потеряютъ свой прежній аристократическій характеръ, ставшій отнынѣ глубоко ретрограднымъ. Позитивистскій салонъ, руководимый всегда женщиной, дополнитъ систему союзовъ трехъ общихъ элементовъ умѣряющей власти. Прежде всего, эти элементы будутъ торжественно собираться въ храмахъ Человѣчества, гдѣ, конечно, председательствовать будутъ философы; между тѣмъ какъ участіе женщинъ и пролетаріевъ должно тамъ оставаться преимущественно пассивнымъ. Въ клубахъ, гдѣ народный элементъ естественно господствуетъ, женщины и философы будутъ играть роль сочувствующихъ членовъ, но безъ права рѣшающаго голоса. Наконецъ, жен-

скіе салоны разовѣютъ болѣе дѣятельную и болѣе тѣсную интимность между тремя умѣряющими силами, которыя радушно подчинятся руководящему вліянію, соотвѣствующему этимъ собраніямъ. Именно здѣсь женщины ваставятъ подчиниться своей мягкой моральной дисциплинѣ, чтобы подавить въ зачаточномъ состояніи всѣ порочныя или злыя побужденія. Косвенный, но благожелательный и сердечный совѣтъ можетъ часто заставитьъ философа сойти съ ложнаго пути, указаннаго ему честолюбіемъ или отказаться отъ горделиваго вавлужденія. Сердца пролетаріевъ здѣсь очистятся отъ зародышей насилія и зависти, подъ вліяніемъ неустанной настойчивости, святость которой они сумѣютъ оцѣнить. Благодаря искусному и правильному распредѣленію здѣсь похвалъ и порицаній, вельможи и богачи ясно поймутъ, что всѣ люди, обладающіе какимъ бы то ни было превосходствомъ, морально призваны постоянно служить людямъ не надѣленнымъ никакими преимуществами.

ГЛАВА XII.

Главная область дѣятельности женщинъ всегда будетъ семья.

Каково бы ни было реальное значеніе общественной роли женщины, отводимой ей въ окончательномъ строѣ Человѣчества, ихъ благородное социальное назначеніе преимущественно характеризуется ихъ священнымъ домашнимъ призваніемъ, этимъ естественнымъ источникомъ всякаго ихъ вліянія, въ качествѣ необходимаго перваго элемента умѣряющей власти. Никакая современная философія не можетъ надлежащимъ образомъ поддержать эту естественную основу нашей истинной общественности. Метафизика распространила на все свой развѣдающій анализъ, и ея софизмы не встрѣчаютъ рациональнаго опроверженія. Но правила домашнего быта не менѣе страдаютъ и отъ теологическаго эмпиризма, который упрямо старается подчинить ихъ губительной опеке одряхлѣвшихъ вѣрованій, которыя давно уже вредятъ всему тому, что они нѣкогда обезпечивали. Безпутныя пѣсни грубадуровъ свидѣтельствуютъ намъ, что, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, тщетные протесты духовенства были безсильны противъ тяжкихъ ударовъ, которые поверхностная критика наносила уже святости брачнаго союза. Эти протесты еще менѣе могли затѣмъ помѣшать скандальному приему, который встрѣчали всюду эти легкомысленныя прославленія семейной безнравственности, публично провозглашаемыя даже въ присутствіи королей. Такимъ образомъ, ничто не является болѣе страннымъ, чѣмъ это слѣное притязаніе теологіи сохранить за собой опеку надъ догматами семейной жизни, которые она не сумѣла предохранить отъ анархической критики и которыя въ дѣйствительности поддерживаются у современныхъ народовъ только благодаря благотворному общественному и, въ особенности, женскому инстинкту. Развѣ онѣ могли бы устоять противъ правдоподобныхъ софизмовъ, опираясь, какъ на единственную поддержку на наивный вымыселъ о физическомъ происхожденіи женщины, когда утверждавшій его авторитетъ былъ самъ развѣчанъ и лишень довѣрія?

Отнынь одна только позитивная философія можетъ обезопасить ихъ одновременно отъ метафизической распушенности и отъ теологическаго безсилія, путемъ неизмѣннаго присоединенія ихъ къ совокупности реальныхъ законовъ нашей природы, какъ личной, такъ и социальной. Эта связь будетъ догматически установлена во второмъ томѣ новаго трактата, систематическимъ введеніемъ къ которому является настоящее произведеніе. Вынужденный здѣсь ограничиться краткимъ замѣчаніемъ объ этомъ основномъ предметѣ, я надѣюсь, что оно, по крайней мѣрѣ, покажетъ рѣшительную способность позитивизма обосновать истинную нравственность.

Грубая оцѣнка, грубо сформулированная ретрограднымъ геросмъ, повидимому, признаетъ теперь за женщиной только ея животное призваніе, откуда многіе утописты готовы вывести заключеніе, что воспитаніе маленькихъ дѣтей должно быть всецѣло предоставлено отвлеченнымъ заботамъ государства. Позитивная теорія брака и семьи стремится, главнымъ образомъ, установить, что основная обязанность женщины совершенно не зависитъ отъ функціи размноженія и строить ее на наиболѣе важныхъ свойствахъ нашей природы.

Вопреки моральной важности материнства, двусмысленность слова «жена» рѣшительно свидѣтельствуетъ, что общественный инстинктъ считаетъ существеннымъ призваніемъ женщины роль жены. Помимо того, что человѣческій бракъ бываетъ часто бесплоденъ, недостойная супруга почти никогда не можетъ быть хорошей матерью. Поэтому-то позитивизмъ долженъ во всѣхъ отношеніяхъ преимущественно разсматривать женщину просто, какъ подругу мужчины, изгоняя сначала изъ своей оцѣнки ея материнскую функцію.

Г Л А В А XIII.

Жена.

Съ точки зрѣнія, указанной въ предыдущей главѣ, бракъ составляетъ наиболѣе элементарную и наиболѣе совершенную ступень истиннаго общежителства, которое ни въ какомъ другомъ случаѣ не можетъ достигнуть полнаго проявленія. Въ этомъ союзѣ, о превосходствѣ котораго свидѣлствуютъ всѣ просвѣщенные языки, наиболѣе благородная цѣль человѣческой жизни достигается со всею возможной полнотой. Позитивизмъ представляетъ наше существованіе, какъ непрерывное преслѣдованіе всеобщаго совершенствованія и выдвигаетъ на первое мѣсто моральное совершенствованіе, характеризующееся преимущественно подчиненіемъ эгоизма чувству общности. А этотъ безспорный принципъ, специально установленный во второй части настоящаго «Обзора», непосредственно приводитъ къ истинной теоріи брака, устраняя всякую неясность и всякое сомнѣніе.

Въ самомъ дѣлѣ, естественныя различія между двумя полами, счастливо дополняемыя неравенствомъ ихъ социальнаго положенія, дѣлаютъ каждый изъ нихъ необходимымъ для моральнаго совершенствованія другого. У мужчины, очевидно, преобла-

даютъ качества, приспособленныя къ активной жизни, съ неотдѣлимой отъ нея умозрительной способностью. Напротивъ, женщина преимущественно призвана къ аффективной жизни. Она выше стоитъ въ отношеніи нѣжности въ то время, какъ онъ превосходитъ ее во всѣхъ видахъ силы. Никакая близость не можетъ сравниться съ той, которая устанавливается между двумя существами, столь склонными взаимно служить другъ другу и становиться лучше подъ влияніемъ другъ друга, не имѣя при томъ почвы для обычнаго соперничества. Вполнѣ добровольный характеръ ихъ союза служить къ усиленію его привлекательности, когда выборъ сдѣланъ обѣими сторонами удачно.

Итакъ, таково, согласно позитивной теоріи, главное назначеніе брака: дополнять и укрѣплять воспитаніе сердца, развивая наиболѣе чистыя и наиболѣе живыя изъ всѣхъ человѣческихъ симпатій.

Безъ сомнѣнія, супружеское чувство вытекаетъ, въ особенности у мужчинъ, изъ полового инстинкта, который чисто эгоистиченъ и безъ котораго, однако, взаимная привязанность была бы обыкновенно недостаточно сильна. Но болѣе любящее сердце женщины, вообще, гораздо меньше нуждается въ этомъ грубомъ возбужденіи. Поэтому его высшая чистота благотворно дѣйствуетъ въ смыслѣ облагораживанія любви мужчины. Нѣжность сама по себѣ столь пріятное переживаніе, что разъ она возникла, благодаря какому бы то ни было побужденію, она уже продолжается, въ силу своей собственной прелести, и по прекращеніи первоначальнаго стимула. Тогда брачный союзъ становится наилучшимъ образцомъ истинной дружбы, которую украшаетъ неподобное взаимное обладаніе. Ибо полная дружба можетъ быть достигнута только между различными полами, такъ какъ только здѣсь она свободна отъ всякаго настоящаго или возможнаго соперничества. Никакая другая добровольная связь не допускаетъ подобной полноты довѣрія и непринужденности. Таковъ единственный источникъ, изъ котораго мы можемъ вполнѣ испытать истинное человѣческое счастье, состоящее, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы жить для другого.

Но, помимо своей собственной цѣнности, этотъ святой союзъ пріобрѣтаетъ новое социальное значеніе, какъ необходимое первое основаніе всеобщей любви, являющейся конечной цѣлью нашего моральнаго воспитанія. Я уже указалъ во второй части, насколько ложно и опасно мнѣніе многихъ мнимыхъ социалистовъ, усматривающихъ противорѣчіе между этими двумя крайними членами ряда, изображающаго эволюцію человѣческаго сердца. Тотъ, кто не можетъ глубоко привязаться къ существу, которое онъ избралъ для наиболѣе интимной совмѣстной жизни, покажется всегда весьма подозрительнымъ въ качествѣ преданнаго члена общества, состоящаго болѣею частью изъ незнакомыхъ ему людей. Наше сердце можетъ надлежащимъ образомъ быть освобождено отъ своего первоначальнаго эгоизма только той единственной интимностью, которая полна и прочна уже въ силу своего исключительнаго назначенія. Когда оно сдѣлало этотъ рѣшительный шагъ, оно постепенно поднимается къ искренней всеобщей привязанности, способной дѣятельно вліять на поведеніе, хотя съ энергіей, убывающей, по мѣрѣ того, какъ связь расширяется.

Общественный инстинктъ чувствуетъ уже эту необходимую солидарность, ясно указанную истинной теоріей человѣческой природы, которая въ концѣ копцовъ сдѣлаетъ ее совершенно неуязвимой для метафизическихъ покушеній. Чѣмъ систе-

матичнѣе будетъ становиться моральная сила женщины, благодаря позитивной философіи, тѣмъ больше будетъ уважаться глубокая мудрость народнаго обычая, который всегда въ частной жизни искалъ вѣрныхъ гарантій общественной жизни. Однимъ изъ наиболѣе очевидныхъ признаковъ всеобщаго нравственнаго разложенія, характеризующаго нашу умственную анархію, является дѣйствующее еще полный постыдное законодательство, благодаря которому вотъ уже тридцать лѣтъ вся частная жизнь Франціи была точно замурована психологами, которые, очевидно, нуждались въ подобной китайской стѣнѣ.

ГЛАВА XIV.

Нерасторжимый бракъ.

Когда главное назначеніе супружескаго союза вполнѣ понято, тогда становятся ясными его необходимыя условія, которыя общество стремится только совершенствовать согласно естественному порядку.

Прежде всего, этотъ основной союзъ можетъ достигнуть своей существенной цѣли, только будучи исключительнымъ и нерасторжимымъ. Эти двѣ характерныя черты до того ему свойственны, что въ незаконныхъ связяхъ онѣ сами собою обнаруживаются. Только полное отсутствіе въ настоящее время какихъ бы то ни было моральныхъ и социальныхъ принциповъ единственно позволяетъ понимать, какъ могла явиться у людей дерзость серьезно утверждать, что непостоянство и легкость привязанностей являются главными гарантіями человѣческаго счастья. Никакая тѣсная связь не можетъ быть глубокой, если она не будетъ прочной и продолжительной; ибо одна мысль о возможности перемѣны должна возмущать. Разнѣ для того, чтобы два столь различныхъ существа, какъ мужчина и женщина, могли другъ друга хорошо узнать и достойно полюбить, наша краткая жизнь слишкомъ большой срокъ? Однако, людскія сердца обыкновенно столь непостоянны, что общество должно выѣшаться во избѣжаніе колебаній и измѣнъ, ибо если предоставить имъ свободу, то человѣческое существо превратилось бы въ печальный рядъ опытовъ, лишённыхъ смысла и достоинства.

Половой инстинктъ можетъ быть могущественнымъ средствомъ совершенствованія только въ томъ случаѣ, когда онъ подчиненъ постоянной и строгой дисциплинѣ; въ необходимости послѣдней легко убѣдиться, присматриваясь къ жизни многочисленныхъ не-западно-европейскихъ народовъ, которые не сумѣли еще ее достаточно установить. Напрасно пытались свести выборъ между многоженствомъ и единобрачіемъ къ простому климатическому условію. Эта легкомысленная гипотеза столь же противорѣчитъ всеобщему наблюденію, какъ и здравой теоріи человѣчества. Безпрерывно совершенствуя институтъ брака, какъ и всякое другое, человѣческое учрежденіе, нашъ родъ всюду удаляется отъ наиболѣе полнаго многоженства и стремится къ наиболѣе совершенному единобрачію. Какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ можно найти

состояніе полигаміи, если прослѣдить достаточно длинный рядъ предшествовавшихъ социальныхъ возрастовъ: въ южныхъ странахъ, равно какъ и въ сѣверныхъ, состояніе моногаміи становится преобладающимъ, по мѣрѣ того, какъ общественность развивается; это наблюдается теперь даже на Востоку среди его наиболѣе цивилизованныхъ народностей.

Итакъ, западно-европейское единобрачіе является однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ учрежденій, которыми мы обязаны среднимъ вѣкамъ. Оно, можетъ быть, болѣе всякаго другого института способствовало блестящему социальному превосходству великой семьи современныхъ народовъ. Хотя у протестантскихъ націй разводъ глубоко искажилъ его, но вліяніе этого временнаго заблужденія здѣсь значительно умѣряется справедливымъ отвращеніемъ женскаго чувства и пролетарскаго инстинкта, ограничивающихъ его область приложенія привилегированными классами. Эмпирическое усиленіе официальной метафизики внушаетъ серьезныя опасенія, что этотъ бичъ можетъ распространиться во Франціи. Но здравая философія во-время является на помощь, чтобы сдержать эти скоропроходящія и искусственныя идеи, кореннымъ образомъ противорѣчащія современнымъ правамъ. Эта борьба можетъ быть направлена такъ, чтобы ускорить установленіе здоровой брачной теоріи. Позитивизмъ тѣмъ болѣе въ правѣ на это разсчитывать, что, благодаря своему разумно относительному духу, онъ можетъ безъ всякой ослабляющей непослѣдовательности дѣлать въ исключительныхъ случаяхъ уступки, несовмѣстимыя съ абсолютнымъ характеромъ богословской доктрины. Позитивная философія одна только можетъ примирить необходимую общую обязательность различныхъ моральныхъ правилъ съ мотивированными исключениями, которыя неизбѣжны для всякихъ практическихъ предписаній.

ГЛАВА XV.

Вѣчное вдовство.

Позитивная философія не только не дѣлаетъ уступокъ анархическимъ тенденціямъ, но она еще и усовершенствуетъ основное единство человеческого брака; а именно, она введетъ въ обычай, хотя и безъ всякаго законнаго принужденія, обязательность вѣчнаго вдовства, являющагося окончательнымъ дополненіемъ истинной моногаміи. Народный инстинктъ всегда высоко ставилъ такую сугубую сердечную преданность. Но до сихъ поръ ни одна доктрина не была достаточно чиста, или достаточно энергична для того, чтобы теоретически установить подобную обязанность. Въ виду высокаго вліянія, которое даетъ позитивизму его полная систематичность, благодаря которой всѣ его рѣшенія основываются на совокупности реальныхъ законовъ, онъ безъ труда приведетъ всѣ вѣжныя души къ признанію этого дополнительнаго долга, вытекающаго изъ того же принципа, что и основное правило. Ибо, если позитивистскій бракъ, главнымъ образомъ, призванъ совершенствовать человеческое сердце, то вдовство становится естественнымъ продолженіемъ единства связи.

Забвеніе всякой систематической нравственности мѣшаетъ теперь понимать моральное величіе, присущее этому посмертному постоянству, которое нѣкогда достойно практиковалось многими женщинами. Но глубокое познаніе нашей истинной природы представляетъ такое вниманіе къ памяти усопшаго, какъ драгоценный источникъ совершенства, доступный, даже въ молодости, всѣмъ благороднымъ людямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, добровольное вдовство доставляетъ уму, тѣлу, равно какъ и сердцу, всѣ существенныя преимущества цѣломудрія, не подвергая ихъ серьезнымъ моральнымъ опасностямъ безбрачія. Это вѣчное обожаніе памяти, которую смерть дѣлаетъ болѣе трогательной и болѣе постоянной, позволяетъ всякой великой душѣ, въ особенности философской, лучше посвящать себя активному служенію Человѣчеству, давая, такимъ образомъ, исходъ достойному частному чувству любви. Такимъ образомъ, какъ истинное индивидуальное счастье, такъ и общее благо предписываютъ подобную обязанность всѣмъ тѣмъ, кто здраво оцѣниваетъ то и другое.

Это святое продолженіе наилучшей совершенной связи, помимо доставляемаго имъ всегда глубокаго удовлетворенія, найдетъ также естественную награду въ еще высшемъ напряженіи. Если чувство связи переживаетъ одного изъ двухъ членовъ, почему бы общественной благодарности не обезпечить ихъ единство и послѣ смерти второго, заключивъ въ одну гробницу эти сердца, которыя смерть не въ состояніи была разъединить? Это торжественное увѣковѣченіе достойнаго брака могло бы иногда быть напередъ присуждено, если истинные выразители общественного мнѣнія находятъ бракъ заслуживающимъ подобной чести. Это побудило бы тогда къ новымъ общественнымъ подвигамъ тѣхъ людей, которые увидѣли бы въ этомъ законъ полнаго и окончательнаго отождествленія памяти двухъ лицъ. Прошлое даетъ намъ уже нѣсколько примѣровъ подобной солидарности; таковы союзы между Данте и Беатриче, или Лаурой и Петраркой. Но эти исключительные случаи не могутъ дать справедливаго понятія объ этомъ новомъ учрежденіи, которое, такимъ образомъ, можетъ казаться возможнымъ только для рѣдкихъ натуръ. Связывая всюду частную жизнь съ общественной силой, чѣмъ это было когда-либо возможно, окончательное преобразованіе позволитъ примѣнить ту же самую награду ко всѣмъ, заслужившимъ ее сердцамъ, въ предѣлахъ ихъ собственной оцѣнки.

Вотъ какимъ образомъ позитивистская нѣжность естественнымъ путемъ найдетъ драгоценныя утѣшенія, не видя надобности сожалѣть о химерахъ, которыя унижаютъ умъ и сердце. Моральное превосходство новаго строя обнаруживается даже въ томъ отношеніи, что онъ даетъ утѣшеніе лишь въ укрѣпленіи связи. Ибо столь превозносимыя христіанскія утѣшенія располагаютъ къ заключенію другихъ союзовъ, чѣмъ искажаютъ главную сущность брака и порождаютъ двусмысленность, плохо совместимую со смутной теологической утопій. До позитивизма ни одна доктрина не могла догматически предписывать вдовство и устанавливать общность гробницы, какъ двоякое крайнее дополненіе человѣческаго единобрачія. Именно такимъ усовершенствованіемъ нашего моральнаго благородства новая философія всегда должна отвѣчать на глупыя предубѣжденія и на позорную клевету.

Итакъ, позитивизмъ дѣлаетъ теорію брака независимой отъ всякаго физическаго назначенія, представляя эту основную связь, какъ главный источникъ мо-

рального совершенствованія и, слѣдовательно, какъ существенную основу истиннаго человѣческаго счастья, какъ общественнаго, такъ и частнаго. Это систематическое очищеніе тѣмъ болѣе цѣнно, что оно не предполагаетъ исключительной восторженности, а вытекаетъ только изъ глубокаго изученія Человѣчества. Личное и социальное значеніе брака такимъ образомъ исполнѣ осуществляется въ союзѣ, который, хотя является болѣе нѣжнымъ, чѣмъ братскій союзъ, остается тѣмъ не менѣе столь же цѣломудреннымъ. Не взирая на то, что половой инстинктъ обыкновенно необходимъ, въ особенности у мужчины, для первоначальнаго возбужденія нѣжности, привязанность можетъ развиваться безъ того, чтобы этотъ инстинктъ удовлетворялся. Если только отреченіе отъ половой жизни достаточно мотивировано съ обѣихъ сторонъ, оно ведетъ къ еще большей взаимной преданности.

ГЛАВА XVI.

М а т ь.

Оцѣнивъ такимъ образомъ собственное назначеніе брака независимо отъ материнства, намъ остается дополнить социологическую теорію женщины разсмотрѣніемъ материнской функціи, которая есть необходимое расширеніе моральной миссіи жены.

Съ этой новой точки зрѣнія позитивизмъ также поднимаетъ достоинство женщины, предоставляя матери главную руководящую роль въ домашнемъ образованіи, систематическимъ дополненіемъ котораго является затѣмъ общественное образованіе, какъ я это указалъ въ третьей частн.

ГЛАВА XVII.

Воспитаніе ребенка принадлежитъ матері.

Это философское рѣшеніе вытекаетъ изъ основнаго принципа, который при нормальномъ состояніи общества необходимо ввѣрять воспитаніе духовной власти, естественной представительницей которой въ нѣдрахъ каждой семьи является женщина. Это правило задѣваетъ вышшіе предразсудки только вслѣдствіе начавшагося съ конца среднихъ вѣковъ революціоннаго стремленія разума возобладать надъ сердцемъ. Современные народы, такимъ образомъ, постепенно привыкали пренебрегать моральной частью воспитанія и чрезмѣрно заботиться объ ея интеллектуальной части. Но, завершая революціонное состояніе установленіемъ систематическаго первенства сердца надъ разумомъ, позитивизмъ возвращаетъ моральному воспитанію его естественное превосходство, какъ я это выше разъяснялъ. Поэтому

женщины, которые были бы въ самомъ дѣлѣ малоспособны стоять во главѣ нынѣшняго образованія, лучше чѣмъ въ средніе вѣка возмуть на себя общее руководство образованіемъ, въ которомъ мораль будетъ всегда господствовать и въ которомъ до достиженія половой зрѣлости послѣдовательно будутъ вестись только эстетическія упражненія.

Наши рыцарскіе предки обычно воспитывались такимъ образомъ подъ женскимъ вліяніемъ и, конечно, не были извѣжены. Если же подобная подготовка причислялась войнамъ, какъ можетъ внушать опасеніе ея прихѣненіе къ мирному обществу? Мужское руководство необходимо только для обученія какъ теоретическаго, такъ и практическаго. Что касается моральнаго образованія, то, какъ я это указалъ, оно должно перейти въ вѣдѣніе философовъ только въ возрастѣ, когда оно становится систематическимъ, т.-е. въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, предшествующихъ совершеннолѣтію. И даже философы должны оказывать моральное вліяніе, главнымъ образомъ, на взрослыхъ людей и указывать имъ правильное примѣненіе въ реальной жизни, какъ частной, такъ и общественной, привитыхъ въ молодости принциповъ. Вся несистематическая мораль, т.-е. воспитаніе чувствъ, которое, въ сущности, больше всего оказываетъ вліяніе на всю жизнь, должно главнымъ образомъ зависѣть отъ матери. Именно, въ силу этого обстоятельства важно воспитывать ребенка въ семьѣ, и упразднить, какъ я это предлагалъ, схоластическіе монастыри.

Естественное превосходство женщинъ для этой основной роли будетъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ признано истинными философами. Они никогда не забудутъ, что наиболѣе отзывчивыя существа по необходимости наиболѣе способны развивать въ другихъ долженствующія возобладавать чувства. Въ согласіи съ народной мудростью позитивная философія неизмѣнно будетъ учить, что культура сердца важнѣ развитія ума. Благодаря присущей ей реальности, она никогда не станетъ преувеличивать значеніе систематизаціи и игнорировать существенныя условія послѣдней. Дѣйствительно, систематизировать, въ особенности въ области морали, можно лишь то, что уже существуетъ спонтанно. Такъ что настоящее и непосредственное развитіе различныхъ человѣческихъ чувствъ неминуемо должно предшествовать всякой философской дисциплинѣ.

Эта основная обязанность, начинающаяся одновременно съ жизнью ребенка и продолжающаяся въ теченіе всего періода физическаго развитія, лежитъ необходимо на женщинахъ. Ихъ способность къ этому отношенію такова, что при отсутствіи матери удачно выбранная чужая женщина, если она сумѣетъ войти въ семью въ качествѣ ея члена, оказывается обыкновенно болѣе пригодной для этой роли, чѣмъ самъ отецъ. Только тѣ души, въ которыхъ чувство господствуетъ, могутъ надлежащимъ образомъ понять его важность. Только онѣ дѣйствительно знаютъ, что большая часть человѣческихъ поступковъ, въ особенности совершающихся въ юномъ возрастѣ, должны гораздо менѣе оцѣниваться самъ по себѣ, чѣмъ по обнаруживаемымъ ими стремленіямъ и по вызываемымъ ими привычкамъ. Въ отношеніи чувства нѣтъ безразличныхъ дѣйствій. Съ этой точки зрѣнія малѣйшіе поступки ребенка могутъ способствовать выполненію основнаго и двойнаго правила всего позитивнаго образованія,—какъ домашняго, такъ и систематическаго: развивать чувство общественности и подавлять эгоизмъ.

Маловажные поступки сначала даже болѣе пригодны для здоровой оцѣнки соотвѣтственныхъ чувствъ, надъ которыми наблюденіе можетъ тогда лучше сосредоточиться, не будучи отвлекаемо иными обстоятельствами. Кромѣ того, только съ этихъ маленькихъ усилій ребенокъ можетъ начать трудное обученіе внутренней борьбы, которая будетъ господствовать надъ всей его жизнью, чтобы постепенно подчинить эгоистическія побужденія симпатическимъ инстинктамъ.

Въ силу этихъ различныхъ соображеній, можно утверждать, что наиболѣе выдающийся даже по своимъ сердечнымъ качествамъ наставникъ будетъ всегда уступать хорошей матери. Хотя послѣдняя зачастую не въ состояніи всегда формулировать и мотивировать свои рѣшенія, тѣмъ не менѣе, окончательное вліяніе ихъ покажетъ всегда дѣйствительное превосходство ея моральнаго воспитанія. Никто другой не сумѣетъ такъ пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы безъ аффектаціи подчеркнуть естественную прелесть добрыхъ чувствъ и безпокойство, связанное съ эгоистическими внушеніями.

Эта социологическая теорія матери естественнымъ образомъ связывается съ теоріей жены, такъ какъ материнское вліяніе, несмотря на естественное убываніе, неизмѣнно продолжаетъ руководить сердечными порывами вплоть до возраста вступленія въ бракъ. Тогда мужчина, незамѣтно управляемый женщиной, договаривается съ ней относительно своего добровольнаго подчиненія ей въ теченіе всей своей остальной жизни, чѣмъ и завершаетъ свое моральное воспитаніе. Это существо, призванное дѣйствовать, видитъ свое главное счастье въ достойномъ подчиненіи спасительному вліянію существа, предназначеннаго любить.

Итакъ, основная роль, одновременно частная и общественная, отводимая въ позитивномъ строѣ женщинѣ, составляетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, только обширное систематическое развитіе ея собственной природы. Столь однородное и столь определенное призваніе не оставляетъ никакого серьезнаго сомнѣнія относительно ея соотвѣтственнаго социальнаго положенія. Никакое другое существенное обстоятельство не можетъ лучше подтвердить всеобщій принципъ человѣческаго искусства, а именно: искусственный порядокъ заключается всегда въ укрѣпленіи и улучшеніи естественнаго порядка.

Г Л А В А XVIII.

Современные софизмы о правахъ женщины.

Всѣ переходныя эпохи порождали, подобно нашей, софистическія заблужденія относительно социальнаго положенія женщинъ. Но естественный законъ, указывающій аффективному полу существенно домашнее существованіе, никогда не былъ серьезно измѣненъ. Этотъ законъ настолько реаленъ, что онъ самъ собой одерживаетъ верхъ, хотя бы противорѣчивые софизмы и остались безъ достаточнаго опроверженія. Домашній порядокъ устоялъ противъ хитрыхъ нападокъ греческой метафизики, полной

еще юношескаго жара и дѣйствовавшей на умы, которые не были способны ни къ какой систематической защитѣ. Поэтому нельзя считать серьезной опасностью появленіе изъ нѣдръ нашей умственной анархіи нѣкоторыхъ жалкихъ воспроизведеній разрушительныхъ утопій, противъ которыхъ энергичная сатира Аристофана достаточно возбудила народный инстинктъ.

Хотя настоящіе соціальные принципы теперь болѣе полно отсутствуютъ, чѣмъ въ теченіе перехода отъ политеизма къ монотеизму, но зато и человѣческій разумъ и, въ особенности, чувство нынѣ также гораздо лучше развиты. Женщины были въ тѣ времена слишкомъ унижены, чтобы отвергать, хотя бы молчаливымъ протестомъ, ученыхъ заблужденій своихъ мнимыхъ защитниковъ, которыми, слѣдовательно, приходилось бороться только противъ разума. Но у современныхъ народовъ благотворная свобода западныхъ женщинъ позволяетъ имъ высказывать рѣшительное отвращеніе, которое, за отсутствіемъ рациональнаго исправленія, оказывается достаточнымъ для отклоненія этихъ умственныхъ заблужденій, вызванныхъ непостоянствомъ сердца. Именно женское чувство одно только умѣряетъ теперь практическій вредъ, который, казалось бы, должны были причинить эти анархическія стремленія. Праздность увеличиваетъ эту опасность у нашихъ привилегированныхъ классовъ, гдѣ богатство, сверхъ того, оказываетъ гибельное вліяніе на моральную организацію женщинъ. Тѣмъ не менѣе, даже тамъ зло въ дѣйствительности не очень глубоко или чрезвычайно ограничено. Никогда не удавалось соблазнить много мужчинъ и еще менѣе женщинъ, лстя ихъ дурнымъ наклонностямъ. Страшны по истинѣ только тѣ соблазны, которые дѣйствуютъ на наши добрыя наклонности съ цѣлью исказить ихъ направленіе. Поэтому утопіи, непосредственно задѣвающія всю женскую нѣжность не могли имѣть реальнаго успѣха даже въ кругахъ наиболѣе расположенныхъ къ принятію ихъ. Но среди народа, гдѣ ихъ вредъ былъ бы особенно опустошительнъ, отвращеніе къ нимъ гораздо болѣе рѣшительно, такъ какъ народная жизнь болѣе ясно и опредѣленно указываетъ обоимъ поламъ ихъ истинное взаимное положеніе. Такимъ образомъ, преимущественно здѣсь, гдѣ наиболѣе важно укрѣпить домашніе догматы, позитивизмъ встрѣтитъ меньше препятствій для полнаго проведенія своей естественной теоріи о соціальномъ положеніи женщинъ, соотвѣтственно указанному мною выше двоякому назначенію ихъ.

Въ своей наиболѣе систематической разработкѣ эта теорія вытекаетъ изъ главнаго принципа, относящагося къ нормальному раздѣленію двухъ основныхъ властей, принципа, господствующаго надъ всѣми соціальными вопросами. Ибо мотивы, въ силу которыхъ жизнь женщины сосредоточивается въ нѣдрахъ семьи, при чемъ она не принимаетъ никакого участія въ управленіи, даже домашнемъ, суть, въ сущности, только болѣе полное примѣненіе соображеній, запрещающихъ вообще умѣряющей власти всякое осуществленіе власти управляющей. Женщины, составляя наиболѣе чистый и наиболѣе самородный элементъ моральной силы, должны лучше выполнять присущія ей условія. Характеризующее женщинъ аффективное вліяніе требуетъ еще болѣе, чѣмъ умозрительная способность полнаго отреченія отъ дѣятельности, свойственной правящему полу. Если даже философы должны воздерживаться отъ практической дѣятельности, то женщины должны еще съ большимъ основаніемъ отъ нея отказаться, даже если бы естественный порядокъ общества

предоставлялъ имъ выборъ. Ибо нѣжность чувства, составляющая ихъ главное преимущество и источникъ ихъ истиннаго вліянія, еще болѣе доступна порчѣ въ активной жизни, чѣмъ чистота и общность теоретическихъ принциповъ. Осуществленіе практическаго авторитета не можетъ согласоваться съ постояннымъ пареніемъ цѣльнаго міросозерцанія, ибо оно занимаетъ умъ специальными вопросами. Но оно еще гораздо болѣе вредитъ чистотѣ чувства, развивая эгоистическія побужденія. Эта опасность была бы тѣмъ болѣе неизбежна для женщинъ, что ихъ чрезвычайно нѣжная душа обыкновенно лишена энергіи, и не въ силахъ надлежащимъ образомъ бороться съ развращающими вліяніями.

Чѣмъ глубже будетъ изучаться этотъ основной предметъ, тѣмъ понятнѣе станетъ, что ихъ социальное состояніе не только не вредитъ ихъ истинному призванію, но въ высшей степени способно развивать и даже совершенствовать ихъ главныя качества. Естественный порядокъ человѣческихъ обществъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не такъ уже плохъ, какъ это изображаютъ безразсудныя разглагольствованія. Безъ естественнаго царства матеріальной силы, моральный авторитетъ выродился бы, такъ какъ лишился бы значенія. Если бы философы и пролетаріи пріобрѣли свѣтское главенство, они вскорѣ исказили бы свои высокія умственные и сердечныя качества. Но обладаніе властью извратило бы еще болѣе женскую природу. Эту тенденцію очень легко подмѣтить у высшихъ классовъ, гдѣ богатство доставляетъ часто женщинамъ гибельную независимость и даже неподобающую имъ власть. Вотъ это-то, главнымъ образомъ, и обязываетъ искать наилучшій женскій типъ среди пролетаріевъ, потому что нѣжность здѣсь лучше развивается и скорѣе достигаетъ настоящаго превосходства. Богатство, еще болѣе чѣмъ праздность, способствуєтъ исчезновенію и упадку нравственности у привилегированныхъ женщинъ.

Г Л А В А XIX.

Эволюція благопріятствуетъ не равенству половъ, а ихъ обособленію.

Въ отношеніи женщинъ, какъ и во всякомъ другомъ отношеніи, непрерывный прогрессъ человѣчества только лучше развиваетъ основной порядокъ. Взаимное положеніе обоихъ половъ не только не обнаруживаетъ никакого стремленія къ равенству, что невозможно въ силу ихъ природы, но совокупность прошлаго ясно показываетъ также неизмѣнную тенденцію человѣческой эволюціи рѣзче выдвигать ихъ существенныя различія.

Средніе вѣка, несмотря на важное улучшеніе, внесенное ими въ условія социальнаго существованія женщинъ, лишили ихъ, однако, жреческихъ функцій, которыя онѣ раздѣляли съ мужчинами въ политеистическомъ состояніи, гдѣ священнодѣйствіе было скорѣе эстетическое, чѣмъ научное. Когда кастовый принципъ потерялъ у современныхъ народовъ свое древнее значеніе, женщины были устранены отъ участія въ королевской власти и во всякой другой государственной власти.

Во всѣхъ, даже простѣйшихъ отправленіяхъ практической дѣятельности обнаруживается та же тенденція, все болѣе и болѣе устранять женщинъ отъ различныхъ промышленныхъ профессій, даже отъ тѣхъ, къ которымъ, казалось бы, онѣ должны быть наиболѣе пригодны. Такимъ образомъ, жизнь женщины все болѣе сосредотчивается въ семьѣ, вмѣсто того, чтобы отъ нея удаляться и въ то же время она лучше оказываетъ подобающее моральное вліяніе. Эти двѣ тенденціи не только не противорѣчатъ другъ другу, а, напротивъ, неизбѣжно солидарны.

Не вдаваясь въ обсужденіе жалкихъ ретроградныхъ утопій, важно понять, чтобы лучше оцѣнить реальный порядокъ, что, если бы женщины когда-либо получили то свѣтское равенство, котораго, помимо ихъ желаній, требуютъ для нихъ ихъ самозванные защитники, то ихъ соціальныя гарантіи столь же пострадали бы, сколько и ихъ моральный характеръ. Ибо въ этомъ случаѣ онѣ оказывались бы на большинствѣ поприщъ лицомъ къ лицу съ повседневной сильной конкуренціей, которую онѣ не могли бы выдержать, и въ то же время практическое соперничество испортило бы главные источники взаимной любви.

ГЛАВА XX.

Мужчина долженъ содержать женщину.

Вмѣсто разрушительныхъ мечтаній о равенствѣ для женщинъ, естественный принципъ вполне обезпечиваетъ существованіе женщинъ, опредѣляя свѣтскія обязанности активнаго пола по отношенію къ полу аффективному. Позитивизмъ, въ силу присущей ему реальности, одинъ только можетъ систематизировать этотъ принципъ такъ, чтобы доставить ему надлежащее преобладаніе. Но новая философія отнюдь не создала той всеобщей тенденціи, которую она, по справедливой оцѣнкѣ совокупности человѣческаго движенія, теперь провозглашаетъ. Мужчина долженъ содержать женщину—таковъ естественный законъ нашего рода, вполне согласующійся, главнымъ образомъ, съ домашнимъ образомъ жизни аффективнаго пола. Это правило, которое соблюдается даже на самой низшей стадіи общественности, развивается и совершенствуется, по мѣрѣ того какъ человѣческая эволюція совершается. Всѣ матеріальныя улучшенія, которыхъ требуетъ нынѣшнее состояніе женщинъ, сводятся къ лучшему примѣненію этого основного принципа, послѣдствія котораго должны сказываться во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ и, въ особенности въ вопросѣ о заработной платѣ рабочихъ. Соотвѣтствуя естественной тенденціи, это правило связывается съ благороднымъ назначеніемъ женщинъ, какъ аффективнаго элемента умѣряющей власти. При этомъ эта обязанность становится аналогичной долгу, предписывающему классу активному содержать классъ мыслящій, дабы послѣдній могъ достойно исполнять свою основную общественную службу, съ той только разницей, что обязанности активнаго пола по отношенію къ полу аффективному еще болѣе священны, уже вслѣдствіе домашнего характера женскаго

служенія. По отношенію къ мыслителямъ обязанности практическихъ дѣятелей только коллективны; по отношенію же къ женщинамъ онѣ преимущественно индивидуальны. Впрочемъ, эта прямая отвѣтственность, лежащая особо на каждомъ мужчинѣ касательно избранной имъ подруги, не извѣщаетъ весь активный полъ отъ косвенной обязанности по отношенію ко всему аффективному полу. При отсутствіи супруга и родителей, общество должно обезпечить матеріальное существованіе женщины, вознаграждая ее тѣмъ за ея неизбѣжную свѣтскую зависимость и, въ особенности, за ея необходимую моральную службу.

Итакъ, таковъ, въ этомъ отношеніи, истинный общій смыслъ человѣческаго прогресса: дѣлать женскую жизнь все болѣе и болѣе домашней и освобождать ее отъ всякаго вѣшняго труда, дабы лучше обезпечить выполненіе ея аффективнаго назначенія. Привилегированныя сословія уже признали, что женщины должны быть избавлены отъ всякаго тяжелаго труда. И это—почти единственная сторона отношеній между двумя полами, въ которой наши пролетаріи должны подражать вѣрамъ своихъ свѣтскихъ руководителей. Во всякомъ другомъ отношеніи народная масса на Западѣ понимаетъ лучше практическія обязанности мужчинъ по отношенію къ женщинамъ. Она даже стыдилась бы налагать на женщинъ варварскій тяжелый трудъ, обременяющій до сихъ поръ множество женщинъ, если бы только нашъ промышленный строй позволилъ устранить эту уродливость. Именно среди нашихъ вельможъ и богатыхъ людей можно, главнымъ образомъ, наблюдать постыдный и къ тому же мошенническій торгъ, въ которомъ безнравственное вѣшателство опредѣляетъ одновременно униженіе одного пола и развращеніе другого. Выясняя лучше истинное призваніе женщины и болѣе расширяя брачный выборъ, современные нравы быстро кладутъ копецъ этой подлой торговлѣ, вытекавшей изъ обычая давать невѣстѣ приданое, обычая, уже почти исчезнущаго среди нашихъ пролетаріевъ.

Позитивистскій принципъ матеріальныхъ обязанностей мужины по отношенію къ женщинамъ систематически изгоняетъ этотъ остатокъ варварства даже изъ среды нашихъ привилегированныхъ сословій. Чгобы лучше достигнуть этой цѣли, достаточно будетъ примѣнять на практикѣ вытекающее изъ соціологической теоріи аффективнаго пола слѣдствіе, въ силу котораго женщинамъ должно быть воспрещено всякое наслѣдованіе. Безъ этого запрета упраздненіе приданаго было бы обойдено путемъ учета будущаго состоянія. Коль скоро женщина избавлена отъ всякаго матеріальнаго производства, орудія труда, которыя одно поколѣніе подготавливаетъ для слѣдующаго за нимъ, должны наслѣдоваться мужчинами. Отнюдь не устанавливая никакой новой привилегіи, этотъ способъ передачи имущества естественнымъ образомъ связанъ съ тяжелой отвѣтственностью. Эта дополнительная вѣра, безъ сомнѣнія, не вызоветъ среди женщинъ серьезнаго противодѣйствія. Здравое образованіе сдѣлаетъ имъ, сверхъ того, понятной личную пользу, которую эта мѣра имъ принесетъ, предохранивъ ихъ отъ недостойныхъ жениховъ. Но эта важная мѣра должна стать закономъ только послѣ того, какъ она получитъ свободное преобладаніе въ нашихъ правахъ, въ силу всеобщаго убѣжденія въ ея способности укрѣпить новую организацію семьи.

ГЛАВА XXI.

Женщина должна получать такое же образованіе, какъ и мужчина.

Чтобы закончить характеристику социальнаго положенія женщинъ въ позитивномъ строѣ, достаточно указать, исходя изъ той же теоріи, каково должно быть ихъ образованіе.

Пониманіе основной роли женщинъ разсѣивается въ этомъ отношеніи всякое сомнѣніе, налагая обязанность распространить на оба пола, въ почти одинаковой формѣ, систему всеобщаго образованія, указанную нами выше для пролетаріевъ. Эта система, будучи свободна отъ всякой спеціальности, подходитъ симпатизирующему элементу умѣряющей власти такъ же хорошо, какъ и элементу дѣйствующему, даже относительно научныхъ знаній. Если для пролетаріевъ мы признали необходимость здоровой исторической теоріи, то подобная необходимость распространяется также на женщинъ, въ которыхъ она должна надлежащимъ образомъ развивать социальное чувство, всегда несовершенное, пока сознаніе солидарности не доподнено сознаніемъ непрерывности. Признавая же для обоихъ половъ потребность въ подобной теоріи и въ вытекающей изъ нея моральной систематизаціи, нельзя отрицать одинаковую настоятельность въ предполагаемой ею научной подготовкѣ, которая, сверхъ того, прямо придаетъ всѣмъ равносильное значеніе. Наконецъ, такъ какъ женщины должны руководить естественнымъ образованіемъ, то надо, чтобы онѣ также участвовали въ систематическомъ образованіи, составляющемъ необходимое дополненіе перваго. Чисто мужскимъ является только такъ называемое профессиональное образованіе, относительно котораго мы признали, что оно не совмѣстимо ни съ какой особой системой, а заключается въ основательномъ упражненіи, которое слѣдуетъ за разумнымъ теоретическимъ развитіемъ. Такимъ образомъ, какъ женщины, такъ и философы получаютъ одинаковое образованіе съ пролетаріями.

Однако, провозглашая это равенство образованія обоихъ половъ, я далекъ отъ мысли, высказанной моимъ знаменитымъ предшественникомъ Кондорсэ, что школьныя занятія должны быть совмѣстными. Моральная оцѣнка, долженствующая всегда преобладать, строго запрещаетъ подобное смѣшеніе, какъ одинаково гибельное для обоихъ половъ. Въ храмѣ, клубѣ, салонѣ — вотъ гдѣ женщины и мужчины смогутъ всегда свободно встрѣчаться. Но въ школѣ эти преждевременныя соприкосновенія помѣшаютъ тѣмъ и другимъ развивать свой собственный характеръ, не говоря уже объ очевидномъ безпорядкѣ, который они внесутъ въ занятія. Пока чувства тѣхъ и другихъ недостаточно сформировались, весьма важно, чтобы ихъ сношенія оставались случайными и ограниченными, и находились подъ постояннымъ надзоромъ матерей.

Тѣмъ не менѣе, эта необходимость вести занятія въ школѣ съ каждымъ поломъ отдѣльно, хотя знанія, приобретаемые тамъ обоими полами, одинаковы, нисколько не должна привести къ организаціи особаго кадра учителей для женщинъ. Такое учрежденіе, помимо своихъ финансовыхъ псудобствъ, въ особенности при-

вело бы къ искаженію женскаго образованія, порождая неизбежный предрасудокъ о болѣе низкомъ уровнѣ образованія учителей женскихъ школъ.

Дабы основное образованіе дѣйствительно было одинаково для обоихъ половъ, необходимо, чтобы учителя были общіе, не взирая на раздѣльность уроковъ. Планъ, указанный въ третьей части настоящаго «Обзора», легко согласовывается эти два условія, требуя, чтобы каждый философъ имѣлъ въ общественной школѣ не болѣе двухъ уроковъ въ недѣлю. Эти занятія могутъ быть безъ труда удвоены, не доводя преподавателей до того переутомленія, на которое такъ справедливо жалуются нынѣшніе учителя. Сверхъ того, такъ какъ каждый философъ долженъ будетъ послѣдовательно пройти съ учениками семь годичныхъ ступеней позитивнаго образованія, то обязанность обучать отдѣльно оба пола можетъ быть регулирована съ такимъ расчетомъ, чтобы избавить профессора отъ утомительнаго повторенія. Впрочемъ, выдающіеся по своимъ качествамъ мужчины, которымъ всегда будетъ вѣряться эта двойная служба, вскорѣ сами на опытъ узнаютъ, какова должна быть разница въ пріемахъ преподаванія, соотвѣтственно естественному различію аудиторій, разница, которая, однако, никогда не должна нарушать необходимую однородность методовъ и доктринъ.

Возвышая въ общественномъ мнѣніи достоинство женскихъ знаній, это тождество преподавателей должно также оказывать благотворное вліяніе на интеллектуальный и моральный характеръ самихъ философовъ. Они, такимъ образомъ, будутъ меньше увлекаться ненужными частностями и естественнымъ образомъ вернутся къ цѣльному міросозерцанію. Основное подчиненіе ума сердцу станетъ для нихъ также болѣе привычнымъ, когда они будутъ знакомиться одновременно съ характерами, наиболѣе рациональными и наиболѣе сентиментальными. Это одинаковое обученіе двухъ половъ дополнить энциклопедическую всеобщность новыхъ философовъ. Вынужденные, такимъ образомъ, параллельно разсматривать всѣ классы реальныхъ понятій и одинаково заинтересовывать ими двѣ столь различныя аудиторіи, они по необходимости должны будутъ обладать личными качествами, соотвѣтствующими ихъ высокой соціальной службѣ. Но въ то же время совокупность этихъ условій до такой степени ограничить выборъ ихъ, что можно будетъ найти достаточно подходящихъ людей для осуществленія подобнаго плана, лишь когда ихъ вербовка будетъ мудро организована и ихъ матеріальное существованіе надлежащимъ образомъ обезпечено. Сверхъ того, не забудемъ, что ихъ корпорація должна носить западно-европейскій характеръ, а отнюдь не національный; такъ что позитивистскія должностныя лица еще чаще будутъ мѣнять свое мѣстопробываніе, чѣмъ католическіе сановники въ средніе вѣка.

Принимая во вниманіе всѣ вышеприведенныя соображенія, нетрудно признать, что позитивное образованіе обоихъ половъ можетъ быть широко организовано для всѣхъ жителей Запада, не требуя даже столько бесполезныхъ или скорѣе вредныхъ расходовъ, какіе вызываетъ теперь одно только англиканское духовенство. И тѣмъ не менѣе каждый чиновникъ-философъ получитъ вполне приличное матеріальное содержаніе, хотя ни одинъ изъ нихъ никогда, конечно, не будетъ развращаемъ богатствомъ.

Корпорація философовъ численностью въ двадцать тысячъ была бы теперь

достаточна, и вѣроятно всегда будетъ достаточна для обслуживанія всѣхъ духовныхъ потребностей населенія пяти западныхъ государствъ, такъ какъ она позволитъ вести въ двухъ тысячахъ пунктахъ позитивистской территории полную систему милѣтняго обученія.

Вліяніе женщинъ и пролетаріевъ никогда не можетъ стать достаточно систематическими, чтобы какимъ бы то ни было образомъ сдѣлать излишнимъ вышнѣальство философовъ. Между тѣмъ, все болѣе и болѣе увеличивающееся приобщеніе къ совокупности умѣряющей власти уменьшить прежнее расширеніе чисто мыслящаго класса, который при теологическомъ режимѣ достигъ чрезвычайныхъ разбѣровъ. Число людей пользующихся достаткомъ, не занимаясь производствомъ, станетъ поэтому настолько небольшимъ, и эта привилегія будетъ настолько заслуженной, что не будетъ вызывать законныхъ упрековъ. Всюду поймутъ, что издержки а содержаніе философовъ и женщинъ далеко не являются обременительными для ктивнаго класса, а составляютъ наиболѣе драгоцѣнный источникъ его совершенствованія и его истиннаго счастья, обезпечивая правильное развитіе умозрительныхъ аффективныхъ функцій, которыя суть характерныя черты человѣчества.

Итакъ, всѣ вопросы, относящіеся къ социологической теоріи женщинъ, безъ затрудненія разрѣшаются сообразно основному принципу, установленному въ началѣ той четвертой части касательно социальнаго назначенія аффективнаго пола, обусловленнаго его естественной организаціей. Являясь самородными органами чувства, которое одно только и управляетъ человѣческимъ единствомъ, женщины составляютъ наиболѣе прямой и наиболѣе чистый элементъ умѣряющей власти, призванной все болѣе и болѣе морализировать необходимое владычество матеріальной илы. Онѣ отправляютъ свои обязанности моральнаго воспитанія человѣчества перва какъ матери, затѣмъ какъ жены. Отсюда ясно, что ихъ жизнь должна стать все болѣе и болѣе домашней и ихъ общее образованіе все болѣе и болѣе полнымъ, дабы ихъ социальное положеніе позволило имъ лучше выполнять свое призваніе.

ГЛАВА XXII.

Награда, связанная съ аффективной миссіей женщины.

Теперь легко дополнить это краткое опредѣленіе назначенія женщины характеристикой естественной награды, выпадающей на ея долю.

Никакое другое призваніе не даетъ понять въ такой же мѣрѣ, насколько частые каждаго существа состоятъ, главнымъ образомъ, въ развитіи своей естественной функціи. Ибо всѣ женщины, въ сущности, имѣютъ одну и ту же миссію—любить. Іо она является единственной, которая допускаетъ неограниченное число исполнителей, и, отнюдь не боясь соперничества, расширяется съ увеличеніемъ числа участниковъ. Предназначенныя поддерживать аффективный источникъ человѣческаго

единства, женщины испытываютъ наибольшее счастье, когда онѣ надлежащимъ образомъ понимаютъ свое истинное призваніе и когда онѣ могутъ свободно его выполнить. Ихъ социальная служба отличается той удивительной чертой, что она поощряетъ развитіе ихъ естественнаго инстинкта и предисполагаетъ имъ эмоціи, которыя всѣ люди предпочитаютъ всѣмъ другимъ.

Такимъ образомъ, женщинамъ, вообще, остается только желать, чтобы окончательное возрожденіе лучше прировнило ихъ социальное положеніе къ ихъ назначенію, освобождая ихъ, съ одной стороны, отъ всякой внѣшней дѣятельности и обязанности, съ другой—ихъ справедливое моральное вліяніе. Позитивный-же режимъ прямо удовлетворитъ это двойное желаніе, благодаря совокупности матеріальныхъ, умственныхъ и моральныхъ улучшеній, которыя онъ внесетъ въ жизнь женщины.

Но помимо этого естественнаго вознагражденія за высоко полезную службу, позитивизмъ долженъ выполнить по отношенію къ женщинамъ то, что средніе вѣка могли только попытаться сдѣлать, именно, систематизировать постоянную признательность, все болѣе и болѣе внушаемую ихъ спасительнымъ моральнымъ вліяніемъ. Однимъ словомъ, новая всеобщая доктрина одна только можетъ надлежащимъ образомъ установить одновременно общественный и частный культъ женщины. Это будетъ первая постоянная ступень основнаго культа Человѣчества, которая явится общимъ центромъ, какъ философскаго, такъ и политическаго позитивизма, какъ я это объясню въ заключеніи настоящаго Обзорѣнія.

ГЛАВА XXIII.

Женщина и рыцарство.

Наши рыцарскіе предки сдѣлали въ этомъ отношеніи удивительныя попытки, оцѣненные въ настоящее время только женщинами. Но ихъ благородныя усилія не могли быть достаточны, въ силу слишкомъ воинственнаго характера ихъ общественнаго чувства, а также вслѣдствіе неудовлетворительности господствовавшей доктрины. Тѣмъ не менѣе, они оставили въ этой области нетлѣнные памятники, и даже мы имъ обязаны наилучшей частью нашихъ западныхъ нравовъ, хотя уже значительно измѣненныхъ нашей анархіей.

Отрицательная философія послѣдняго вѣка утверждала, что рыцарство не можетъ никогда возродиться, такъ какъ оно связано съ отжившими вѣрованіями, ставшими отнынѣ отсталыми. Но эта связь была скорѣе кажущаяся, чѣмъ реальная, и къ тому же носила чисто временный характеръ. Она была неправильно преувеличена современными защитниками католицизма, которые не могли ясно различить аффективный источникъ этого поразительнаго учрежденія за его теологическимъ освещеніемъ.

Феодальное чувство, безъ сомнѣнія, составляла прямое и естественное начало рыцарства; оно было затѣмъ санкціонировано католицизмомъ, который являлся тогда

единственнымъ систематическимъ органомъ. Но теологическій принципъ въ основѣ мало соответствовалъ рыцарскому духу; согласно первому человекъ долженъ былъ сосредоточивать всю свою заботу на химерическомъ будущемъ, между тѣмъ какъ второй направлялъ всю нашу энергію къ реальной жизни. Постоянно служа то своему Богу, то своей дамѣ, средневѣковый рыцарь не могъ познать того полнаго моральнаго единства, которое одно только могло бы всецѣло развить его добровольную и благородную миссію.

Приближаясь къ концу революціоннаго переходнаго времени, мы начинаемъ понимать, что рыцарство далеко отъ окончательнаго исчезновенія и должно занять преобладающее мѣсто въ новомъ строѣ, покоющемся на болѣе мирномъ общественномъ чувствѣ и на болѣе человѣчной доктринѣ. Ибо это важное учрежденіе отвѣчало основной потребности, все болѣе развивающейся по мѣрѣ того, какъ человѣчество просвѣщается; а именно: добровольное покровительство всѣмъ слабымъ. Переходъ отъ завоевательной дѣятельности древнихъ къ защитительной политикѣ феодальныхъ воиновъ долженъ былъ вызвать его первое общее проявленіе, одобренное въ ту эпоху господствующими вѣрованіями. Неиреложное-же преобладаніе мирной жизни еще болѣе станетъ способствовать его расширенію, когда эта великая свѣтская черта современнаго порядка будетъ надлежащимъ образомъ систематизирована и морализирована. Только назначеніе рыцарскаго чувства преобразуется сообразно благотворному измѣненію, все болѣе и болѣе вносимому нашей цивилизаціей въ обычную форму притѣсненія. Такъ какъ матеріальная сила утратила свой военный характеръ и приобрѣла характеръ промышленный, то преслѣдованіе имѣетъ своимъ объектомъ не личность, а имущество.

Это окончательное преобразованіе представляетъ много преимуществъ какъ потому, что оно уменьшаетъ серьезность опасности, такъ и потому, что оно дѣлаетъ покровительство болѣе легкимъ и болѣе цѣлесообразнымъ; но оно никогда не избавитъ отъ добровольнаго и даже систематическаго покровительства. Инстинктъ разрушенія даетъ себя всегда живо чувствовать у всѣхъ тѣхъ, кои будутъ имѣть, въ какой бы то ни было формѣ, возможность ему предаваться.

Такимъ образомъ, въ позитивномъ строѣ должно естественно имѣть мѣсто, какъ общее добавленіе къ систематизаціи нравственности, правильное развитіе рыцарскихъ нравовъ у свѣтскихъ начальниковъ. Тѣ изъ нихъ, кои будутъ одушевлены такимъ же великодушіемъ, какъ ихъ героическіе предшественники, посвятятъ свободной защитѣ всѣхъ угнетенныхъ не свою шпагу, но свое богатство, свою дѣятельность, въ случаѣ надобности всю свою энергію. Точно также, какъ въ средніе вѣка, это добровольное служеніе будетъ практиковаться, главнымъ образомъ, по отношенію къ классамъ, особенно страдающимъ отъ свѣтскаго гнета, т.-е. по отношенію къ женщинамъ, философамъ и пролетаріямъ. Невозможно предположить, чтобы учрежденіе, наилучше проникнутое социальнымъ чувствомъ, могло бы остаться чуждымъ строю, который наиболѣе полно разовьетъ общественное чувство.

Съ этой точки зрѣнія, окончательное пересозданіе рыцарскихъ нравовъ приведетъ только къ обновленію великаго средневѣковаго учрежденія, соответствующему новому умственному и социальному состоянію. Теперь, какъ и тогда, самоотверженное служеніе сильныхъ на пользу слабыхъ станетъ естественнымъ продолженіемъ подчи-

ненія политики морали. Именно такимъ путемъ умѣряющая власть находить великодушныхъ покровителей именно въ нѣдрахъ управляющей власти, которую она должна заставить достойно и строго выполнять свои соціальныя обязанности. Но, помимо этого общаго служенія, феодальное рыцарство имѣло по отношенію къ женщинамъ болѣе специальное и болѣе интимное назначеніе, касательно котораго происхождение позитивнаго строя будетъ наиболѣе полнымъ и наиболѣе очевиднымъ.

Въ своей попыткѣ образовать культъ женщины, феодальное чувство встрѣчало со стороны католическаго принципа мало содѣйствія и во многихъ отношеніяхъ даже серьезныя препятствія. Будучи непосредственно неблагопріятными для истинной взаимной нѣжности, христіанскіе нравы способствовали ея подъему только косвенно, предписывая постоянное цѣломудріе, необходимое условіе настоящей любви. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ рыцарскимъ симпатіямъ приходилось вести непрерывную борьбу съ эгонистической суровостью режима, который всегда допускалъ бракъ лишь какъ неизбежную слабость, неблагопріятствующую личному спасенію. Даже благотворная заповѣдь о цѣломудріи была тогда искажена корыстными мотивами, значительно вредившими ея моральному значенію. Вотъ почему, не взирая на поразительное постоянство нашихъ великодушныхъ предковъ, въ средніе вѣка могли быть сдѣланы только несовершенныя попытки установить культъ женщины, особенно въ народныхъ нравахъ. Вопреки эмпирическимъ притязаніямъ католицизма, есть полное основаніе полагать, что, если бы феодальное состояніе могло развиваться подъ вліяніемъ политеизма, рыцарскія чувства скорѣе одержали бы верхъ.

ГЛАВА XXIV.

Культъ женщины.

Только позитивный строй, въ которомъ, въ виду цѣльности систематизаціи, мнѣнія всегда будутъ благопріятствовать правамъ, даетъ почву для полнаго развитія культа женщины. Возводя нѣжность въ главное женское свойство, новый культъ отведетъ, однако, достойное мѣсто цѣломудрію, которое онъ свяжетъ, наконецъ, съ его истиннымъ источникомъ и существеннымъ назначеніемъ, какъ главное условіе счастья и совершенствованія. Глубокое изученіе человѣческой природы безъ труда устранитъ въ этомъ важномъ вопросѣ жалкіе софизмы, внушаемые нашей анархіей поверхностнымъ умомъ, соединеннымъ съ грубыми сердцами. Даже научный материализмъ представитъ въ этомъ отношеніи мало дѣйствительныхъ препятствій моральной миссіи позитивизма. Извѣстный врачъ Гуфландъ уже замѣтилъ, что всѣмъ извѣстная мощь древнихъ рыцарей вполне устраняетъ всякое серьезное возраженіе о физическихъ опасностяхъ постояннаго воздержанія. Не расчленяя различныя части этого вопроса, позитивная оцѣнка легко установитъ, что цѣломудріе, налагаемое сначала какъ условіе всякой глубокой нѣжности, не менѣе важно для матеріальнаго и интеллектуальнаго совершенствованія человѣка и человѣчества, равно какъ для ихъ моральнаго прогресса.

Какъ видно изъ соображеній, изложенныхъ въ этой четвертой части, позитивизмъ располагаетъ какъ умъ, такъ и сердце надлежащимъ образомъ осуществлять въ теченіе всей дѣйствительной, какъ частной, такъ и общественной, жизни, одновременно индивидуальный и коллективный культъ пола активнымъ пола аффективного. Созданныя чтобы любить и быть любимыми, освобожденные отъ всякой практической отвѣтственности, добровольно удалившіяся въ домашнее святилище, наши западные позитивистки всегда встрѣтятъ въ семьѣ чистое уваженіе и вполнѣ искреннюю признательность. Какъ естественныя жрицы Человѣчества, онѣ будутъ свободны отъ собственныхъ сомнѣній и отъ страшнаго соперничества мстительнаго бога. Каждый изъ насъ съ дѣтства научится видѣть во всемъ ихъ полѣ главный источникъ человеческого счастья и совершенствованія, какъ общественнаго, такъ и частнаго.

Всѣ эти сокровища любви, которыя наши предки утратили ради мистической цѣли и которыми наши революціонные нравы затѣмъ пренебрегли, будутъ тогда заботливо собраны и примѣнены къ ихъ настоящему назначенію народами, чуждыми всякой унижающей химеры. Существа, созданныя для дѣйствія и проникнутыя сознаніемъ своей власти надъ реальнымъ міромъ, будутъ полагать свое высшее счастье въ достойномъ подчиненіи благотворному моральному вліянію существъ, посвященныхъ любви. Однимъ словомъ, мужчина будетъ сгибать колѣна только передъ женщиной.

Это постоянное поклоненіе женщинѣ вытекаетъ изъ глубокой признательности постоянно опредѣляемой точной оцѣнкой реальныхъ благодѣній пола аффективного по отношенію къ полу дѣйствующему. Въ силу привычнаго убѣжденія, каждому позитивисту станетъ ясно, что наше истинное благополучіе, какъ частное, такъ и общественное, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ моральнаго совершенствованія, и что послѣднее преимущественно обусловливается вліяніемъ женщины на мужчину, сначала какъ матери, затѣмъ какъ жены. Невозможно, чтобы подобное постоянное чувство не вызвало нѣжнаго и дѣятельнаго уваженія къ полу, который, въ силу своего социальнаго положенія, устраненъ отъ всякаго корыстнаго соперничества. По мѣрѣ того, какъ женское призваніе будетъ лучше понято и лучше развито, каждая женщина станетъ для каждаго мужчины наилучшимъ олицетвореніемъ Человѣчества.

Но этотъ культъ, первоначально вытекавшій изъ признательности, естественно питаемой мужчинами по отношенію къ женщинамъ, будетъ затѣмъ, благодаря систематической оцѣнкѣ, признанъ за новое средство достигнуть счастья и совершенства. Моральное несовершенство дѣйствующаго пола предписываетъ ему развивать, путемъ безпрестаннаго упражненія, нѣжныя чувства, которыя у него слишкомъ бездѣтельны. Ничто не можетъ лучше способствовать выполненію этого важнаго условія, чѣмъ привычное осуществленіе на практикѣ частнаго и общественнаго культа женщинъ. Именно такимъ путемъ позитивизмъ вновь найдетъ ту высокую моральную пользу, которую католицизмъ извлекалъ изъ молитвы.

При поверхностной оцѣнкѣ этотъ религіозный обычай представляется теперь неотдѣлимымъ отъ своекорыстныхъ мечтаній, обусловившихъ его зарожденіе у перобытныхъ людей. Но католическая систематизація всегда стремилась его отъ нихъ освободить, хотя теологическое міросозерцаніе никогда не могло этого позволить въ

полной мѣрѣ. Начиная со Св. Августина, всё чистыя души, возвышаясь надъ христіанскимъ эгоизмомъ, все болѣе и болѣе понимали, что молитва не должна быть непремѣнно просьбой. Когда возобладаетъ истинная теорія человѣческой природы, станетъ возможнымъ лучше оцѣнить эту высокую функцію, которую окончательный порядокъ долженъ болѣе развить, на основаніи лучшаго принципа.

Въ нормальномъ состояніи человѣчества молитва, очищенная отъ личнаго расчета, станетъ, согласно ея истинному назначенію, торжественнымъ индивидуальнымъ или коллективнымъ изліяніемъ великодушныхъ чувствъ, всегда связанныхъ съ общими воззрѣніями. Позитивизмъ предпишетъ ежедневную молитву, какъ средство противъ эгоистическихъ побужденій и узкихъ идей, обыкновенно внушаемыхъ активной жизнью. Она, поэтому, будетъ рекомендоваться, главнымъ образомъ, мужчинамъ, такъ какъ они болѣе нуждаются въ подобномъ средствѣ, которое приводило бы ихъ регулярно къ цѣльнымъ взглядамъ и къ безкорыстнымъ привязанностямъ, отъ которыхъ обычная дѣятельность ихъ удаляетъ.

Дабы лучше обезпечить ея цѣлесообразность, важно, чтобы ея предметъ былъ ясно определенъ. А это условіе естественнымъ образомъ выполняется кулътъ женщины, который можетъ поэтому стать болѣе благотворнымъ, чѣмъ кулътъ Бога. Безъ сомнѣнія, человѣческая молитва должна въ конечномъ итогѣ имѣть въ виду прежде всего Человѣчество, какъ я это особо укажу въ концѣ настоящаго «Обзора». Но эта цѣль была бы слишкомъ смутна и не дала бы тѣхъ спасительныхъ результатовъ, которые можно ожидать отъ подобнаго обычая. Возможно, что женская любовь способна на такое внезапное и прямое расширеніе. Но какъ бы то ни было, активный полъ даже въ лицѣ класса мыслящаго, лучше склоннаго все обобщать, не можетъ на это притязать. Поэтому сначала частный, затѣмъ общественный кулътъ женщины одинъ только можетъ подготовить мужчину къ реальному култу Человѣчества.

Врядъ ли есть такой несчастливецъ, который не могъ бы найти среди женщинъ достойнаго предмета—будь то жена или мать—особой привязанности, которая была бы въ состояніи предохранить его сердце отъ непостоянства въ его частномъ обожаніи любящаго пола. Смерть, которая, кажется, должна разрушать этотъ личный кулътъ, напротивъ, можетъ, когда послѣдній прочно построенъ, его укрѣпить, сильнѣе его очищая. Позитивизмъ сумѣетъ ясно показать связь настоящаго со всѣмъ прошлымъ и даже будущимъ не только въ коллективной жизни. Когда его доктрина, объединяющая всѣхъ индивидуумовъ и всѣ поколѣнія, станетъ привычной, она позволитъ каждому лучше оживить свои наиболѣе дорогія воспоминанія. Сверхъ того, въ позитивномъ строѣ, даже у самыхъ незначительныхъ гражданъ, частная жизнь будетъ глубоко связана съ общественной жизнью. Хорошо просвѣщенные умы уже привыкли жить со своими выдающимися предшественниками среднихъ вѣковъ и даже древности почти также, какъ они жили бы со своими отсутствующими друзьями. Почему сердце, гораздо болѣе энергичное чѣмъ умъ, не могло бы также позволить это идеальное воскресеніе?

Общественная жизнь даетъ намъ уже частые примѣры въ высокой степени развитыхъ у цѣлыхъ народовъ симпатій и антипатій по отношенію къ главнымъ историческимъ личностямъ, въ особенности, когда ихъ дѣйствительное вліяніе до-

ступлю оцѣнкѣ. Ничто не мѣшаетъ распространить на частные случаи и на личныя отношенія подобную аффективную способность.

Наша моральная культура совершалась до сихъ поръ при столь мало удовлетворительномъ режимѣ, что мы не можемъ теперь себѣ достаточно представить, какъ успѣшно будетъ ея позитивное преобразование, при которомъ всѣ чувства и мысли сосредоточатся на человѣческой жизни. Возможность жить съ успѣхами является однимъ изъ наиболѣе драгоценныхъ преимуществъ человѣчества, у котораго эта возможность развивается все болѣе по мѣрѣ того, какъ его идеи расширяются и его чувства очищаются. Позитивизмъ долженъ способствовать самопроизвольному и систематическому увеличенію этой возможности не только для общества, но и для отдѣльных лицъ. Онъ распространить ее также на будущее, позволяя намъ жить съ тѣми, которые еще не родились; это сліяніе съ будущими поколѣніями было невозможно раньше только въ виду отсутствія истинной исторической теоріи, обнимающей однимъ цѣльнымъ взглядомъ судьбы человѣчества. Масса примѣровъ показываетъ намъ способность человѣческаго сердца на эмоціи, не имѣющія другого объективнаго основанія, кромѣ идеальнаго. Видѣнія, свойственныя политеисту, мистическія чувства монотеиста знаменуютъ собой въ прошломъ естественную способность, которую будущее должно использовать, давая ей болѣе реальное и болѣе благородное назначеніе, соотвѣтственно лучшей общей философіи.

Такимъ образомъ, даже тѣ, коимъ не посчастливилось бы найти достойный предметъ личной привязанности, могли бы, тѣмъ не менѣе, надлежащимъ образомъ установить для себя частный культъ женщины, избирая среди нашихъ предшественницъ наиболѣе подходящій къ ихъ собственной природѣ типъ. Люди съ болѣе сильнымъ воображеніемъ могли бы открыть такимъ же путемъ область будущаго, создавая себѣ еще болѣе совершенный идеалъ.

Въ сущности, то, о чемъ мы сейчасъ говорили, часто дѣлали наши рыцарскіе предки, несмотря на свое наивное невѣжество. Усвоеніе здравой исторической теоріи должно увеличить въ этомъ отношеніи наши естественныя способности.

Позитивная доктрина тѣмъ лучше распространить эту благотворную способность на будущее и на прошлое, что она сможетъ ее предохранить отъ всякаго ослабляющаго уклоненія отъ предмета, подчинивъ ее объективнымъ законамъ, могущимъ сдерживать самопроизвольное непостоянство человѣческаго сердца.

ГЛАВА XXV.

Культъ женщины подготавливаетъ культъ Человѣчества.

Я долженъ былъ настаивать на этомъ иногда реальномъ, иногда идеальномъ учрежденіи частнаго и индивидуальнаго культа женщины, потому что иначе ея общественный и коллективный культъ не будетъ имѣть свойственнаго ему глубокаго моральнаго значенія. Объединеніе мужчинъ способствуетъ укрѣпленію и развитію ихъ собственныхъ чувствъ, но не можетъ внушать имъ таковыхъ, и если бы каждый въ отдѣльности не чувствовалъ постоянно нѣжнаго благоговѣнія къ тѣмъ, на комъ сосредоточены наши главные страсти, то толпа, состоящая изъ такихъ личностей, ограничивалась бы повтореніемъ въ храмахъ Человѣчества пустыхъ формулъ въ честь женщинъ. Но тѣ, кои ежедневно искренно изливаютъ передъ ними свои сокровенныя нѣжныя чувства, часто смогутъ при ихъ дѣйствительномъ содѣйствіи воспламенить свои благородныя страсти до наиболѣе благотворнаго энтузіазма.

Въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ моей вѣчной подружѣ я ей говорю: «среди самыхъ тяжелыхъ мученій, какія только могутъ вытекать изъ привязанности, я не переставалъ чувствовать, что главное условіе счастья—это, чтобы сердце было всегда переполнено любовью къ достойному предмету»¹⁾. Послѣ нашей роковой объективной разлуки, повседневный опытъ лучше подтвердилъ эту оцѣнку, которая, сверхъ того, вполнѣ совпадаетъ съ истинной теоріей человѣческой природы. Вотъ посредствомъ усвоенія подобныхъ индивидуальныхъ привычекъ можно надлежащимъ образомъ подготovitъ практическое осуществленіе искренняго коллективнаго поклоненія женщинѣ.

Позитивизмъ, безспорно, еще болѣе способенъ къ этому общественному культу женщины, чѣмъ къ ея частному культу. Ибо только систематическое преобладаніе соціальной точки зрѣнія позволяетъ воздавать подобное уваженіе основному назначенію любящаго пола. Въ средніе вѣка въ большихъ собраніяхъ рыцари проявляли одновременно свои различныя индивидуальныя чувства, не поднимаясь, однако, никогда выше простаго коллективнаго продолженія частнаго культа. Хотя этотъ частный культъ долженъ оставаться преддверіемъ общаго, послѣдній будетъ состоятъ, главнымъ образомъ, въ прямомъ проявленіи признательности народа къ женскому полу за соціальное служеніе въ качествѣ естественнаго органа основнаго принципа человѣческаго единства и перваго элемента умѣряющей власти. А подобная оцѣнка была невозможна въ средніе вѣка, за отсутствіемъ настоящей соціальной теоріи, обнимающей совокупность реальныхъ отношеній. Она даже была бы несогласна съ господствующей доктриной, въ которой Богъ присвоилъ Себѣ мѣсто человѣчества.

¹⁾ См. Завѣщаніе Огюста Конта.

ГЛАВА XXVI.

Исключительныя женщины.

Восхваленіе исключительныхъ женщинъ настолько входитъ въ задачи позитивизма, что онъ можетъ таковое распространить даже на аномаліи. Безъ сомнѣнія, общественный культъ женщины, какъ и ея частный культъ, долженъ относиться, главнымъ образомъ, къ характеризующему ее аффективному призванію. Но слѣдуетъ также уміть воздавать должныя почести исключительнымъ натурамъ, которыя оказали дѣйствительныя услуги человечеству либо па поприщѣ чистаго мышленія, либо въ области практической дѣятельности, еще болѣе чуждой женскому типу.

Абсолютный характеръ теологической философіи лишалъ ее подобной гибкости, которая тяжело отразилась бы на ея главныхъ соціальныхъ предписаніяхъ. Поэтому католицизмъ, несмотря на свои первоначально искреннія сожалѣнія, вынужденъ былъ оставлять безъ почитанія память замѣчательнѣйшихъ женщинъ, культъ которыхъ былъ бы тогда, на самомъ дѣлѣ, еще болѣе вреденъ для морали, чѣмъ полезенъ для политики. Ничто не характеризуетъ лучше это необходимое безсиліе теологической философіи, какъ удивительная исторія героической дѣвы ¹⁾, спасшей Францію въ четырнадцатомъ вѣкѣ. Людовикъ XI, справедливо оцѣнивая ея выдающіяся заслуги, возбудилъ вопросъ объ ея канонизаціи, которая была одобрена папскою властью. Однако, эта власть не опредѣляла какъ осуществлять на практикѣ почитаніе ея памяти, и это вскорѣ привело духовенство къ тому, что оно постепенно охладѣло къ этому великому имени, которое особенно напоминало ему о его соціальномъ безсиліи. Такое поведеніе нѣсколько не случайно и даже не является достойнымъ порицанія; ибо оно было сначала подсказано весьма законными въ то время опасеніями моральныхъ опасностей, связанныхъ съ подобнымъ чествованіемъ, которое могло подѣйствовать извращающимъ образомъ на женскіе нравы.

Но эта несовмѣстимость существуетъ только для абсолютной доктрины, неспособной прославлять исключительную женщину безъ того, чтобы не нарушить правила. Позитивизмъ еще убѣдительнѣе, чѣмъ католицизмъ, доказываетъ, что военная жизнь чрезвычайно далека отъ истиннаго призванія женщины. Тѣмъ не менѣе, онъ одинъ только можетъ достойно чествовать безнодобную дѣву чествованіемъ памяти которой пренебрегла теологическая философія, вслѣдствіе своего безсилія, и которую метафизическій цинизмъ осмѣлился очернить даже во Франціи. Торжественное поминованіе ея въ каждую годовщину ея славнаго мученичества будетъ не только національнымъ, но также западно-европейскимъ, какъ и совершенное ею огромное благодѣяніе, безъ котораго нормальный центръ избранныхъ народовъ, быть-можетъ, потерялъ бы свою независимость, необходимую для его европейской роли. Сверхъ

¹⁾ Жанна д'Аркъ.

того, такъ какъ весь Западъ болѣе или менѣе раздѣляетъ заблужденія вольтеріанства, онъ долженъ равнымъ образомъ весь, безъ исключенія, способствовать ихъ позитивистскому исправленію.

Отнюдь не оскорбляя женскихъ правовъ, это исключительное прославленіе сможетъ ихъ укрѣпить, характеризуя данный случай, какъ уклоненіе отъ нормы и показывая при какихъ условіяхъ возможно подобное почитаніе. Это явится новымъ подтвержденіемъ того, что относительный характеръ позитивизма сообщаетъ ему многія моральныя преимущества, такъ какъ только позитивизмъ способенъ цѣнить исключенія, не ослабляя значенія правилъ. Это назначеніе позитивистскаго культа женщины мужчиною вызываетъ весьма щекотливый вопросъ относительно способа удовлетворенія такой же потребности у другого пола. Если мужчины не могутъ прямо подняться до реального культа Человѣчества иначе, какъ черезъ это естественное преддверіе, то женщины, хотя и болѣе любящія, быть-можетъ, также нуждаются въ аналогичной подготовкѣ. Но у нихъ она, конечно, должна принять иное направленіе, дабы лучше развитъ у cadaго пола тѣ моральныя качества, которыя ихъ природа оставила недостаточно развитыми. Ибо энергія также является характерной чертой человѣчества, какъ и нѣжность, какъ это показываетъ удачное двусмысленное значеніе слова сердце. Мужчина, недостаточно нѣжный отъ природы, нуждается въ этомъ отношеніи въ частомъ упражненіи, что представляется для него возможнымъ на почвѣ поклоненія женщинамъ. Напротивъ, аффективный полъ, у котораго ощущается недостатокъ въ энергіи, долженъ направить свою спеціальную подготовку къ окончательному культу Человѣчества такъ, чтобы болѣе развивать въ себѣ мужество, чѣмъ любовь. Но я, какъ мужчина, не въ состояніи глубже изслѣдовать эти интимныя потребности женскаго сердца. Философскій свѣтъ открываетъ мнѣ этотъ незамѣченный пробѣлъ, не давая мнѣ, однако, возможности его заполнить. Эта задача можетъ быть разрѣшена только женщиной; и я ее предоставилъ бы моей незабвенной подругѣ, если бы тому не помѣшала ея преждевременная смерть, которую, я надѣюсь, будетъ оплакивать со мной весь цивилизованный міръ.

Мысли, изложенныя въ этой четвертой части, заставляютъ меня, какъ философа, глубоко чувствовать нашу объективную разлуку. Я полагаю, что мнѣ удалось исполнить установить основную способность позитивизма надлежащимъ образомъ пріобрѣсти женщинъ къ великому современному движенію, осуществляя, лучше чѣмъ католицизмъ, всѣ ихъ желанія домашняго и социальнаго характера, въ виду той благородной и естественной роли, которую онъ имъ отводитъ въ окончательномъ строѣ. Тѣмъ не менѣе, я не могу надѣяться на ихъ дѣятельное участіе, которое могло бы вытекать изъ достаточнаго усвоенія ими подобныхъ воззрѣній, откуда изложеніе таковыхъ не будетъ сдѣлано женщиной, единственно способной исполнить приспособить его къ ихъ характеру и ихъ привычкамъ. До тѣхъ поръ ихъ даже будутъ считать неспособными понять когда-либо новую философію, несмотря на то, что онѣ, какъ это было выше указано, въ силу своей природы, сами собою тяготеютъ къ позитивизму.

Всѣ эти препятствія оказались исполнѣ устранимыми содѣйствіемъ моей благородной и нѣжной подруги, которой я посвятилъ этотъ новый трактатъ. Хотя это

исключительное посвященіе можетъ показаться преувеличеннымъ, я боюсь теперь, пяти лѣтъ спустя послѣ этого изъясненія моего благоговѣнія, что я слишкомъ слабо выражалъ ту глубокую признательность, которую я чувствую къ этой женщинѣ за ея добродѣтельное вліяніе, безъ котораго моральное развитіе позитивизма было бы надолго отсрочено.

Одинаково выдающаяся какъ по своему уму, такъ и по своему сердцу, Клотильда де Во понимала способность новой философіи надлежащимъ образомъ преобразовать женское вліяніе, столь искаженное, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, во время революціоннаго переходнаго состоянія. Непонятая всѣми, особенно своей собственной семьей, она, однако, благодаря своей великой душѣ, не питала никакой злобы къ людямъ. Не взирая на пережитыя ею столь же необыкновенныя, сколь и незаслуженныя несчастія, она, благодаря своей исключительной чистотѣ, не поддавалась разрушающимъ семью софизмамъ, раньше даже, чѣмъ она оцѣнила умомъ истинную теорію брака. Единственный трудъ ¹⁾, который она напечатала, содержитъ въ этомъ отношеніи удивительное правило, которое въ виду собственной судьбы автора становится особенно трогательнымъ: «Недостойно великихъ сердецъ, — говоритъ она, — распространять на другихъ испытываемыя ими душевныя тревоги». Въ прелестной повелѣхъ, предшествующей ея работѣ по позитивизму, мы находимъ ниже приводимое характерное мнѣніе о призваніи женщины, столь убѣдительное въ устахъ такого судьи: «Доставлять мужчинѣ удобства и радости домашняго очага и получать отъ него взаимныя средства къ существованію, доставляемыя трудомъ, развѣ это не истинное назначеніе женщины? Мнѣ гораздо пріятнѣе видѣть бѣдную мать семейства, стирающую бѣлье своихъ дѣтей, чѣмъ распространяющую ради заработка, внѣ семьи, плоды своего ума. Я исключаю, конечно, выдающихся женщинъ, которыхъ ихъ гений толкаетъ вонъ изъ узкихъ домашнихъ сферъ. Такія женщины должны получить возможность свободно развивать свои общественныя дарованія, ибо проявленіе есть истинный свѣточъ, освѣщающій путь вышнихъ умовъ».

Эти мысли, высказанныя молодой дамой, столь же замѣчательной по своей красотѣ, сколь и по своимъ нравственнымъ качествамъ, уже являются достаточнымъ опроверженіемъ нашихъ анархическихъ утопій. Но, кромѣ того, сочиненіе болѣе обширное, которое смерть помѣшала закончить, было прямо предназначено для отраженія ударовъ, нанесенныхъ основамъ семьи одной краснорѣчивой современницей, уступавшей, однако, нашему автору, какъ въ талантѣ, такъ и въ добродѣтели. Руководимая чувствомъ, эта высокоодаренная душа умѣла подчиняться справедливому вліянію ума. Приступая къ своимъ позитивистскимъ работамъ, она мнѣ писала: «Я лучше, чѣмъ кто бы то ни было, поняла слабость нашей природы, когда она не направляется къ возвышенной и недоступной страстямъ цѣли». Немного времени спустя, среди наиболѣе пріятныхъ дружескихъ изліяній, ея женское перо, почти безсознательно, начертила слѣдующую глубокую моральную сентенцію: «Нашему роду, болѣе чѣмъ всякому другому, нужны обязанности, чтобы воспитывать чувства».

Неудивительно поэтому, что моя святая Клотильда, имѣя такую подготовку,

¹⁾ Перепечатано въ началѣ 1-го тома «Système de Politique positive».

правильно поняла моральное значеніе позитивизма, хотя она могла посвятить изученію этого вопроса только послѣдній годъ своей жизни. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти она мнѣ писала по этому поводу: «Если бы я была мужчиной, вы имѣли бы въ моемъ лицѣ восторженнаго ученика; я вамъ предлагаю взаимнѣ искреннюю поклонницу». Это самое письмо слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ея предполагавшееся участіе въ моральномъ установленіи новой философіи: «Женщина всегда выигрываетъ отъ того, что скромно идетъ позади новаторовъ, хотя и теряетъ при этомъ часть своего порыва». Тутъ же характеризуя нашу умственную анархію, она даетъ слѣдующій прекрасный образъ: «мы всѣ стоимъ еще нетвердой ногой у порога истины».

Подобная сотрудница, объединявшая въ своемъ лицѣ всѣ качества, разсѣянные до сихъ поръ между различными выдающимися женщинами, сумѣла бы скорѣе приобщить свой полъ къ окончательному возрожденію, такъ какъ она уже осуществляла нормальное воздѣйствіе чувства на разсудокъ, въ чемъ и должно затѣмъ состоять главное социальное служеніе женщинъ. По ея достаточномъ ознакомленіи съ позитивной философіей, я хотѣлъ указать опредѣленную, хотя и обширную цѣль всему ея сотрудничеству въ области позитивизма,—цѣль, вполне соответствующую ея интеллектуальной и моральной природѣ.

Я считаю долгомъ изложить здѣсь эту цѣль, дабы лучше охарактеризовать особое участіе женщинъ въ установленіи на Западѣ позитивизма, которое аналогично ихъ конечной социальной службѣ. Оно касается, главнымъ образомъ, двухъ многочисленныхъ южныхъ народовъ. У другихъ народовъ оно ограничивается вліяніемъ на отдѣльныя лица, которыя, хотя и живутъ въ эмансипированной средѣ, отстали въ своемъ развитіи. Многочисленные успѣхи, которые уже были достигнуты въ этомъ послѣднемъ случаѣ, напередъ убѣждаютъ меня въ общемъ значеніи ниже приводимыхъ средствъ.

ГЛАВА XXVII.

Женщины распространяютъ позитивизмъ среди населенія южныхъ странъ.

Освобожденіе мысли на Западѣ началось у двухъ сѣверныхъ народовъ ¹⁾ и сопровождалось всѣми опасностями, сопряженными съ движеніемъ, которое могло быть въ то время только эмпирическимъ. Благодаря установленію протестантства, застой, созданный метафизикой, приобрѣлъ постоянство, которое очень вредно отразилось на прогрессѣ прошлыхъ эпохъ и которое составляетъ еще и теперь главное препятствіе для рѣшительнаго обновленія. Избавленный, къ счастью, отъ этой мнимой рефор-

¹⁾ Англія и Германія .

маціи, нормальный центръ Западной республики ¹⁾ на версталъ затѣмъ потерянное время, перейдя сразу, подъ влияніемъ вольтеріанства, къ полной эмансипаціи, позволившей ему вновь занять естественно присущее ему мѣсто главы общаго окончательнаго возрожденія. Но, избѣгнувъ, такимъ образомъ, непослѣдовательности и колебаній протестантства, французскій народъ оказался беззащитнымъ отъ анархическихъ тенденцій, которыя должны были вызвать полное преобладаніе революціонной метафизики. Это систематическое отрицаніе, продолжавшееся слишкомъ долго, составляетъ теперь главное препятствіе для окончательнаго преобразованія, которое оно столь удачно подготовило.

Можно поэтому надѣяться, что при своемъ неизбѣжномъ распространеніи у двухъ южныхъ народовъ, западная эмансипація найдетъ болѣе благоприятныя условія среди населенія, гдѣ католицизмъ лучше устоялъ до сихъ поръ сперва противъ протестантства, затѣмъ противъ деизма. Если Франція перескочила черезъ кальвинизмъ, почему бы Италия и даже Испанія не могли бы миновать также вольтеріанство? Естественнымъ возмѣщеніемъ кажущейся отсталости южныхъ народовъ было бы то, что они прямо перешли бы отъ католицизма къ позитивизму, не останавливаясь серьезно ни на какомъ отрицательномъ ученіи. Хотя новая философія не могла зародиться среди этихъ народовъ, вслѣдствіе ихъ недостаточной предварительной подготовки, она, тѣмъ не менѣе, можетъ тамъ сразу занять преобладающее положеніе, послѣ того какъ она будетъ надлежащимъ образомъ разработана въ своемъ естественномъ очагѣ. Достаточно, чтобы позитивизмъ, не занимаясь никакой прямой критикой, отнынѣ сталъ бы непосредственно конкурировать съ католицизмомъ на почвѣ всѣхъ его нынѣшнихъ или даже прошлыхъ социальныхъ функцій.

Всѣ памятники, въ особенности поэтическіе, свидѣлствуютъ, по крайней мѣрѣ относительно Италіи, что до религіознаго движенія, начатаго Лютеромъ, западные вѣрованія были въ большемъ упадкѣ на Югѣ, чѣмъ на Сѣверѣ. Отсталое сопротивление католицизма не могло тамъ достаточно оживить христіанскую вѣру. Эти народы, которые считаются отсталыми, въ дѣйствительности исповѣдуютъ возрѣвія католицизма только потому, что не находятъ другого пути для реального удовлетворенія своихъ моральныхъ и социальныхъ потребностей. Сердце тамъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, расположено къ позитивизму, такъ какъ тамъ менѣе извращенъ инстинктъ братства, который у сѣверныхъ протестантовъ получилъ столь тяжелые удары отъ развитія промышленности. Въ то же время умъ тамъ менѣе далекъ основному принципу новой политики о нормальномъ отдѣленіи свѣтской власти отъ духовной.

Такимъ образомъ, позитивизмъ тамъ достигнетъ рѣшительнаго преобладанія, какъ только будетъ признана его дѣйствительная способность удовлетворить лучше католицизма всѣмъ условіямъ, характеризовавшимъ средневѣковый режимъ. А такая оцѣнка принадлежитъ болѣе къ области чувства, чѣмъ къ области разсудка, такъ какъ эти условія были, главнымъ образомъ, моральныя. Поэтому подобная пропагандистская миссія вполне соответствуетъ особой природѣ женскаго таланта. Именно черезъ женщинъ позитивизмъ долженъ проникнуть въ Италію и Испанію, между тѣмъ какъ мужчины уже внесли его въ Англію и, въ особенности, въ Голландію, являю-

¹⁾ Франція.

щуюся, начиная съ среднихъ вѣковъ, постояннымъ авангардомъ всей Германіи. Но этотъ призывъ къ позитивизму итальянцевъ и испанцевъ можетъ надлежащимъ образомъ исходить только отъ выдающейся француженки, и отнюдь не отъ француза, ибо слова, идущія отъ сердца, будутъ лучше поняты сердцемъ. Это краткое указаніе можетъ, мнѣ кажется, заставить оцѣнить моего несравненнаго друга, которому я назначалъ подобную роль, и подготовить ему достойную замѣстительницу.

Итакъ, первый рѣшительный приѣзъ подтверждаетъ мою естественную надежду привлечь женскія сердца къ философскому движенію, указывающему имъ теперь высокую социальную миссію, которая является характернымъ началомъ ихъ будущаго нормальнаго служенія. Какимъ бы исключительнымъ ни казалось это первое сотрудничество, оно могло только предварить общее присоединеніе женщинъ къ этому движенію. Ибо одаренныя натуры только раньше другихъ подвергаются превращеніямъ, которыя должны стать всеобщими и лучшими органами которыхъ онѣ являются. За исключеніемъ ея поразительныхъ природныхъ моральныхъ и умственныхъ качествъ, преждевременно созрѣвшихъ вслѣдствіе пережитаго ею горя, никакія другія обстоятельства не располагали мою святую подругу стать въ ряды позитивистовъ. Если бы она принадлежала къ пролетаріямъ или къ необразованному классу, она, быть-можетъ, еще легче уловила основной духъ и социальное назначеніе новой философіи.

ГЛАВА XXVIII.

Женщина есть симпатическій элементъ умѣряющей власти.

Какъ видно изъ соображеній, изложенныхъ въ этой четвертой части, наиболѣе систематическій элементъ умѣряющей власти связанъ родственными узами съ наиболѣе симпатическимъ элементомъ, также какъ и съ элементомъ наиболѣе энергичнымъ. Только это присоединеніе женскаго элемента позволяетъ философамъ дополнить организацію моральной силы, основанной сначала на союзѣ съ народомъ. Давая теперь толчекъ преобразовательному движенію, долженствующему завершить революцію, это рѣшительное сочетаніе усилій философовъ, пролетаріевъ и женщинъ откроетъ уже окончательный порядокъ, такъ какъ каждый умѣряющій элементъ будетъ здѣсь дѣйствовать сообразно своему будущему нормальному назначенію и своему естественному положенію относительно руководящей власти. Такимъ образомъ, философскій элементъ, объединяющій два другихъ, найдетъ для своей социальной миссіи въ каждой семьѣ благопріятную частную помощь, усиливаемую въ каждомъ городѣ могущественнымъ общественнымъ сотрудничествомъ.

Всѣ вліянія, долженствующія оставаться чуждыми практическому управленію, будутъ тогда способствовать подчиненію специальной политики постояннымъ правиламъ всеобщей морали. Въ исключительныхъ случаяхъ дѣятельное участіе народа будетъ избавлять два другихъ умѣряющихъ элемента отъ всякаго прямого вмѣша-

тельства, могущаго повлечь за собой искаженіе ихъ умозрительнаго или аффективнаго характера, которые важно поддерживать въ его первоначальной чистотѣ и поэтому держать ихъ всегда вдали отъ участія въ какой-либо власти.

Но эта двоякая и основная поддержка, дѣлая моральную силу болѣе значительной, чѣмъ въ средніе вѣка, поставитъ ея систематическимъ носителямъ тяжелыя условія. Въ особенности нужно будетъ, чтобы у жреца Человѣчества его сердечныя качества всегда находились въ гармоніи съ его цѣльнымъ міросозерцаніемъ. Онъ сможетъ пріобрѣсти согласіе прекраснаго пола и помощь народа только при условіи, что онъ станетъ такимъ отзывчивымъ и чистымъ, какъ женщина и въ то же время такимъ энергичнымъ и безпечнымъ, какъ пролетарій. Безъ этого рѣдкаго соединенія моральныхъ качествъ, новая теоретическая власть никогда не достигнетъ того соціальнаго вліянія, которое требуется позитивизмомъ. Хотя въ ея рукахъ будутъ всѣ внутреннія и вѣшнія средства воздѣйствія, она вскорѣ пойметъ, что крайнее несовершенство человѣческой природы выдвигаетъ вѣчныя препятствія осуществленію характерной задачи позитивизма — установить постоянное преобладаніе общественнаго чувства надъ личнымъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Эстетическая способность позитивизма.

ГЛАВА I.

Позитивизмъ и искусство.

Охарактеризовавъ основной духъ и социальное назначеніе единственной философіи, которая могла бы прекратить революцію, я достаточно разъяснилъ, какимъ образомъ это систематическое движеніе должно получить рѣшительное преобладаніе, благодаря дѣятельному сотрудничеству пролетаріевъ и искреннему единомыслію женщинъ. Но преобразующая сила, основанная на этомъ сочетаніи трехъ элементовъ не обнимаетъ еще всей совокупности человѣческихъ способностей, если она не выполнитъ важнаго дополнительнаго условія, которое мнѣ осталось еще охарактеризовать.

Разсудокъ долженъ не только подчиняться чувству, помогая ему руководить дѣятельностью; необходимо также, чтобы онъ, не отдавая себя всецѣло во власть воображенія, побуждалъ и регулировалъ послѣднее. Въ нормальномъ состояніи нашей природы эстетическія функціи имѣютъ слишкомъ важное значеніе, чтобы ими можно было пренебрегать въ окончательномъ строѣ человѣчества и, слѣдовательно, въ систематизаціи, долженствующей его создать. Но позитивизмъ настолько удовлетворяетъ эти дополнительные условія, что, несмотря на эмпирическія предубѣжденія, мнѣ не трудно будетъ показать его прямую способность надлежащимъ образомъ упорядочить современное искусство, которое, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, столь тщетно ищетъ общаго направленія и высокаго назначенія.

Новая философія мнѣ кажется заслуживающей дѣлаемыхъ ей обыкновенно упрековъ въ анти-эстетической тенденціи только тогда, когда ее смѣшиваютъ съ ея научнымъ введеніемъ, отъ котораго столь немногіе судьи умѣютъ теперь ее отличать. Ибо эти обвиненія могли, не безъ основанія, направляться по адресу позитивной философіи, лишь пока она находилась на своей предварительной стадіи, на стадіи разсѣянной спеціализаціи, которую современные ученые неправильно продлили. Ничто такъ не противорѣчитъ изящнымъ искусствамъ, какъ уэость взглядовъ и характерныя для нашего научнаго направленія злоупотребленія анализомъ и разсужденіемъ; это направленіе, сверхъ того, весьма губительно отражается на моральномъ развитіи, являющемся первымъ источникомъ всякой эстетической наклонности.

Но позитивный духъ необходимо освобождается отъ своихъ первоначальныхъ недостатковъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширяется и систематизируется, переходя, согласно моему энциклопедическому закону, къ наиболѣе высокимъ изслѣдованіямъ. Дойдя до социальныхъ умозрѣній, составляющихъ его окончательное истинное назначеніе, онъ, въ силу характеризующей его реальности, долженъ обнять какъ эстетическія понятія, такъ и аффективныя соображенія, дабы дѣйствительно представить всю совокупность человѣческихъ явленій, какъ индивидуальныхъ, такъ, въ особенности, коллективныхъ. Примирясь, такимъ образомъ, съ двумя родами переживаній, которыя онъ сначала отвергалъ, позитивизмъ, увлеченный ихъ естественной прелестью, вскорѣ непосредственно отдается имъ, и признаетъ, наконецъ, ихъ нормальное значеніе въ нашей личной или социальной организаціи. Вотъ какимъ образомъ болѣе полное и болѣе систематическое развитіе естественно прекращаетъ раздоръ, первоначально существовавшій между современнымъ разумомъ, съ одной стороны, и чувствомъ и воображеніемъ, — съ другой.

Всякій внимательный читатель, дойдя до этого мѣста настоящаго «Обзора», долженъ будетъ убѣдиться въ отсутствіи мнимыхъ анти-эстетическихъ тенденцій у новой философіи. Если бы даже позитивизмъ не назначалъ прямо изящнымъ искусствамъ важной роли, то и тогда его косвенное вліяніе было бы для нихъ не менѣе благопріятно, въ виду его основного принципа, его характерной цѣли и его главныхъ средствъ. Единственная философія, которая можетъ отнынѣ подчинить умъ сердцу, должна способствовать развитію нашихъ эстетическихъ способностей уже въ силу того, что она вѣрнѣе чувству, являющемуся истиннымъ источникомъ послѣднихъ, главную систематизирующую роль въ построеніи человѣческаго единства. Поэтому социальная доктрина, стремящаяся прекратить революціонное состояніе, столь неблагопріятное для изящныхъ искусствъ, готовится для нихъ обширную область и прочное основаніе, устанавливая твердыя убѣжденія и устойчивыя нравы, безъ которыхъ поэзія не можетъ создавать или пробуждать ничего великаго. Побуждая нашихъ пролетаріевъ искать своего истиннаго счастья въ постоянномъ развитіи ихъ аффективныхъ и умозрительныхъ способностей, позитивизмъ черезъ образованіе, основаніе котораго преимущественно эстетическое, обеспечиваетъ искусству его естественную аудиторію.

Но чтобы предугадать естественную въ этомъ отношеніи способность новой философіи, достаточно рассмотреть ея значеніе въ женскомъ вопросѣ, ея стремленіе поднять социальное достоинство аффективнаго пола, укрѣпляя въ то же время семейные устои. Ибо изъ всѣхъ социальныхъ элементовъ женщина, безъ сомнѣнія, является элементомъ наиболѣе эстетическимъ, какъ по своей природѣ, такъ и по своему положенію; позитивный же строй сильно упрочиваетъ и развиваетъ какъ то, такъ и другое. Если наше инстинктивное стремленіе къ добру обыкновенно обязано женщинамъ своими первымъ развитіемъ, то онѣ намъ еще лучше прививаютъ чувство прекраснаго, будучи столь же способны его внушать, сколь и испытывать. Ихъ вѣжливость даетъ намъ представленіе одновременно о всѣхъ видахъ красоты не только физической, но также интеллектуальной и, въ особенности, моральной. Всѣ ихъ дѣйствія скрашиваются естественнымъ стремленіемъ къ идеальному совершенству относительно всѣхъ ихъ занятій, даже невольныхъ. Ихъ домашняя жизнь, освобожден-

ная отъ виѣшней дѣятельности, только сильнѣе развиваетъ въ этомъ отношеніи ихъ естественныя наклонности. Ибо существо, посвященное чувству, должно само собою искать всюду наилучшаго, сперва въ реальномъ мірѣ, затѣмъ въ идеальномъ образѣ.

Такимъ образомъ, доктрина, возводящая женщинъ въ первичный элементъ умѣряющей власти и вѣрящая имъ руководство основнымъ образованіемъ, не можетъ дать мѣста какому бы то ни было подозрѣнію въ анти-эстетической тенденціи.

Показавъ несостоятельность этихъ предубѣжденій, мнѣ остается прямо перейти къ характеристикѣ необходимой способности позитивизма отвести искусству надлежащее мѣсто въ современномъ строѣ и дать ему систематическую организацію и нормальное назначеніе, что породитъ могущественныя средства и даже новые органы. Сверхъ того, окончательная функція эстетическаго элемента уже указана его настоящимъ участіемъ въ преобразовательномъ движеніи наравнѣ съ народнымъ и женскимъ элементами.

ГЛАВА II.

Художникъ долженъ услаждать жизнь, а не направлять ее.

Прежде чѣмъ набросать здѣсь эту дополнительную оцѣнку, я считаю необходимымъ исправить по этому поводу глубокое, хотя временное заблужденіе, которое стремится извратить всѣ общія понятія, относящіяся къ искусству, преувеличивая его значеніе, въ силу весьма естественной реакціи, обусловливаемой нашей умственной и нравственной анархіей.

Отъ Гомера до Корнеля всѣ выдающіеся эстетическіе гении всегда считали преимущественнымъ назначеніемъ искусства услаждать жизнь, и, слѣдовательно, улучшать ее, но отнюдь не направлять ее. Дѣйствительно, ни одинъ здравый умъ не могъ предположить, что интеллектуальное превосходство будетъ когда-либо принадлежать воображенію. Въ сущности, подобное мнѣніе было бы равносильно возведенію сумасшествія въ образцовое мышленіе, ставя субъективныя вдохновенія выше объективныхъ понятій.

Наши способности представленія и выраженія необходимо подчинены нашимъ функціямъ пониманія и сочетанія. Этотъ статическій законъ непреложенъ и никогда не подвергался дѣйствительному измѣненію. Его можно даже установить при изреченіи мозговыхъ отправленій, что вноситъ беспорядокъ въ наши виѣшнія отношенія, не разстраивая, однако, основную гармонію нашихъ различныхъ внутреннихъ операцій.

Хотя тщеславная гордость послѣднихъ поэтовъ древности уже внушала имъ нѣкоторыя заблужденія, аналогичныя нынѣшнимъ притязаніямъ, искусство, тѣмъ не менѣе, никогда не рассматривалось, какъ регуляторъ политенетическаго общества, несмотря на эстетическія свойства господствовавшихъ вѣрованій. Напротивъ, Илліада и, въ особенности, Одиссея, могли бы въ случаѣ надобности служить доказательствомъ того, насколько соціальное вліяніе изящныхъ искусствъ, даже избавлен-

ныхъ отъ теократической опеки, имѣло въ то время второстепенный характеръ. Въ эпоху упадка политейзма, въ утопіи Платона дана концепція соціального строя, въ которомъ систематически отсутствуетъ всякое вліяніе поэзіи. Монотеистическій режимъ среднихъ вѣковъ еще болѣе отвергалъ эти эстетическія притязанія, хотя истинное назначеніе искусства въ эту эпоху было наилучшимъ образомъ понято. Но когда этотъ режимъ началъ разлагаться, появились, даже у несравненнаго Данте, зародыши заблужденій, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти вѣковъ постоянно развивались, благодаря революціонному переходному времени, и, наконецъ, достигли настоящаго состоянія поэтического высокомерія.

Дойдя до возможныхъ предѣловъ теологическаго состоянія, и будучи еще не въ силахъ предугадать позитивное состояніе, Западная республика заняла во всѣхъ отношеніяхъ такую отрицательную позицію, которая до тѣхъ поръ была невозможна. Все возрастающее недовѣріе свело на-нѣтъ всѣ правила и учрежденія, которыя нѣкогда сдерживали превратныя честолюбивыя стремленія. Вслѣдствіе этого постепеннаго разложенія соціальныхъ принциповъ, наивное восхищеніе, которымъ очарованный народъ вознаграждалъ эстетическое вдохновеніе, вызвало неосновательныя политическія притязанія различныхъ художниковъ и, въ особенности, говъ, ихъ естественныхъ главныхъ представителей. Хотя всякое чисто критическое направленіе несовмѣстимо съ истинной поэзіей, тѣмъ не менѣе новое искусство, начиная съ момента его зарожденія въ четырнадцатомъ вѣкѣ, принимаетъ все болѣе и болѣе дѣятельное участіе въ общемъ разрушеніи стараго режима.

Однако, пока отрицательная доктрина не была полностью выработана и не получила своего выраженія въ революціяхъ, предшествовавшихъ великому кризису, эстетическое вліяніе оставалось просто вспомогательнымъ элементомъ въ разрушительномъ движеніи, которымъ руководили метафизики и законовѣды. Но это положеніе вещей измѣнилось, и поэтическое честолюбіе начало принимать преобладающій характеръ, въ теченіе восемнадцатаго столѣтія, когда уже систематизированныя отрицательныя ученія стали рѣшительно распространяться. Тогда духовное руководство разрушительнымъ движеніемъ все болѣе и болѣе переходить отъ ученыхъ въ собственномъ смыслѣ слова къ чистымъ литераторамъ, скорѣе поэтамъ, чѣмъ философамъ, но лишеннымъ всякаго истиннаго призванія. Наступленіе великаго кризиса естественнымъ образомъ позволило этому неопредѣленному классу извлечь политическія выгоды изъ своего первенствующаго положенія въ революціи, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока начнетъ преобладать направленіе прямого преобразования общества.

ГЛАВА III.

Политическое вліяніе поэтовъ и литераторовъ. Опасности этого вліянія.

Данный нами историческій очеркъ одновременно и объясняетъ, и отвергаетъ анархическія утопіи нашего вѣка, предлагающія нѣчто въ родѣ эстетической педантократіи. Эти мечтанія, внушенныя необузданнымъ высокомѣріемъ, могутъ казаться осуществимыми только метафизикамъ, всегда склоннымъ безусловно освящать исключительные случаи. Если философы должны быть устранены отъ управленія, то поэты еще менѣе для этого пригодны. Ихъ умственная и нравственная же устойчивость, позволяющая имъ лучше отражать соотвѣтствующую среду, въ то же время дѣлаетъ ихъ непригодными для управляющей власти. Только строгое и систематическое образованіе можетъ достаточно исправить ихъ естественные недостатки, которые поэтамъ должны быть у нихъ чрезвычайно сильно развиты въ эпоху, чуждую всякаго глубокаго убѣжденія. Какъ второстепенные члены интеллектуальной власти, поэты могутъ отдаваться своему дѣйствительному призванію, лишь когда они еще рѣшительнѣе, чѣмъ главные члены, отказываются отъ свѣтскаго главенства. Философы только неспособны дѣйствовать, но они могутъ совѣтывать, между тѣмъ какъ поэты не должны притязать ни на ту, ни на другую роль. Идеализировать и побуждать—такова ихъ двоякая естественная функція, которая можетъ быть подлежащимъ образомъ выполнена только при условіи исключительнаго сосредоточенія на ней. Эта функція достаточно благородна и достаточно обширна, чтобы поглотить всѣхъ дѣйствительно предназначенныхъ къ ней. Поэтому заблужденія эстетическаго честолюбія обнаружались лишь со времени наступленія порядка вещей, совершенно несовмѣстимаго съ настоящимъ искусствомъ, ибо въ немъ отсутствуютъ опредѣленные нравы и дѣйствительныя убѣжденія. Всѣ эти неудачныя или сбивые съ пути поэты дали бы другое направленіе своей общественной жизни, если бы, благодаря преобладанію всеобщей доктрины и социальныхъ взглядовъ, истинная поэзія стала уже возможной. До этого момента эстетическія натуры будутъ попрежнему гаснуть или развращаться въ атмосферѣ жалкой политической агитаціи, болѣе благопріятной для посредственностей, чѣмъ для дѣйствительныхъ талантовъ.

Нормальное состояніе человѣческой природы одинаково подчиняетъ воображеніе разсудку и послѣднее—чувству. Всякое продолжительное уклоненіе отъ этого основнаго порядка равнымъ образомъ губительно для сердца и для ума. Мнимое царство воображенія стало бы еще болѣе развращающимъ, чѣмъ царство разума, если бы оно не было, еще менѣе чѣмъ послѣднее, совмѣстимо съ дѣйствительными условіями жизни человѣчества. Но, хотя оно неосуществимо, одно стремленіе установить его, замѣняя искусственной и зачастую ложной восторженностью, самопроизвольныя и глубокія эмоціи могутъ значительно разстроить частную жизнь. Это неправильное преобладаніе воображенія должно еще въ большей степени вредить общественной жизни, когда никакая социальная преграда не сдерживаетъ эстетическаго самолюбія. Тогда

искусство начинаетъ постепенно уклоняться отъ своего истиннаго назначенія улаживать и улучшать челоѣчество. Если бы оно стало цѣлью существованія, оно вскорѣ пришло бы въ упадокъ, и развратило бы одновременно и своихъ служителей, и свою публику. Оно постепенно свелось бы къ доставленію чувственныхъ наслажденій или даже къ простому усовершенствованію техники, безъ всякой моральной тенденціи. Эстетическія наклонности, сдерживаемыя надлежащимъ образомъ, такъ усовершенствовались современные нравы, что могутъ, въ случаѣ ихъ свободнаго развитія и незаконнаго господства, стать глубоко развращающими. Извѣстно, до какой жестокости дошла Италія, въ теченіе послѣднихъ вѣковъ преслѣдуя единственную цѣль — создать красивые мужскіе голоса.

Вырождаясь такимъ образомъ, искусство, столь способное развивать симпатическіе инстинкты, можетъ прямо пробуждать наиболѣе отвратительный эгоизмъ, вызывая полное равнодушіе къ другимъ людямъ у тѣхъ, кои полагаютъ свое высшее счастье въ наслажденіи звуками или формами.

Такова неизбѣжная опасность, еще болѣе моральная, чѣмъ умственная, сопряженная съ частнымъ и, въ особенности, общественнымъ преобладаніемъ эстетическихъ наклонностей, даже когда онѣ реальны. Но нужно также признать, что это нарушеніе основнаго порядка приводитъ вскорѣ къ неизбѣжному торжеству посредственностей, которыя, благодаря долгому упражненію, усваиваютъ приемы выполненія.

Такимъ-то образомъ мы постепенно подпали подъ позорное господство, — не менѣе гибельное для искусства, чѣмъ для философіи — вліяніи, долженствующихъ, очевидно, имѣть второстепенное социальное значеніе. Жалкая способность выражать то, чего не чувствуешь и не мысляшь, доставляетъ въ настоящее время призрачное преобладаніе талантамъ, столь же неспособнымъ ко всякому эстетическому творчеству, сколь и ко всякому научному пониманію. Эта политическая аномалія, являющаяся главной характерной чертой нашего революціоннаго состоянія, должна стать въ нравственномъ отношеніи гибельной, если эти незаслуженныя побѣды не выпадаютъ, какъ рѣдкое исключеніе, на долю настолько возвышенныхъ душъ, чтобы сумѣть сдержать ложный порывъ.

Поэты, вслѣдствіе болѣе общаго характера ихъ искусства, позволяющаго имъ быть еще болѣе честолюбивыми, подвержены этимъ опасностямъ еще болѣе, чѣмъ художники въ собственномъ смыслѣ слова. Но разработка спеціальныхъ искусствъ влечетъ за собой это зло въ еще менѣе приглядной формѣ, благодаря жадности къ деньгамъ, оскверняющей нынѣ столько талантовъ. Именно тутъ отсутствіе всякаго правила даетъ почву для проявленія ребяческаго тщеславія, которое ставитъ въ одинъ рядъ и истинныхъ творцовъ въ области эстетики и простыхъ подражателей.

Таковы необходимыя результаты постепеннаго роста поэтическаго честолюбія въ теченіе долгаго современнаго переходнаго времени. Я долженъ былъ съ надлежащей полнотой охарактеризовать здѣсь заблужденія, мѣшающія теперь всякой здравой оцѣнкѣ природы и назначенія искусства. Но это строго-критическое введеніе не можетъ оскорбить истинно-эстетическія души, которыя и сами уже близки къ пониманію, насколько нынѣшній режимъ препятствуетъ проявленію всякаго дѣйствительнаго призванія. Вопреки разглагольствованіямъ заинтересованныхъ лицъ, для настоящаго подъема искусства требуется подавленіе посредственностей, но крайней

мѣръ, въ той же степени, какъ и поощреніе одаренныхъ натуръ. Истинный вкусъ всегда неразлученъ съ отвращеніемъ.

Въ силу только того, что искусство постоянно должно, главнымъ образомъ, развивать въ насъ инстинктъ совершенства, его искреннихъ цѣнителей глубоко возмущаетъ всякое слабое произведеніе. Счастливое преимущество образцовыхъ эстетическихъ произведеній вызывать восхищеніе, не ослабляющее съ вѣками, избавляетъ насъ отъ мнимой необходимости поддерживать вкусъ портящими его новинкамъ. Если мнѣ позволено будетъ высказать мои собственные впечатлѣнія, я могу заявить, что вотъ уже тринадцать лѣтъ какъ я, слѣдуя своему уму, равно какъ своимъ наклонностямъ, ограничиваю кругъ своего обычнаго чтенія великими западными поэтами, не испытывая ни малѣйшаго любопытства къ современнымъ произведеніямъ, отличающимся прискорбной плодовитостью.

ГЛАВА IV.

Общая теорія искусства.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я долженъ прямо перейти къ характеристикѣ эстетической способности позитивизма и показать сперва, какъ онъ естественнымъ образомъ строить истинную общую теорію искусства, изъ которой до сихъ поръ существовали только отдѣльныя удачныя части. Эта систематизація эстетики вытекаетъ одновременно изъ субъективнаго принципа, объективнаго догмата и активной цѣли новой философіи, которые были опредѣлены въ двухъ первыхъ частяхъ настоящаго «Обзора».

Искусство всегда состоитъ въ идеальномъ воспроизведеніи того, что есть, и назначено развивать нашъ инстинктъ совершенства. Его область поэтому столь же обширна, сколь и область науки. Одно и другое, каждое по своему, обнимаютъ совокупность реальныхъ явленій, которыя наука оцѣниваетъ, а искусство украшаетъ. Они оперируютъ надъ своими предметами, слѣдуя по одному и тому же естественному пути, согласно моему энциклопедическому закону, т.-е., поднимаясь отъ наиболѣе простыхъ и наиболѣе вышнихъ умозрѣній къ умозрѣніямъ наиболѣе сложнымъ и наиболѣе близко касающимся человѣка. Такимъ образомъ, основная лѣстница истиннаго, которая, какъ мы видѣли во второй части, идетъ параллельно съ лѣстницей добраго, соответствуетъ также скалѣ прекраснаго, такъ что устанавливается самая тѣсная гармонія между тремя великими твореніями Человѣчества: философіей, политикой и поэзіей.

Въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище неорганическаго міра и, въ особенности, наблюденіе небесныхъ явленій открываетъ намъ первыя черты красоты: порядокъ и величіе, которыя тутъ лучше уловимы, чѣмъ въ болѣе сложныхъ и менѣе правильныхъ явленіяхъ. Высшія степени прекраснаго не могутъ быть надлежащимъ образомъ оцѣнены душами, нечувствительными къ этой первоначальной ступени. Но если философія

разсматриваетъ изученіе неорганическаго міра лишь какъ необходимое введеніе, чтобы подняться затѣмъ къ своему высшему назначенію—служить человечеству, то поэзія еще съ большимъ основаніемъ должна такъ поступать. Ея тенденція въ этомъ отношеніи даже еще рѣзче, чѣмъ однородная тенденція политики, которая, ограничиваясь сперва матеріальнымъ совершенствованіемъ, останавливается долгое время на физическомъ и затѣмъ на интеллектуальномъ совершенствованіяхъ, прежде чѣмъ прямо перейти къ своей главной цѣли, именно, къ моральному совершенствованію. Поэзія быстрѣе проходитъ три предварительныя ступени и съ меньшими усиліями поднимается къ созерцанію моральной красоты. Чувство естественно составляетъ ея главную область. Здѣсь она находитъ свои средства, равно какъ свою цѣль.

Изъ всѣхъ человѣческихъ явленій страсти суть явленія наиболѣе измѣнчивыя и поэтому наилучше идеализируемыя, а также наиболѣе доступныя совершенствованію въ силу ихъ чрезвычайной сложности, которая, согласно позитивистскому закону, обуславливаетъ ихъ большее несовершенство. Но выраженіе, даже весьма несовершенное, должно значительно вліять на функціи, которыя, по своей природѣ, стремятся выливаться наружу. Если признано, что выраженіе имѣетъ значеніе для мысли, то какъ можетъ оно не вліять на развитіе чувствъ, болѣе склонныхъ къ проявленію.

Такимъ образомъ, всякая разработка изящныхъ искусствъ, даже ограниченная чистымъ подражаніемъ, можетъ стать полезнымъ моральнымъ упражненіемъ, когда она надлежащимъ образомъ пробуждаетъ наши симпатіи и антипатіи. Но эта способность должна быть значительно болѣе совершенной, если воспроизведеніе, вмѣсто того, чтобы быть вполне вѣрнымъ, допускаетъ нѣкоторую идеализацію. Тогда искусство поднимается до своего истиннаго назначенія: созданіе живыхъ типовъ, постоянное созерцаніе которыхъ можетъ весьма усовершенствовать наши чувства и даже наши мысли. Преувеличеніе этихъ образовъ является необходимымъ условіемъ ихъ назначенія, такъ какъ они должны превосходить дѣйствительность, дабы побуждать насъ къ ея улучшенію. Эти искусственныя эмоціи, чрезвычайно важныя уже для частной жизни, становятся еще болѣе могущественными факторами въ общественной жизни, какъ вслѣдствіе болѣе высокаго значенія ихъ сюжетовъ, такъ и вслѣдствіе взаимнаго возбужденія, вытекающаго изъ взаимодействія впечатлѣній отдѣльныхъ лицъ.

ГЛАВА V.

Р о л ь п о э з і и .

Такимъ-то образомъ позитивизмъ объясняетъ и подкрѣпляетъ всеобщую оцѣнку, отводя поэзіи постоянное мѣсто между философій и политикой, какъ вытекающей изъ одной и подготавливающей другую. Само чувство—это высшее начало всего нашего существованія—подчиняется построенному философій объективному догмату о внѣшнемъ порядкѣ, господствующемъ надъ Человѣчествомъ. Еще съ большимъ осно-

ваніемъ воображеніе должно подчиняться этому догмату. Идеальность должна быть всегда подчинена реальности, ибо иначе созданный образъ можетъ оказаться слабымъ или неяснымъ. Политика, ставящая себѣ цѣлью улучшеніе естественнаго порядка, должна сначала его познать. И поэзія, хотя она ограничивается тѣмъ, что изображаетъ улучшенія, никогда не претендуя на ихъ осуществленіе, все-таки не можетъ обойтись безъ этого изученія. Ея вымыслы должны, безъ сомнѣнія, идти дальше возможностей, которыя политика только и имѣетъ въ виду; тѣмъ не менѣе, они питаются изъ одного и того же источника, изъ оцѣнки того, что есть.

Наши искусственныя усовершенствованія могутъ всегда состоять только въ мудромъ измѣненіи естественнаго порядка, къ которому нужно прежде всего постоянно относиться съ надлежащимъ уваженіемъ. Но наши воображаемыя улучшенія, хотя и болѣе обширны, не менѣе подчинены этому основному закону, который позитивная философія устанавливаетъ одинаково, какъ для поэзіи, такъ и для политики. Эта необходимость не переставала быть регуляторомъ воображенія даже въ наиболѣе поэтическія эпохи, когда существовали иныя представленія о вѣншемъ реальномъ мірѣ, чѣмъ теперь. Индивидуальная эволюція ежедневно воспроизводитъ этотъ неизбѣжный ходъ, показывая намъ, какъ ребенокъ всегда расположенъ подчинять свой идеалъ своимъ послѣдовательно приобретаемымъ понятіямъ о реальномъ.

Но если, съ одной стороны, поэзія зависитъ отъ философіи въ дѣлѣ созданія своихъ типовъ, то, съ другой, она влияетъ на политику касательно ихъ назначенія. Во всякомъ человѣческомъ дѣйствіи выполненіе предполагаетъ воображеніе, а это послѣднее—созерцаніе. Человѣкъ можетъ построить въ себѣ только то, что онъ сначала мыслилъ въ себѣ. Этотъ внутренній типъ, необходимый даже для малѣйшихъ механическихъ или геометрическихъ работъ, всегда выше реальности, которой онъ предшествуетъ и которую онъ подготавливаетъ. А для всѣхъ тѣхъ, кто не смѣшиваетъ поэзію со стихосложеніемъ, является безспорнымъ, что это послѣднее не составляетъ эстетической идеальности въ ея наиболѣе элементарной и наиболѣе всеобщей функціи. Эта функція, распространяющаяся прямо на социальныя явленія, для которыхъ искусство и наука, главнымъ образомъ, предназначены, зачастую ими игнорируется и лишь иногда несовершенно проявляется, за отсутствіемъ истинной систематизаціи. Когда она будетъ надлежащимъ образомъ упорядочена, она будетъ служить регуляторомъ для утопій, подчиняя ихъ реальному порядку, въ томъ его видѣ, какъ онъ рисуется въ будущемъ на основаніи прошлаго. Ибо утопіи являются для социального искусства, въ собственномъ смыслѣ слова, тѣмъ, чѣмъ являются геометрическіе, механическіе и т. д. типы для соответствующихъ искусствъ. Признавая ихъ необходимыми для наименѣе значительныхъ построеній, какъ можемъ мы ихъ избѣжать для наиболѣе трудныхъ? Поэтому, несмотря на эмпирическое состояніе политическаго искусства, всякому великому перевороту предшествовала, однимъ или двумя вѣками, соответственная утопія, которую внушаетъ эстетическому гению Человѣчества смутное сознаніе его положенія и его потребностей. Позитивизмъ огнюдь не изгоняетъ утопій, а стремится поставить ихъ на надлежащее мѣсто въ окончателномъ строѣ и облегчить одновременно ихъ развитіе и ихъ вліяніе, постоянно подчиняя ихъ совокупности реальныхъ законовъ, какъ для всякаго другого эстетическаго явленія. Но это систематическое признаніе утопій разбѣтъ также главныя опасности политической поэзіи,

которая вносить теперь смуту въ общественный порядокъ только вслѣдствіе недостатка истинно-философскаго источника, отсутствіе котораго должно насъ расположить къ снисходительности по отношенію къ этимъ наивнымъ произведеніямъ чловѣческаго творчества.

Вся эта позитивистская теорія сама собою резюмируется однимъ словомъ, благодаря счастливой двусмысленности обычнаго наименованія совокупности эстетическихъ функцій. Называя ихъ всѣ искусствѣмъ по преимуществу, народный инстинктъ, откуда берутъ свое начало всѣ наши языки и который гораздо болѣе просвѣщенъ, чѣмъ это предполагаетъ высокмѣріе цивилизованнаго чловѣка, смутно предугадалъ истинную энциклопедическую позицію поэзіи, находящуюся между философіей и политикой, но ближе къ послѣдней, чѣмъ къ первой. Хотя усовершенствованія, изобрѣтаемые изящными искусствами, осуществляются посредствомъ механическихъ искусствъ, тѣмъ не менѣе поэзія, видоизмѣняя наши чувства, совершаетъ уже косвенное, но важное улучшеніе. Если не отдѣлять отъ нея краснорѣчіе, являющееся, въ сущности, ея первымъ, очень часто незрѣлымъ проявленіемъ, то окажется, что она, главнымъ образомъ, производитъ наиболѣе трудное и наиболѣе рѣшительное воздѣйствіе на наши страсти, возбуждая или успокаивая ихъ не по своему усмотрѣнію, но согласно ихъ естественнымъ законамъ. Этимъ самымъ она становится, какъ это всегда чувствовали, могущественнымъ вспомогательнымъ орудіемъ морали.

Такимъ образомъ, ея названіе, относящееся къ дѣйствию, скорѣе чѣмъ къ созерцацію, является наилучше обоснованнымъ, такъ какъ она имѣетъ преимущественно въ виду наиболѣе обширное и наиболѣе важное совершенствованіе, въ осуществленіи котораго матеріальныя искусства физическія и даже интеллектуальныя, несмотря на ихъ значеніе, являются только второстепенными или подготовительными. Она часто именовалась наукой на всѣхъ западныхъ нарѣчіяхъ въ началѣ современной эволюціи, въ эпоху, когда наука въ собственномъ смыслѣ слова едва была замѣтна. Но по мѣрѣ того какъ геній научный и геній эстетическій свободно развивались, были лучше поняты ихъ характерныя различія и всюду названіе искусство въ концѣ концовъ одержало верхъ, и имъ единственно обозначаются всѣ наши поэтическія функціи. Это историческое измѣненіе еще болѣе подтверждаетъ позитивистскую характеристику идеализаціи, какъ промежуточнаго звена между оцѣнкой и осуществленіемъ.

ГЛАВА VI.

Искусство устанавливаетъ гармонію между чувствами, мыслями и дѣйствіями.

Послѣ всего вышесказаннаго не трудно понять, какимъ образомъ искусство является наиболѣе полнымъ и наиболѣе естественнымъ выразителемъ чловѣческаго единства, такъ какъ оно непосредственно связано съ тремя родами нашихъ характерныхъ проявленій, съ чувствами, мыслями и дѣйствіями. Его источникомъ служатъ первые, еще болѣе очевидныя, чѣмъ два другія. Основаніемъ для него являются

вторыхъ, а цѣлью—третьи. Отсюда вытекаетъ его счастливая способность дѣйствовать безразлично на всѣ части нашего личнаго или сѣціального существованія и, слѣдовательно, его исключительное преимущество доставлять удовольствіе одинаково людямъ всѣхъ ранговъ и всѣхъ возрастовъ.

Искусство незамѣтно приводитъ къ реальности слишкомъ отвлеченныя размышленія теоретиковъ и въ то же время оно толкаетъ практика къ благороднымъ и безкорыстнымъ умозрѣніямъ. Благодаря своему промежуточному характеру, оно особенно предназначено къ тому, чтобы развивать естественныя отношенія между страстью и разсудкомъ. Оно равнымъ образомъ способно пробуждать чувство у лицъ, слишкомъ занятыхъ умственнымъ трудомъ, и развивать вкусъ къ размышленію у наиболѣе страстныхъ душъ. Такимъ образомъ, извѣстная поговорка, представляющая искусство, какъ естественное отраженіе человѣчества, справедлива не только по отношенію къ общественной жизни, которая должна была создать почву для его возникновенія и лучше обнаружить его реальность. Искусство слѣдуетъ распространить на все наше существованіе, которое оно воспроизводитъ и измѣняетъ, ибо оно изъ него исходитъ.

Восходя до біологическаго источника этой соціологической гармоніи, мы видимъ, что она вытекаетъ изъ необходимой связи, существующей между мускульной и нервной системами. Наши движенія, сначала невольныя, затѣмъ добровольныя, переводятъ наши внутреннія впечатлѣнія и, въ особенности, моральныя, и воздѣйствуютъ на нихъ, такъ какъ они изъ нихъ вытекаютъ. Таковъ первый зародышъ истинной теоріи искусства. Въ животномъ царствѣ всякое представленіе ограничивается болѣе или менѣе выразительной мимикой, составляющей также у человѣка самородное начало эстетической эволюціи.

ГЛАВА VII.

Эстетическій процессъ: подражаніе, идеализація, выраженіе.

Наше основное опредѣленіе прямо дополняетъ статическую теорію искусства, указывая его три ступени или три главныя формы. Вопреки напраснымъ метафизическимъ различіямъ между подражаніемъ и изобрѣтеніемъ, всѣ искусства подражаютъ, и всѣ также идеализируютъ. Такъ какъ дѣйствительность составляетъ всегда естественный источникъ идеализаціи, то искусство сначала бываетъ чисто подражательное. Въ нашемъ индивидуальномъ или коллективномъ младенствѣ, рабское подражаніе даже въ самыхъ малѣйшихъ дѣйствіяхъ, подобно тому какъ у животныхъ, является первымъ проявленіемъ нашихъ эстетическихъ способностей. Но, вопреки приращеніямъ ребяческаго тщеславія, изображеніе заслуживаетъ теперь имени искусства лишь постольку, поскольку оно стало красивѣе, т.-е. совершеннѣе въ томъ отношеніи, что стало въ основѣ болѣе вѣрнымъ, представляя съ большей выпуклостію главныя черты, которые сначала уродовались, благодаря эмпирическому смѣшенію.

Именно въ этомъ состоитъ идеализація, которая, начиная отъ первыхъ образцовыхъ произведеній древности, все болѣе и болѣе характеризуетъ эстетическую обработку. Однако, не отрицая превосходства этой второй ступени, не нужно никогда забывать необходимости въ первой, при отсутствіи которой нельзя было бы ни понять истиннаго источника искусства, ни даже его собственной природы.

Характеризуемая, такимъ образомъ, преимущественно идеальнымъ творчествомъ, эстетическая обработка дополняется третьей функціей, которая не была необходима для первой ея формы, но становится неизбѣжной для второй, которой не достаетъ выразенія въ собственномъ смыслѣ слова, безъ котораго обнаруженіе стало бы невозможнымъ. Вотъ почему языкъ, располагающій звуками или формами, естественно составляетъ послѣднюю эстетическую операцію, которая не всегда соразмѣрна съ предшествующей. Если она слишкомъ несовершенна, поэтъ можетъ создавать самыя возвышенныя произведенія, и все же его дарованіе не будетъ достаточно оцѣнено такъ, какъ передача ихъ остается несовершенной. Напротивъ, великій стилистическій талантъ можетъ доставить незаконное, и поэтому только временное, превосходство, подобное тому, какимъ Расинъ долгое время пользовался надъ Корнелемъ.

Покуда искусство ограничивается первоначальнымъ подражаніемъ, оно не испытываетъ потребности въ особомъ языкѣ, мѣсто котораго оно занимаетъ. Но когда изображеніе идеализировано, при чемъ нѣкоторыя черты выведены ярче, а другія затушеваны или измѣнены, тогда картина становится прямо понятной только ея автору, который можетъ ее сдѣлать доступной пониманію другихъ лишь съ помощью дополнительнаго труда, единственно относящагося къ способу выраженія. Эта конечная операція, безъ которой искусство остается незрѣлымъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ успѣха, сводится къ тому, что поэтъ приспособляетъ свои символы къ своему внутреннему типу, подобно тому какъ онъ ихъ сначала приноровлялъ къ вѣшной природѣ. Только въ этомъ смыслѣ можно принять принципъ Гретри, распространенный затѣмъ на другія спеціальныя искусства, — что пѣніе происходитъ отъ слова, при чемъ промежуточнымъ звеномъ между ними является декламація. Можно было бы примѣнить этотъ принципъ также къ наиболѣе общему искусству, рассматривая ораторскій способъ выраженія какъ связующій стихосложеніе съ прозой. Но историческое направленіе, характеризующее новую философію, обзываетъ исправить эти взгляды и представить это отношеніе скорѣе въ обратномъ направленіи, по крайней мѣрѣ относительно эпохъ, въ которыя одновременно образуются искусства и языки.

Во всѣ наши способности выраженія имѣютъ всегда эстетическое происхожденіе, такъ какъ мы выражаемъ только то, что сильно пережили. Поэтому онѣ, въ особенности въ началѣ, касаются болѣе чувствъ, чѣмъ мыслей, въ виду большей энергіи первыхъ, являющихся главными возбудителями всякаго проявленія. Даже въ нашихъ наиболѣе разработанныхъ языкахъ, въ которыхъ умъ, подъ давленіемъ общественныхъ потребностей, такъ сковалъ чувство, можно еще ежедневно констатировать этотъ необходимый источникъ, если обратить вниманіе на музыкальную часть самой незначительной рѣчи. Если тщательно изслѣдовать повышенія и пониженія голоса, которыми изобилуетъ даже наиболѣе сухое изложеніе математики, то придется признать, что они идутъ отъ сердца, а не отъ ума, и что благодаря этому является возможность опредѣлить моральный характеръ даже наименѣе вдохновеннаго оратора.

Биологія легко объясняетъ этотъ законъ, указывая, что мускульная реакція, словесная или мимическая, изъ которой вытекаетъ выраженіе, главнымъ образомъ управляется аффективной частью мозга, такъ какъ его умозрительная часть слишкомъ бездѣтельна, чтобы вызывать сокращенія, которыя не кажутся ей необходимыми. Вотъ почему социологія видитъ въ основѣ каждаго языка собраніе всего того, что въ эстетической эволюціи Человѣчества есть самороднаго и всеобщаго, служащаго для удовлетворенія общихъ потребностей проявленія. Специальныя искусства сначала эксплуатируютъ эту общественную область и затѣмъ ее расширяютъ. Но операція не мѣняетъ характера, производится ли она народнымъ инстинктомъ или отдѣльной личностью. Результатъ, въ большинствѣ случаевъ, даже теперь зависитъ болѣе отъ чувства, чѣмъ отъ разсудка, несмотря на современное возстаніе ума противъ сердца.

Такимъ образомъ, слово происходитъ отъ пѣнія и письменность отъ рисованія, ибо мы выражаемъ сначала то, что насъ наиболѣе трогаетъ. Наши социальныя потребности затѣмъ вызвали усиленное употребленіе и даже расширеніе той части пѣнія или рисованія, которая касается активной жизни и соотвѣтственной степени умозрительной жизни, являющихся главными предметами обычныхъ сообщеній. Тогда аффективный характеръ выраженія, обусловившій сначала образованіе знаковъ, постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто практическому назначенію, и само выраженіе становится болѣе быстрымъ и менѣе яркимъ. Начало рѣчи, такимъ образомъ, приходится приписать произвольному договору, самородная всеобщность котораго была бы, однако, необъяснима.

Такова вкратцѣ социологическая теорія человѣческаго языка, разсматриваемаго, какъ стоящаго въ связи со всѣми эстетическими функціями; съ ними же совпадаетъ языкъ всѣхъ другихъ животныхъ, но ни одно изъ послѣднихъ не украсило настолько свое пѣніе или свою мимику, чтобы подняться до искусства въ собственномъ смыслѣ слова.

Г Л А В А VIII.

Классификація изящныхъ искусствъ.

Чтобы охарактеризовать здѣсь философію искусства со всѣхъ ея статическихъ сторонъ, достаточно теперь указать эстетическую іерархію. Составляя энциклопедическое промежуточное звено между теоретической іерархіей и іерархіей практической, она покоится на томъ же основномъ принципѣ убывающей общности, который я уже давно установилъ какъ всеобщій регуляторъ всѣхъ позитивныхъ классификацій. Мы уже видѣли, что возводимая на немъ лѣстница прекраснаго, по существу эквивалентна той, которая была сначала установлена для истины, затѣмъ распространена на добро. Мы должны его примѣнить также для установленія ряда изящныхъ искусствъ въ порядкѣ ихъ возникновенія и послѣдовательности, подобномъ тому, который я въ моемъ большомъ философскомъ трактатѣ установилъ для научной и промышленной системъ.

Дѣйствительно, эта классификація исходитъ изъ убывающей общности и возрастающей энергіи нашихъ различныхъ средствъ выраженія, которыя въ то же время становятся все болѣе и болѣе техническими. Эстетическій рядъ, который своимъ высшимъ членомъ непосредственно связанъ съ теоретическимъ рядомъ, будетъ соприкасаться, такимъ образомъ, своимъ низшимъ членомъ непосредственно съ практическимъ рядомъ, соответственно истинному интеллектуальному положенію искусства, между наукой и промышленностью. Становясь менѣе общимъ и болѣе техническимъ, искусство, хотя всегда сосредоточено на человѣкѣ, касается менѣе прямо нашихъ важнѣйшихъ свойствъ и болѣе стремится къ неорганической природѣ, съ тѣмъ, чтобы предпочтительно выражать простую матеріальную красоту.

ГЛАВА IX.

П о э з і я .

Чтобы построить эстетическую іерархію, удовлетворяющую всѣмъ этимъ условіямъ классификаціи, необходимо помѣстить во главѣ ея, въ качествѣ основанія для всѣхъ другихъ, искусство наиболѣе общее и наименѣе техническое, именно поэзію въ собственномъ смыслѣ слова. Хотя производимыя ею впечатлѣнія наименѣе сильны, ея область, очевидно, наиболѣе обширна, такъ какъ она обнимаетъ всю нашу жизнь личную, семейную и общественную. Подобно спеціальнымъ искусствамъ, она рисуетъ наши дѣйствія и, въ особенности, наши чувства предпочтительнѣе, чѣмъ наши мысли; однако, только она одна можетъ примѣняться къ нашимъ наиболѣе отвлеченнымъ мыслямъ, не ограничиваясь тѣмъ, чтобы ихъ лучше формулировать, но задаваясь цѣлью ихъ украшать. Она, въ сущности, болѣе популярна, чѣмъ всякое другое искусство, во-первыхъ, въ силу большаго совершенства этой послѣдней способности и затѣмъ, благодаря природѣ своихъ средствъ выраженія, непосредственно черпаемыхъ въ общеупотребительномъ языкѣ, что дѣлаетъ ее сразу понятной для всѣхъ. Стихосложение, безъ сомнѣнія, необходимо для всякой истинной поэзіи: но оно отнюдь не составляетъ особаго искусства. Несмотря на свою особую форму, поэтический языкъ всегда является только простымъ совершенствованіемъ народной рѣчи, отъ которой онъ отличается только лучшими оборотами. Его техническая сторона сводится къ просодіи, которую каждый можетъ изучить въ нѣсколько дней. Эта связь съ общеупотребительнымъ языкомъ такъ тѣсна, что никогда поэтический гений не могъ успѣшно выражаться на мертвомъ или чужомъ языкѣ.

Понимаю того, что поэзія отличается большей общностью, самородностью и популярностью, она, какъ искусство по преимуществу, выше всѣхъ другихъ искусствъ въ отношеніи общей имъ всѣмъ характерной функціи идеализаціи. Изъ всѣхъ искусствъ она наиболѣе идеализируетъ и наименѣе подражаетъ. Въ силу этихъ своихъ различныхъ качествъ, поэзія всегда господствовала надъ всѣми искусствами, и ея превосходство будетъ все ярче выступать, по мѣрѣ того, какъ въ эстетикѣ

предпочтеніе будетъ отдаваться идеализація, значеніе же выраженія будетъ признаваться второстепеннымъ. Дѣйствительно, спеціальныя искусства могутъ превосходить поэзію только въ этомъ послѣднемъ отношеніи, выражая съ большей энергіей тѣ сюжеты, которые имъ доступны, но которые они почти всегда заимствуютъ у поэзін.

ГЛАВА X.

Музыка.

Принявъ поэзію за первый членъ эстетическаго ряда, легко теперь найти мѣсто для всѣхъ другихъ изящныхъ искусствъ, которыя сами собою расположатся соотвѣтственно ихъ большому или меньшему сходству съ ней. Прежде всего ихъ нужно различать по чувству, къ которому они обращаются; такимъ образомъ, художественный порядокъ окажется въ соотвѣтствіи съ порядкомъ, который біологи, начиная съ Галля, установили для спеціальныхъ чувствъ соотвѣтственно ихъ убывающей общественности. Мы имѣемъ только два дѣйствительно эстетическихъ чувства: слухъ и зрѣніе, единственно способныя возвысить насъ до идеализація. Хотя обоняніе имѣетъ достаточно синтетическій характеръ, оно, однако, слишкомъ слабо развито у человека, чтобы оно могло дать матеріалъ для искусства. Наши два эстетическихъ чувства соотвѣтствуютъ двумъ видамъ нашей естественной рѣчи, словесному и мимическому. Изъ перваго чувства возникаетъ только одно искусство — музыка, между тѣмъ, какъ второе, хотя и менѣе эстетическое, обнимаетъ три искусства, относящіяся къ формамъ. Послѣднія носятъ болѣе техническій характеръ, чѣмъ музыка, и ихъ область менѣе обширна, а въ то же время они болѣе удаляются отъ поэтическаго источника, съ которымъ музыка остается долгое время въ неразрывной связи. Можно также отличать первое искусство, какъ обращающееся къ чувству, функція котораго произвольна, что значительно способствуетъ тому, что его эмоціи болѣе самородны и болѣе глубоки, хотя менѣе опредѣленны, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда впечатлѣніе не можетъ получиться помимо воли того, кто его испытываетъ. Наконецъ, это различіе соотвѣтствуетъ еще различію между временемъ и пространствомъ, входящими, какъ главные элементы, въ искусство тоновъ и въ искусства формы, такъ какъ первое выражаетъ преимущественно послѣдовательность, а вторыя — сосуществованіе. Разсматриваемая со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, музыка безспорно составляетъ первое изъ спеціальныхъ искусствъ и второй членъ нашего эстетическаго ряда. Хотя педанты, изъ корыстныхъ соображеній, значительно преувеличиваютъ техническія требованія музыки, однако, какъ для ея пониманія, такъ и даже для сочиненія въ этой области, требуется гораздо меньше предварительной подготовки, чѣмъ для трехъ другихъ спеціальныхъ искусствъ. Поэтому ее во всѣхъ отношеніяхъ приходится признавать болѣе популярной и болѣе общественной.

ГЛАВА XI.

Живопись, скульптура, архитектура.

Что касается трехъ искусствъ, обращающихся черезъ посредство сочетаній формъ къ чувству, функція котораго преимущественно произвольная, то тотъ же ієрархическій принципъ отводитъ первое мѣсто живописи и послѣднее архитектурѣ, ставя между ними скульптуру. Живопись одна только развиваетъ всѣ средства зрительнаго выраженія, соединяя цвѣтовой эффектъ съ силой рисунка. Ея область, какъ частная, такъ и общественная, болѣе обширна, чѣмъ область двухъ послѣднихъ искусствъ. Она болѣе приближается къ поэзіи, съ которой ее такъ часто сравнивали, хотя техническая ловкость здѣсь болѣе необходима и труднѣе достигается, чѣмъ въ музыкѣ, тѣмъ не менѣе, она здѣсь менѣе сковываетъ эстетическій размахъ, чѣмъ въ скульптурѣ и архитектурѣ. Поэтому эти два послѣднія искусства суть искусства наименѣе идеализирующія и наиболѣе подражающія. Наконецъ, архитектура еще менѣе эстетична, чѣмъ скульптура. Технические приемы становятся здѣсь преобладающими, и большинство ея произведеній должны быть скорѣе разсматриваемы какъ промышленныя, чѣмъ какъ художественныя. Ограниченная почти исключительно изображеніемъ матеріальной красоты, она выражаетъ моральную красоту только посредствомъ приемовъ, нерѣдко мало понятныхъ. Но постоянство и сила, вызываемыхъ ею впечатлѣній обезпечиваютъ ей всегда мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ, и этому, въ особенности, способствуютъ замѣчательныя общественныя сооруженія, представляющія наиболѣе внушительное отраженіе каждой социальной эпохи. До сихъ поръ наилучшей характеристикой этого высокаго назначенія являлись поразительные соборы, являющіеся монументальной идеализаціей средневѣковыхъ чувствъ; на нихъ архитектура съ такимъ достоинствомъ проявила свою естественную способность сочетать всѣ изящныя искусства въ одномъ произведеніи.

ГЛАВА XII.

Искусство въ древности.

Эти краткія замѣчанія достаточно выясняютъ тенденцію новой философіи систематизировать основную теорію искусства, разсматриваемаго съ различныхъ статическихъ точекъ зрѣнія. Теперь нужно, главнымъ образомъ, оцѣнить высокое социальное назначеніе, которое позитивизмъ указываетъ эстетическому гению, какъ въ конечномъ строѣ челоѣчества, такъ и въ должествующей къ нему привести предварительной работѣ.

Исходя изъ исторической теоріи, характеризующей новую философію, приходится прежде всего признать, что, вопреки существующимъ сильнымъ предразсуд-

камъ относительно этого вопроса, эволюція искусства, какъ и эволюція науки и промышленности, могли носить до сихъ поръ только подготовительный характеръ, вслѣдствіе того, что не было еще достаточнаго стеченія всѣхъ существенныхъ условій.

Необходимое преобладаніе воображенія въ построеніи первоначальныхъ доктринъ дало ложный поводъ къ преувеличенію эстетическихъ наклонностей древнихъ. Такимъ образомъ, политеизмъ разсматривался, какъ произведеніе искусства съ тѣхъ поръ, какъ перестали понимать содержащееся въ немъ религіозное ученіе. Но тотъ фактъ, что политеистическія вѣрованія такъ долго господствовали, указываетъ на то, что они далеко не представляли собой эстетическихъ произведеній, а порождались всегда философскимъ гениемъ человечества въ единственно возможной тогда самородной формѣ, какъ это устанавливаетъ моя теорія эволюціи. Участіе поэзіи выразилось, сообразно ея постоянному назначенію, лишь въ ихъ украшеніи. Только политеистическая философія по своей природѣ была болѣе благопріятной для подъема искусства, чѣмъ всякая другая послѣдующая философія. Поэтому-то именно къ этому теологическому возрасту и относится начало нашего индивидуальнаго или коллективнаго эстетическаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе, искусство не слилось съ античнымъ строемъ. Оно даже могло свободно проявить себя, лишь когда оно избавилось отъ опеки теократіи, которая, отводя ему подчиненную роль, затрудняла его творчество, поддерживая необходимую неподвижность различныхъ вѣрованій, къ тому же и природа древней общественности была неблагопріятна для искусства. Такъ какъ оно почти не могло изображать домашнія или личныя чувства, то одна только общественная жизнь, благодаря отличавшимъ ее энергичнымъ и стойкимъ нравамъ, являлась для него обширнымъ полемъ дѣятельности. Но можно замѣтить, что эстетическій геній древности, не исключая и несравненнаго Гомера, лишь неохотно изощрялся на этой воинственной сторонѣ жизни, за отсутствіемъ болѣе достойнаго предмета идеализаціи. Единственная широкая социальная оцѣнка, которую эта сторона жизни допускала, а именно систематическое сравненіе на основаніи послѣдовательности завоеваній, была еще недоступна. Когда оно стало возможнымъ, древній режимъ приближался уже къ своему концу, и эта благородная политика могла внушить Виргилію только нѣсколько поразительныхъ стиховъ, резюмирующихъ характернымъ полустилишемъ *pacis imponere morem*.

ГЛАВА XIII.

Искусство въ средніе вѣка.

Вопреки эмпирическимъ предубѣжденіямъ, социальная система среднихъ вѣковъ была бы по своей природѣ гораздо болѣе благопріятна для изящныхъ искусствъ, если бы она могла дольше продолжаться. То было, правда, не благодаря господствовавшимъ вѣрованіямъ, анти-эстетическая тенденція которыхъ вызвала странную

пепослѣдовательность, выразившуюся въ томъ, что христіанство искусственно поддерживало политеистическіе догматы. Указывая каждому индивидуальную и несбыточную цѣль, монотеистическая религія поощряла лишь ту поэзію, которая касалась личной жизни, наиболѣе интимныя проявленія которой нашли идеализированное выраженіе въ поразительныхъ мистическихъ произведеніяхъ, которымъ недоставало только хорошаго стиля. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ католицизмъ способствовалъ подъему изящныхъ искусствъ только тѣмъ, что подготовилъ для нихъ лучшій приемъ, когда организація духовенства оказалась въ состояніи исправить интеллектуальные и моральные недостатки христіанскихъ вѣрованій. Но средневѣковая общественная жизнь была гораздо болѣе эстетична, чѣмъ древняя. Хотя она сохранила свой военный характеръ, она, ставъ преимущественно оборонительной, приобрѣла нѣкоторыя высоко-нравственныя черты, сдѣлавшія ее весьма благопріятной для поэзіи. Справедливая эмансипація женщинъ позволила, наконецъ, развивать всѣ стороны семейной жизни. Новое чувство личнаго достоинства, вполне совмѣстимое съ преданностью обществу, сдѣлало возможной полную идеализацію личнаго существованія. Поэтому удивительное учрежденіе западнаго рыцарства, въ которомъ были представлены эти три характерныя черты среднихъ вѣковъ вызвало всюду свободный эстетическій подъемъ, встрѣтившій лучшій приемъ, чѣмъ въ какую бы то ни было предыдущую эпоху.

Но этотъ общій толчекъ, этотъ непризнаваемый источникъ современнаго искусства, не могъ быть достаточно упорнымъ, потому что средніе вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ, составляли только переходную эпоху. Когда языкъ и общество настолько сформировались, что эстетическая способность этого режима могла, наконецъ, выразиться въ созданіи безсмертныхъ произведеній, католико-феодалная система была уже въ корень повреждена, благодаря возрастающему преобладанію отрицательнаго движенія. Искусство должно было, такимъ образомъ, идеализировать вѣрованія и нравы, чувствительный упадокъ которыхъ лишалъ поэта и публику глубокихъ убѣжденій, являющихся необходимымъ условіемъ всякаго сильнаго эстетическаго впечатлѣнія.

ГЛАВА XIV.

Искусство въ наше время.

Паденіе эстетическаго импульса, даннаго искусству въ средніе вѣка, въ долгій революціонный періодъ, отдѣляющій насъ отъ этой эпохи, было еще косвеннымъ образомъ усилено быстрымъ разложениемъ, которому все болѣе и болѣе подвергались всѣ умственныя и соціальныя вліянія. Хотя отрицательная роль никогда не подбола искусству, оно, однако, испытывало такую потребность избавиться отъ ига христіанства, что съ самаго начала способствовало современному освободительному движенію. Несравненное произведеніе Данте ясно характеризуетъ это исключительное

сочетаніе двухъ протинуположныхъ импульсовъ. Это анти-эстетическое состояніе, когда все преобразовывалось и даже уродовалось, прежде чѣмъ могло быть идеализировано, заставило искусство искать искусственного выхода въ древнихъ образцахъ тѣхъ твердыхъ и выразительныхъ нравовъ, которые оно не находило вокругъ себя.

Такимъ образомъ, классицизмъ даетъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ единственное средство для развитія изящныхъ искусствъ, которое, однако, не позволяетъ ему пріобрѣтать характеризовавшія его въ средніе вѣка оригинальность и популярность. Образцовыя произведенія, появившіяся при столь неблагоприятномъ для искусства направленіи, служатъ наилучшимъ подтвержденіемъ самородности нашихъ эстетическихъ функцій. Но когда и этотъ искусственный источникъ оказался всюду исчерпаннымъ, полный разгаръ отрицательнаго движенія позволялъ искусству выполнять только одну важную, хотя временную операцію, именпо, идеализировать само сомнѣніе. Это крайнее примѣненіе искусства, которое не могло быть долго разрабатываемо, было использовано въ поразительныхъ лѣсняхъ Байрона и Гете, главнымъ образомъ, для распространенія среди протестантскаго населенія освободительныхъ идей, шедшихъ изъ западнаго философскаго центра (Франціи).

Итакъ, прошлое показываетъ намъ, что эстетическій подъемъ вытекаетъ болѣе изъ самородныхъ стремленій человѣчества, чѣмъ изъ какого бы то ни было систематическаго побужденія. Никогда еще умственныя условія этого импульса не могли быть выполнены одновременно съ социальными. Въ настоящее время отсутствуютъ тѣ и другіе; между тѣмъ ничто не обнаруживаетъ воображаемаго упадка нашихъ эстетическихъ способностей. Искусство не только непрерывно развивалось вопреки всѣмъ этимъ препятствіямъ, но оно все болѣе и болѣе пріобщалось ко всеобщей жизни. Ограниченное у древнихъ исключительной публикой, оно было настолько слабо связано съ основнымъ порядкомъ вещей, что доставляемая имъ наслажденія не находили себѣ мѣста даже въ утопіяхъ о будущей жизни. Средніе вѣка породили всюду наивную склонность развивать эти пріятныя инстинкты, какъ одно изъ нашихъ наиболѣе драгоценныхъ утѣшеній. Культивированіе этихъ инстинктовъ было тогда возведено въ главное занятіе небесной жизни. Всѣ классы западнаго общества все болѣе и болѣе пристращались къ этимъ наибогороднѣйшимъ удовольствіямъ, сперва въ области поэзіи, затѣмъ въ области специальныхъ искусствъ, особенно къ наиболѣе общественнымъ изъ нихъ. Лица, разрабатывавшія ихъ и даже только воображавшія себя художниками, пріобрѣли сильное вліяніе, которое современная анархія донела до того, что ввѣряетъ имъ несоотвѣтствующую ихъ природѣ политическую роль.

ГЛАВА XV.

Будущность искусства.

На основаніи всѣхъ предшествовавшихъ соображеній мы можемъ предполагать, что ближайшее будущее явится эпохой эстетическаго подъема человѣчества, — эпоха, для которой прошлое могло служить, какъ во всякомъ другомъ отношеніи, только необходимой подготовительной стадіей. Когда закончится это самопроизвольное начало, имѣвшее мѣсто въ теченіе нашего долгаго младенчества, наше состояніе умственной и моральной зрѣлости позволитъ надлежащимъ образомъ систематизировать занятія изящными искусствами, равно какъ и занятія наукой и промышленностью, одинаково пришедшими теперь въ расстройство. Окончательное возрожденіе не можетъ совершиться безъ включенія искусства въ современный порядокъ вещей, подготовленный рядомъ предшествовавшихъ намъ поколѣній. Вновь предпринимая, на лучшихъ теоретическихъ основаніяхъ, великое социальное сооруженіе, начатое въ среднихъ вѣкахъ, позитивизмъ возстановитъ также поразительное эстетическое развитіе, прерванное классической реакціей. Будучи такимъ образомъ возстановлено, оно, благодаря своей глубокой солидарности, одновременно самопроизвольной и систематической, со всей совокупностью окончательнаго режима сможетъ затѣмъ все болѣе и болѣе развиваться. Вотъ что намъ остается прямо выяснить, дабы достаточно охарактеризовать здѣсь эстетическую способность новой философіи.

Какъ единственно возможный отнынѣ источникъ твердыхъ и общихъ убѣжденій, служащихъ основаніемъ для стойкихъ и опредѣленныхъ нравовъ, позитивизмъ уже необходимъ для будущаго развитія современнаго искусства. Толкователь и зритель должны одинаково выполнить это предварительное условіе, дабы наша личная семейная и социальная жизнь стала дѣйствительно доступна идеализаціи. Эстетическими являются только тѣ эмоціи, которыя глубоко чувствуются и само собою воспринимаются. Когда общество лишено всякаго интеллектуальнаго и моральнаго характера, искусство, назначенное его изображать, также не можетъ отличаться послѣднимъ и сводится къ смутному упражненію способностей, слишкомъ приращенныхъ для того, чтобы оставаться бездѣтельными, даже если онѣ не служатъ для достиженія какой-либо великой цѣли. Такимъ образомъ, важное значеніе позитивизма для эстетики вытекаетъ прежде всего изъ его способностей завершить революцію путемъ доставленія прямого преобладанія органическому движенію.

Но важно понять здѣсь, что помимо этого безспорнаго значенія, общаго для всякаго преобразованія, принципъ позитивистскаго переустройства, главнымъ образомъ, благопріятенъ подъему изящныхъ искусствъ именно потому, что онъ приводитъ къ господству мѣтій и нравовъ, наиболѣе пригодныхъ для искусства.

Нельзя представить себѣ болѣе эстетическаго міропониманія, чѣмъ то, которое возводитъ чувство въ необходимое основаніе человѣческаго единства и единственной цѣлью всего нашего существованія считаетъ всеобщее совершенствованіе, въ особенности моральное. Хотя съ перваго взгляда кажется, что новая философія ставитъ

себѣ задачей только сдѣлать людей болѣе систематическими, приходится, однако, вскорѣ признать, что она устанавливаетъ это необходимое согласованіе человѣческихъ поступковъ только для того, чтобы сдѣлать насъ болѣе симпатизирующими и болѣе солидарными, основывая нравственную дѣятельность на непоколебимыхъ убѣжденіяхъ. Уча, что главное удовольствіе каждаго состоитъ въ содѣйствіи счастью другого, позитивизмъ указываетъ, наконецъ, искусству его наилучшее назначеніе, именно, развивать доброжелательныя чувства, гораздо болѣе эстетичныя, чѣмъ инстинкты ненависти и угнетенія, единственно до сихъ поръ воспѣвавшіеся. Когда развитіе этихъ чувствъ станетъ нашей главной цѣлью, тогда поэзія прямо войдетъ, какъ составная часть, въ окончательный порядокъ вещей и приобрететъ важное значеніе, бывшее доселѣ невозможнымъ для нея.

Несмотря на научное происхожденіе новой философіи, наука будетъ тогда сведена къ ея настоящей роли, именно строить объективное основаніе человѣческой мудрости, которое должно служить необходимымъ фундаментомъ для искусства и промышленности, долженствующихъ особенно привлекать къ себѣ наше постоянное вниманіе. Заменяя всюду абсолютное относительнымъ, относя все къ Человѣчеству, наука ограничить изученіе истины тѣмъ, чего требуетъ развитіе добра и прекраснаго. Разработка же научныхъ вопросовъ, идущая далѣе этого назначенія, будетъ считаться уклоненіемъ по пути праздныхъ умозрѣній отъ главной цѣли нашего индивидуальнаго или коллективнаго существованія.

Необходимое подчиненіе идеальности дѣйствительности не помѣшаетъ искусству систематически оказывать на науку благотворное вліяніе, которое до сихъ поръ не могло имѣть мѣста, благодаря господству абсолютнаго. Когда достигнута степень истины, удовлетворяющая всѣ наши потребности, тогда даже для малѣйшихъ явленій всегда остается нѣкоторая теоретическая свобода, которую мы со спокойной совѣстью и можемъ использовать для скрашиванія нашихъ научныхъ концепцій, дабы сдѣлать ихъ болѣе понятными и, слѣдовательно, болѣе полезными.

Это воздѣйствіе прекраснаго на истину, въ особенности, цѣлесообразно по отношенію къ важнѣйшимъ теоріямъ, прямо касающимся Человѣчества. Такъ какъ точность здѣсь одновременно и менѣе возможна, и менѣе важна, то эстетическія соображенія должны будутъ болѣе видоизмѣнить научныя концепціи, относящіяся къ основной разработкѣ главныхъ историческихъ типовъ. Но когда цѣлью существованія будетъ всеобщее совершенствованіе, предпочтеніе естественно будетъ оказано той сторонѣ умственной дѣятельности, которая наиболѣе способна развивать въ насъ инстинктъ совершенства.

ГЛАВА XVI.

Искусство и образованіе.

Общія благопріятныя условія, создаваемые позитивизмомъ для развитія нашихъ наиболѣе энергичныхъ и наилучше связанныхъ съ аффективнымъ принципомъ умственныхъ способностей, въ особенности обнаружатся въ новой системѣ образованія. Изъ указаній, данныхъ въ третьей части, читатель знаетъ уже, что это образованіе будетъ болѣе эстетическимъ, чѣмъ научнымъ, какъ того требуетъ истинная теорія человѣческой эволюціи. Участіе науки выразится здѣсь въ окончательной систематизаціи того, что искусство, руководимое чувствомъ, само собою подготовитъ. Такъ какъ эстетическій подъемъ человечества предшествовалъ его научному развитію, то такой же порядокъ долженъ соблюдаться въ индивидуальномъ образованіи, которое, согласно позитивной доктринѣ, должно идти тѣмъ же путемъ, что и коллективное воспитаніе. Это стремленіе дать сначала перевѣсъ поэтическому образованію составляетъ теперь единственный разумный принципъ нашего вообще нелѣпаго классическаго метода. Впрочемъ, извѣстно, насколько подобное притязаніе остается прозрачнымъ въ курсѣ знаній, приводящемъ только къ неправильному пониманію всѣхъ изящныхъ искусствъ и даже къ глубокому къ нимъ отвращенію. Чтобы охарактеризовать эстетическое ничтожество этого метода, достаточно напомнить, что въ теченіе столѣтія официальное восхищеніе возводило въ кумиръ французскихъ педантовъ того изъ нашихъ искусныхъ стихотворцевъ, которому, быть-можетъ, было наиболѣе чуждо всякое истинное поэтическое чувство.

Осуществляя то, что до сихъ поръ плохо пытались осуществить, позитивистское образованіе позволить каждому пролетарію, того и другого пола, съ самаго дѣтства хорошо усвоить себѣ всѣ красоты настоящей поэзіи не только національной, но также западной. Эстетическій подъемъ можетъ быть искреннимъ и цѣлесообразнымъ лишь, когда онъ проявляется сначала въ произведеніяхъ, рисующихъ нашу собственную форму общественности. Я указалъ уже въ другомъ мѣстѣ, какъ молодой позитивистъ дополнитъ свое поэтическое образованіе, знакомясь съ оригинальной идеализаціей древней жизни. Его образованіе не ограничится изученіемъ основнаго искусства; оно распространится также на спеціальныя искусства, которыя творятъ посредствомъ звуковъ или посредствомъ формъ.

Такимъ-то путемъ эстетическое созерцаніе и размышленіе, помимо ихъ собственной прелести, будутъ предназначены въ кругъ позитивныхъ знаній, для подготовленія къ научному наблюденію и размышленію. Какъ для индивида, такъ и для рода сочетаніе образовъ должно служить основаніемъ для сочетанія знаковъ, которые были сначала слабыми образами. Соотвѣтственно способности искусства воспроизводить все то, что можетъ насъ интересовати, начальное позитивистское образованіе естественнымъ образомъ сдѣлаетъ привычными главныя понятія, которыя должна будетъ систематизировать его научная часть. Эта естественная подготовка особенно отразится на историческихъ изслѣдованіяхъ, къ которымъ смогутъ приступить только лица, уже ознакомившіяся съ поэтическимъ представленіемъ во время различныхъ соціальныхъ эпохъ и съ ихъ главными представителями.

ГЛАВА XVII.

Искусство и общественныя празднества.

Занимая видное мѣсто въ позитивномъ образованіи, искусство будетъ также участвовать въ требуемомъ послѣднимъ необходимымъ дополненіи, имѣющемъ цѣлью привить отдѣльнымъ лицамъ и классамъ чувства и принципы, которые практическая дѣятельность стремится всегда искажать. Во всѣхъ частныхъ и общественныхъ торжествахъ, преслѣдующихъ эту важную задачу, позитивизмъ будетъ больше воздѣйствовать посредствомъ эстетическихъ впечатлѣній, чѣмъ посредствомъ научныхъ объясненій. Это преобладаніе должно будетъ здѣсь быть даже болѣе замѣтно, чѣмъ въ образованіи, въ собственномъ смыслѣ слова. Дѣйствительно, такъ какъ всеобщее основаніе человѣческой мудрости будетъ тогда систематизировано, то достаточно будетъ обратиться съ соотвѣтствующимъ призывомъ, и философское духовенство займется не столько познаваніемъ, сколько изложеніемъ, природа котораго преимущественно эстетическая.

Революціонный эмпиризмъ уже вызвалъ смутное предчувствіе этой социальной функции современнаго искусства, какъ главнаго регулятора общественныхъ празднествъ. Но явное ничтожество всѣхъ предпринятыхъ въ этомъ отношеніи съ начала революціи попытокъ, можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ того, что только философія можетъ выполнять эту роль, которая оказалась не по силамъ политикѣ. Такъ какъ всякое празднество должно состоять въ торжественномъ изъявленіи реальныхъ чувствъ, самопроизвольность составляетъ всегда его непремѣнное условіе. Слѣдовательно, власть управляющая здѣсь не компетентна, и даже совѣтующая власть должна выѣшиваться лишь въ качествѣ органа, систематизирующаго предшествовавшія настроенія.

Начиная со времени паденія католицизма, мы не имѣемъ настоящихъ празднествъ, и они смогутъ возродиться лишь при свободномъ развитіи позитивизма. До той поры свѣтская власть будетъ попрежнему тщетно устраивать при участіи безпорядочной толпы только недостойныя подобія ихъ, въ которыхъ зрители замѣняютъ зрѣлище. Ея эмпирическія притязанія становятся даже часто тиранническими, когда она навязываетъ произвольныя формулы для несуществующихъ чувствъ. Ни одна социальная дѣятельность не подходитъ болѣе очевиднымъ образомъ подъ единственную компетенцію духовной власти, которая одна только способна регулировать вызывающія ее стремленія. Преслѣдуемая же ею цѣль становится тогда эстетической. Ибо всякое дѣйствительное чувство, даже частное и, въ особенности, общественное, составляетъ, въ сущности, произведеніе искусства постольку, поскольку оно предназначено для словесной или мимической идеализаціи соотвѣтствующихъ чувствъ. Никакая функція не можетъ быть столь же эстетична, такъ какъ изъявленіе чувствъ обыкновенно требуетъ тѣснаго сочетанія четырехъ специальныхъ искусствъ, подъ руководствомъ основнаго искусства. Вотъ почему свѣтская рутина всегда вынуждена была подчиняться въ этомъ отношеніи частнымъ указаніямъ художниковъ, даже когда, за

отсутствіемъ настоящихъ поэтовъ, она обращалась за совѣтомъ къ простымъ живописцамъ или скульпторамъ.

Чтобы констатировать эстетическую способность позитивизма въ этомъ отношеніи, достаточно напомнить о культѣ женщины, указанномъ въ четвертой части настоящаго «Обзора», и о культѣ Человѣчества, который будетъ особо изложенъ въ общемъ заключеніи. Оба эти культа дѣйствительно составляютъ главные источники позитивистскихъ празднествъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ. Такъ что здѣсь нѣтъ надобности въ прямомъ разъясненіи вопроса, который я уже вчсрнѣ разработалъ и о которомъ я вскорѣ поговорю подробнѣе, поскольку это позволитъ тѣсныя рамки этого простаго введенія къ спеціальному трактату.

Назначая искусству основную обязанность, которая укрѣпитъ его социальное достоинство, позитивная философія должна доставить ему также новыя общія средства и, въ особенности, открыть ему всю историческую область, къ разработкѣ которой до сихъ поръ были сдѣланы лишь слабыя попытки.

ГЛАВА XVIII.

Идеализація великихъ эпохъ и великихъ людей.

Вывужденная, подъ вліяніемъ классицизма и за отсутствіемъ достойныхъ сюжетовъ въ современной жизни, искать вдохновенія въ древнемъ мірѣ, новая поэзія сама собой пришла уже къ идеализаціи предшествовавшихъ эпохъ человѣчества. Таковъ былъ основной характеръ творчества нашего великаго Корнеля, посвятившаго всѣ свои драмы поразительному изображенію различныхъ эпизодовъ изъ жизни римлянъ. Возрастающее преобладаніе историческаго направленія породило въ наши дни въ эпическихъ сочиненіяхъ аналогичный рядъ менѣе совершенныхъ попытокъ относительно послѣдующихъ временъ: таковы образцовыя произведенія Вальтера Скотта и Манцони.

Но эти частичныя изъясненія поэтическаго благоговѣнія представляли собой только самопроизвольныя указанія новаго поприща, которое позитивизмъ долженъ открыть эстетическому гению, давая ему свободный доступъ къ прошлому и даже къ будущему. Для того, чтобы эта необозримая область могла быть передана поэзіи, философія должна была сперва охватить ее во всей ея совокупности. А абсолютный духъ, свойственный теологической и метафизической философіямъ, пренятствовалъ до сихъ поръ пониманію различныхъ социальныхъ эпохъ, въ особенности, настолько достаточно, чтобы ихъ надлежащимъ образомъ идеализировать. Напротивъ, позитивизмъ, остающійся всегда релятивнымъ, характеризуется преимущественно исторической теоріей, чрезвычайно облегчающей интимное созерцаніе всѣхъ формъ существованія, черезъ которыя прошло и пройдетъ Человѣчество. Искренній монотеистъ не можетъ правильно понять и уснѣшно изобразить нравы, относящіяся къ состояніямъ многобожія или идолопоклонства. Поэтъ-позитивистъ, убѣжденный въ существованіи не-

разрывной связи между всѣми предшествовавшими состояніями, можетъ настолько слиться съ любой эпохой, чтобы пробудить наши симпатіи къ состоянію, внутренніе слѣды котораго каждый изъ насъ находитъ въ себѣ самомъ. Именно такимъ образомъ мы можемъ принимать древнія языческія вѣрованія, не ослабляя различными оговорками ихъ поразительнаго эстетическаго значенія, что было невозможно для христіанъ.

Итакъ, новое искусство окажется призваннымъ достойно оживить всѣ предшествовавшіе вѣка, изъ которыхъ только нѣкоторые были достаточно идеализированы, главнымъ образомъ, Гомеромъ и Корнелемъ. Оно тѣмъ болѣе можетъ разсчитывать на эстетическое значеніе этого источника, что та же философія, которая откроетъ ему этотъ послѣдній, сумѣетъ подготовить публику находить въ немъ наслажденіе. Этотъ почти неисчерпаемый рядъ благотворныхъ эпическихъ или драматическихъ твореній будетъ тѣсно связанъ, съ одной стороны, со всей системой позитивнаго образованія, а съ другой—съ систематическимъ культомъ Человѣчества, что облегчитъ оцѣнку и будетъ содѣйствовать прославленію всѣхъ соціальныхъ фазъ.

Наконецъ, нужно признать, что окончательная философія, доставляя искусству болѣе обширныя средства, дастъ ему также лучшихъ служителей, такъ какъ будетъ способствовать прекращенію узкой спеціализаціи, которая прямо противорѣчитъ тенденціи къ синтезу, характеризующей всегда настоящую поэзію.

Г Л А В А XIX.

Новая система образованія будетъ благопріятствовать проявленію эстетическихъ дарованій.

Позитивизмъ будетъ непремѣнно развивать всѣ истинныя эстетическія дарованія, благодаря системѣ общаго образованія, которая, будучи установлена для пролетаріевъ, будетъ пригодна также для всѣхъ другихъ классовъ общества. Такъ какъ мы можемъ идеализировать и изображать только то, съ чѣмъ мы свыклись, то поэзія всегда покоилась на нѣкоторой философіи, способной дать твердое направленіе всѣмъ нашимъ мыслямъ и чувствамъ. Поэтому всѣ истинные поэты, отъ Гомера до Корнеля, получали наиболѣе полное общее образованіе, какое только возможно было въ ихъ время. Необходимо, чтобы эстетическій геній все продумалъ, прежде чѣмъ все воспроизводить. Даже теперь, когда наша анархія способствуетъ всюду преобладанію эмпирической спеціализаціи, мнимые поэты, считающіе себя избавленными отъ обязанности изучать философію, въ дѣйствительности заимствуютъ это необходимое основаніе изъ отсталыхъ теологическихъ или метафизическихъ системъ. Ихъ нелѣпое спеціальное образованіе, ограничивающееся развитіемъ одного только умѣнья писать, столь же вредно для ума, сколь и для сердца. Препятствуя имъ составить глубокія убѣжденія, оно стремится только развивать у нихъ машинальную ловкость, нужную для технической стороны искусства, не уча имъ оцѣнивать идеализацію, которая является его главной характерной чертой. Этому образованію мы обязаны печаль-

нмѣ размноженіемъ стихотворцевъ и литераторовъ, чуждыхъ всякаго истиннаго поэтическаго чувства и способныхъ только тревожить, общество своимъ неумѣреннымъ честолюбіемъ. Будучи преимущественно техническимъ, нынѣшнее специально художественное образованіе страдаетъ во всѣхъ отношеніяхъ еще большими недостатками у тѣхъ, кто не получаетъ никакого другого образованія.

Итакъ, ничто не можетъ освободить лицъ съ эстетическими дарованіями отъ основнаго и общаго образованія. Если мы его признали необходимымъ для женщинъ, то могутъ ли не чувствовать въ немъ потребности поэты и художники?

Но въ силу того, что оно глубоко эстетично, оно дѣлаетъ для нихъ излишнимъ всякое специальное образованіе, за исключеніемъ того, которое само собой вытекаетъ изъ подготовительныхъ упражненій. Никакая другая профессія не можетъ такъ легко обойтись безъ specialнаго обученія, которое стремится только сглаживать необходимую оригинальность, заглушая эстетическій порывъ техническимъ трудомъ. Не требуется даже сохранить профессиональное образованіе для специальныхъ искусствъ, которыя, подобно ремесламъ, слѣдуетъ изучать путемъ старательныхъ упражненій въ подражаніи достойнымъ образцамъ.

Явное безсиліе нашихъ общественныхъ музыкальныхъ и художественныхъ школъ, избавляетъ въ этомъ отношеніи отъ всякаго объясненія. Помимо представляемыхъ ими серьезныхъ моральныхъ опасностей, эти учрежденія могутъ только уродовать всякое истинное эстетическое дарованіе. Такимъ образомъ, поэты и художники въ дѣйствительности нуждаются только во всеобщемъ образованіи, предназначенномъ для публики, переживанія и мысли которой они должны изображать. Благодаря отсутствію въ немъ специализаціи, оно даетъ большую возможность развиться и проявиться настоящимъ талантамъ. Оно, равнымъ образомъ, разовьетъ естественную любовь ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, которыя тѣсно связаны между собой; поэтому сильное подозрѣніе внушаютъ тѣ художественно-одаренныя лица, которыя съ гордостью утверждаютъ, что понимаютъ только одно какое-нибудь искусство. Эта универсальность была всегда характерной чертой великихъ мастеровъ, даже въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Ея исчезновеніе въ настоящее время можетъ служить достаточнымъ подтвержденіемъ того факта, что въ эпохи, когда искусство лишено социальнаго значенія и философскаго направленія, не бываетъ великихъ художниковъ. Если простые любители должны разбираться во всѣхъ областяхъ искусства, то возможно ли, чтобы истинные художники понимали только одинъ способъ идеализаціи и выраженія?

ГЛАВА XX.

Въ будущемъ художники будутъ привлечены къ участію въ духовной власти.

Дѣлая общее образованіе глубоко эстетичнымъ, позитивизмъ такимъ путемъ уничтожитъ всякое специальное обученіе, противорѣчащее настоящему подъему искусства и способное только выдвигать на первое мѣсто посредственность. Второе слѣдствіе этого направленія выразится въ томъ, что не будетъ существовать класса

людей, исключительно посвящающихъ себя разработкѣ изящныхъ искусствъ, такъ какъ послѣдняя станетъ тогда естественнымъ добавленіемъ къ функціямъ, характеризующимъ три элемента умѣряющей власти. Это въ особенности будетъ имѣть мѣсто относительно общаго искусства.

При теократическомъ режимѣ, съ котораго всюду начинается человѣческая эволюція, одна только практическая дѣятельность была отдѣлена отъ созерцательной жизни. Но различныя умозрительныя функціи оставались соединенными въ однихъ и тѣхъ же органахъ, безъ всякаго различія между областями, различаемыми впослѣдствіи, какъ эстетическая и научная. Хотя послѣдовавшее затѣмъ раздѣленіе было необходимо для развитія каждой изъ нихъ, оно, однако, противорѣчило основному порядку, допускающему только одно главное соціальное дѣленіе, именно на теорію и практику. Оно, такимъ образомъ, должно вызвать новое сочетаніе,—болѣе тѣсное, чѣмъ первоначальное существованіе—всѣхъ теоретическихъ способностей, необходимое вліяніе которыхъ на активную жизнь было бы ослаблено въ случаѣ ихъ разсѣянія. Только это окончательное сліяніе должно совершиться лишь послѣ достаточнаго частнаго развитія и всѣхъ его главныхъ элементовъ. А эта необходимая подготовка потребовала все время, отдѣляющее насъ отъ теократическаго состоянія. Искусство должно было оторваться отъ общаго ствола раньше науки, въ силу его болѣе быстрого развитія и его болѣе независимаго характера. Въ вѣкъ Гомера жреческая корпорація не была уже эстетической, но оставалась еще научной до появленія философовъ въ собственномъ смыслѣ слова, которыхъ скорѣ смѣнили чистые ученые.

Такимъ-то образомъ методъ спеціализаціи, примѣненіе котораго нормально только въ промышленности, долженъ былъ сперва распространиться на искусство и затѣмъ на науку. Но послѣ того, какъ только благодаря ему оказался возможнымъ рѣшительный подъемъ различныхъ умозрительныхъ элементовъ, избавившихся отъ стѣснительной теократіи, этотъ предварительный методъ, вслѣдствіе его слишкомъ продолжительнаго примѣненія, является теперь главнымъ препятствіемъ къ установленію окончательнаго порядка, къ которому и стремились всѣ эти частныя подготовленія. Ихъ тѣсное сочетаніе на основаніи новаго принципа становится отнынѣ главнымъ условіемъ истиннаго преобразования.

Оцѣнивая главныя функціи умѣряющей власти какъ со стороны воспитательной, такъ и со стороны совѣщательной, легко замѣтить, что онѣ требуютъ постояннаго смѣшенія эстетическихъ настроеній съ научными способностями. Если публикѣ должны быть свойственны обѣ эти характерныя черты, то какъ могутъ онѣ быть раздѣлены у ея истинныхъ духовныхъ руководителей? Послѣднихъ будутъ, однако, по-прежнему называть скорѣе философами, чѣмъ поэтами, потому что ихъ обычныя качества посятъ болѣе научный, чѣмъ эстетическій характеръ; но они должны понимать искусство также хорошо, какъ науку. Наука требуетъ систематическаго изученія, между тѣмъ какъ для усвоенія искусства достаточно простое упражненіе, за исключеніемъ технической стороны спеціальныхъ искусствъ. Съ другой стороны, высокія эстетическія функціи не требуютъ постоянныхъ органовъ, такъ какъ ихъ главное значеніе зависитъ отъ превосходства ихъ произведеній, которыя сохраняютъ вѣчную способность являться всюду средствомъ идеализаціи и формулированія нашихъ частныхъ или общественныхъ чувствъ. Достаточно, чтобы надлежащее образованіе

одинаково подготовляло истолкователей и слушателей наслаждаться совершенствомъ и отвергать посредственность. Поэтому, всѣ сословія могутъ, какъ мы это часто видѣли, выдвигать изъ своей среды достойныхъ и исключительныхъ служителей искусства, для удовлетворенія новыхъ реальныхъ потребностей въ аффективномъ изъявленіи. Но эта роль естественнымъ образомъ особенно подходитъ классу философовъ, который, когда въ немъ разовьется истинный окончательный характеръ, будетъ столь же симпатическимъ, сколь и систематическимъ.

ГЛАВА XXI.

Сравненіе между эстетическимъ гениемъ и гениемъ философскимъ или научнымъ.

Между гениемъ эстетическимъ и гениемъ научнымъ, въ сущности, не существуетъ никакой органической несомѣстимости, такъ какъ они въ дѣйствительности отличаются другъ отъ друга только способами выраженій, которыя у одного конкретны и идеальны, а у другого отвлеченны и реальны. Оба они употребляютъ аналитическій методъ въ своихъ предварительныхъ работахъ и одинаково стремятся къ окончательному синтезу. Ложныя теоріи, предполагающія ихъ несогласимыми, предвзято останавливаются на какомъ-нибудь временномъ состояніи, соотвѣтственно абсолютной тенденціи всякой метафизической доктрины. Если они, дѣйствительно, до сихъ поръ ни разу не были представлены одними и тѣми же лицами, то это лишь потому, что ихъ характерныя обязанности не могутъ исполняться одновременно. Всякое социальное состояніе, требующее великихъ философскихъ усилій, по необходимости оказывается неспособнымъ вызвать настоящій поэтический подъемъ, такъ какъ оно неизбежно вызываетъ переворотъ въ основныхъ мнѣніяхъ, стойкость которыхъ, напротивъ, необходима для искусства. Вотъ почему исторія намъ показываетъ, что перевороты въ области поэзіи слѣдуютъ за философскими революціями, но никогда не совершаются одновременно.

Изучая интеллектуальные типы, которые не нашия надлежащей среды, легко убѣдиться, что одни и тѣ же лица могли бы съ одинаковымъ успѣхомъ разрабатывать философію или поэзію, въ зависимости отъ эпохи своего появленія. Дидро былъ бы, безъ сомнѣнія, великимъ поэтомъ въ болѣе эстетическое время, подобно тому, какъ Гегель былъ бы выдающимся философомъ при другомъ общественномъ движеніи. Всѣ ученые, которые работали болѣе индуктивно, чѣмъ дедуктивно, обнаруживаютъ очевидные признаки поэтической способности.

Является ли изобрѣтеніе абстрактнымъ или конкретнымъ, примѣняется ли оно къ познанію реальности или для идеализаціи, оно въ основѣ всегда представляетъ собой одну и ту же мозговую функцію, имѣющую различныя назначенія, главные случаи которыхъ никогда не могутъ сосуществовать. Поразительный синтетическій гений нашего великаго Біоффона долженъ быть исторически оцѣненъ, какъ самород-

ное проявленіе этого окончательнаго сліянія научной и эстетической способностей. Боссюз далъ бы еще болѣе убѣдительный примѣръ одинаковой способности къ наивысшей философiи и къ наиболѣе величественной поэзіи, если бы современное ему социальное состояніе дало ему болѣе опредѣленный толчекъ въ томъ или въ другомъ направленіи.

Такимъ образомъ, вопреки нынѣшнимъ предразсудкамъ, никакая естественная несовмѣстимость не помѣшаетъ классу, обычно предающемуся собственно философскимъ занятіямъ, выдвинуть изъ своей среды, когда это понадобится, также наилучшихъ представителей поэзіи. Для этого достаточно будетъ, чтобы наиболѣе выдающіеся мыслители перешли отъ научной дѣятельности къ эстетической, сообразно естественной склонности всѣхъ великихъ умовъ творить въ той области, которая оказывается наиболѣе необходимой для ихъ вѣка.

Только относительно специальныхъ искусствъ, въ виду ихъ техническихъ требованій, будетъ необходимо, чтобы ими исключительно занялись нѣкоторые избранные мастера, которые станутъ тогда членами-сорежиссерами духовной власти, въ силу ихъ цѣннаго участія во всеобщемъ образованіи. Даже въ этихъ исключительныхъ случаяхъ выпѣшняя спеціализація будетъ значительно видоизмѣнена, такъ какъ это рѣдкое высокое дарованіе будетъ удѣломъ только натуръ, достаточно эстетическихъ, чтобы имѣть одинаково вкусъ ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, что позволить имъ разрабатывать, подобно итальянскимъ художникамъ шестнадцатаго вѣка, одновременно три искусства, касающіяся формы.

Эта поэтическая способность новыхъ философовъ будетъ обнаруживаться обыкновенно только въ формѣ постоянной склонности надлежащимъ образомъ понижать различные способы идеализаціи и способствовать ихъ правильной оцѣнкѣ. Они будутъ выполнять свою эстетическую функцію лишь для организаціи общественныхъ празднествъ. Но когда для удовлетворенія социальныхъ потребностей понадобятся выдающіяся эпическія или драматическія произведенія, наиболѣе видныя изъ нихъ станутъ поэтами въ собственномъ смыслѣ слова, ибо чисто-философское служеніе обществу не будетъ тогда нуждаться въ наиболѣе одаренныхъ умахъ. Такъ какъ великіе труды по систематизаціи и идеализаціи должны отнынѣ чередоваться съ меньшими промежутками, чѣмъ нѣкогда, то можно предположить, что они могли бы выполняться одними и тѣми же лицами, если бы человѣческая жизнь была болѣе продолжительной. Но краткость нашего земного существованія и юношескій пылъ, необходимый для всѣхъ выдающихся произведеній, позволяютъ дѣлать подобное предположеніе лишь для того, чтобы лучше охарактеризовать основное тождество двухъ способностей, считаемыхъ теперь несовмѣстимыми.

ГЛАВА XXII.

Искусство и женщина.

Относительно менѣ трудныхъ и болѣе многочисленныхъ произведеній, эстетическая компетентность умѣряющей власти часто будетъ проявляться въ исключительныхъ трудахъ своего женскаго элемента. Специальныя искусства, въ особенности касающіяся формы, останутся, безъ сомнѣнія, недоступными женщинамъ, въ виду того, что они требуютъ технической ловкости, которая мало присуща имъ и медленное усвоеніе которой могло бы заглушить ихъ поразительныя прирожденные качества. Но передовыя женщины болѣе способны, чѣмъ мужчины ко всѣмъ поэтическимъ произведеніямъ, не требующимъ напряженныхъ и продолжительныхъ усилій. Именно этой областью онѣ должны ограничить свое участіе въ умозрительныхъ трудахъ, ибо научные успѣхи несовмѣстимы съ ихъ истинной природой.

Когда новое общее образованіе систематически приобщитъ женщинъ ко всеобщему движенію, онѣ значительно усовершенствуютъ всѣ виды поэзіи, касающіяся личной и семейной жизни. Правильно оцѣнивать произведенія искусства и производить таковыя, въ сущности, одна и та же способность съ разницей только въ степени, чрезвычайно сглаживающейся путемъ упражненія. Почему-же женщины не могли бы превосходить мужчинъ относительно всѣхъ произведеній, которыя онѣ уже умѣютъ лучше оцѣнивать?

Великія эпическія или драматическія поэмы, назначенныя идеализировать общественную жизнь, кажутся имѣ единственными, которыя были бы выше ихъ эстетическихъ силъ. Во всякомъ другомъ отношеніи, поэзія является для нихъ естественнымъ занятіемъ; и оно находится въ гармоніи съ ихъ социальнымъ положеніемъ, даже когда ихъ дарованіе оказывается исключительнымъ. Наши чувства, касающіяся частной жизни, никѣмъ не могутъ быть лучше изображены, чѣмъ наиболѣе чистыми возбудителями ихъ, т.-е. женщинами, у которыхъ прирожденное талантливое умѣнье выражаться дополняетъ стремленіе къ идеализаціи.

Итакъ, эстетическая организація человѣчества должна считаться несовершенной, пока большинство поэтическихъ, а, быть-можетъ, также и музыкальныхъ произведеній не будутъ обязаны своимъ происхожденіемъ спекулятивной дѣятельности любящаго пола. Это женское вѣщательство особенно необходимо для того, чтобы поэзія, касающаяся частной жизни, приобрѣла прочный моральный характеръ, которому она такъ доступна, и котораго мужчины, въ силу своей грубости, могутъ достигнуть лишь путемъ усилій, не согласуемыхъ съ эстетической самородностью. Наивная прелесть Лафонтена и изящество Петрарки сочетаются такимъ образомъ естественно съ болѣе чистой и болѣе глубокой иѣжностью, что придаетъ небольшимъ поэтическимъ произведеніямъ доселѣ невозможное совершенство.

ГЛАВА XXIII.

Искусство и пролетарій.

Что касается третьяго необходимаго элемента умѣряющей власти, то его эстетическая способность должна быть менѣ выразительна, такъ какъ его активное назначеніе болѣе удаляетъ его отъ умозрительной жизни, которую предполагаетъ подобное творчество. Тѣмъ не менѣ, всѣ небольшія произведенія, въ которыхъ энергія и беззаботность составляютъ главные источники дѣйствительнаго вдохновенія, подходятъ лучше къ пролетаріямъ, чѣмъ къ женщинамъ и, въ особенности, чѣмъ къ философамъ.

Когда позитивистское образованіе надлежащимъ образомъ просвѣтитъ западно-европейскій народъ, оно выдвинетъ изъ его среды достойныхъ поэтовъ и даже музыкантовъ, благодаря присущимъ ему склонностямъ, какъ это уже указываетъ множество примѣровъ. Помимо этого спеціальнаго участія нѣкоторыхъ пролетаріевъ въ эстетической эволюціи, весь народъ косвенно оказываетъ на нее значительное вліяніе, такъ какъ именно онъ является, главнымъ образомъ, творцомъ языка.

Итакъ, такова окончательная организація искусства въ позитивномъ строѣ: никакихъ эстетическихъ классовъ въ собственномъ смыслѣ слова, за исключеніемъ нѣсколькихъ мастеровъ-спеціалистовъ; но такое общее образованіе, которое развиваетъ глубокое пониманіе всѣхъ способовъ идеализаціи и способствуетъ разработкѣ ихъ тремя элементами умѣряющей власти. Въ основномъ распредѣленіи поэтического труда между силами, не принимающими участія въ управленіи, философамъ отводятся всѣ сюжеты, касающіеся общественной жизни, между тѣмъ какъ сочиненія, относящіеся къ частной или личной жизни, поручаются женщинамъ или пролетаріямъ, смотря по тому, требуютъ ли они преимущественно нѣжности или энергіи.

Такимъ образомъ, умственная работа, лучше всего характеризующая человѣчество, разовьется болѣе въ тѣхъ классахъ, въ которыхъ наша природа выступаетъ наиболѣе ярко. Въ этомъ пріятномъ сотрудничествѣ не будутъ принимать участіе только тѣ, кои, заботясь постоянно о достиженіи почестей или богатства, сводятъ эстетическую жизнь къ чисто-пассивнымъ наслажденіямъ, впрочемъ, усиливаемымъ всеобщимъ позитивнымъ образованіемъ. Тѣсно связанныя съ великими социальными обязанностями, наши функции идеализаціи будутъ непосредственно стремиться къ своему благородному аффективному назначенію. Потерявъ свой спеціальный характеръ, искусство не представитъ болѣе тѣхъ моральныхъ опасностей, которымъ подвержена всякая жизнь, посвященная исключительно выраженію.

ГЛАВА XXIV.

Участіе искусства въ преобразовательномъ движеніи.

Охарактеризовавъ нормальное включеніе искусства въ окончательный строй человѣчества, мнѣ остается только выяснить его основное участіе въ современномъ позитивномъ преобразовательномъ движеніи. Относительно трехъ необходимыхъ элементовъ этого обновляющаго теченія, мы уже признали, что каждый долженъ ему содѣйствовать, выполняя теперь въ болѣе сильной степени, хотя въ менѣе правильной формѣ, ту роль, которую ему указываетъ окончательная организація. Если-же этотъ путь, естественный для философовъ, систематически являющихся инициаторами переустройства, пригоденъ также для пролетаріевъ, которые его укрѣпить, и даже для женщинъ, которыхъ его освятить,—онъ долженъ одинаково распространиться и на эстетическое дополненіе этой тройной органической функціи. Прямое изслѣдованіе показываетъ безспорность этого необходимого сходства.

Главная функція искусства состоитъ всегда въ построеніи типовъ, основаніи для которыхъ даетъ ему наука. А эта операція въ особенности необходима для введенія общества въ новый строй. Когда философъ достаточно разработаетъ его главныя теоретическія основы, онъ останутся еще слишкомъ неопредѣленными, чтобы отвѣчать своему практическому назначенію. Ибо систематическое изученіе прошлаго можетъ непосредственно намъ представить будущее только въ общихъ чертахъ. Даже относительно малѣйшихъ явленій научное опредѣленіе не можетъ стать полнымъ, если не перейдетъ границы, свойственныя прямому опытному доказательству. Особенно результаты социологическихъ изслѣдованій остаются значительно ниже степени полноты, ясности и точности, требуемой понятіями, назначенными стать всеобщими. Тутъ-то поэзія должна выступить, заполнить неизбежныя пробѣлы философіи и вдохновить политику.

Въ началѣ политическаго состоянія она выполняетъ уже эту естественную роль относительно несовершенныхъ произведеній систематической теологіи. Она съ еще большимъ успѣхомъ можетъ пополнить объективную оцѣнку, въ которой изображеніе менѣе участвуетъ. Въ общемъ заключеніи настоящаго «Обзора» я подробно останавлиюсь на этой необходимой поэтической функціи, по поводу центральной концепціи позитивизма. Читатель сможетъ затѣмъ распространить то же самое объясненіе на всѣ другіе главные случаи.

Чтобы выполнить это великое назначеніе позитивистскому искусству естественнымъ образомъ придется представлять намъ картины грядущаго возрожденія человѣчества, разсматриваемаго со всѣхъ доступныхъ идеализацій сторонъ. Это его второе общее содѣйствіе обновляющему движенію выразится въ развитіи его первоначальнаго въ немъ участія.

Это новое служеніе искусства, въ сущности, сводится къ регулированію утопій, постоянно подчиняя въ нихъ идеальность дѣйствительности, какъ во всякомъ другомъ поэтическомъ сочиненіи. Умственная свобода, которую современная анархія какъ-

будто предоставляет этимъ утопіямъ, въ концѣ концовъ приводитъ только къ значительному ограниченію ихъ дѣйствительнаго подъема, такъ какъ она вызываетъ опасенія даже въ наиболѣе пылкихъ мечтателяхъ, умъ которыхъ не можетъ оставаться нечувствительнымъ къ общимъ потребностямъ гармоніи мысли. Но когда воображеніе стремится лишь развивать и оживлять область ума, тогда наиболѣе строгіе мыслители охотно подчиняются очарованію, которое, отнюдь не искажая дѣйствительности, только лучше выявляетъ ея главные характерныя черты, слишкомъ недостаточно опредѣленные наукой.

Такимъ образомъ, указывая утопіямъ ихъ истинное назначеніе, позитивизмъ сильнѣе вызоветъ этотъ новый родъ поэтическихъ произведеній, который, черпая свое вдохновеніе въ социологію, можетъ такъ много содѣйствовать направленію западно-европейскаго народа къ нормальному состоянію человѣчества. Всѣ пять эстетическихъ способовъ выраженія участвуютъ въ этомъ благотворномъ побужденіи, позволяя намъ напередъ оцѣнить, сообразно свойственной каждому изъ нихъ идеализаціи, прелесть и величіе новой личной, семейной и общественной жизни.

Это второе общее содѣйствіе искусства великому переустройству естественнымъ образомъ вызоветъ третье, потребность въ которомъ теперь столь же настоятельна и которое должно заставить западные народы окончательно порвать съ бесполезными остатками прошлаго, мѣшающими понимать будущее. Для этого будетъ достаточно дать сравнительное направленіе картинамъ грядущаго строя, о которыхъ я выше говорилъ.

Съ начала современнаго переходнаго времени, т.-е. съ четырнадцатаго вѣка, искусство, главнымъ образомъ, развивалось въ критическомъ духѣ, который, однако, мало соответствуетъ его природѣ, по преимуществу синтетической. Его органическій же подъемъ можетъ, однако, вполне согласоваться съ требуемой еще пынѣшнимъ состояніемъ второстепенной борьбой противъ мнѣній и, въ особенности, противъ нравовъ, оставшихся намъ отъ стараго порядка или отъ переходнаго періода. Эта борьба, съ самыми глубокими корнями прошлаго, тѣмъ менѣе отразится на великой миссіи позитивистскаго искусства, что она не потребуетъ никакой прямой критики. Ни относительно богословія, ни касательно метафизики, мы отнынѣ не имѣемъ надобности въ какой бы то ни было полемикѣ, даже философской и тѣмъ паче поэтической. Все сводится къ простому соперничеству, чаще всего скрытому, между противоположными способами удовлетворенія однихъ и тѣхъ же моральныхъ и социальныхъ потребностей, практикуемыми соответственно католицизмомъ и позитивизмомъ. А эта второстепенная борьба, научныя основанія которой уже установлены, вполне по силамъ искусству, такъ какъ здѣсь приходится обращаться болѣе къ чувству, чѣмъ къ разсудку. Въ концѣ четвертой части я указалъ наиболѣе характерный случай, именно, благородное сотрудничество, которое я имѣлъ въ виду предоставить моей святой подругѣ, и которое должно было состоять въ распространеніи позитивизма среди двухъ южныхъ народовъ, гдѣ эстетическое вмѣшательство женщинъ можетъ, главнымъ образомъ, имѣть успѣхъ.

Въ этой третьей социальной функціи, новая поэзія непосредственно свяжетъ свою нынѣшнюю миссію со своимъ окончательнымъ назначеніемъ, идеализируя прошлое, какъ она раньше идеализировала будущее. Ибо установленіе позитивизма

требуетъ, чтобы католицизму, во всѣхъ отношеніяхъ, была отдана полная справедливость. Далеко не уменьшая моральной и политической заслуги средневѣковаго режима, поэзія, руководимая философіей, должна будетъ сначала надлежащимъ образомъ воспитать послѣдній, дабы лучше характеризовать неоспоримое превосходство окончательнаго порядка. Такимъ путемъ она сдѣлаетъ первый шагъ къ выполненію своей нормальной обязанности, состоящей въ оживленіи прошлаго, естественная связь котораго съ будущимъ должна стать вполне очевидной для всѣхъ, въ интересахъ какъ систематическаго разсудка, такъ и соціальнаго чувства.

Хотя эта тройкая служба, благодаря которой позитивистское искусство начнеть участвовать въ окончательномъ строѣ, относится къ ближайшему будущему, она, тѣмъ не менѣе, не можетъ имѣть мѣста немедленно, такъ какъ она требуетъ философской подготовки, не приобретенной еще въ достаточной мѣрѣ ни западно-европейской публикой, ни представителями искусства. Мирное поколѣніе, только-что начавшее осуществлять во Франціи вторую часть великой революціи, можетъ дать свободный перевѣсъ позитивизму не только среди истинныхъ мыслителей, но также среди парижскаго народа, вершающаго судьбы всего Запада, и даже среди наиболѣе передовыхъ женщинъ. Слѣдующее-же поколѣніе, повинувшись данному импульсу, сможетъ, еще до исхода вѣка, начатаго Конвентомъ, само собой дополнить это умственное и моральное движеніе, обнаруживая новый эстетическій характеръ возрожденнаго Человѣчества.

Г Л А В А XXV.

Позитивизмъ болѣе благоприятенъ для изящныхъ искусствъ, чѣмъ всякая другая философія.

Соображенія, изложенныя въ этой пятой и послѣдней части, позволяютъ разсматривать позитивную философію, какъ болѣе благоприятную, чѣмъ всякая другая философія, для непрерывнаго подъема всѣхъ изящныхъ искусствъ. Доктрина, призывающая человѣчество ко всеобщему совершенствованію, должна глубоко проникнуть во всѣ умозрѣнія, наиболѣе способныя развивать нашъ инстинктъ совершенства. Она ихъ подчиняетъ систематическому изученію дѣйствительности лишь для того, чтобы дать идеальности объективное основаніе, необходимое для ея постоянства и достоянства.

Но организованныя, такимъ образомъ, эстетическія функціи болѣе пригодны, чѣмъ научныя функціи, для природы и силъ нашего ума и, въ особенности, для его главнаго назначенія—построенія человѣческаго единства; ибо онъ непосредственно относится къ аффективному принципу этой систематизаціи. Послѣ прямого развитія чувства, искусство можетъ затѣмъ служить наилучшимъ средствомъ, чтобы сдѣлать насъ одновременно болѣе нѣжными и болѣе благородными.

Вліяніе искусства на наше мышленіе можетъ выразиться даже въ усовершенствованіи нашей способности систематизировать, такъ какъ оно приучаетъ насъ съ

раннихъ лѣтъ понимать истинныя свойства всякаго человѣческаго построенія. Наука могла долгое время предпочитать аналитическій методъ; между тѣмъ какъ искусство, даже среди своей нынѣшней анархіи, стремится всегда къ синтезу, являющемуся необходимой цѣлью всѣхъ нашихъ размышленій. Когда оно, вопреки своей природѣ, работаетъ въ цѣляхъ разрушенія, оно можетъ выполнить свое дѣло только черезъ построеніе. Такимъ образомъ, вкусъ и привычка къ эстетическимъ построеніямъ должны насъ расположить лучше строить на стойкой почвѣ дѣйствительности.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, искусство, руководимое чувствомъ, становится для позитивизма главнымъ основаніемъ всеобщаго образованія, въ которое затѣмъ вступаетъ наука лишь для необходимой объективной систематизаціи.

Такое сліяніе науки съ искусствомъ обязываетъ новыхъ философовъ глубоко понимать всѣ изящныя искусства. Хотя обычно эта способность пассивна, она должна будетъ развиваться у главныхъ философовъ до наивысшей активности въ эпохи философскаго застоя и усиленнаго поэтическаго движенія. Безъ этого труднаго дополненія ихъ дѣятельность не можетъ получить того свободнаго моральнаго возвышенія, которому она доступна по своему характеру и котораго требуетъ ея назначеніе. Жрецъ Человѣчества обнаружить свое конечное превосходство надъ служителямъ Бога только тогда, когда его систематическій разсудокъ надлежащимъ образомъ сочетается съ восторженностью поэта, а также съ женской симпатіей и съ энергіей пролетарія.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Религія Человѣчества.

ГЛАВА I.

Основные черты новаго строя: любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль.

Любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль; таковъ, согласно этому длинному вступительному разсужденію, основной характеръ окончательнаго строя, который позитивизмъ начинаетъ устанавливать, приводя въ систему все наше личное и социальное существованіе посредствомъ неизмѣннаго сочетанія чувства съ разсудкомъ и дѣятельностью. Эта окончательная систематизація удовлетворяетъ лучше, чѣмъ это было когда-либо возможно, всѣмъ главнымъ условіямъ, необходимымъ какъ для спеціальнаго развитія различныхъ сторонъ нашей природы, такъ и для ихъ общей связи. Первенствующее значеніе аффективной жизни здѣсь лучше установлена, чѣмъ раньше, такъ какъ позитивизмъ приводитъ въ всеобщее преобладаніе социальнаго чувства, которое можетъ непосредственно сгласить всякую мысль и всякое дѣйствіе.

Не будучи никогда стѣснительнымъ по отношенію къ разуму, это господство сердца освящаетъ умъ, посвящая его отнынѣ безпрерывному служенію общественности, съ тѣмъ, чтобы онъ освѣтилъ эту дѣятельность и укрѣпилъ ее преобладающее значеніе. Такимъ образомъ, разсудокъ, надлежаще подчиненный чувству, пріобрѣтаетъ авторитетъ, котораго онъ до сихъ поръ еще не могъ получить, какъ единственно способный открывать основной порядокъ, необходимо управляющій всѣмъ нашимъ существованіемъ, согласно естественнымъ законамъ различныхъ явленій. Это объективное основаніе истинной человѣческой мудрости глубоко дѣйствуетъ даже на наши страсти, которыя находятъ въ необходимости сообразоваться съ нимъ источникъ устойчивости, способный удерживать прирожденное имъ непостоянство, и непосредственно пробуждать симпатическіе инстинкты. Призываемый къ выполненію благородной роли, предохраняющей его отъ всякаго празднаго блужданія, научный гений находитъ самую обильную пищу въ оцѣнкѣ всѣхъ реальныхъ законовъ, вліяющихъ на нашу судьбу, и, въ особенности, въ изученіи нашей собственной индивидуальной или коллективной природы. Преобладаніе социологической точки зрѣнія, далеко не препятствуя даже наиболѣе отвлеченнымъ умозрѣніямъ, увеличиваетъ ихъ постоянство и ихъ достоинство, указывая единственно соотвѣтствующее имъ направленіе.

Обеспечивая разсудку его справедливое вліяніе на чловѣческую жизнь, этотъ окончательный строй укрѣпляетъ и развиваетъ обычный полетъ воображенія, призываемаго отнынѣ къ выполненію своего главнаго назначенія, именно, къ постоянному идеальному воспроизведенію дѣйствительности. Научныя функціи необходимы лишь для построенія вѣшняго основанія всѣхъ нашихъ понятій. Но коль скоро эта операція совершена, эстетическія функціи оказываются болѣе подходящими для нашего ума, причемъ, однако, это необходимое основаніе, способное, сверхъ того, предупредить заблужденія послѣднихъ, должно остаться неприкосновеннымъ. Подъ этимъ единственнымъ общимъ условіемъ, эстетическія функціи прямо поощряются позитивной систематизаціей, какъ наиболѣе отвѣчающія ея аффективному принципу и какъ наиболѣе приближающія къ ея активной цѣли. Глубоко связанныя съ новымъ образомъ жизни, онѣ въ ней обыкновенно составляютъ наиболѣе пріятное и наиболѣе спасительное упражненіе нашего ума, который не могъ бы болѣе прямымъ путемъ стремиться къ культивированію чувствъ и къ достиженію совершенства.

Вытекая первоначально изъ активной жизни, окончательная систематизація возвращается къ ней съ пріоритетомъ энергіи, когда, послѣ долгой умозрительной подготовки, она достигнетъ аффективнаго принципа, который станетъ тогда ея прямымъ источникомъ. Отнюдь не вызывая изнѣженности, любовь, служащая ей основаніемъ, побудитъ насъ всегда къ наиболѣе полной дѣятельности и къ посвященію всей нашей жизни всеобщему совершенствованію. Аффективный принципъ обязываетъ насъ изучать естественный порядокъ только для того, чтобы лучше примѣнять наши индивидуальныя или коллективныя силы къ его искусственному улучшенію. Едва намѣченное до сихъ поръ даже относительно матеріальнаго міра, это нормальное назначеніе могло пока занять только ничтожную часть чловѣческихъ усилій. Развитие этого принципа могло бы причинить вредъ лишь въ томъ случаѣ, если бы оно ограничилось достиженіемъ низшихъ ступеней совершенства. Но какъ только наша умозрительная мудрость непосредственно обниметъ свою главную область, наша дѣйственная мудрость начинаетъ примѣняться преимущественно къ важнѣйшимъ явленіямъ, гдѣ естественный порядокъ и болѣе несовершененъ, и болѣе доступенъ измѣненію. Послѣ того, какъ практическая сторона жизни будетъ, такимъ образомъ, увеличена и систематизирована, начнется стремленіе къ интеллектуальному улучшенію и еще болѣе къ моральному усовершенствованію, въ смыслѣ пріобрѣтенія какъ вѣжности, такъ и мужества. Частная и общественная жизнь оказываются отнынѣ связанными одной и той же главной цѣлью, облагораживающей всѣ дѣйствія. Отнынѣ необходимое преобладаніе практики, отнюдь не являясь враждебнымъ теоріи, будетъ предписывать ей, главнымъ образомъ, наиболѣе трудныя изслѣдованія, для раскрытія истинныхъ законовъ нашей личной и соціальной природы, познаніе которыхъ всегда будетъ недостаточно для удовлетворенія нашихъ реальныхъ потребностей. Выступитъ, чтобы вызвать моральную суровость, подобная постоянная дѣятельность будетъ насъ безпрестанно толкать къ лучшему пониманію того, что всеобщая любовь составляетъ не только наше главное счастье, но также самое могущественное средство, необходимое для дѣйствительности всѣхъ другихъ.

Г Л А В А II.

Гармонія между сердцемъ, разумомъ и характеромъ.

Когда человѣческое существованіе будетъ покоиться на позитивныхъ началахъ, сердце, разумъ и характеръ будутъ взаимно другъ друга укрѣплять и развивать, благодаря постоянной систематизаціи своихъ естественныхъ функцій. Никогда общественная и частная жизнь не могли быть такъ тѣсно связаны, какъ при этомъ одинаковомъ посвященіи изъ одной и той же существенной цѣли, при чемъ онѣ различаются только по обширности своихъ средствъ. Отдавая, по возможности, всегда перевѣсъ общественности надъ личностью, какъ частная, такъ и общественная жизнь безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ отдають ей всѣ аффективные, умозрительныя и активныя силы.

Г Л А В А III.

Духовная и свѣтская власть.

Соотвѣтственно этой окончательной постановки великой человѣческой проблемы, социальное искусство, непосредственно посвященное ея общему разрѣшенію, береть отнынѣ основнымъ принципомъ нормальное раздѣленіе двухъ элементарныхъ властей, изъ которыхъ одна моральная, совѣтующая, другая политическая, управляющая. Необходимое преобладаніе послѣдней, всегда покоящееся на матеріальной силѣ, соотвѣтствуетъ врожденному перевѣсу личности въ нашей несовершенной природѣ, въ которой самыя грубыя потребности оказываются наиболѣе настоящими и наиболѣе постоянными. Безъ этой непреодолимой фатальности наша индивидуальная жизнь была бы лишена стойкости и направленія; но, въ особенности, наше коллективное существованіе не имѣло бы ни характера, ни активности. Вотъ почему моральная власть, покоящаяся на убѣжденіи и увѣренности, должна оставаться всегда умѣряющей, не становясь никогда управляющей.

Опираясь на чувство и на разсудокъ, она специально представляетъ общественность, которую только она непосредственно развиваетъ. Но уже въ силу того, что она соотвѣтствуетъ нашимъ наиболѣе возвышеннымъ свойствамъ, она не можетъ достигнуть практическаго преобладанія, принадлежащаго наиболѣе энергичнымъ. Уступая свѣтской власти въ силѣ, но превосходя ее въ достоинствѣ, она всегда противопоставляетъ свое предполагаемое распредѣленіе людей, сообразно ихъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, дѣйствительному распредѣленію по богатству, происхожденію или общественному положенію. Не достигая никогда того, чтобы ея принципы оцѣнки получили перевѣсъ, она, тѣмъ не менѣе, приводитъ къ благо-

творному измѣненію естественнаго порядка всякаго общества, способствуя распространенію цѣльнаго міросозерцанія и чувства долга, которыя практическая дѣятельность стремится искажать.

Это основное назначеніе умѣряющей власти, потребность въ которомъ чувствуется всюду, систематизируется благодаря характерной способности ея подготавливать насъ къ реальной жизни посредствомъ правильнаго общаго образованія, сосредоточеннаго, главнымъ образомъ, на морали, даже въ своей интеллектуальной части. Посвященная, такимъ образомъ, умозрѣнію и чувству, эта смягчающая власть можетъ стать достойнымъ и систематическимъ органомъ общественности, только оставаясь всегда непричастной къ дѣйствию. Поэтому ея первая обязанность состоитъ въ преодолѣніи въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ бесполезныхъ стремленій къ свѣтскому господству, которыя, не взирая на недостаточную чистоту ихъ обычнаго источника, могутъ стать спасительными лишь у натуръ, дѣйствительно предназначенныхъ къ господству. Это торжественное отреченіе отъ богатства и почестей является первоначальнымъ основаніемъ настоящей теоретической власти и предварительнымъ условіемъ ея законнаго сопротивленія значительнымъ захватамъ практической власти. Такимъ образомъ она приобретаетъ главную и постоянную поддержку, развивая естественное родство съ социальными элементами, которые, какъ и она, по необходимости чужды политической власти.

ГЛАВА IV.

Роль женщины.

Женщины, представляющія первый самородный источникъ смягчающаго вліянія, вслѣдствіе своей въ высшей степени аффективной природы, становятся, въ силу своего пассивнаго общественнаго положенія, домашними сотрудницами истинной духовной власти. Она ихъ тѣсно приобщаетъ къ своей существенной роли, вѣдая имъ все домашнее образованіе, а въ позитивномъ строѣ общественное образованіе составляетъ только необходимое систематическое дополненіе послѣдняго. Какъ жены, онѣ еще болѣе раздѣляютъ функціи духовной власти, умѣряя путемъ аффективнаго вліянія стремленіе къ матеріальному превосходству, которое она умѣряетъ только посредствомъ убѣжденія.

Въ той области общественной жизни, которая подходитъ къ ихъ природѣ, онѣ, по собственному побужденію, помогаютъ этой власти въ выработкѣ общественнаго міренія, — систематическимъ выразителемъ котораго эта власть становится, — оцѣнивая поступки и въ особенности лицъ сообразно принципамъ, которые она имъ внушила. Это тѣсное сотрудничество развивается лучше, когда всѣ женщины, надлежащимъ образомъ избавленные мужчинами отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, не будутъ обладать ни богатствомъ, ни властью, какъ мы это столь часто наблюдаемъ среди пролетаріевъ.

ГЛАВА V.

Роль пролетарія.

Близость народа къ философской власти, хотя и менѣе непосредственна, чѣмъ близость женщинъ, однако, естественнымъ образомъ доставляетъ ей энергическую гражданскую поддержку въ ея неизбѣжномъ антагонизмѣ съ политической властью. Лишенные одновременно и матеріальнаго досуга и индивидуальной силы, пролетаріи не могутъ постоянно принимать участіе въ практическомъ управленіи, цѣлесообразность котораго обусловливается, главнымъ образомъ, его сосредоточенностью. Напротивъ, моральная сила, вытекающая изъ свободнаго содѣйствія, допускаетъ и даже требуетъ всеобщаго участія. Пролетаріи-же, избавленные отъ всякой серьезной практической отвѣтственности, естественнымъ образомъ приобщаются къ теоретической власти, благодаря своей умственной свободѣ и личной беззаботности, располагающимъ ихъ, лучше чѣмъ образованные классы, къ цѣльному міросозерцанію и къ великодушнымъ чувствамъ.

Поэтому, когда общее образованіе, которое будетъ преимущественно для нихъ предназначено, позволитъ имъ лучше формулировать свои желанія, они создадутъ главное основаніе истиннаго общественнаго мнѣнія. Ихъ потребности, равно какъ ихъ наклонности, всегда будутъ ихъ сближать съ философской духовной властью, которая станетъ систематически отстаивать ихъ интересы противъ покушеній господствующихъ классовъ.

Взаимъ этой естественной услуги, духовная власть получить отъ нихъ значительную помощь для выполненія своей великой соціальной миссіи—непрестанно подчинять свѣтскую власть требованіямъ нравственности. Въ исключительныхъ случаяхъ, которые потребовали бы политическаго вмѣшательства умѣряющей власти, активный характеръ ея народнаго элемента избавить ея философскій элементъ отъ неподходящей для него роли, которая отразилась бы на немъ почти также вредно, какъ и на ея женскомъ элементѣ.

ГЛАВА VI.

Разрѣшеніе великой человѣческой проблемы.

Вслѣдствіе слабого вліянія разсудка на нашу несовершенную природу, новая духовная власть не могла бы непосредственно заставить уважать соціально едостоинство истинной теоріи и ея справедливое отношеніе къ практикѣ. Но ея солидарность съ женщинами и пролетаріями обезпечить ей могущественную поддержку въ каждомъ городѣ и даже въ нѣдрахъ каждой семьи, для организациі законнаго моральнаго воздѣйствія бѣдныхъ на богатыхъ. Всеобщее образованіе доставитъ ему, сверхъ

того, дополнительную поддержку среди управляющихъ классовъ, благодаря добровольному поступленію ихъ наиболѣе благородныхъ членовъ въ своего рода новое рыцарство.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту обширную организацію моральной силы, въ насъ такъ сильно и самопроизвольно развита личность, что дѣйствительное разрѣшеніе великой человѣческой проблемы всегда останется ниже нашихъ справедливыхъ пожеланій. Это соображеніе, распространяющееся на все виды нашей истинной судьбы, должно только побудить насъ къ еще большому сосредоточенію всѣхъ нашихъ усилій для улучшенія естественнаго порядка въ его наиболѣе важныхъ отношеніяхъ, являющихся одновременно и наиболѣе измѣняемыми и наименѣе совершенными.

Нашъ главный прогрессъ, какъ коллективный, такъ и индивидуальный, состоитъ въ безпрестанномъ развитіи этой, исключительно намъ принадлежащей, власти надъ нашими собственными несовершенствами, въ особенности, моральными. Это характерное стремленіе не могло въ достаточной степени развиться въ древности, которая должна была только подготовить его проявленіе, путемъ созданія необходимой интеллектуальной и соціальной почвы. Ея назначеніе было даже настолько несовмѣстимо съ прямой постановкой великаго человѣческаго вопроса, что она требовала всегда, напротивъ, полного подчиненія морали политикѣ.

Но эта благородная цѣль такъ соответствуетъ нашему роду, что, начиная съ среднихъ вѣковъ, онъ къ ней открыто стремится, не взирая на препятствія, создаваемые недостаточнымъ выполненіемъ двухъ предварительныхъ условій. Господствующая доктрина не была ни достаточно реальна, ни достаточно полна; характеръ общественности оставался еще слишкомъ военнымъ и слишкомъ аристократичнымъ, чтобы позволить установить окончательное преобладаніе морали надъ политикой. Тѣмъ не менѣе, неизбежная неудовлетворительность этой поразительной попытки не помѣшала западнымъ народамъ оцѣнить этотъ основной принципъ, который пережилъ затѣмъ безвозвратное паденіе породившихъ его первоначально мифы и нравовъ.

Дабы доставить ему рѣшительный перевѣсъ, нужно было, чтобы настоящій философскій умъ, долгое время ограничивавшійся простѣйшими изслѣдованіями, постепенно охватилъ всю область умозрѣнія и сталъ вполне систематическимъ, достигнувъ, наконецъ, соціального образа мышленія. Въ то же время было необходимо, чтобы промышленная дѣятельность окончательно одержала верхъ надъ военной дѣятельностью у всѣхъ народовъ, подготовленныхъ къ этому римской культурой и католικο-феодальнымъ режимомъ.

Это двоякое основное вступленіе совершалось, наряду съ общимъ разложениемъ стараго порядка въ теченіе долгаго переходнаго періода, отдѣляющаго насъ отъ среднихъ вѣковъ. Рѣшительное потрясеніе ¹⁾ побудило затѣмъ передовую часть человечества вновь непосредственно предпринять, на лучшихъ теоретическихъ и соціальныхъ основаніяхъ, изслѣдованіе великой проблемы, поставленной нашими благодѣтельными и рыцарскими предками, чтобы придти, наконецъ, къ ея коренному рѣшенію, которое позитивизмъ теперь систематизировалъ и формулировалъ.

¹⁾ Революція 1789 г.

ГЛАВА VII.

Человѣчество есть истинное Великое Существо.

Всѣ главные фазисы этого коллективнаго подготовленія требуютъ, чтобы отдѣльная личность, сама собой или систематически, получала равносильную подготовку, иначе преуспѣяніе оказалось бы лишь поверхностнымъ. Далѣе необходимо, чтобы эти различныя формы и степени человѣческаго перерожденія, помимо ихъ тѣсной связи, всѣ естественнымъ образомъ стремились бы къ одному и тому же центру, способному непосредственно установить основное единство окончательнаго порядка вещей. Безъ этого сосредоточенія позитивная систематизація не можетъ всецѣло замѣнить систематизацію теологической философіи, несмотря на болѣе высокую однородность и солидарность ея болѣе реальныхъ и болѣе стойкихъ элементовъ.

Итакъ, къ своему аффективному принципу, рациональному основанію и активной цѣли позитивизмъ долженъ добавить единый центръ, который охватилъ бы одновременно чувство, разсудокъ и дѣятельность. Таково послѣднее условіе его частнаго и общественнаго возобладавія.

Это условіе вполне выполняется, благодаря тому, что всѣ позитивистскіе взгляды естественно сходятся въ великомъ понятіи Человѣчества, которое навсегда замѣнило понятіе Бога и установило окончательное единство, болѣе полное и болѣе прочное, чѣмъ временное единство первоначальнаго порядка. Такимъ образомъ, распространеніе и примѣненіе новой общей доктрины становится доступнымъ всѣмъ сердцамъ и, слѣдовательно, всѣмъ умамъ, при чемъ они избавляются теперь отъ долгаго и труднаго усвоенія ея научнаго введенія, остающагося необходимымъ только для ея систематическихъ органовъ.

Въ виду своей еще болѣе моральной, чѣмъ интеллектуальной природы, всеобщій центръ позитивизма тотчасъ напоминаетъ аффективный принципъ окончательной систематизаціи. Ибо, такъ какъ характерная особенность этого новаго Великаго Существа состоитъ въ томъ, что оно необходимо состоитъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, то все его существованіе покоится поэтому на взаимной любви, связывающей постоянно его различныя части, при чемъ никакой расчетъ никогда не могъ бы замѣнить этого инстинктивнаго чувства.

Этому прямому преобладаію соціальнаго чувства соответствуетъ непрерывное развитіе цѣльнаго міросозерцавія, которое одно только позволяетъ разсматривать общее самопроизвольное участіе, результатомъ котораго является этотъ необъятный организмъ, а не останавливаться на частныхъ столкновеніяхъ. Такъ что, разсудокъ также, какъ и любовь, участвуетъ въ этомъ окончательномъ сосредоточеніи нашихъ воззрѣній вокругъ одного понятія. Кромѣ того, только онъ дополняетъ это понятіе настоящаго Верховнаго Существа, открывая всѣ вѣшнія и внутреннія условія его реальнаго существованія.

Но дѣятельность не менѣе, чѣмъ чувство и разсудокъ, присуща природѣ позитивистскаго единства. Ибо самый сложный организмъ долженъ болѣе всякаго другого

безпрестанно воздѣйствовать на соответствующую среду, дабы, приспособляясь къ ней, видоизмѣнять ее. Отсюда рождается необходимый прогрессъ, являющійся всегда только развитіемъ порядка, вытекающаго изъ любви.

Такимъ образомъ, въ Человѣчествѣ сжато и непосредственно представлены три главные характерныя черты позитивизма: субъективный двигатель, объективный догматъ и активная цѣль. Къ этому единственному Великому Существу, необходимыми членами котораго мы, безъ сомнѣнія, являемся, будутъ отнынѣ относиться всѣ стороны нашего индивидуальнаго или коллективнаго существованія: наши размышленія, чтобы его познать, наши страсти, чтобы его любить и наши дѣйствія, чтобы ему служить.

Вотъ какимъ образомъ позитивисты могутъ, лучше чѣмъ какіе бы то ни были богословы, разсматривать жизнь, какъ истинный культъ, столь же интимный, сколь и общедоступный. Это постоянное поклоненіе Человѣчеству воспламенить и очистить всѣ наши чувства, возвысить и освѣтить наши мысли, облагородить и укрѣпить всѣ наши дѣйствія. Великая проблема, поставленная въ средніе вѣка, оказывается, поскольку это возможно, прямо разрѣшенной, такъ какъ подчиненіе политики морали здѣсь необходимо вытекаетъ изъ святаго преобладанія общечеловѣчности надъ личностью.

Такимъ-то путемъ позитивизмъ становится, наконецъ, настоящей религіей, единственно полной и реальной, назначенной одержать верхъ надъ всѣми несовершенными и временными систематизаціями, вытекающими изъ первоначальнаго теологизма.

Единство древнихъ теократій было недостаточно, такъ какъ его чисто субъективная природа не могла никогда охватить вполне практическое существованіе, всегда подчиненное объективной дѣйствительности. Ограниченная чувствомъ и разсудкомъ, эта первоначальная систематизація потеряла значительную часть своей интеллектуальной области, когда эстетическій духъ безвозвратно освободился отъ теократической опеки, дабы лучше приспособиться къ реальной жизни, сообразно своему самородному призванію. Оставшіеся единственными судьями въ области науки и нравственности, жрецы пережили затѣмъ паденіе своего теоретическаго авторитета, вскорѣ послѣ того, какъ развитіе простѣйшихъ отвлеченныхъ позитивныхъ теорій создалъ почву для зарожденія философіи въ собственномъ смыслѣ слова.

Хотя эта философія могла быть тогда только метафизической, она, тѣмъ не менѣе, сдѣлала попытку дать анти-жреческую систематизацію, которая, хотя и не обладала никакими органическими достоинствами, разрушила политеизмъ и, въ концѣ концовъ, превратила его въ монотеизмъ. Въ этой крайней формѣ теологической философіи умоизрядительный авторитетъ духовенства пострадалъ такъ же сильно, какъ и принципъ ея доктрины. Духовенство потеряло тогда свое научное господство, какъ оно раньше потеряло свое первенство въ области эстетики. Оно сохранило только моральный авторитетъ, вскорѣ подорванный умственной эмансипаціей, реальнымъ источникомъ которой былъ позитивный духъ, хотя метафизическій духъ послужилъ ему еще систематическимъ органомъ.

ГЛАВА VIII.

Жрецы Человѣчества.

Когда наука достаточно расширилась, чтобы, въ свою очередь, отдѣлиться отъ философіи, она не замедлила обнаружить свое необходимое стремленіе къ новому цѣльному міропониманію, столь же противорѣчащему всякой метафизикѣ, какъ и всякой теологіи. Это окончательное построение, естественнымъ образомъ связанное съ непрерывнымъ и длиннымъ рядомъ предварительныхъ работъ, въ которыхъ философія и теологія не нуждались, привело позитивный духъ къ систематизаціи активной жизни, служившей для него опорнымъ пунктомъ въ его завладѣніи областью умозрѣнія.

Но это двоякое развитіе могло завершиться только послѣ недавняго созданія истинной соціальной науки, основанной на моей исторической теоріи. Отнынѣ настоящіе ученые, возвысившись до философскаго достоинства, необходимо будутъ стремиться принять жреческой характеръ, потому что эта окончательная научная разработка приводитъ къ систематическому преобладанію аффективного принципа, въ результатѣ чего получается полное и однородное построение.

Возведенные такимъ образомъ въ жрецы Человѣчества, новые философы должны получить интеллектуальное и моральное значеніе, болѣе обширное и лучше укорененное, чѣмъ превосходство жреческой корпораціи въ древности. Ихъ необходимое отреченіе отъ всякаго свѣтскаго авторитета становится основнымъ условіемъ этого духовнаго первенства, обеспечивающимъ систематическое раздѣленіе между теоріей и практикой. Никакое теократическое вырожденіе не можетъ имѣть мѣста въ строѣ, гдѣ совѣтъ и повелѣніе никогда не могутъ исходить отъ однихъ и тѣхъ же лицъ.

Благодаря этому полному отреченію какъ каждого въ отдѣльности, такъ даже всей корпораціи, отъ почестей и богатства, жрецы Человѣчества пріобрѣтутъ небывалое значеніе, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ интеллектуальное главенство, какъ эстетическое, такъ и научное и моральное превосходство, которыя оставались раздѣльными со времени паденія теократіи. Такимъ образомъ, разсудокъ, воображеніе и чувство сочетаются вмѣстѣ, чтобы глубоко измѣнить необходимое господство практической дѣятельности сообразно съ истинными законами всеобщей морали, отъ которыхъ она постоянно уклоняется.

Эта новая умиротворяющая власть пріобрѣтетъ тѣмъ болѣе вліянія, что ея систематизація будетъ предшествовать и готовить прямое установленіе окончательнаго строя; между тѣмъ какъ теологизмъ достигъ единства только въ эпоху своего упадка. Позитивное же духовенство должно переродить одновременно всѣ функціи, относящіяся къ нашему собственному совершенствованію, призывая науку изучать Человѣчество: поэзію—его воспѣвать и мораль—внушать къ нему любовь, дабы, благодаря этому совмѣстному воздѣйствію, политика непрестанно старалась служить ему.

Подобная миссія доставляетъ реальной наукѣ неизвѣстныя ей доселѣ величіе и прочность, такъ какъ она одна только позволяетъ намъ познать природу и со-

стояніе подлиннаго Великаго Существа, поклоненіе которому должно направлять все наше существованіе. Хотя кажется, что это основное предназначеніе вытекает непосредственно только изъ соціологическихъ изслѣдованій, оно, однако, необходимо покоится на двоякомъ логическомъ и научномъ введеніи, относящемся сначала къ вѣдѣнному міру и затѣмъ къ индивидуальному человѣку и дающемъ возможность оцѣнить среду и дѣйствующую силу, проявляющуюся въ этихъ важныхъ явленіяхъ.

ГЛАВА IX.

Статическій взглядъ на Человѣчество.

Культъ позитивистовъ не обращается, подобно культу теологовъ, къ существу абсолютному, изолированному, неспостижимому, бытіе котораго принимается на вѣру безъ всякихъ доказательствъ и не допускаетъ никакого реального сравненія. Никакая тайна не должна затемнять самородную очевидность, характеризующую новое Верховное Существо. Оно будетъ достойно воспѣто, любимо и служимо, лишь послѣ достаточно-точного познанія всѣхъ естественныхъ законовъ, управляющихъ его существованіемъ, представляющимъ собой самое сложное изъ доступныхъ нашему пониманію явленій.

Въ виду своей чрезвычайной сложности, оно обладаетъ еще болѣе, чѣмъ всякій другой организмъ, двумя свойствами: внутренней солидарностью и вѣдѣнной приспособляемостью, присущими всякому живому тѣлу. Не взирая на его необъятное распространеніе во времени и пространствѣ, точная оцѣнка cadaго изъ обусловливаемыхъ имъ явленій показываетъ намъ его всеобщую согласованность (*consensus*). Его существованіе также чрезвычайно зависитъ отъ вѣдѣнной необходимости, вытекающей, относительно cadaго реального существа, изъ совокупности низшихъ законовъ. Ко всѣмъ обыкновеннымъ неизбѣжнымъ явленіямъ: математическимъ, астрономическимъ, физическимъ, химическимъ и біологическимъ присоединяются еще явленія соціологическія, чуждыя натурамъ, недостаточно возвышеннымъ. Но въ силу этой же сложности, этотъ огромный организмъ необходимо воздѣйствуетъ, болѣе чѣмъ всякій другой, на весь реальный міръ, истиннымъ главой котораго онъ является. Такимъ образомъ, научное опредѣленіе представляетъ его какъ истинно-верховное существо, наилучшимъ образомъ обнаруживающее всѣ свойства жизненности.

Но еще одна существенная черта, принадлежащая только ему, должна дополнить его основное понятіе, систематически показывая необходимую независимость его собственныхъ элементовъ. Въ то время, какъ различныя части всякаго другого организма не могутъ жить самостоятельно, великое тѣло состоитъ изъ реально-отдѣлимыхъ жизней. Хотя эта независимость не мѣшаетъ согласованности, она также, какъ и общая работа, необходимо вытекаетъ изъ природы этого существа, которое потеряло бы все свое превосходство, если бы его элементы стали неотдѣлимыми. Трудность согласовать эти два одинаково основныхъ условія достаточно объясняетъ медленность этой высшей эволюціи.

Однако, познаніе новаго Великаго Существа не требуетъ, подобно познанію стараго, чисто субъективнаго отвлеченія. Понятіе о немъ вытекаетъ, напротивъ, изъ точной объективной оцѣнки: ибо человѣкъ, въ собственномъ смыслѣ слова, существуетъ только въ слишкомъ абстрактномъ мозгу нашихъ метафизиковъ. Въ сущности, реальнымъ является только человѣчество, хотя сложность его природы препятствовала намъ до сихъ поръ систематизировать это понятіе, составляющее необходимый предѣлъ нашего научнаго познанія.

Эта послѣдняя оцѣнка приводитъ къ дополненію систематической концепціи Верховнаго Существа, различая въ немъ два рода основныхъ функцій, изъ которыхъ однѣ относятся къ дѣятельности, другія же къ связи между отдѣльными частями. На самомъ дѣлѣ, непосредственно дѣйствующими въ немъ являются только отдѣлимые части, но успѣшность ихъ операцій зависитъ отъ ихъ произвольной или обдуманной согласованности.

Такимъ образомъ, для существованія этого организма необходимы одновременно внѣшнія функціи, главнымъ образомъ относящіяся къ его матеріальному бытію, и функціи внутреннія, спеціально служащія для сочетанія его подвижныхъ элементовъ. Это необходимое раздѣленіе функцій, въ сущности, сводится къ распространенію на коллективный организмъ знаменитой теоріи несравненнаго Виша о различеніи во всякомъ индивидуальномъ организмѣ двухъ жизней: питанія и связыванія. Здѣсь же открывается истинный и систематическій источникъ нормальнаго раздѣленія двухъ социальныхъ властей. Свѣтская власть, одна только управляющая, вытекаетъ изъ личности и развиваетъ дѣятельность, результатомъ которой является основной порядокъ; между тѣмъ какъ духовная власть, чисто умѣряющая, непосредственно представляетъ общественность и устанавливаетъ кооперацію, опредѣляющую прогрессъ. Такимъ образомъ, въ концепціи Великаго Существа первая соответствуетъ аппарату питанія, а вторая—нервной системѣ индивидуальнаго организма.

ГЛАВА X.

Динамическій взглядъ на Человѣчество.

Предыдущее статическое изслѣдованіе позволяетъ наукѣ прямо оцѣнить соответственное динамическое существованіе, примѣняя мою основную теорію человѣческой эволюціи, какъ это будетъ изложено въ третьемъ томѣ этого трактата.

Наше Великое Существо не является ни неподвижнымъ, ни абсолютнымъ; его рѣзкая природа дѣлаетъ его въ высшей степени доступнымъ развитію: однимъ словомъ, оно болѣе живое изъ всѣхъ извѣстныхъ существъ. Оно все болѣе и болѣе распространяется и усложняется, благодаря непрерывному накопленію человѣческихъ поколѣній.

Но его необходимыя измѣненія, также какъ его основныя функціи, подчинены неизмѣннымъ законамъ. Всѣ эти законы, отнынѣ доступные оцѣнкѣ, составляютъ

болѣ внушительное зрѣлище, чѣмъ возвышенная косность прежняго Верховнаго Существа, пассивное существованіе котораго прерывалось только необъяснимыми прихотями.

Итакъ, одна только реальная наука можетъ намъ дать понять эту высшую форму жизни, обнимающую всѣ наши жизни и господствующую надъ ними. И въ этомъ случаѣ, совершенно такъ же какъ и относительно простѣйшихъ явленій, только посредствомъ систематическаго изученія прошлаго можно опредѣлять будущее и характеризовать настоящее. Такимъ образомъ, отъ нормальной концепціи Великаго Существа мы переходимъ къ исторіи его непрерывнаго образованія, которая въ цѣломъ представляетъ краткій обзоръ всѣхъ успѣховъ, достигнутыхъ во всѣхъ областяхъ.

Въ древности познаніе его было несомнѣннѣе какъ съ вліяніемъ теологическаго духа, такъ и съ развитіемъ военной дѣятельности, покоющейся на рабствѣ производителей. Идея отечества, первоначально чрезвычайно ограниченная, одна только могла составить тогда необходимое введеніе къ идеѣ Человѣчества.

Изъ этого первобытнаго націонализма возникаетъ въ средніе вѣка чувство всеобщаго братства, вслѣдствіе оборонительнаго характера новой военной дѣятельности и свободнаго сліянія сверхъестественныхъ вѣрованій въ монотеистическую религію, исповѣдаемую всѣмъ Западомъ. Развитіе рыцарскихъ нравовъ и первая попытка нормальнаго отдѣленія свѣтской власти отъ духовной указывали уже на непосредственную дѣятельность великаго организма, выражавшуюся въ подчиненіи политики морали.

Но хищерическая и эгоистическая природа господствовавшихъ вѣрованій и военно-аристократическій характеръ этого переходнаго режима позволяли совершить въ этомъ направленіи только подготовительный трудъ, а именно—уничтожить всякое личное рабство, что и было главнымъ результатомъ этой великой эпохи. Такъ какъ промышленные нравы начали такимъ образомъ преобладать, то чувство братства могло опереться на дѣйствительно всеобщую дѣятельность. Въ то же время рѣшительное развитіе рacionales позитивности подготовило окончательную разработку соціальной науки, единственно способной систематизировать подобныя предварительныя работы, чтобы прямо приступить къ построенію понятія о настоящемъ Великому Существомъ.

Это понятіе систематизировалось сначала въ умозрительныхъ функціяхъ, особенно въ научныхъ, давшихъ два вѣка тому назадъ первую формулу ¹⁾, относящуюся къ этому необъятному и вѣчному организму. Въ періодъ необходимаго разложенія теологико-военной системы, новѣйшая эволюція, пользуясь всей предварительной органической работой, породила реальное понятіе непрерывнаго прогресса, характеризующаго эту коллективную жизнь.

Но идея Человѣчества могла построить новое основное единство лишь послѣ рѣшительнаго потрясенія ²⁾, которое, съ одной стороны, показало безотлагательность

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду слѣдующую мысль Паскаля: «весь рядъ людей, идущій черезъ столько вѣковъ, слѣдуетъ разсматривать какъ единого человѣка, всегда существующаго и безпрестанно познающаго».

Пр. Изд. (М. П. О.).

²⁾ Революція 1789 г.

Пер.

всеобщаго преобразованія и, съ другой, вызвало созданіе философіи, способной его систематизировать. Такимъ-то образомъ, созерцаніе новаго Великаго Существа всегда сопровождало его постепенное образованіе. Его нынѣшняя концепція вкратцѣ выражаетъ какъ всѣ наши соціальныя подготовленія, такъ и всѣ наши позитивныя умозрѣнія.

ГЛАВА XI.

Наука и ученые.

Послѣ такой характеристики прямого назначенія преобразованной науки, было бы излишне долго доказывать важность ея необходимаго неорганическаго и біологическаго введенія, отнынѣ тѣсно связаннаго съ окончательнымъ догматомъ. Ясно также, что самыя низшія ея части получаютъ, благодаря этому, высшее соціальное значеніе, какъ вслѣдствіе ихъ логическаго превосходства, такъ и въ силу ихъ научной необходимости.

Правда, религія Человѣчества требуетъ въ настоящее время кореннаго измѣненія академическаго метода, такъ какъ онъ одновременно и безнравствененъ и неразуменъ, въ особенности во Франціи. Этотъ двойной недостатокъ на самомъ дѣлѣ обусловленъ: у геометровъ тѣмъ, что они остановились на порогѣ позитивизма, у біологовъ—эмпирической тенденціей работать безъ системы. Здравый смыслъ и мораль вскорѣ осудятъ всякую теоретическую спеціальность, которая не будетъ разсматриваться и разрабатываться сообразно энциклопедическимъ изглядамъ, способнымъ связать ее съ совокупностью нашего существованія. И только такимъ путемъ можно бороться съ идиотизмомъ и эгоизмомъ, пустившими уже очень глубокіе корни и необходимо вызванными современной анархіей.

Но это необходимое очищеніе обезпечитъ затѣмъ общественное признаніе всѣмъ истиннымъ научнымъ трудамъ, даже касающимся самыхъ маловажныхъ вопросовъ. Математическія знанія, избавленные отъ ихъ пагубной сухости, обнаружатъ свою тайную моральную способность, какъ единственное реальное основаніе истинно непоколебимыхъ убѣжденій, которыхъ не въ состояніи достигнуть относительно высокихъ умозрѣній тѣ, кои не могутъ ихъ составить себѣ относительно наиболѣе простыхъ.

Когда тѣсная связь всѣхъ нашихъ понятій будетъ достаточно оцѣнена, Великое Существо отвергнетъ какъ публициста, чуждаго геометріи, такъ и геометра, пренебрегающаго соціологіей. Точно также біологическія изслѣдованія, очищенные отъ ихъ опаснаго матеріализма, приобрѣтутъ важное значеніе благодаря своимъ теоріямъ, наиболѣе близкимъ къ окончательной наукѣ и наиболѣе способнымъ подготовить основнѣйшій догматъ. Умъ, который пожелалъ бы познать Верховное Существо, не оцѣнивъ сперва низшія формы жизни, не менѣе достоинъ порицанія, чѣмъ тотъ, который отказался бы искать въ біологіи ея единственнаго нормальнаго назначенія.

Ставъ необходимыми для моральныхъ доказательствъ и надлежащимъ образомъ подчиненными внушеніямъ сердца, всѣ здравыя научныя теоріи окажутся отнынѣ глубоко связанными съ священнослуженіемъ Человѣчеству. Царство истиннаго чувства

вызоветъ подъемъ справедливаго разсудка, который, въ свою очередь, укрѣпитъ это царство доводами ума. Помимо своей очевидной необходимости для регулированія непосредственной дѣятельности Великаго Существа, естественная философія стремится затѣмъ къ его совершенствованію, черпая во внѣшнемъ мірѣ единственное прочное основаніе, совмѣстимое со всѣми нашими чувствами.

Непреложно посвященная прямому или косвенному изученію Человѣчества, наука пріобрѣтаетъ истинно-священный характеръ, какъ систематическое основаніе всеобщаго культа. Лишь она одна можетъ намъ помочь правильно познать не только природу и состояніе Великаго Существа, но также его судьбы и его послѣдовательныя стремленія. Исполняя это священное служеніе, необозримая трудность котораго требуетъ постояннаго сочетанія всѣхъ нашихъ умозрительныхъ силъ, наши малѣйшіе научные процессы облагораживаются, вслѣдствіе своей постоянной связи съ наиболѣе высокими функциями. Строгая точность и сугубая осторожность позитивнаго метода, зачастую кажушіяся ребяческими, вслѣдствіе ихъ бесполезнаго примѣненія, будутъ уважаемы и рекомендуемы какъ необходимыя гарантіи цѣлесообразности труда, относящагося къ нашимъ главнымъ потребностямъ. Будетъ признано, что далеко не являясь несомнѣннымъ съ истиннымъ чувствомъ, настоящая рациональность можетъ значительно способствовать его укрѣпленію и развитію, лучше раскрывая всѣ реальныя и, въ особенности, социальныя отношенія.

Г Л А В А XII.

Религія Человѣчества болѣе благопріятствуетъ искусству, чѣмъ наукѣ.

Но какъ бы внушительно ни было величіе, которое пріобрѣтаетъ образованная наука благодаря новому культу, значеніе, которое онъ необходимо придастъ поэзіи, будетъ еще прямѣе и полнѣе, соотвѣтственно ея болѣе дѣятельному и болѣе общему назначенію. Посвятивъ себя отнынѣ воспѣванію Человѣчества, эстетическій гений почувствуетъ себя непосредственно призваннымъ къ выполненію своей естественной миссіи, къ которой все его предшествовавшее развитіе было только необходимымъ вступленіемъ, которое почти всегда нетерпѣливо совершается искусствомъ, освободившимся раньше науки отъ теократическаго ига. Оно вполне мирилось только съ политеистическимъ режимомъ, который позволялъ ему свободно идеализировать всѣ наши элементарныя чувства и наивно изображать боговъ соотвѣтственно человѣческому типу. Тайно возмущаясь противъ монотеизма, значительно ограничившаго его размахъ, оно, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, стремится завладѣть, наконецъ, своею истинной областью, подчиненной до того времени туманнымъ суетврѣямъ. Культъ настоящаго Великаго Существа откроетъ ему вскорѣ неисчерпаемое поле дѣятельности, призывая его идеализировать, главнымъ образомъ, нашу коллективную жизнь, лишь слабыя черты которой могла ему показать древность, мало благопріятная для высокой поэзіи.

ГЛАВА XIII.

Поэтическое изображеніе новаго Верховнаго Существа.

Прежде всего, искусство должно принять большое участіе въ построеніи основнаго типа при одномъ лишь условіи—сообразоваться всегда съ важными научными данными. Ибо наука не можетъ опредѣлить природу и назначеніе новаго Верховнаго Существа настолько, чтобы удовлетворить потребностямъ культа, объ объектѣ котораго должно быть ясное представленіе, дабы можно было любить его безъ усилія и усердно служить ему. Эстетическому гению надлежитъ заполнить неизбѣжныя пробѣлы, оставляемые въ этомъ отношеніи научнымъ гениемъ, котораго всегда сдерживаютъ тѣсныя границы дѣйствительности, въ особенности въ подобномъ вопросѣ. Его собственный характеръ располагаетъ его лучше изображать характеръ Человѣчества, которое по своимъ чертамъ болѣе эстетично, чѣмъ научно. Независимость и объединенность, сочетание которыхъ отличаетъ Великое Существо отъ всѣхъ другихъ живыхъ организмовъ, являются также врожденными свойствами поэзіи. Хотя ея природа болѣе симпатическая, чѣмъ природа науки, тѣмъ не менѣе, ея произведенія болѣе индивидуальны, такъ какъ въ нихъ особенности дарованія каждаго автора болѣе выпукло выступаютъ, ибо онъ ими менѣе обязанъ своимъ предшественникамъ и современникамъ.

Такимъ образомъ, основной синтезъ, устанавливающій окончательный культъ, можетъ исходить отъ искусства болѣе, чѣмъ отъ науки, которая создастъ ему только необходимый фундаментъ. Поэзія приметъ здѣсь еще большее участіе, чѣмъ при первоначальной разработкѣ политическихъ типовъ, гдѣ ея столь превозносимое сотрудничество было болѣе кажущееся, чѣмъ реальное, и, въ сущности, сводилось къ украшенію созданныхъ теократіей мифовъ. Только поэзія, въ концѣ концовъ, поставитъ насъ на истинную человѣческую точку зрѣнія, объяснивъ намъ надлежащимъ образомъ всѣ существенныя свойства Великаго Существа, въ составъ котораго мы входимъ. Она будетъ воспѣвать и его матеріальную силу, и его физическое улучшеніе, и его умственное преуспѣяніе, и, въ особенности, его моральное совершенствованіе. Чуждое анализа, искусство объяснить намъ природу и состояніе Человѣчества, изображая его истинное назначеніе, его безпрестанную борьбу противъ прискорбныхъ гоненій рока, ставшую источникомъ счастья и славы, его медленную предварительную эволюцію и ожидающее его прекрасное будущее. Уже одна исторія всеобщей любви—необходимой души новаго Великаго Существа—доставитъ обновленной поэзіи неистощимый матеріалъ для изображенія въ индивидѣ и, въ особенности, въ родѣ поразительную непрерывную профессію, которая, отправляясь отъ самой грубой похоти, постепенно приводитъ насъ къ самой чистой нѣжности.

ГЛАВА XIV.

Человѣчество и божества.

Соціальное служеніе искусства часто приметъ сравнительную форму, благодаря которой, безъ какой бы то ни было специальной критики стараго культа, само собою обнаружится превосходство новаго культа. Чтобы лучше подчеркнуть главные свойства истиннаго Великаго Существа, искусству зачастую придется, въ особенности вначалѣ, сопоставлять ихъ съ необходимымъ несовершенствомъ всѣхъ его предшественниковъ. Абсолютная, безконечная и неизмѣняемая природа теологическихъ типовъ не согласима съ существенными условіями благодати, мудрости и могущества, сочетаніе которыхъ ставится для насъ понятнымъ только относительно реальнаго существа, подчиненнаго непреодолимымъ законамъ. На мѣсто боговъ, дѣятельныхъ и симпатическихъ, но не отличающихся ни достоинствомъ, ни нравственностью, монотеизмъ поставилъ божество то косное и безстрастное, то непроницаемое и непреклонное, но всегда величественное.

Реальности, характеризующія новое Верховное Существо, его относительная и измѣняемая природа позволяютъ намъ сдѣлать болѣе полную оцѣнку, которая къ тому же болѣе способна насъ возвысить, не переставая господствовать надъ нами. Каждый видитъ въ немъ высшее существо, отъ котораго зависитъ во всѣхъ отношеніяхъ его собственная судьба, всегда подчиненная коллективной эволюціи. Но это господство не подавляетъ насъ, подобно древнему всемогуществу, потому что каждый достойный индивидъ сознаетъ, что онъ, въ свою очередь, необходимъ для великаго организма. Онъ верховенъ, только благодаря нашему содѣйствію, и его власть лишь выше власти другихъ извѣстныхъ существъ. Никакой унижающій страхъ не смущаетъ нашу любовь къ нему и, однако, онъ намъ внушаетъ всегда искреннее благоговѣніе. Далекіе отъ того, чтобы считать его совершеннымъ, мы тщательно изучаемъ его естественныя несовершенства, дабы ихъ, по возможности, исправлять. Наша любовь къ нему благородна и пѣжна, и побуждаетъ насъ не къ позорному искательству, а къ дѣятельной заботливости и о совершенствованіи.

Но всѣ эти преимущества новаго культа, указанныя сначала философіей, могутъ быть достаточно развиты только поэзіей. Уже Гете и, въ особенности, Байронъ предугадали моральное величіе человѣка, освобожденнаго отъ всякаго стѣснительнаго суевѣрія. Однако, они могли создавать только мятежные типы, сообразно ихъ революціонному служенію. Нужно выйти изъ отрицательнаго состоянія, въ которомъ тогдашнее положеніе вещей удерживало ихъ геній, и возвыситься до позитивнаго созерцанія совокупности реальныхъ законовъ, въ особенности соціологическихъ, дабы достойно воспѣть новаго человѣка въ присутствіи новаго бога.

ГЛАВА XV.

Культь Человѣчества.

Жреческая миссія обновленнаго искусства выльется еще въ третью общую форму, именно, въ руководство общественными или частными празднествами, которыя составлять большую часть обрядовъ культа. Для выполненія этой службы, жрецы Человѣчества должны будутъ, на самомъ дѣлѣ, примѣнять болѣе свою эстетическую способность, чѣмъ свой научный талантъ. Ибо эта важная функція должна, въ сущности, состоять въ лучшемъ выявленіи статической и динамической природы великаго организма путемъ идеализаціи его различныхъ характерныхъ чертъ.

Такимъ образомъ, нужно будетъ установить два рода праздниковъ, относящихся къ двумъ необходимымъ свойствамъ основного существа, и чествовать то его бытіе, то его дѣятельность, чтобы развивать два необходимыхъ элемента истиннаго социальнаго чувства. Статическія празднества будутъ служить для изображенія порядка и тѣмъ самымъ будутъ возбуждать инстинктъ солидарности; празднества-же динамическія будутъ характеризовать прогрессъ, чтобы дать лучше понять непрерывность.

Въ этомъ двоякомъ періодическомъ пополненіи общаго образованія, всѣ устанавливаемая послѣднимъ принципы окажутся развитыми и укрѣпленными, но безъ всякаго стремленія къ ноученію, всегда противоположному истинному гевію искусства, который долженъ просвѣщать только услаждая. Впрочемъ, указанное постоянное содержаніе этихъ торжествъ не помѣшаетъ позитивистскому духовенству примѣнять ихъ, при удобномъ случаѣ, къ главнымъ событіямъ каждаго реальнаго положенія.

Празднества, относящіяся къ порядку, конечно, будутъ менѣе конкретны и болѣе строги, чѣмъ празднества, касающіяся прогресса. Они должны будутъ характеризовать статическую солидарность великаго организма, проявляющуюся въ различныхъ основныхъ функціяхъ одушевляющей его любви. Наиболѣе-же общимъ и наиболѣе величественнымъ будетъ чествованіе Человѣчества, которое будетъ совершаться на всемъ Западѣ въ первый день новаго года, который въ настоящее время является единственнымъ всеобщимъ праздникомъ, скрашивающимъ наше прозаическое существованіе.

Это начинающее годъ торжество должно непосредственно обнаруживать самую широкую солидарность для того, чтобы впослѣдствіи къ нему могли примкнуть всѣ развѣтвленія нашего рода. Оно будетъ дополняться въ томъ же мѣсяцѣ тремя второстепенными праздниками, относящимися къ низшимъ ступенямъ ассоціаціи, къ націи, провинціи и городу. За этимъ первымъ прямымъ празднованіемъ социальной связи послѣдуетъ, въ началѣ каждаго изъ четырехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ, празднованіе четырехъ семейныхъ отношеній: супружескихъ, родительскихъ, дѣтскихъ и братскихъ, а въ слѣдующій мѣсяцъ — справедливое чествованіе прислуги, въ собственномъ смыслѣ слова.

Эта статическая система представить одновременно истинную теорію нашей, какъ коллективной, такъ и индивидуальной природы, и соотвѣтственные правила здравой морали. Чисто личные побужденія, не смотря на ихъ преобладаніе, не должны тутъ отдѣльно изображаться, такъ какъ назначеніе этого культа, главнымъ образомъ, состоятъ въ подчиненіи ихъ симпатическимъ инстинктамъ. Хотя позитивное образованіе придаетъ большое значеніе соотвѣтственнымъ добродѣтелямъ, онѣ не заслуживаютъ особаго прославленія, которое могло бы пробудить эгоизмъ. Онѣ должны быть восхваляемы только косвенно во всѣхъ частяхъ человѣческаго культа, въ виду ихъ реальнаго вліянія на великодушныя страсти.

Такимъ образомъ, въ эстетической картинѣ нашихъ свойствъ и обязанностей дѣйствительно нѣтъ ни одного пробѣла. Эта картина не требуетъ также особаго указанія на необходимое подчиненіе Великаго Существа совокупности явленій вѣшняго міра. Дѣйствительно, эта необходимость даетъ себя всюду чувствовать: прославляются-ли направляемая ею наши наклонности, или опредѣляемая ею наши умозрѣнія, или обусловливаемая ею наша дѣятельность. Сама періодичность нашихъ торжествъ согласно движеніямъ обитаемой нами планеты, достаточно напоминаетъ о нашей неизбѣжной подчиненности вѣшнымъ роковымъ явленіямъ.

ГЛАВА XVI.

Культъ великихъ людей. Позитивистскій календарь.

Что касается динамическихъ празднествъ, предназначенныхъ прославлять прогрессъ, то всѣ они вѣстѣ взятыя должны представлять исторію, подобно тому, какъ статическія представляютъ мораль. Эстетическій культъ Человѣчества становится здѣсь болѣе конкретнымъ и болѣе оживленнымъ, состоя, главнымъ образомъ, въ восхваленіи наилучшихъ индивидуальныхъ типовъ, относящихся къ различнымъ фазамъ великой эволюціи. Между тѣмъ, нужно также, чтобы главные этапы поступательнаго соціальнаго движенія прославлялись отвѣченно, независимо отъ всякаго личнаго чествованія. Посвятивъ этому мѣсяцы, оставшіеся незанятыми статическимъ культомъ, можно будетъ установить четыре праздника съ равными промежутками для восхваленія трехъ великихъ состояній прошлаго: идолопоклонства, многобожія и единобожія, и, наконецъ, будущаго состоянія, являющагося нормальнымъ предѣломъ этого чествованія.

Такъ какъ общая связь эпохъ будетъ тогда установлена, то каждый мѣсяцъ будетъ посвященъ одному изъ главныхъ представителей различныхъ эволюцій Великаго Существа. Но я не буду здѣсь повторять спеціальныя указанія по данному вопросу, данныя мною въ раннемъ изданіи этого «Обзора», выходившемъ отдѣльными частями, когда я еще не различалъ достаточно культъ конкретный отъ культа абстрактнаго. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, безотлагательныя потребности нашего республиканскаго состоянія побудили меня выработать подъ названіемъ позитивист-

вистскаго календаря полную систему поминаненія великихъ людей Запада, догматическое изложеніе которой найдетъ естественнымъ образомъ мѣсто въ послѣднемъ томѣ настоящаго трактата. Успѣхъ этой отдѣльной книжки вполне подтвердилъ своевременность подобнаго выступленія. Къ этой книжкѣ я и отсылаю читателя, прося его ознакомиться такимъ путемъ съ временнымъ распредѣленіемъ западнаго года, принятымъ теперь среди большинства позитивистовъ.

ГЛАВА XVII.

Культь усопшихъ.

Эта западная система индивидуальнаго прославленія распространится затѣмъ на различныя мѣстные случаи и, наконецъ, на частную жизнь; семейныя чествованія войдутъ въ тѣсную связь съ наиболѣе обширными общественными манифестациями черезъ посредство двоякаго учрежденія, которое позитивизмъ почитаетъ для себя честию позаимствовать у католицизма. Съ одной стороны, трогательное празднество, которое я перенесъ на послѣдній день нашего года, будетъ продолжать призывать всѣ западно-европейскіе народы одновременно оплакивать своихъ дорогихъ покойниковъ, облегчая свои страданія путемъ этого общаго изліянія. Благородные парижскіе пролетаріи ежегодно доказываютъ, что наиболѣе полная эмансипація нисколько не мѣшаетъ необходимому культу смерти, даже теперь, когда его новая систематизація еще не завершена.

Во-вторыхъ, окончательное преобразованіе сумѣетъ сохранить и усовершенствовать слишкомъ мало оцѣненный обычай давать крестныя имена, съ помощью котораго старый режимъ столь благотворно связывалъ частную жизнь съ общественной, призывая каждого подражать въ своихъ поступкахъ которому-нибудь изъ святыхъ. Въ этомъ индивидуальномъ дополненіи обнаружится высшая способность новаго культа ко всякому поминаненію, изъ котораго ни одна эпоха и ни одно мѣсто не будутъ исключены; между тѣмъ, какъ абсолютный духъ католицизма былъ несовмѣстимъ, въ особенности въ этомъ отношеніи, съ его стремленіями къ всеобщности.

Несмотря на краткость предшествующаго указанія, оно достаточно характеризуетъ двоякую систему позитивистскихъ празднествъ, сообразно которой на обновленномъ Западѣ будетъ назначено на каждую недѣлю особое общественное прославленіе порядка или человѣческаго прогресса, которое будетъ тѣсно связано съ частнымъ культомъ черезъ достойное обожаніе женщины. Вся эта эстетическая часть всеобщаго культа будетъ непосредственно стремиться развивать основу всего—любовь, открывая ей пути для правильнаго развитія, надлежащимъ образомъ установленнаго поэзіей, къ которой затѣмъ присоединяются различныя спеціальныя искусства, относящіяся къ звукамъ и формамъ. Господствующая манера выраженія будетъ всегда носить характеръ искренней оцѣнки, мотивирующей глубокую признательность, безъ

примѣся тайны или аффектаціи. Стараясь превосходить всѣхъ своихъ предковъ, обновленные народы сумѣють воздать должное ихъ заслугамъ и относиться съ уваженіемъ къ созданнымъ ими различнымъ формамъ общественности. Мечтанія, нѣкогда утѣшительныя, а нынѣ унижительныя, перестанутъ отвлекать отъ соединенія съ Великимъ Существомъ, приобщиться къ которому, поскольку это возможно, каждый по необходимости желаетъ.

Система поминovenія будетъ, главнымъ образомъ, имѣть въ виду развитіе у всѣхъ естественнаго желанія увѣковѣчивать наше существованіе единственнымъ реально возможнымъ для насъ способомъ. Когда одинъ и тотъ же основной законъ обнимаетъ совокупность человѣческихъ отношеній, то каждый призванъ жить настоящей жизнью въ прошломъ и даже въ будущемъ; но она недоступна для тѣхъ, кои приписываютъ явленія непроницаемой волѣ. Благородное соревнованіе, вызываемое постояннымъ восхваленіемъ нашихъ достойныхъ предшественниковъ, побудитъ каждого заслужить также это неотъемлемое присоединеніе къ необходимому и вѣчному существу, слагающемуся болѣе изъ усопшихъ, чѣмъ изъ живущихъ.

Когда система поминovenія будетъ вполне развита, ни одинъ достойный чело-вѣкъ не будетъ изъ нея исключенъ, какъ бы скромны ни были его заслуги передъ семьей, городомъ, націей или всѣмъ Западомъ. Новое общее образованіе вскорѣ позволитъ всѣмъ позитивистамъ понять, что подобная награда за всякое достойное поведеніе можетъ вполне замѣнить всѣ тѣ напрасныя надежды, которыя воодушевляли ихъ предшественниковъ.

Существованіе въ другихъ представляетъ весьма реальную форму жизни, такъ какъ, въ сущности, именно такимъ образомъ протекаетъ лучшая часть вашей жизни. Лишенные до сихъ поръ возможности систематически подниматься на социальную точку зрѣнія, мы не могли оцѣнить этой истины. Но полный синтезъ, который эстетическій культъ Человѣчества долженъ сдѣлать привычнымъ для всѣхъ, вскорѣ откроетъ путь къ высокимъ моральнымъ наслажденіямъ, непосредственно развивающимъ чувства солидарности и, въ особенности, непрерывности.

Эта способность свободно удлинять нашу жизнь, связывая ее съ прошлымъ и будущимъ, дабы ее лучше развивать въ настоящемъ, составляетъ необходимое возмѣщеніе ребяческихъ иллюзій, которыя мы безвозвратно потеряли. Та самая наука, которая, достигнувъ, наконецъ, зрѣлаго состоянія, лишила насъ этихъ субъективныхъ утѣшеній, строить теперь объективное основаніе дотошъ невозможнаго вознагражденія и позволяеть каждому надѣяться на полное присоединеніе къ Великому Существо, статическіе и динамическіе законы котораго она намъ открываетъ.

На этомъ непоколебимомъ фундаментѣ одна только поэзія можетъ организовать общественный и частный культъ, который тѣсно приобщитъ насъ къ этому всеобщему существованію, непонятному для умовъ, ве освободившихся отъ предразсудковъ. Воображеніе, просвѣщаемое разсудкомъ, получить возможность развернуть свои силы болѣе полно и болѣе цѣлесообразно, чѣмъ при своемъ первомъ политенстическомъ выступленіи. Жрецы Человѣчества сумѣють свести науку къ построенію основной области искусства, какъ эстетическаго, такъ и техническаго.

Но въ такомъ видѣ поэзія, соотвѣтственно нашей природѣ, станетъ главнымъ предметомъ активнаго или пассивнаго приложенія нашихъ умозрительныхъ способ-

ностей. Призванная непосредственно выполнять свое истинное назначеніе, она украсить и облагородить всю нашу жизнь, раскрывая намъ нашу связь съ Великимъ Существомъ. Съ ея помощью новое духовенство, еще лучше, чѣмъ старое, установитъ торжественные обряды для всѣхъ важныхъ моментовъ индивидуальной жизни, къ особенности для рожденія, брака, смерти; въ этихъ обрядахъ будетъ, главнымъ образомъ, указываться на эту необходимую связь, столь же свойственную частной жизни, сколь и общественной. Вынужденные отнынѣ сосредоточивать на реальной жизни всѣ наши желанія и всѣ наши усилія, мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе будемъ понимать, насколько для насъ важно прилагать къ ней всѣ средства нашего воображенія, разсудка, чувства и дѣятельности.

ГЛАВА XVIII.

Содѣйствіе различныхъ изящныхъ искусствъ.

Это высокое назначеніе основного искусства вскорѣ распространится на другія изящныя искусства, заимствующія у него идеи, которымъ онѣ посредствомъ звуковъ и формъ придадутъ больше выразительности. Призванные, какъ и поэзія, прославить настоящее Высшее Существо, они пріобрѣтутъ, такимъ образомъ, неисчерпаемую область, которая позволитъ имъ не сожалѣть объ устарѣвшихъ химерахъ, считающихся еще, въ силу господствующаго эмпиризма, необходимыми.

Современная музыка, преимущественно занятая изображеніемъ чувствъ, касающихся частной жизни, отразила вполнѣ общественную жизнь только въ знаменитой и единственной пѣснѣ, которая всегда явится краткой характеристикой нашего великаго революціоннаго импульса. Именно культу Человѣчества, основанному на позитивномъ образованіи и установленному поэзіей, должно быть посвящено наиболѣе общественное изъ всѣхъ спеціальныхъ искусствъ, которое будетъ достойно воспѣвать нашъ родъ и его судьбу, и прославлять всѣхъ нашихъ историческихъ личностей. Въ этомъ общемъ эстетическомъ назначеніи живопись и скульптура благородно используютъ свойственную имъ способность и придадутъ изображенію Великаго Существа болѣе ясности и точности, чѣмъ это могла сдѣлать поэзія даже съ помощью музыки.

Всѣ поразительныя погѣтки, сдѣланныя художниками, начиная съ среднихъ вѣковъ, для изображенія христіанскаго типа женщины, будутъ разсматриваться какъ безсознательная подготовка къ символическому изображенію Человѣчества въ образѣ женщины, единственно ему соотвѣтствующемъ. Этотъ социальный толчокъ позволитъ скульптурѣ преодолѣть техническія трудности, представляемая групповыми изображеніями, которыя вскорѣ станутъ ея главнымъ полемъ дѣятельности. Въ настоящее время она создаетъ только барельефныя изображенія; но въ барельефѣ гений формы смѣшиваетъ оба свойственные ему способа. Нѣкоторые исключенія позволяютъ предвидѣть, насколько скульптура расширится и облагородится,

когда она поднимется такимъ образомъ до своего окончательнаго назначенія—создавать сложныя произведенія, состоящія изъ одной или нѣсколькихъ группъ, что дастъ ей возможность успѣшно разрабатывать великіе сюжеты, остававшіеся до сихъ поръ чуждыми ея области.

Хотя архитектура должна послѣдней примкнуть къ новому культу, ея нормальное участіе будетъ не менѣе важно, чѣмъ участіе другихъ изящныхъ искусствъ. Новое Верховное Существо не можетъ всегда довольствоваться храмами, возведенными древнему богу, подобно тому, какъ и монотеизмъ не ограничился политеистическими сооружениями, которыя доставались ему по мѣрѣ того, какъ падали соотвѣтственные вѣрованія. Въ настоящее время трудно сказать, какія зданія окажутся пригодными для культа, въ которомъ различныя функціи преподаванія и посвященія будутъ въ корнѣ преобразованы. Менѣе определенное, чѣмъ всякое другое искусство, это монументальное признаніе великаго единства сможетъ стать характернымъ, только когда Западъ, уже усвоившій новое образованіе, въ достаточной степени освоится съ культомъ, установленнымъ поэзіей, восноблемой музыкой и дополняемой двоякимъ графическимъ искусствомъ. Тогда передовые народы породятъ зданія, отвѣчающія ихъ окончательнымъ убѣжденіямъ.

Такимъ образомъ, настоящіе храмы Человѣчества начнутъ возникать только съ поколѣніемъ, непосредственно призваннымъ примѣнить умственное и нравственное обновленіе къ полному политическому преобразованію. До тѣхъ поръ новый культъ, по возможности, используетъ зданія, построенныя для стараго культа, по мѣрѣ того, какъ ихъ будутъ покидать бывшіе приверженцы этого культа.

Г Л А В А XIX

Позитивизмъ выше католицизма.

Основное единство, которое любовь сама собою придаетъ окончательному строю, способно обновить какъ эстетическаго генія, такъ и генія научнаго, призывая ихъ къ выполненію ихъ нормальнаго назначенія—изучать и прославлять единственное истинное Великое Существо, съ тѣмъ, чтобы вызвать къ нему любовь и все болѣе и болѣе способствовать его совершенствованію. Принужденный, такимъ образомъ, непрелжно служить сердцу, разумъ не только не испытываетъ стѣсненія отъ этого необходимаго подчиненія, но получаетъ одновременно неисчерпаемую пищу и важное назначеніе.

Въ этомъ прямомъ развитіи всѣхъ нашихъ созерцательныхъ функцій каждая изъ нихъ находитъ вполне соотвѣтствующее ея собственной природѣ призваніе. Систематическій культъ Человѣчества долженъ быть построенъ поэзіей, но на непоколебимомъ основаніи, которое одна только наука можетъ создать, сообразовываясь съ реальнымъ порядкомъ. Отнюдь не вторгаясь въ область разсудка, воображеніе здѣсь достойно развиваетъ свое самородное преобладаніе, которое новая философія сапкционируетъ, признавая его столь же благотворнымъ, сколь и естествен-

пымъ. Такимъ-то путемъ, благодаря истинному господству чувства, дѣятельно направляющаго всѣ наши функціи къ ихъ истинному общему назначенію, наша жизнь достигаетъ, наконецъ, полной гармоніи, къ которой она всегда стремилась. Всѣ прежнія усилія воображенія и разсудка, даже самыя нестройныя, оцѣниваются теперь въ томъ смыслѣ, что они развили наши силы, указали условія ихъ равновѣсія и обнаружили ихъ способность содѣйствовать нашему счастью, если онѣ мудро систематизированы. Мы, въ особенности, преклоняемся передъ огромной заслугой среднихъ вѣковъ, сдѣлавшихъ благородную попытку построить полный синтезъ, необходимое подготовленіе къ которому не было еще завершено, несмотря на интеллектуальные и социальные результаты политеистическаго режима.

Вновь предпринимая на лучшихъ основаніяхъ это поразительное построеніе, которое теперь не можетъ уже не удался, основатели культа Человѣчества, несмотря на различіе временъ и средствъ, будутъ разсматривать себя какъ истинныхъ преемниковъ великихъ людей, выдвинутыхъ прогрессивнымъ католицизмомъ. Умственное и социальное наслѣдство дѣйствительно принадлежатъ тѣмъ, кои продолжаютъ или осуществляютъ прежнія предпріятія, а отнюдь не эмпирическимъ приверженцамъ устарѣлыхъ доктринъ, которые уже противорѣчатъ своему первоначальному назначенію и потому оставлены своими собственными основателями.

Но постоянное сознаніе этой необходимой преемственности не можетъ, однако, помѣшать сравненію, могущему лучше характеризовать окончательный синтезъ. Достойно прославляя заслуги и благодѣянія католицизма, совокупность позитивистскаго культа дать ясно понятъ, насколько единство, основанное на любви къ Человѣчеству, превосходить во всѣхъ отношеніяхъ единство, опиравшееся на любовь къ Богу.

Христіанскій синтезъ обнималъ въ дѣйствительности только аффективную жизнь; онъ отвергалъ воображеніе и боялся разсудка; въ силу этого его превосходство не могло быть достаточно очевиднымъ и прочнымъ. Въ его собственной области его принципъ не принялъ социальнаго направленія, которое съ поразительной настойчивостью пыталось ему придать католическое духовенство. Несбыточная и эгоистическая цѣль не могла соответствовать реальному и симпатическому существованію. Всеобщее господствующее чувство составляло настоящую косвенную связь, только когда оно не противорѣчило истинному социальному чувству. А сама природа такого культа дѣлала этотъ конфликтъ нормальнымъ явленіемъ, и согласіе могло быть только случайнымъ, такъ какъ любовь къ Богу почти всегда требовала, даже отъ наилучшихъ людей, полного пожертвованія всякой другой страстью.

Такимъ образомъ, этотъ синтезъ способствовалъ подъему нравственности только въ томъ смыслѣ, что устанавливалъ хоть какую-нибудь моральную дисциплину, предпочтительную анархію, при которой могли взять верхъ наши самыя грубые инстинкты. Сверхъ того, несмотря на усилія главныхъ мистиковъ, привязанность къ Богу не пользовалась истинной взаимностью. Наконецъ, удручающія наказанія и чрезвычайныя воздаянія, связанныя въ этой искусственной систематизаціи съ каждымъ предписаніемъ, унижали нашъ характеръ и оскверняли наши лучшія побужденія. Основная заслуга этой попытки состояла въ томъ, что она впервые согласовала всѣ наши чувства; между тѣмъ, какъ политеистическая дисциплина обнимала обык-

повенно только дѣйствія, иногда привычки, но никогда не достигала страстей, являющихся источникомъ тѣхъ и другихъ. Хотя этотъ христіанскій синтезъ былъ построенъ на единственномъ принципѣ, который возможно было примѣнить, его реальный успѣхъ могъ выразиться только въ косвенномъ содѣйствіи развитію нашихъ лучшихъ наклонностей. Онъ могъ быть настолько цѣлесообразнымъ, несмотря на свою неопредѣленность и абсолютность, лишь благодаря мудрости духовенства, безпрестанно умѣрявшаго опасныя послѣдствія этого режима, основаннаго на произволѣ. Когда это духовенство, ставъ къ концу среднихъ вѣковъ ретрограднымъ, потеряло свои нравственные достоинства и свою независимость, христіанская доктрина, предоставленная своимъ собственнымъ недостаткамъ, вскорѣ выродилась въ возрастающій источникъ упадка и раздора.

ГЛАВА XX.

Вышимъ счастьемъ будетъ жить для другихъ.

Синтезъ, основанный на любви къ Человѣчеству, въ силу характеризующей его реальности, оказывается предохраненнымъ отъ подобнаго упадка, и его вліяніе все будетъ увеличиваться по мѣрѣ того, какъ нашъ родъ будетъ развиваться. Новое Великое Существо нисколько не боится критики и не препятствуетъ развитію воображенія. Всякое глубокое изслѣдованіе по необходимости приведетъ къ большему пониманію его бытія и къ лучшей оцѣнкѣ совокупности его благодѣяній съ тѣхъ поръ, какъ его естественные законы стали, наконецъ, извѣстны. Оно вызываетъ самый широкій полетъ воображенія, дабы по возможности приобщить каждого изъ насъ къ своей общей жизни во времени и пространствѣ, доступныхъ нашимъ здравымъ размышленіямъ. Его культъ единственно можетъ систематизировать все наши умозрительныя построенія, какъ эстетическія, такъ и научныя, образуя единую вѣчную связь, которую допускаютъ наши мысли и наши чувства. Никакой другой строй не могъ бы установить, не прибѣгая къ хитрости и стѣснительнымъ предписаніямъ преобладаніе чувствъ надъ разсудкомъ и надъ дѣятельностью. Онъ прямо возводитъ общественность въ единый принципъ истинной морали, которая, однако, принимаетъ въ уваженіе и врожденное вліяніе личности.

Такимъ образомъ, жить для другихъ становится высшимъ счастьемъ. Тѣсно слиться съ Человѣчествомъ, сочувствовать всемъ его бывшимъ превратностямъ, предугадывать его будущія судьбы, дѣятельно способствуя ихъ подготовленію,—такова обыкновенно будетъ цѣль каждого существованія.

Весь соотвѣтствующій этому культу строй мыслей разсматриваетъ эгоизмъ, какъ нашъ главный недостатокъ, который надлежало бы индивидуальное или коллективное воспитаніе можетъ значительно уменьшить, но никогда не можетъ совершенно исправить. Эта возрастающая власть надъ нашей собственной природой становится наилучшимъ способомъ частнаго или общественнаго совершенствованія, въ виду ея непосредственнаго отношенія къ жизни Великаго Существа и къ счастью его элементовъ.

ГЛАВА XXI.

Новая форма молитвы.

Вдохновенный дѣйствительной признательностью, которую всякое изслѣдованіе еще болѣе усиливаетъ, новый культъ сумѣетъ избѣгнуть всякой корыстной просьбы, которая всегда унижаетъ наши чувства. Мы будемъ обращаться съ молитвой къ истинному Верховному Существу только для того, чтобы ему свидѣтельствовать нашу искреннюю благодарность за его настоящія и прошедшія благодѣянія, возвѣщающія намъ объ его будущемъ прогрессѣ. Хотя, согласно законамъ нашей природы, это постоянное изъясненіе не премѣнно произведетъ глубокое моральное улучшеніе, эта благородная награда не можетъ вызвать никакого личнаго разсчета, такъ какъ она зависитъ отъ безсознательной силы чувства. Наше счастье будетъ, главнымъ образомъ, состоять въ томъ, чтобы любить; и мы поймемъ, что любовь, болѣе чѣмъ всякое другое чувство, развивается путемъ упражненія, и только одна любовь можетъ оказаться одновременно и въ одинаковой степени подходящей для всѣхъ индивидуумовъ и возрастать отъ такого содѣйствія. Новое Великое Существо, внушая намъ неизмѣнное благоговѣніе, станетъ для насъ болѣе близкимъ, чѣмъ были когда-либо наши первобытные боги, даже когда они потеряли свое достоинство. Чуждое всякой прихоти, оно также дѣятельно, какъ и мы, участвуетъ въ воздаваемыхъ ему почестяхъ, такъ какъ оно уважаетъ все то, что содѣйствуетъ его величію. Въ то время, какъ старый богъ не могъ принимать наши изъясненія благоговѣнія, не унижая самого себя ребяческимъ тщеславіемъ, новому будутъ возсылаться всегда лишь заслуженныя похвалы, которыя послужатъ къ его улучшенію, также какъ и къ нашему. Эта полная взаимность между чувствомъ и воздѣйствіемъ можетъ быть принадлежностью только окончательнаго культа, имѣющаго предметомъ существо, относительное, видоизмѣняемое и доступное совершенствованію, представляющее собой совокупность своихъ собственныхъ поклонниковъ, и лучше чѣмъ каждый изъ нихъ подчиненное опредѣленнымъ законамъ, позволяющимъ предвидѣть его желанія и стремленія.

ГЛАВА XXII.

Позитивистская мораль.

Позитивистская мораль соединяетъ въ себѣ всѣ свойства спонтанности и всѣ преимущества доказательства. Тѣсно связанная со всей нашей жизнью, она не допускаетъ никакой уловки, которая могла бы заглушить или избавить отъ угрызеній совѣсти, связанныхъ съ каждымъ реальнымъ преступленіемъ. Во всякомъ индиви-

дуальномъ явленіи она намъ показываетъ свое истинное, прямое или косвенное, социальное воздѣйствіе, обязывающее насъ судить себя безъ снисхожденія.

Хотя съ перваго взгляда кажется, что она болѣе отличается нѣжностью, чѣмъ энергіей, однако, вдохновляющая ее любовь никогда не бываетъ инертной и усиленно побуждаетъ насъ къ наибольшей дѣятельности, какую только допускаетъ осуществленіе преслѣдуемаго ею всегда блага. Просвѣщенная настоящей наукой, она неизмѣнно чувствуетъ, что мы должны сами создать единственное Провидѣніе, которое могло бы улучшить нашу жестоку судьбу.

Нашъ великій организмъ, хотя онъ превосходитъ всѣ извѣстныя существа, признаетъ, что его существованіе, подчиненное непреложнымъ законамъ, не допускаетъ ни въ какомъ отношеніи ни абсолютнаго удовлетворенія, ни даже абсолютной безопасности. Всѣ внѣшнія или внутреннія реальныя условія нашей жизни могутъ оказаться нарушенными, не исключая нашей нравственности и нашего разсудка, являющихся нашими главными источниками. Именно среди подобныхъ случайностей, всегда возможныхъ, нужно находить силу достаточно жить, т.-е. любить, мыслить, дѣйствовать въ интересахъ истиннаго Великаго Существа, отгоняя удручающія тревоги и напрасныя упреки.

Но тотъ же самый строй мыслей, который требуетъ отъ насъ этого мужества и этой покорности, постоянно даетъ намъ и средства, облегчающія нашъ жпзненный путь. Ибо онъ внушаетъ вамъ постоянное сознаніе нашего истиннаго правосющества и охраняетъ насъ отъ упизительныхъ ошибокъ, благодаря чему мы чувствуемъ живое удовлетвореніе даже при неудачной борьбѣ съ жестокой судьбой, которая не всегда можетъ быть измѣнена. Чувство этой неизбѣжности становится новымъ источникомъ глубокаго совершенствованія, устраняя, какъ чрезмѣрную предусмотрительность, такъ и глубокое равнодушіе, въ особенности по отношенію къ личности, которую теологическая и метафизическая мораль держали всегда въ разслабляющей тревогѣ, требуя отъ нея постоянныхъ жертвъ. Съ благородствомъ покоряться всѣмъ непреодолимымъ бѣдствіямъ и мудро и энергично дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ, гдѣ измѣненіе возможно,—таковъ практическій характеръ индивидуальнаго или коллективнаго позитивистскаго существованія.

Несмотря на коренной недостатокъ христіанской доктрины, католицизмъ, подъ вліяніемъ времени, стремился, съ конца среднихъ вѣковъ, къ преобразованію въ этомъ духѣ, но систематическое освященіе такого преобразованія было, однако, несовмѣстимо съ его собственнымъ принципомъ. Эти тщетныя стремленія, гдѣ духовенство борется противъ своей собственной теоріи, оставляютъ слѣдъ только среди народовъ, не принявшихъ протестантства. Ихъ Богъ сталъ бы все болѣе и болѣе смутнымъ и недостаточнымъ символомъ Человѣчества, если бы социальный упадокъ духовенства не мѣшалъ ему участвовать въ общемъ самопроизвольномъ движеніи. Хотя это постепенное измѣненіе всегда будетъ слишкомъ слабымъ, оно, тѣмъ не менѣе, служитъ неопровержимымъ признакомъ новаго направленія, невольнo припи-маемаго сердцами и умами тѣхъ западныхъ народовъ, которыхъ считаютъ наиболѣе чуждыми современному свободомыслію.

Этотъ безсознательный симптомъ пріобрѣтаетъ въ особенности рѣшающее значеніе по отношенію къ культѣ женщины, являющемуся характернымъ введеніемъ

въ истинный культъ Человѣчества. Съ двѣнадцатаго вѣка, Св. Дѣва пріобрѣтаетъ, главнымъ образомъ, въ Испаніи и Италіи, все возрастающее вліяніе, противъ котораго духовенство часто тѣтено протестовало и которое оно, чтобы сохранить свою собственную популярность, вынуждено было иногда санкціонировать. Такое прямое и преимущественное обожаніе этого вѣжнаго созданія эстетическаго чувства не могло не измѣнить существенно породившаго его культа. Оно способно служить промежуточнымъ звеномъ между моралью нашихъ предковъ и нравственнымъ строемъ нашихъ потомковъ, превращаясь мало-по-малу въ олицетвореніе Человѣчества. Но этотъ счастливый переходъ не можетъ совершиться подъ руководствомъ officialнаго, даже итальянскаго или испанскаго, духовенства. Онъ найдетъ болѣе чистыхъ дѣятельницъ въ лицѣ женщинъ, которыя должны распространить позитивизмъ среди нашихъ южныхъ братьевъ.

Итакъ, необходимое превосходство доказанной морали надъ откровенной кратко выражается въ окончательной замѣнѣ любви къ Богу любовью къ Человѣчеству. Этотъ новый принципъ одинаково исключаетъ какъ метафизику, такъ и теологію, ибо онъ отвергаетъ всякій личный расчетъ и полагаетъ частное или общественное счастье въ примомъ и непрерывномъ развитіи доброжелательныхъ чувствъ. Любить Человѣчество—вотъ, въ сущности, вся здравая мораль, если правильно понимать истинный характеръ подобной любви и условія, требуемыя ея постояннымъ преобладаніемъ. Это дѣятельное преобладаніе общественности надъ нашей основной личностью можетъ явиться результатомъ только медленнаго и труднаго воспитанія сердца при содѣйствіи разума. Главное подготовленіе состоитъ въ развитіи взаимной пѣжности двухъ половъ, предшестующей и сопутствующей другими семейными привязанностями.

Но всѣ какія бы то ни были требованія морали, даже личной, могутъ также быть связаны съ любовью къ Великому Существу, которая является наилучшимъ мѣриломъ ихъ дѣйствительной важности и наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для установленія безспорныхъ заповѣдей. Такимъ образомъ, принципъ сознательной систематизаціи совпадаетъ съ принципомъ безсознательнаго развитія, что дѣлаетъ всеобщую доктрину одинаково доступной для всѣхъ.

Г Л А В А XXIII.

Новая духовная власть.

Преобразованная одной и той же религіей наука, поэзія и мораль стремятся образовать прочное сочетаніе, на которомъ будетъ покоиться наша новая жизнь. Это постоянное посвященіе разсудка и воображенія на службу чувству всегда само собой имѣло мѣсто у женщинъ, у этихъ первыхъ естественныхъ посетительницъ умѣряющей власти. Но оно могло получить высокое социальное значеніе, лишь будучи систематизировано согласно общей доктринѣ. Именно это и было предпринято

въ средніе вѣка, когда установилось теологическое единство. Тогда умѣряющая власть начала слагаться изъ своихъ двухъ необходимыхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ былъ симпатическій и частный, а другой систематическій и общественный.

Несмотря на благотворное вліяніе, которое долгое время оказывалъ этотъ первый опытъ, онъ могъ явиться только простымъ подготовленіемъ для окончательной систематизаціи, потому что онъ покоился на недостаточномъ и временномъ синтезѣ. Католическія доктрина и культъ дѣйствительно обнимали только аффективную жизнь и къ тому же на основаніи искусственного и непрочнаго принципа. Вся область умозрѣнія, какъ эстетическая, такъ и научная, почти такъ же ускользала отъ ихъ вліянія, какъ и практическая жизнь; личное же вліяніе духовенства страдало отъ того, что его соціальной независимости постоянно угрожала военная среда, въ которой производилась эта ранняя попытка. Прежде чѣмъ промышленная жизнь начала развиваться, эстетическій и метафизическій подъемъ среднихъ вѣковъ уже расшаталъ эту хрупкую систематизацію, ставшую скорѣй несомнѣннѣйшей съ прогрессомъ, которыми она вначалѣ руководила. Безъ содѣйствія интеллектуальнаго превосходства, моральное вліяніе не можетъ составить настоящей духовной власти, способной реально умѣрять сильное преобладаніе матеріальной силы. Вотъ почему основное условіе истиннаго преобразованія состояло въ прекращеніи полнаго возмущенія разума противъ сердца, которое началось въ концѣ среднихъ вѣковъ и источникъ котораго восходитъ даже до эпохи наибольшаго развитія греческой метафизики.

Позитивизмъ продолжалъ это огромное затрудненіе, построивъ соціальную науку на основаніи всѣхъ предварительныхъ наукъ и установивъ, такимъ образомъ, умозрительное единство. Его принципъ согласованія, обнимавшій дѣятельность, распространяется затѣмъ на чувство и строить цѣльный синтезъ, столь же самородный, сколь и систематическій, способный все преобразовать черезъ посредство культа истиннаго Великаго Существа. Такимъ образомъ, должна возникнуть новая умѣряющая власть, однородная и полная, прочная и прогрессивная въ одно и то же время, и обеспеченная лучше, чѣмъ старая, женской помощью, необходимой для ея соціального значенія.

Если бы не было матеріальныхъ потребностей, господствующихъ надъ нашимъ существованіемъ, эта двоякая сила была бы достаточною для того, чтобы его всецѣло регулировать. Избавленные отъ всякаго тяжелаго труда, мы тогда прямо преслѣдовали бы высшее благо, всеобщую любовь, которая потребовала бы только интеллектуальнаго развитія, способнаго усиливать ея вліяніе съ помощью мудраго примѣненія разсудка и, въ особенности, воображенія. Несмотря на свою фантастичность, эта гипотеза можетъ имѣть большое значеніе, такъ какъ она намъ указываетъ идеальный предѣлъ, къ которому мы будемъ стремиться все болѣе и болѣе приближать реальную жизнь. Когда эта утопія будетъ достаточно разработана эстетическимъ гениемъ, она доставитъ новому культу средства, превосходящія тѣ, которыя старый культъ извлекалъ изъ смутнаго и нелѣпаго изображенія будущаго счастья. Только при ней возможна соціальная классификація, основанная на интеллектуальномъ и моральномъ достоинствахъ, независимо отъ всякаго матеріальнаго могущества. Дѣйствительно, люди будутъ тогда оцѣниваться только по ихъ способности любить и услужать Человѣчеству.

ГЛАВА XXIV.

Дуализмъ между моральной іерархіей и прантической іерархіей.

Хотя вышеуказанное распредѣленіе никогда не можетъ получить преобладаніе, ни даже установиться, тѣмъ не менѣе должно его всегда разсматривать, какъ возможное, дабы мудро противопоставлять его дѣйствительной іерархіи, въ которой матеріальное могущество, даже случайное, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ собственныя заслуги. Жрецы Человѣчества, надлежащимъ образомъ воспослаемые женщинами, примѣнять для измѣненія существующаго порядка, это противопоставленіе, указывающее на неопровержимый контрастъ, при чемъ они найдутъ непосредственную поддержку во всеобщемъ образованіи и въ соответственномъ культѣ. Основная реальность этой отвлеченной іерархіи, не удовлетворяющая только практическія требованія, должна доставить ей значеніе, котораго не имѣло теологическое осужденіе, основанное на неясномъ и сомнительномъ распредѣленіи людей по классамъ.

Когда общество будетъ признавать только свое собственное Провидѣніе, оно, въ большинствѣ случаевъ, будетъ достаточно расположено установить подобную іерархію, чтобы воздѣйствовать на тѣхъ, кои особенно считаютъ ее невозможной. Однако, это нормальное воздѣйствіе должно будетъ всегда считаться съ естественными законами, относящимися къ распредѣленію почестей и богатства, стараясь улучшить ихъ естественное осуществленіе, но не измѣняя ихъ пракческаго назначенія.

Это необходимое согласованіе требуетъ, чтобы отвлеченная классификація ограничивалась индивидами и не виѣшивалась въ конкретную зависимость, существующую между различными должностями. Истинное личное превосходство настолько рѣдко, что соціальная жизнь тратилась бы на безплодные и нескончаемые споры, если бы захотѣли всегда ввѣрять каждую функцію ея наилучшему исполнителю, и при этомъ отрѣшиться отъ должности старыхъ служащихъ, хотя бы отъ этого могло пострадать дѣло. Подобная тенденція внесла бы чрезвычайный безпорядокъ даже въ духовную іерархію, гдѣ способности могутъ быть лучше оцѣнены. Но весьма важно въ нравственномъ отношеніи и не сопряжено ни съ какой политической опасностью показывать при каждомъ удобномъ случаѣ, насколько порядокъ, опирающійся на силѣ, отличается отъ порядка, основаннаго на достоинствѣ. Уваженіе, оказываемое, такимъ образомъ, наиболѣе достойному, не задѣнетъ авторитета болѣе сильнаго.

Хотя св. Бернаръ пользовался бѣльшимъ почтеніемъ, чѣмъ любой изъ современныхъ папъ, тѣмъ не менѣе, онъ всегда, какъ простой аббатъ, уважалъ церковную іерархію. Св. Павелъ еще лучше указалъ на этотъ долгъ, признавъ официальное превосходство апостола Петра, который, какъ это было извѣстно, стоялъ значительно ниже его какъ по уму, такъ и по сердцу. Всѣ правильно организованныя гражданскія или военныя корпораціи представляютъ, въ меньшей степени, частые примѣры подобнаго примиренія между отвлеченной оцѣнкой лицъ и конкретнымъ порядкомъ занимаемыхъ ими должностей. Противоположность двухъ классификацій перестаетъ

быть пагубной и способствуетъ моральному совершенствованію всѣхъ, и въ то же время оправдываетъ необходимое несовершенство столь сложнаго организма.

Итакъ, религія Человѣчества порождаетъ интеллектуальную и моральную власть, которая была бы достаточно, чтобы управлять нами, если бы наше существованіе избавилось отъ всякой тяжелой матеріальной нужды. Несмотря на дѣйствительное несовершенство нашей природы, общественность возобладала бы уже въ силу присущаго ей очарованія, если бы непреодолимые потребности не пробуждали непрестанно личность. Испытывая ихъ преобладающее давленіе, наше существованіе по необходимости находится подъ господствомъ эгоистической дѣятельности, которая подчиняетъ себѣ непосредственное развитіе разсудка, воображенія и даже чувства.

Поэтому, двойная власть, которая казалась назначенной управлять, должна стремиться только видоизмѣнять. Бя аффективный элементъ легко переносить эту необходимость, потому что сердце всегда старается осуществить благо, когда оно знаетъ его истинныя условія. Но разумъ не можетъ быть столь же мудрымъ, и онъ весьма неохотно соглашается служить вмѣсто того, чтобы царствовать. Его напрасное честолюбіе вноситъ больше безпорядка въ міръ, чѣмъ честолюбіе, въ которомъ онъ такъ упрекаетъ знатность и богатство.

Наше главное затрудненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы найти способъ его регулировать и обезпечить ему законное удовлетвореніе, дабы теоретическая власть была дѣйствительно умѣряющей и никогда не стремилась стать управляющей.

Это основное превращеніе, невозможное въ древности, когда разумъ либо подавлялъ, либо былъ подавляемъ, должно было неудаться и въ средніе вѣка, при военно-теологическомъ строѣ. Позитивизмъ, благодаря характеризующей его реальности, можетъ выполнить эту операцію въ средѣ, гдѣ преобладаетъ промышленная дѣятельность. Соображаясь съ данной имъ точной оцѣнкой нашего истиннаго назначенія, позитивизмъ долженъ, наконецъ, преобразовать политику и свести ее къ дѣятельному культу Человѣчества, подобно тому, какъ мораль составляетъ его аффективный культъ, а наука и поэзія—культъ умозрительный. Такова будетъ главная миссія новаго западнаго духовенства, надлежащимъ образомъ воспослаемаго жемчужинами и пролетаріями.

ГЛАВА XXV.

Права и обязанности. Никто не обладаетъ другимъ правомъ, кромѣ права выполнять свои обязанности.

Окончательное преобразованіе заключается, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ правъ обязанностями, дабы лучше подчинить личность общественности. Слово право должно быть такъ же строго изгнано изъ политическаго языка, какъ слово случай изъ истиннаго философскаго языка. Первое изъ этихъ двухъ теологико-метафизическихъ понятій будетъ считаться безнравственнымъ и анархичнымъ, а второе—

нераціональнымъ и софистичнымъ. Будучи одинаково несомѣстимы съ окончательнымъ состояніемъ, они годились для современныхъ народовъ только въ эпоху революціоннаго перехода, въ виду ихъ разлагающаго дѣйствія на старую систему. Настоящія права могли существовать лишь, пока духовная власть исходила отъ сверхъестественной воли. Чтобы бороться противъ этихъ теократическихъ авторитетовъ, метафизика послѣднихъ пяти вѣковъ ввела мнимыя человѣческія права, которыя могли приносить только отрицательную пользу. Когда же попытались имъ дать истинно-органическое назначеніе, они тотчасъ же обнаружили свою противобщественную природу, выразившуюся въ стремленіи всегда поддерживать индивидуальность.

Въ позитивномъ строѣ, недопускающемъ небесныхъ уполномочій, идея права безвозвратно исчезаетъ. Каждый имѣетъ обязанности и относительно всѣхъ людей, но никто не имѣетъ права, въ собственномъ смыслѣ слова. Справедливыя индивидуальныя гарантіи вытекаютъ только изъ всеобщей взаимности обязательствъ, которая является моральнымъ эквивалентомъ прежнихъ правъ, но не представляетъ серьезныхъ политическихъ опасностей, сопряженныхъ съ послѣдними. Другими словами, единственное право, которымъ каждый человѣкъ обладаетъ—это право выполнять свой долгъ. Только такимъ путемъ политика можетъ, наконецъ, дѣйствительно быть подчинена морали, согласно поразительной программѣ среднихъ вѣковъ. Католицизмъ могъ лишь смутно поставить этотъ огромный социальный вопросъ, разрѣшеніе котораго, несомѣстимое ни съ какимъ теологическимъ принципомъ, по необходимости выпало на долю позитивизма.

Чтобы этого достигнуть, онъ превращаетъ политику въ орудіе служенія Человѣчеству, т.-е. призываетъ ее искусственно содѣйствовать различнымъ функціямъ, относящимся къ порядку или прогрессу, которыя Великое Существо естественнымъ образомъ выполняетъ. Это окончательное назначеніе новаго культа составляетъ его важнѣйшую часть, безъ которой всѣ другія оказались бы недостаточными и стали бы вскорѣ прозрачными.

Настоящая любовь не ограничивается желаніемъ блага; она побуждаетъ по возможности его осуществлять. Она намъ предписываетъ изучать и прославлять Человѣчество, не только для того, чтобы доставить намъ пріятное удовлетвореніе, получаемое отъ размышленія и любовнаго изліянія, она имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду склонить насъ лучше служить этому Верховному Существо, сохраненіе и совершенствованіе котораго требуютъ отъ насъ непрерывной дѣятельности. Подобное назначеніе составляетъ главную характерную черту новаго культа. Ибо старый Богъ, въ сущности, нисколько не нуждался въ какихъ бы то ни было нашихъ услугахъ. Поэтому, всякому теологическому культу, въ особенности начиная съ монотеизма, угрожала опасность выродиться въ квіетизмъ. Это вырожденіе было предупреждено только тѣмъ, что мудрое духовенство, являвшееся счастливымъ выраженіемъ всеобщаго инстинкта, использовало неясность этихъ теорій, въ цѣляхъ побужденія къ дѣятельности. Но это спасительное превращеніе могло быть въ высокой степени цѣлесообразно, лишь, пока духовенство сохраняло полную социальную независимость. Но съ тѣхъ поръ какъ католицизмъ, вслѣдствіе захвата свѣтской власти, былъ лишенъ независимости, квіетическія тенденціи, которыя онъ могъ сдерживать только

искусственно, вновь стали естественно развиваться у большинства его истинныхъ приверженцевъ.

Напротивъ, въ позитивизмѣ сама доктрина побуждаетъ къ самой широкой дѣятельности, независимо отъ заботъ духовенства. Это самородное и непрерывное побужденіе прямо вытекаетъ изъ относительной и зависимой природы новаго Великаго Существа, слагающагося изъ своихъ Собственныхъ поклонниковъ.

ГЛАВА XXVI.

Соціальное чувство требуетъ солидарности между всѣми людьми и, въ особенности, непрерывной связи между всѣми поколѣніями.

Главная характерная черта основной дѣятельности, которая освятитъ все наше существованіе, состоитъ въ необъятомъ сотрудничествѣ, представленіе о которомъ ни одинъ менѣе сложный органъ низмъ не можетъ дать. Эта согласованность дѣйствій одинаково относящаяся ко времени и пространству, требуетъ двухъ необходимыхъ ступеней соціальнаго чувства: дѣйствительную солидарность и историческую непрерывность. Глубокое изученіе каждаго статическаго или динамическаго соціальнаго явленія обнаружитъ всегда прямое или косвенное содѣйствіе всѣхъ современныхъ существованій и всѣхъ прежнихъ поколѣній, въ извѣстныхъ географическихъ и хронологическихъ предѣлахъ, которые раздвигаются по мѣрѣ того, какъ Великое Существо развивается. Безспорное относительно нашихъ мыслей и чувствъ, это необходимое сотрудничество должно въ еще большей степени имѣть мѣсто относительно нашихъ дѣйствій, которыя являются результатомъ еще болѣе полнаго содѣйствія. Это обстоятельство наилучшимъ образомъ показываетъ, насколько ложно и безнравственно понятіе права въ собственномъ смыслѣ слова, предполагающее всегда абсолютную индивидуальность.

Дѣйствительное подчиненіе политики морали прямо вытекаетъ изъ того, что всѣ люди должны быть разсматриваемы не какъ отдѣльные существа, но какъ различные органы единаго Великаго Существа. Поэтому во всякомъ правильно устроенномъ обществѣ каждый гражданинъ всегда становится общественнымъ дѣятелемъ, выполняющимъ, худо или хорошо, свои самопроизвольныя или систематическія обязанности.

Этотъ основной принципъ эмпирически отрицался только въ теченіе долгаго революціоннаго переходнаго времени, которое теперь заканчивается и которое, вслѣдствіе злоупотребленій стараго порядка, сдѣлавшагося ретрограднымъ, превратилось въ анархію, бывшую для того времени прогрессивной, но несогласной нынѣ со своею первоначальной цѣлью. Позитивизмъ сдѣлаетъ этотъ принципъ совершенно неуязвимымъ, подкрѣпивъ его доводами, соответствующими совокупности реальныхъ знаній.

Это окончательное доказательство станетъ рациональнымъ основаніемъ моральнаго авторитета новаго духовенства, которое одно только можетъ, въ каждомъ отдѣль-

номъ случаѣ, точно оцѣнить истинное сотрудничество и ясно опредѣлить соответственныя обязанности. Безъ его научнаго вѣдѣтельнаго, дополняемаго его эстетическимъ служеніемъ, социальное чувство никогда не могло бы настолько развиться, чтобы глубоко измѣнить привычный образъ дѣйствія. Ибо оно свелось бы къ простой солидарности въ настоящее время, что составляетъ только его первую ступень.

Наши чистѣйшіе социалисты даютъ теперь много примѣровъ этой прискорбной ограниченности, которая, оставляя настоящее безъ корней въ прошломъ, низвергаетъ насъ въ неопредѣленное будущее.

Въ каждомъ социальномъ явленіи, въ особенности современномъ, предшественники участвуютъ болѣе, чѣмъ современники. Матеріальные труды, особенно зависящіе отъ участія большого числа людей, еще болѣе способны подтвердить полную реальность этой оцѣнки. Эта необходимая непрерывность показываетъ лучше, чѣмъ простая солидарность, насколько коллективная жизнь единственно реальна, такъ какъ индивидуальная жизнь можетъ существовать только какъ абстракція. Она является главной характерной чертой нашей общественности: ибо у многихъ другихъ животныхъ существуетъ одновременное сотрудничество, между тѣмъ, какъ мы только понимаемъ и развиваемъ послѣдовательное сотрудничество, являющееся главнымъ источникомъ нашей постепенной эволюціи.

Такимъ образомъ, социальное чувство остается чрезвычайно несовершеннымъ, весьма безплоднымъ или даже производящимъ смуту, пока оно ограничивается современными отношеніями. Всѣ ложныя теоріи, отрицающія наслѣдственность, покоятся на этомъ ошибочномъ пренебреженіи исторической непрерывности. Ибо нашимъ искреннимъ утопистамъ недостаетъ только реальныхъ знаній, чтобы сознаться въ этомъ коренномъ заблужденіи. Признаніе коллективной наслѣдственности, которую нельзя серьезно оспаривать, вскорѣ привело бы ихъ къ лучшему пониманію индивидуальной или, скорѣе, домашней наслѣдственности. Но по мѣрѣ того, какъ, благодаря практикѣ, они будутъ приближаться къ пониманію дѣйствительности, они начнутъ соглашаться съ тѣмъ, что солидарность не можетъ быть даже достаточно понята безъ непрерывности.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, личность въ своемъ развитіи безсознательно воспроизводитъ главные фазы социальной эволюціи, и поэтому каждому необходимо знать ея общій ходъ, чтобы понимать свою собственную исторію. Съ другой стороны, всѣ послѣдовательныя состоянія Великаго Существа мы наблюдаемъ у различныхъ народовъ, не слившихся еще съ нимъ; такъ что мы не можемъ надлежащимъ образомъ имъ сочувствовать, если не относимся съ достаточнымъ уваженіемъ къ тому, что было послѣдовательно пережито западными народами.

Наши великодушные социалисты или коммунисты, въ особенности пролетаріи, вскорѣ поймутъ недостатки и опасность этой двоякой непоследовательности, и они постараются заполнить умственный пробѣлъ, парализующій ихъ моральныя усилія. Жрецы Человѣчества создадутъ еще лучшую почву для воспріятія союкупности историческихъ теорій среди наиболѣе чистаго и наиболѣе самороднаго элемента умѣряющей власти. Ибо женщины естественно склонны оцѣнивать непрерывность, первый источникъ которой онѣ составляютъ.

ГЛАВА XXVII.

Функции новой духовной власти. Полное отдѣленіе духовнаго элемента отъ свѣтснаго, теоріи отъ практики, совѣта отъ приказанія.

Истинное социальное чувство, сперва солидарности, затѣмъ, въ особенности, — непрерывности, не можетъ укрѣпляться и развиваться безъ научнаго основанія, необходимо зависящаго отъ совокупности позитивныхъ умозрѣній. Таково первое основаніе, одновременно рациональное и аффективное, для неизбежнаго раздѣленія двухъ элементарныхъ силъ въ окончательномъ строѣ. Когда социальное совершенствованіе станеть главной цѣлью нашей дѣятельности, мы поймемъ, что подобныя явленія нельзя измѣнять, не зная ихъ естественныхъ законовъ. Изученіемъ же послѣднихъ можетъ заниматься только классъ людей, въ высшей степени созерцательныхъ, посвятившихъ себя этому трудному изслѣдованію и облеченныхъ совѣщательнымъ авторитетомъ, который вытекаетъ изъ связанной съ ихъ дѣятельностью роли наставниковъ. Если относительно простѣйшихъ искусствъ западный умъ уже призналъ, что теорія можетъ быть разрабатываема и преподаваема только мыслителями, чуждыми практики, то онъ не замедлитъ еще болѣе категорически предписать подобное дѣленіе для наиболѣе труднаго и наиболѣе важнаго искусства. Это мудрое рѣшеніе необходимо возьметъ верхъ надъ всѣми противными теченіями, когда всюду признаютъ, что явленія, относящіяся къ этому искусству, подчиненые непреложнымъ законамъ, чрезвычайная сложность и зависимость которыхъ являются новой причиною для того, чтобы поручить изученіе ихъ истиннымъ философамъ.

Это систематическое раздѣленіе становится также существеннымъ основаніемъ здоровой современной политики съ другой важной точки зрѣнія, а именно, какъ необходимое для достойной личной дѣятельности не менѣе, чѣмъ для мудраго общественнаго сотрудничества. Дѣйствительно, Великое Существо характеризуется независимостью своихъ различныхъ индивидуальныхъ или домашнихъ элементовъ не менѣе, чѣмъ ихъ всеобщимъ содѣйствіемъ. Если порядокъ требуетъ преимущественно этого послѣдняго условія, то прогрессъ болѣе связанъ къ первымъ. А эти двѣ одинаково повелительныя необходимости оказывались непримиримыми въ древности, вслѣдствіе кореннаго смѣшенія духовной власти со свѣтскою, которыя всегда исходили отъ однихъ и тѣхъ же жреческихъ или военныхъ органовъ. Личная независимость здѣсь обыкновенно приносилась въ жертву общему сотрудничеству. Вотъ почему идея прогресса осталась неизвѣстной даже утопистамъ. Никакое примиреніе между этими двумя условіями не могло имѣть мѣста, пока средніе вѣка не предприняли поразительной попытки отдѣлить умбряющую силу отъ управляющей власти, дабы политика подчинилась морали. Съ этого времени общественная дѣятельность зависить преимущественно отъ свободнаго присоединенія, сердцемъ и умомъ, къ всеобщей доктринѣ, устанавливающей, безъ всякаго произвола, общія правила повсденія, относящіяся какъ къ повелѣвающимъ, такъ и къ подчиняющимся. Именно такимъ образомъ, не-

смотря на свое крайнее умственное и социальное несовершенство, этотъ первый опытъ далъ уже драгоценные моральные и политическіе результаты.

Наиболѣе полная независимость могла тогда сочетаться съ самой искренней преданностью у всѣхъ истинныхъ представителей рыцарства. Ни одинъ западный классъ не остался чуждымъ этого новаго снѣшенія личнаго достоинства съ всеобщимъ братствомъ. Это сочетаніе столь соотвѣтствуетъ нашей природѣ, что оно осуществилось, какъ только явилась возможность его систематически установить. Оно сохранилось, несмотря на испытанныя имъ глубокія измѣненія, и тогда, когда пали соотвѣтственные иброванія, въ особенности у народовъ, не принявшихъ протестантизма.

Благодаря этому, въ средніе вѣка стало возможно созданіе общей теоріи великаго организма, путемъ устраненія коренного противорѣчія, существовавшего до тѣхъ поръ между этими двумя характерными свойствами. Такимъ образомъ, та же эволюція, которая привела теологію къ временному единству, съ котораго начинается его упадокъ, исподволь подготовила появленіе новаго, болѣе полного и болѣе реальнаго единства, долженствующаго руководить окончательнымъ строемъ.

Но, несмотря на достоинства и даже усиѣнность этого ранняго опыта, онъ не могъ дать окончательнаго рѣшенія вопроса, несомнѣнимаго съ духомъ и характеромъ подобной промежуточной эпохи. Теологическій принципъ и военная дѣятельность одинаково отвергали это нормальное отдѣленіе теоретической власти отъ практической. Оно могло въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ временно существовать въ неполномъ объемѣ, только благодаря нѣкотораго рода само собою устанавливавшемуся равновѣсію, всегда колеблющемуся между теократіей и имперіей.

Напротивъ, позитивный духъ и промышленная дѣятельность естественнымъ образомъ стремятся къ подобному дѣленію, которое, подвергшись, наконецъ, систематизации, обеспечиваетъ современнымъ народамъ основное примиреніе независимости съ солидарностью.

Прежде всего, это окончательное состояніе обладаетъ, подобно католическому строю, и еще въ болѣе высокой степени, преимуществомъ подчинять поведеніе всѣхъ людей правиламъ, основаннымъ на убѣжденіи, безъ всякаго притѣснительнаго начала. Но природа новой вѣры, всегда доступной доказательству, сдѣлаетъ это духовное вліяніе также гораздо выше старой, какъ по достоинству, такъ и по прочности. Ибо католическое наставленіе могло избѣгнуть произвола только путемъ замѣны простыхъ человѣческихъ повелѣній сверхъестественными прихотями. Какими бы преимуществами ни обладалъ подобный режимъ, свобода здѣсь не могла быть достаточно обезпечена, такъ какъ приказанія, которымъ приходилось подчиняться, оставались необъясненными, а измѣненъ былъ лишь ихъ источникъ.

Послѣдующія усилія метафизиковъ, пытавшихся основать наше достоинство на подчиненіе законамъ, имѣли еще меньшій успѣхъ. Ибо они, собственно, стремились возстановить древнее владычество произвольныхъ прихотей, лишенныхъ только санкціи теократіи, которая ихъ сдѣлала одновременно болѣе достойными уваженія и менѣе капризными. Это примиреніе между независимостью и солидарностью, составляющее истинную свободу, можетъ осуществляться только когда оно подчиняется объективнымъ законамъ, освобожденнымъ отъ всякаго субъективнаго побужденія и поэтому всегда доступнымъ настоящимъ доказательствамъ.

Таково будетъ огромное социальное благодѣяніе научнаго генія, надлежащимъ образомъ распространеннаго на наиболѣе сложныя и наиболѣе важныя явленія Человѣкъ уже не будетъ болѣе рабомъ челоуѣка: онъ покоряется только внѣшней необходимости, которой подчиняются также тѣ, кои этого требуютъ; эти приказанія, обусловленныя внѣшней необходимостью, никогда насъ не унижаютъ, даже когда они непреклонны. Но новая мудрость, сверхъ того, учитъ насъ, что они почти всегда измѣняемы, въ особенности въ томъ, что касается нашихъ важнѣйшихъ свойствъ. Тогда наше достоинство перестаетъ быть пассивнымъ, и мы посвящаемъ все наше индивидуальное или коллективное существованіе непрерывному совершенствованію системы, дѣйствительными вождями которой мы являемся. Составляющіе ее естественные законы становятся необходимымъ основаніемъ нашего дѣятельнаго вѣншаго вѣншаго, направляющимъ наши усилія и укрупляющимъ наши намѣренія. Чѣмъ лучше они будутъ извѣстны, тѣмъ болѣе наше поведение будетъ свободно отъ всякаго произвольнаго и отъ всякаго рабскаго подчиненія. Въ дѣйствительности, эти вѣншія правила могутъ лишь рѣдко быть настолько опредѣленными, чтобы, въ каждомъ случаѣ, избавить отъ повелительныхъ предписаній. Но тогда сердцу надлежитъ придти, съ той и съ другой стороны, на помощь недостаточности ума, чтобы слишкомъ плохо мотивированныя повелѣнія были выполнены изъ побужденій любви. Совершенно избѣжать произвольныхъ прихотей невозможно, но для нашего достоинства достаточно, чтобы они были подчинены однообразію вѣншнихъ законовъ, и чтобы разсудокъ и чувство неизмѣнно стремились сократить область ихъ повселеннаго вліянія. А это двоякое условіе безспорно выполняется въ позитивномъ строѣ, гдѣ промышленная жизнь и научный духъ способствуютъ тому, чтобы каждый становился все болѣе и болѣе независимымъ отъ всякой личной прихоти и въ то же время тѣснѣе соединялся съ всеобщимъ организмомъ.

Итакъ, позитивизмъ обезпечиваетъ свободу и челоуѣческое достоинство, благодаря тому, что считаетъ, что социальныя явленія, такъ же какъ и всѣ другія, подчинены естественнымъ законамъ, измѣняемымъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, нашей мудрой дѣятельностью, въ особенности коллективной. Напротивъ, только угнетеніе и униженіе можно ожидать отъ всѣхъ метафизическихъ утопій, которыя предоставляютъ обществу законодательнымъ прихотямъ, не принимаютъ въ разсчетъ врожденныхъ свойствъ, и добиваются солидарности только путемъ подавленія независимости, какъ это было въ древности.

Такимъ-то образомъ окончательный культъ систематизируетъ активное существованіе Великаго Существа, сообразно совокупности его естественныхъ законовъ, причѣмъ онъ либо дополняетъ инстинктъ солидарности чувствомъ непрерывности, либо примиряетъ неизбѣжную независимость его различныхъ органовъ съ ихъ необходимой общей дѣятельностью. Тогда политика можетъ, наконецъ, дѣйствительно подчиниться морали, потому что долгъ замѣняетъ право. Теоретическая власть провозглашаетъ неопровержимыя правила, въ которыхъ разсудокъ и чувство всегда совѣстно способствуютъ измѣненію дѣятельности. Каковы бы ни были органы практической власти, ея осуществленіе пріобрѣтаетъ неизмѣнный нравственный характеръ. Напротивъ, всѣ метафизическія системы ограничиваются регулированіемъ объема каждой власти, не давая затѣмъ никакого принципа для поведенія или оцѣнки.

ГЛАВА XXVIII.

Функции капиталистовъ или свѣтскихъ вождей.

Отъ разсмотрѣнія активнаго культа Человѣчества въ цѣломъ слѣдуетъ теперь перейти къ его главному подраздѣленію, чтобы закончить характеристику нормальнаго отдѣленія духовной власти отъ свѣтской, составляющаго основной принципъ позитивной политики.

Безпрерывная дѣятельность Великаго Существа относится либо къ его внѣшнему состоянію, либо къ его собственной природѣ. Хотя каждая изъ этихъ двухъ важныхъ функцій касается одновременно и порядка, и прогресса, первая преимущественно относится къ сохраненію, а вторая къ совершенствованію. Этотъ огромный организмъ долженъ прежде всего, какъ всякій другой, безпрестанно дѣйствовать на соответственную среду, чтобы поддерживать и распространять свое матеріальное существованіе. Его практическая жизнь поэтому, главнымъ образомъ, посвящена удовлетворенію этихъ непреодолимыхъ потребностей, требующихъ постоянного производства обильныхъ матеріаловъ. Безпрерывное вырабатываніе этихъ матеріаловъ съ теченіемъ времени становится зависящимъ отъ послѣдовательнаго содѣйствія поколѣній больше, чѣмъ отъ одновременнаго содѣйствія индивидовъ. Выполняя эти грубыя, но необходимыя функціи, мы работаемъ преимущественно для нашихъ потомковъ, и удовлетвореніями нашихъ главныхъ потребностей мы бываемъ обязаны нашимъ предшественникамъ.

Каждое поколѣніе производитъ, сверхъ своихъ собственныхъ потребностей, матеріальныя богатства, назначенныя облегчить трудъ и подготовить средства къ существованію для слѣдующаго поколѣнія. Такимъ образомъ, органы этой передачи становятся естественными руководителями промышленнаго труда, и они не извлекаютъ выгоды изъ преимуществъ, связанныхъ съ обладаніемъ орудіями производства и предметами потребленія, лишь при исключительной неспособности. Къ этому практическому превосходству прибавляется естественное скопленіе капиталовъ въ рукахъ мудрыхъ и искусныхъ администраторовъ.

Таковы свѣтскіе вожди современнаго общества. Окончательный культъ долженъ ихъ поддерживать какъ органы питанія Великаго Существа, которые либо собираютъ и перерабатываютъ сырые матеріалы, либо распределяютъ ихъ всюду, подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ центральнаго органа.

Гордые своимъ непосредственнымъ и новседневымъ значеніемъ, побуждаемые, сверхъ того, личными инстинктами, которые одни только и могутъ вызвать ихъ напряженную дѣятельность, они естественно стремятся злоупотреблять своимъ практическимъ преобладаніемъ, чтобы наложить на общество иго тяжелой необходимости, непріемлемой ни для чувства, ни для разсудка. Поэтому ихъ само собой устанавливающееся господство нуждается въ безпрестанномъ умирѣющемъ вліяніи моральныхъ силъ. Таково главное политическое назначеніе второй общей функціи Великаго Существа.

ГЛАВА XXIX.

Необходимое воздѣйствіе моральныхъ силъ на силы матеріальныя.

Мозговая жизнь Великаго Существа, прямо относящаяся къ его собственному совершенствованію, даже физическому, но въ особенности интеллектуальному и моральному, кажется сначала какъ-будто предназначенной, какъ и у низшихъ организмовъ, для содѣйствія процессу питанія. Однако, вскорѣ мы замѣчаемъ, что она развивается вокругъ себя очарованіе, единственно ей свойственное, и являющееся главнымъ источникомъ нашего счастья. Тогда мы, напротивъ, начинаемъ разсматривать человѣческую жизнь, какъ предназначенную для свободнаго развитія разума, воображенія и, въ особенности, чувства, и только практическія требованія безпрестанно вынуждаютъ насъ къ тягостной дѣятельности. Эта важная функція, не могущая никогда стать преобладающей, помимо доставляемаго ею намъ непосредственнаго удовлетворенія, становится нашимъ главнымъ средствомъ, сперва безсознательнымъ, затѣмъ систематическимъ, для регулированія съ помощью ума и сердца болѣе или менѣе слѣпago дѣйствія органовъ питанія. Наиболе чистый и наиболе естественный источникъ этого моральнаго воздѣйствія состоитъ въ женскомъ вліяніи, представляющемъ аффективную жизнь индивидуальнаго мозга. Но оно можетъ быть вполне дѣйствительнымъ, только когда оно находится въ сочетаніи съ философскою силою, которая, несмотря на свою непосредственную слабость, также необходима для коллективнаго организма, какъ умозрительная функція мозга необходима для индивида.

Къ этимъ двумъ необходимымъ элементамъ умѣряющей власти Великое Существо, достигнувъ зрѣлаго состоянія, добавляетъ третій, который дополняетъ эту организацію и составляетъ главное основаніе ея политическаго вѣдѣтельства, порождая, наконецъ, активную функцію соціальнаго мозга, вліяніе пролетаріевъ.

Отъ этого дополнительнаго элемента на самомъ дѣлѣ зависитъ возможное разрѣшеніе великой человѣческой проблемы, а именно, преобладаніе общественности надъ личностью. Исключенный изъ практической власти вслѣдствіе отсутствія у него досуга и богатства, онъ, однако, необходимъ для выполненія работъ, служащихъ источникомъ свѣтскаго господства. Связанный съ теоретическою властью, благодаря сходству вкусовъ и одинаковому положенію, онъ отъ нея ожидаетъ, главнымъ образомъ, систематическаго образованія, потребность въ которомъ онъ глубоко чувствуетъ, видя въ немъ источникъ достоинства и улучшенія, равно какъ и непосредственнаго счастья.

Не взирая на то, что народный трудъ поглощаетъ много времени, остается еще все-таки большая возможность самообразованія для умовъ, которые, будучи не въ состояніи специализироваться въ той или иной научной области, стремятся обыкновенно получить общіе взгляды, предпочитая всегда тѣ знанія, въ которыхъ польза и реальность находятся въ тѣсномъ сочетаніи. Въ то же время сердца пролетаріевъ, чуждыя тревогъ, связанныхъ съ знатностью или богатствомъ, представляютъ болѣе благодарную почву для развитія великодушныхъ чувствъ, прелесть и

значеніе которыхъ лучше обнаруживаются въ ихъ жизни. Такъ какъ они могутъ первенствовать только своею численностью, пролетаріи болѣе стремятся къ единенію, чѣмъ свѣтскіе правители, изъ которыхъ каждый обладаетъ матеріальнымъ господствомъ, являющимся въ его глазахъ существеннымъ и дѣлающимъ его одинокимъ.

Такимъ-то образомъ умѣряющая власть естественнымъ путемъ находятъ среди практическихъ силъ, самопроизвольное развитіе которыхъ она должна видоизмѣнять, энергичнаго союзника, воплоти доступнаго моральному влиянію, наиболѣе прочной опорой котораго онъ становится. Будучи одновременно частнымъ и общимъ, активнымъ и умозрительнымъ, не переставая быть чрезвычайно аффективнымъ, народъ составляетъ необходимое промежуточное звено между теоретическимъ авторитетомъ и практической властью, съ которыми онъ почти въ одинаковой степени связанъ, получая съ одной стороны образованіе и совѣтъ, съ другой—работу и помощь. Онъ представляетъ энергію Великаго Существа, какъ женщины представляютъ его чувствительность, а философы—его умъ.

ГЛАВА XXX.

Какъ ограничить и обуздать злоупотребленія капиталистовъ.

Эта троякая мозговая сила должна сначала научиться уважать необходимыя функціи питательнаго органа, а затѣмъ уже нравственно воздѣйствовать на нихъ и систематизировать ихъ. Она должна ихъ регулировать, сообщая имъ по возможности больше благородства, сообразно постоянной здоровой оцѣнкѣ ихъ природы.

Безъ сомнѣнія, нужно преодолѣть неосновательное высокомѣріе, столь же нерациональное, сколь и безнравственное, свѣтскихъ вождей современнаго общества, которые считаютъ себя создателями и обладателями матеріальной силы, образованной всѣми ихъ современниками и предшественниками. Но возводя ихъ отнынѣ въ истинныхъ общественныхъ служителей, призванныхъ управлять капиталами и руководить матеріальнымъ трудомъ, слѣдуетъ уважать и поддерживать ихъ драгоценную службу, а не унижать или подавлять ее.

Нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской немедленно къ этому приводитъ, налагая на капиталистовъ преимущественно нравственную отвѣтственность, а не политическую, какъ это дѣлала разрушительная метафизика. Когда новое духовенство исчерпаетъ по отношенію къ нимъ средства убѣжденія, вытекающія изъ всеобщаго образованія, оно сможетъ прибѣгнуть къ систематическому порицанію, которому народное согласіе и женская санкція придадутъ въ каждомъ горѣ и въ каждой семьѣ страшную силу. Чтобы обуздать крайнія уклоненія, это нормальное средство можетъ дойти до исключенія изъ общества, которое, при надлежащемъ приѣмѣ, станетъ, благодаря указанной выше двойной опорѣ, болѣе рѣшительнымъ, чѣмъ въ средніе вѣка, когда организація умѣряющей власти носила только опытный характеръ. Но даже тогда воздѣйствіе должно быть чисто мораль-

пымъ. Если въ исключительныхъ случаяхъ, которые станутъ все болѣе и болѣе рѣдкими, злоупотребленіе потребуетъ въ некоторыхъ политическихъ мѣръ, то единственныя судей въ этомъ вопросѣ будетъ свѣтская власть.

ГЛАВА XXXI.

Въ новомъ строѣ богатство можетъ передаваться по наслѣдству.

Вопреки метафизическимъ возраженіямъ противъ наслѣдственной передачи матеріальныхъ богатствъ, новый кодексъ морали сумѣлъ въ большинствѣ случаевъ устранить главные злоупотребленія этого естественнаго способа владѣнія. При заимѣя права обязанностями, не приходится беспокоиться о томъ, кто обладаетъ даннымъ могуществомъ, а лишь о томъ, чтобы онъ имъ правильно пользовался. Позитивизмъ, сверхъ того, выявляетъ социальныя преимущества института наслѣдства относительно функций, которыя, не требуя никакой особенной способности, могутъ хорошо выполняться лицами, получившими просто домашнюю подготовку. Въ особенности, съ моральной стороны, люди, выросшіе въ богатствѣ, болѣе доступны великодушію, чѣмъ тѣ, кои медленно наживали его, хотя бы даже честнымъ путемъ.

Такимъ образомъ, наслѣдственная передача, которая вначалѣ примѣнялась ко всѣмъ функциямъ, можетъ неограниченно примѣняться къ тѣмъ, которыя требуютъ наименьшаго спеціальнаго искусства, и состоятъ только въ сохраненіи капиталовъ, а не касаются ихъ употребленія. Если бы назначали другихъ хранителей, то отъ этого общественные интересы нисколько не выиграли бы. Современная промышленность уже констатировала административное превосходство частныхъ руководителей, къ которымъ постепенно переходятъ всѣ тѣ социальныя функции, которыя могутъ исполняться отдѣльными лицами, за исключеніемъ теоретическихъ функций, имѣющихъ всегда коллективный характеръ.

Завистливыя разглагольствованія противъ наслѣдственныхъ богатствъ не могутъ помѣшать ихъ обладателямъ быть часто наиболѣе полезными органами Человѣчества, лишь бы только мудрое образованіе, надлежащимъ образомъ воснособляемое всеобщимъ мнѣніемъ, направляло къ добру естественныхъ счастливцевъ. Несмотря на бѣдность, присущую тремъ необходимымъ элементамъ умѣряющей власти, не въ ихъ средѣ возникнуть эти напрасныя протесты, развѣ только нѣкоторые члены забудутъ достоинство и условія своей общей аффективной умозрительной и активной службы.

ГЛАВА XXXII.

Матеріальная отвѣтственность капиталистовъ.

Единственные матеріальные интересы, которые моральная сила должна охранять у политической силы, регулируются двумя общими принципами, вытекающими изъ точной оцѣнки естественнаго порядка. Съ одной стороны, мужчина долженъ содержать свою жену, съ другой—классъ активный долженъ содержать классъ умозрительный.

Таковы два основныя условія, очевидно требуемыя природой Великаго Существа, дабы его аффективныя и умозрительныя функціи могли надлежащимъ образомъ выполняться. Благополучіе отдѣльныхъ лицъ и общества настолько зависитъ отъ преобладанія чувства надъ разсудкомъ и надъ дѣятельностью, что оно никогда не будетъ куплено слишкомъ дорогой цѣной, если для достиженія его половина нашего рода не будетъ принимать участія въ промышленномъ трудѣ. У самыхъ незначительныхъ племенъ активный полъ беретъ на себя въ этомъ отношеніи постоянное обязательство, отличающее всегда человѣческую любовь, даже наиболѣе грубую, отъ простой скотской похоти. По мѣрѣ того, какъ Великое Существо развивается, это условіе существованія выпуклѣе выступаетъ и лучше удовлетворяется. Окончательный культъ возводитъ его въ основную обязанность, отъ которой ничто обыкновенно не освобождаетъ ни индивида, ни рода.

Что касается второго условія, то старое духовенство его издавна освятило; и нынѣшняя анархія его по существу уважаетъ, по меньшей мѣрѣ, тамъ, гдѣ протестантизмъ не далъ слишкомъ большого перевѣса индивидуальности. Систематически утверждая его, какъ необходимое для теоретическихъ функцій Человѣчества, придется его скорѣе суживать, чѣмъ расширять, въ особенности по сравненію съ прежнимъ режимомъ, гдѣ обладаніе богатствомъ значительно способствовало самопроизвольному вырожденію католицизма.

Дабы нормальное отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской было полностью осуществлено, слѣдуетъ, чтобы новые философы остались всегда столь же чужды богатства, какъ и господства. Если жрецы Человѣчества должны наравнѣ съ женщинами быть чужды какой-либо практической власти, то они не должны быть богаче пролетаріевъ, и располагать лишь средствами, чтобы жить прилично, соразмѣрно ихъ социальному положенію. И лишь при соблюденіи этого двоякаго условія, они смогутъ достойно провозглашать свои мнѣнія и давать совѣты, чистота которыхъ никогда не вызоветъ сомнѣній.

Такимъ образомъ, въ своемъ нормальномъ управленіи общимъ богатствомъ свѣтскіе вожди должны будутъ удовлетворить этимъ двумя необходимыми требованіямъ при нормировкѣ платы за трудъ промышленныхъ рабочихъ и общественнаго вознагражденія теоретическихъ трудовъ. Какъ бы труднымъ ни казалось теперь выполненіе этого условія, только этой законной цѣной и можетъ быть куплена прочность практическаго равновѣсія. Нынѣшніе обладатели преимущества, которое не можетъ

болѣ покоиться на пустыхъ, личныхъ правахъ, могутъ объявить неприемлемой подобную программу. Въ этомъ случаѣ ихъ функціи перейдутъ какимъ-либо образомъ къ новымъ органамъ до тѣхъ поръ, пока Великое Существо не найдетъ служителей, которые не будутъ отступать отъ своего основного служенія, являющагося необходимымъ условіемъ преслѣдуемаго ими преимущества.

Но въ этихъ справедливыхъ предѣлахъ ихъ благотворное преобладаніе вызоветъ любовь и уваженіе, какъ необходимое для высшаго существованія. Умъ и сердце общими и согласными усиліями заставятъ исчезнуть всюду низкія страсти и разрушительныя доктрины, порождаемыя теперь силой, которая, со времени унадка католической дисциплины, стремится уничтожить всякое настоящее нравственное обязательство во имя своихъ мнимыхъ правъ. Эта сила скоро пойметъ, что подобныя предписанія, добровольное исполненіе которыхъ составляетъ заслугу каждаго, только позволяютъ богатымъ избѣгать угрожающей имъ теперь политической тираніи. Тогда свободное сосредоточеніе богатствъ будетъ всѣми разсматриваться, какъ необходимое условіе для ихъ полной цѣлесообразности, въ особенности социальной, ибо великія обязанности требуютъ для своего выполненія великихъ силъ.

ГЛАВА XXXIII.

Нормальныя отношенія между философами, пролетаріями и капиталистами.

Такимъ-то путемъ жрецы Человѣчества совершаютъ моральное преобразование матеріальной силы, дабы питательный аппаратъ надлежащимъ образомъ функционировалъ на пользу всѣхъ органовъ Великаго Существа. Отказавшись отъ весьма законной, но временной борьбы, народъ достойно разовьетъ свои естественныя склонности къ благоговѣнію и будетъ всегда подчиняться своимъ свѣтскимъ начальникамъ и довѣрчиво относиться къ своимъ духовнымъ властямъ. Пролетаріи поймутъ, что истинное счастье нисколько не зависитъ отъ богатства, а обуславливается, главнымъ образомъ, отъ удовлетворенія интеллектуальныхъ, моральныхъ и социальныхъ потребностей, которое для нихъ болѣе доступно, чѣмъ для правящихъ классовъ. Они безъ сожалѣнія откажутся отъ наслажденій, доставляемыхъ богатствомъ и властью и составляющихъ естественное вознагражденіе за практическую дѣятельность. Послѣ добросовѣстнаго отправленія своей специальной службы, честолюбіе каждаго изъ нихъ выразится только въ стремленіи достойно выполнить свою общую функцію въ качествѣ активнаго союзника теоретической власти, способствуя въ мудрыхъ ежедневныхъ бесѣдахъ выработкѣ настоящаго общественнаго мнѣнія.

Народъ, который будетъ хорошо понимать истинныя условія духовнаго управленія, окажетъ довѣріе только духовенству, всегда расположенному подчинять умъ сердцу и обеспечивающему нравственность реальной науки путемъ неизмѣннаго отреченія отъ свѣтскихъ преимуществъ. Если ложное честолюбіе увлечетъ нѣкоторыхъ философовъ на путь политической карьеры, то пролетаріи сумѣютъ энергично при-

мѣнить къ нимъ всеобщую доктрину и поддержать справедливое превосходство практическаго авторитета.

Хотя искусство должно всегда подчинять наукѣ свои общія вдохновенія, однако, только оно должно руководить всякимъ приложеніемъ позитивныхъ теорій. Практическая неспособность теоретиковъ, уже признанная относительно низшихъ искусствъ, будетъ систематически доказана, въ особенности касательно политическихъ функций. Философы должны вѣдать образованіе и слѣдовательно, давать совѣтъ; люди, стоящіе во главѣ промышленности, должны дѣйствовать и прежде всего управлять, — таково нормальное распредѣленіе, къ которому народъ сумѣетъ всюду внушить уваженіе, какъ къ необходимому для гармоніи Великаго Существа.

ГЛАВА XXXIV.

Эволюція революціонныхъ девизовъ.

Активный культъ Человѣчества, дополняя его умозрительный и аффективный культъ, закрѣпляетъ истинный общій характеръ единственнаго политическаго преобразованія, которое могло бы прекратить великую западную революцію. Но это окончательное обновленіе всѣхъ социальныхъ учреждений не можетъ прямо начаться теперь, такъ какъ оно требуетъ предварительнаго переустройства мнѣній и нравовъ на философскихъ основаніяхъ, уже установленныхъ позитивизмомъ, на что уйдутъ труды, по крайней мѣрѣ, одного поколѣнія. Поэтому, въ теченіе этого промежутка политика должна оставаться по существу временной, хотя направляемой въ духъ окончательнаго состоянія.

Въ настоящее время признанъ только аффективный принципъ новаго режима: постоянное подчиненіе политики морали. Оно, дѣйствительно, составляетъ истинный, отнынѣ неотъемлемый, органическій смыслъ деклараціи французской Республики, которая утверждаетъ, что всѣ люди должны служить Человѣчеству. Что же касается систематизаціи, которая одна только можетъ осуществить этотъ основной принципъ, то позитивизмъ установилъ ея основанія, но общественный разумъ ихъ еще, однако, не принялъ. Должно надѣяться, что въ скоромъ времени дсвизъ, характеризующій эту новую политическую философію, самъ собою получитъ всенародное освященіе.

ГЛАВА XXXV.

Первый девизъ: Свобода, Равенство.

Назначенная вознѣщать безповоротное отреченіе отъ стараго порядка, но неспособная какимъ-либо образомъ указать природу окончательнаго состоянія, отрицательная часть революціи вся цѣликомъ уложила въ глубоко противорѣчивомъ де-

визъ: Свобода, Равенство,—не совмѣстимъ ни съ какой реальной организаціей. Ибо при свободной эволюціи необходимо развиваются какія-либо различія, въ особенности умственные и моральныя; такъ что для того, чтобы поддерживать равенство, приходится подавлять эволюцію.

Но эта коренная несообразность не ослабляла отрицательной энергіи этой первоначальной формулы, гдѣ ненависть къ прошлому заслоняла пониманіе будущаго. Ея прогрессивная тенденція настолько уиѣрляла тогда ея анархическую природу, что она могла внушить первую попытку основать истинную политику на совокупности историческихъ фактовъ,—попытку, осуществленную, хотя не вполне удачно, въ безсмертномъ произведеніи ¹⁾ моего знаменитаго предшественника Кондорса. Такимъ образомъ, будущее окончательное преобладаніе историческаго направленія давало себя чувствовать уже во время господства анти-историческаго духа.

Долгое ретроградное движеніе, необходимо наступившее послѣ этого рѣшительнаго потрясенія, ни разу не могло имѣть никакого настоящаго девиза, вслѣдствіе тайной антипатіи, которую оно всегда внушало людямъ мысли и людямъ сердца. Ея прочными результатами могли быть только всеобщее убѣжденіе, сперва опытно, а тѣмъ систематическое, въ органическомъ безсиліи революціонной метафизики и разработка историческихъ матеріаловъ, которая, давъ первую оцѣнку средних вѣковъ, способствовала подготовленію позитивизма.

ГЛАВА XXXVI.

Второй девизъ: Свобода, Общественный Порядокъ.

Когда, благодаря памятнымъ событіямъ 1830 г., окончилась эта ретроградная реакція, начатая Робеспьеромъ, развитая Бонапартомъ и удлинненная Бурбонами, то двусмысленное недвижимое состояніе, которое теперь закончилось, породило новый временный девизъ. Знаменитая формула: Свобода, Общественный Порядокъ, преобладавшая на протяженіи полъ поколѣнія, вѣрно отражала социальную среду, послужившую для нея источникомъ. Ея значеніе было тѣмъ болѣе реально, что она создавалась сама собой, безъ какой бы то ни было торжественной санкціи. Она явилась плодомъ общественнаго разума, который, не видя ни на одномъ знамени истинной формулы социальнаго будущаго, ограничился согласованіемъ двухъ условій, необходимыхъ для его подготовленія. Этотъ второй девизъ подходилъ ближе перваго къ органической цѣли революціи. Здѣсь было исключено противно-общественное понятіе равенства, всѣ моральныя преимущества котораго доставляетъ, но безъ всякой политической опасности, неразрушимое чувство всеобщаго братства, которое, начиная со среднихъ вѣковъ, не нуждается на Западѣ въ особой формулировкѣ. Важное

¹⁾ М. Кондорсэ. «Эскизъ исторической картины прогресса Человѣческаго разума». Спб. 1909. *Пер.*

понятіе порядка было введено въ эту формулу на основаніи опыта и съ огоркой, приличествующей эпохѣ, когда анархія умовъ и сердецъ предписывала ограничиться внутреннимъ и внѣшнимъ матеріальнымъ порядкомъ.

ГЛАВА XXXVII.

Третій и послѣдній девизъ: Порядокъ и Прогрессъ.

Второй временный девизъ пересталъ быть удовлетворительнымъ съ тѣхъ поръ, какъ политическое превосходство республиканскаго принципа открыло намъ положительную часть революціи ¹⁾, уже начавшуюся для истинныхъ философовъ, когда я основалъ настоящую социальную науку. Но отказываясь отъ послѣдней формулы, общественный разумъ не могъ быть на столько ретрограднымъ, чтобы принять первоначальную, которая годилась только для начального потрясенія. Хотя полное отсутствіе социальныхъ убѣжденій и можетъ объяснить официальное воскресеніе ея, это не помѣшаетъ здравымъ умамъ и благороднымъ сердцамъ по собственному почину, принять систематическій девизъ будущаго: Порядокъ и Прогрессъ. Его философскій и политическій характеръ былъ достаточно очерченъ во второй части настоящаго «Обзора», такъ что здѣсь я могу ограничиться указаніемъ на его происхожденіе и на способъ его установленія.

Онъ связывается съ предыдущимъ, подобно тому какъ этотъ послѣдній былъ связанъ съ первымъ, черезъ посредство одного изъ элементовъ этого социального сочетанія, по необходимости двойного, какъ всякое другое даже неорганическое сочетаніе. Сверхъ того, онъ своеобразно санкціонируетъ также понятіе, общее первымъ двумъ девизамъ, такъ какъ всякій прогрессъ предполагаетъ свободу. Но онъ прямо отдаетъ порядку первенство, которое ему принадлежитъ и безъ котораго онъ не можетъ обнять всю свою естественную область, являющуюся одновременно общественной и частной, теоретической и практической, моральной и политической. Включая прогрессъ какъ цѣль и проявленіе порядка, онъ провозглашаетъ понятіе, которое было подготовлено первоначальнымъ потрясеніемъ и которое получить господствующее значеніе при органическомъ завершеніи западной революціи. Примиреніе этихъ двухъ важныхъ условій, бывшее до тѣхъ поръ невозможнымъ, уже достигнуто всѣми персодовыми умами. Хотя общественный разумъ его еще не санкціонировалъ, но всѣ искренніе люди сами собой къ нему стремятся послѣ послѣдней фазы ретрограднаго движенія. Его грядущее провозглашеніе все болѣе и болѣе приближается, судя по обнаруживающемуся совпаденію между ретроградными стремленіями и анархическими тенденціями, все болѣе и болѣе обуславливающимися одними и тѣми же желаніями.

¹⁾ Республика 1848 г.

ГЛАВА XXXVIII.

Необходимость во временной политикѣ въ теченіе переходнаго періода. Новое правительство должно быть ввѣрено тремъ пролетаріямъ.

Но если бы даже и состоялось уже теперь предполагаемое нами сочетаніе будущаго систематическаго девиза съ его основнымъ принципомъ, все же это было бы недостаточно для того, чтобы ввести въ настоящее время окончательный строй, требующій предварительнаго окончанія духовнаго междуцарствія. Поэтому, пока ближайшее поколѣніе будетъ стремиться къ достиженію этого важнаго условія, когда всѣ умы и всѣ сердца, въ особенности пролетарскіе и женскіе, должны будутъ оказывать усиленную помощь философскому духовенству, нужно установить временное правительство, которое имѣло бы цѣлью поддерживать внутри и внѣ порядокъ, необходимый для переходнаго періода. Позитивизмъ можетъ взять на себя также эту исключительную обязанность, такъ какъ его точная историческая оцѣнка двухъ состояній, прошлаго и будущаго, позволяетъ ему создать цѣлесообразное временное промежуточное состояніе.

Для разрѣшенія этой задачи позитивизмъ призываетъ теперь къ жизни новое революціонное правительство, такъ же приспособленное къ положительной части революціи, какъ поразительное политическое твореніе, Конвентъ, было приспособлено къ ея отрицательной части. Оно характеризуется современнымъ согласованіемъ между полной свободой изложенія или обсужденія и практическимъ преобладаніемъ надлежащимъ образомъ преобразованной центральной власти. Устное или письменное изслѣдованіе станеть виолнѣ свободнымъ, какъ вслѣдствіе уничтоженія угнетающаго фискальнаго или карательнаго законодательства, такъ и вслѣдствіе того, что будетъ разрушена неблагородная стѣна, которой психологи отгородили дѣятельность государственныхъ людей отъ частной оцѣнки; такъ, въ особенности, благодаря уничтоженію двойнаго officialнаго бюджета, теологическаго или метафизическаго, который только и препятствуетъ теперь истинной свободѣ обученія. Такъ какъ при существованіи этой основной гарантіи, центральная власть не будетъ болѣе внушать серьезныхъ опасеній ретроградныхъ попытокъ, ея необходимое преобладаніе надъ мѣстной властью пріобрѣтетъ ту напряженность, которая требуется въ настоящее время для поддержанія матеріальнаго порядка среди умственной и моральной анархіи. Вотъ почему собраніе представителей французскаго народа, сокращенное приблизительно до 200 членовъ, сохранить только право ежегоднаго вотированія налога, предлагаемаго правящимъ комитетомъ, и право провѣрки прошлагодныхъ расходовъ. Всѣ государственныя мѣры, какъ законодательныя, такъ и исполнительныя, должны исходить отъ центральной власти, обязанной только заранѣе отдавать ихъ на свободное обсужденіе газетъ, народныхъ собраній и отдѣльныхъ мыслителей, причемъ, однако, это всеобщее обсужденіе никогда не должно создавать ей какихъ-либо препятствій.

Обеспечивъ, такимъ образомъ, неизмѣнное прогрессивное направленіе верховнаго комитета, остается составить его съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ всегда имѣлъ

практический характер, необходимый для его переходного назначения. Поэтому-то позитивная теория указывает на пролетариевъ, какъ на единственную среду, изъ которой могутъ быть выбраны такіе государственные люди, которые могли бы явиться достойными преемниками членовъ Конвента. Итакъ, центральная власть будетъ ввѣрена тремъ народнымъ правителямъ, которые сосредоточатъ въ своихъ рукахъ всѣ полномочія министровъ и королевскія функціи, руководя однихъ внутренними дѣлами, другой вѣшними и третій финансами. Они созываютъ и распускаютъ подъ своей моральной отвѣтственностью собранія провинціальныхъ депутатовъ, въ которыхъ, безъ всякаго формальнаго предписанія, будутъ преобладать лица, стоящіе во главѣ промышленности, которыя будутъ безвозмездно выполнять возложенныя на нихъ обязанности, всегда соотвѣтствующія ихъ повседневнымъ занятіямъ. При переменахъ личнаго состава правительства, возможныхъ въ переходномъ состояніи, этого небольшого числа правителей будетъ достаточно, чтобы поддержать непрерывность, позволяя отдѣльно представлять предшествующую фазу, будущее направленіе и настоящее положеніе вещей.

Это временное правительство, хотя является по необходимости революціоннымъ, приближается, насколько это возможно, къ нормальному состоянію. Характеризующая его чисто свѣтская верховная власть отличается отъ таковой въ нормальномъ состояніи только тѣмъ, что ея члены вербуются изъ класса, обычно чуждаго практической власти, которая должна быть окончательно предоставлена лицамъ, стоящимъ во главѣ промышленности. Но необходимость этой единственной аномаліи настолько вызывается настоящимъ положеніемъ дѣла, что ея примѣненіе, къ тому же весьма ограниченное, не можетъ причинить никакого реального вреда нравамъ пролетаріевъ. Такъ какъ важно, главнымъ образомъ, сдѣлать нравственной активную жизнь, то весьма важно предоставить политическое преобладаніе тому практическому элементу, который наиболѣе доступенъ по уму и по сердцу, моральному вліянію. Его политическое господство не будетъ препятствовать свободному развитію свѣтской власти, а, напротивъ, подготовить ее нормальное главенство, внушая ея представителямъ потребность въ полномъ обновленіи, частномъ и общественномъ, безъ котораго они остались бы недостойными занять предназначенное имъ въ окончательномъ строѣ мѣсто. Въ то же время совѣщательное вліяніе такимъ путемъ правильно вводится въ новое правительство. Будучи сначала чисто безсознательнымъ, оно будетъ становиться все болѣе и болѣе систематическимъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ совершаться свободное философское обновленіе, на которомъ будетъ покоиться окончательный режимъ.

Этотъ новый временной режимъ тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, что, хотя онъ вызванъ настоятельными потребностями состоянія Франціи, онъ пригоденъ и для всѣхъ достаточно передовыхъ народовъ, у которыхъ великій кризисъ уже обнаружился. Такимъ образомъ, съ самаго начала вторая часть революціи пріобрѣтаетъ западный характеръ, между тѣмъ какъ первая должна была быть только національной.

Пролетарская природа новой центральной власти проявитъ всюду подобныя черты, такъ какъ революціонное главенство будетъ принадлежать классу, наилучше освобожденному отъ всякой мѣстной антипатіи и болѣе расположенному умомъ и

сердцемъ ко всеобщему союзу. Даже если этотъ режимъ ограничится въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ одной Франціей, онъ вскорѣ преобразуетъ на всемъ Западѣ старую дипломатію.

Таковы главные преимущества, которыя систематическое обоснованіе должно доставить второму революціонному правительству, между тѣмъ какъ первое могло вытекать только изъ эмпирической оцѣнки, исправленной прогрессивнымъ инстинктомъ Конвента.

Болѣе полныя указанія по этому вопросу читатель найдетъ въ спеціальномъ докладѣ, опубликованномъ въ августѣ 1848 г. Позитивистскимъ Обществомъ ¹⁾.

ГЛАВА XXXIX.

Западный позитивный комитетъ, органъ новой духовной власти.

Когда, благодаря образованію временнаго правительства, внутреннее спокойствіе и внѣшній миръ, несмотря на продолженіе умственной и моральной анархіи, будутъ обеспечены, огромная преобразовательная работа можетъ дѣятельно выполниться въ атмосферѣ отнынѣ ненарушимой философской свободы. Дабы эта работа шла по возможности успѣшно, важно, чтобы она производилась при помощи философско-политической ассоціаціи, о которой было заявлено въ моемъ основномъ трактатѣ въ 1842 г., гдѣ я ей далъ характерное названіе Западнаго позитивнаго комитета.

Имѣя своимъ мѣстопробываніемъ, главнымъ образомъ, Парижъ, этотъ комитетъ будетъ состоять первоначально изъ восьми французовъ, семи англичанъ, шести нѣмцевъ, пяти итальянцевъ и четырехъ испанцевъ. Это число будетъ достаточно, чтобы всѣ главные элементы каждаго западнаго населенія были въ немъ представлены. Такъ, въ германское представительство войдутъ: одинъ голландецъ, одинъ пруссакъ, одинъ шведъ, одинъ датчанинъ, одинъ баварецъ и одинъ австріецъ. Точно также Пьемонтъ, Ломбардія, Тоскана, Римское государство и Неаполь дадутъ представителей отъ Италіи. Наконецъ Каталонія, Кастилія, Андалузія и Португалія достаточно представятъ иберійское населеніе.

Этотъ родъ постояннаго собора новой Церкви долженъ допустить въ свою среду всѣ необходимые элементы умѣряющей власти и даже долженъ присоединить къ себѣ тѣхъ представителей управляющей власти, личное обновленіе которыхъ достаточно ушло впередъ, чтобы достойно содѣйствовать всеобщему обновленію. Такимъ образомъ онъ съ самаго начала обниметъ всѣхъ практиковъ и всѣхъ теоретиковъ. Основной союзъ между философами и пролетаріями здѣсь въ особенности обнаружится, а также и другія искреннія связи, относящіяся даже къ отсталымъ классамъ. Чтобы достойно отвѣчать своему главному назначенію, онъ еще съ боль-

¹⁾ Этотъ докладъ воспроизведенъ въ *Revue occidentale*, іюль, 1889 г., стр. 91. По этому же вопросу прочесть статью и документъ, напечатанные П. Лафиттомъ въ *Revue occidentale*, январь, 1890 г., стр. 70.

нимъ основаніемъ допустить третій общій элементъ умѣряющей власти, способный замѣлчшимъ образомъ представлять основное преобладаніе сердца надъ умомъ. Какъ что, кромѣ тридцати указанныхъ выше членовъ, онъ включить въ свой составъ шесть выдающихся женщинъ, двухъ французенокъ и по одной отъ каждой другой западной вѣтви. Кромѣ ихъ нормальнаго вліянія, ихъ особое участіе необходимо для того, чтобы надлежащимъ образомъ распространить позитивизмъ среди запихъ южныхъ братьевъ, согласно благородной роли, которую я предназначалъ для своей святой подруги, похищенной преждевременной смертію у обновленнаго комитета, въ которомъ она могла съ достоинствомъ занять мѣсто.

Между тѣмъ, какъ различныя національныя правительства будутъ поддерживать всюду матеріальный порядокъ, эти вольные предшественники окончательнаго режима будутъ руководить на Западѣ той преобразовательной работой, которая постепенно разсѣетъ духовное междоусерствіе, составляющее единственное существенное препятствіе для соціальнаго преобразованія. Они поэтому должны будутъ способствовать развитію и распространенію позитивизма, равно какъ его возрастающему примѣненію, всѣми благородными средствами, которыя окажутся въ ихъ распоряженіи. Помимо устнаго и письменнаго, народнаго и философскаго обученія, они въ особенности постараются по возможности ввести окончательный культъ Человѣчества, который уже можетъ быть немедленно начать, по крайней мѣрѣ въ части, касающейся системы поминованія. Ихъ политическое вліяніе сможетъ даже прямо выдвинуть западный характеръ новаго режима, способствуя принятію всюду нѣкоторыхъ общихъ мѣръ, польза которыхъ признана уже давно, но которыя не могли до сихъ поръ осуществиться, за отсутствіемъ центральнаго органа, стоящаго выше національнаго соперничества.

Г Л А В А XL.

Западная Республика. Ея главныя учрежденія: флотъ, монета, коллегъ, религіозная хоругвь, политическое знамя.

Первой общей мѣрой будетъ учрежденіе западнаго флота, назначеннаго какъ для всеобщаго надзора за морями, такъ и для теоретическихъ или практическихъ изысканій. Его экипажъ, вольно вербуемый и оплачиваемый пятью вѣтвями великой западной семьи, достойно замѣнитъ чудныхъ морскихъ рыцарей, исчезнувшихъ вмѣстѣ съ католицизмомъ. Его флагъ естественнымъ образомъ явится первымъ торжественнымъ провозглашеніемъ общаго позитивистскаго девиза.

Эта первая характерная мѣра естественно вызоветъ вторую, значеніе которой не менѣе бесспорно и которая не могла, однако, осуществиться въ виду западной анархіи, обусловленной политическимъ паденіемъ католицизма. Она будетъ заключаться въ установленіи различными свѣтскими властями общей монеты, что облегчитъ па всемъ Западѣ промышленныя сдѣлки. Три шара изъ золота, серебра и платины, каждый вѣсомъ въ пятьдесятъ граммъ, представлять достаточно разнообразія. На большомъ кругѣ, параллельномъ малому плоскому основанію, должно будетъ выгра-

вировать основной девизъ. На полюсъ надлежало бы изобразить безсмертнаго Карла Великаго, какъ историческаго основателя Западной Республики, имя котораго можно было бы начертать вокругъ его благороднаго изображенія. Это имя, одинаково чтимое на всемъ Западѣ, могло бы служить, на общемъ старинномъ языкѣ, для общепотребительнаго наименованія всеобщей монеты.

Указавъ эту двоякую мѣру, которая вскорѣ сдѣлаетъ популярнымъ обновляющій комитетъ, считаю излишнимъ особо останавливаться на различныхъ операціяхъ, прямо относящихся къ его главному назначенію. Тѣмъ не менѣе, я долженъ здѣсь отмѣтить свободное основаніе западной коллегіи, которая можетъ составить систематическое ядро настоящаго мыслящаго класса. Призванные образовывать окончательное духовенство, эти новые философы должны будутъ преимущественно вербоваться среди пролетаріевъ, причемъ, однако, достойные представители другихъ классовъ не будутъ устраниваться. Они введутъ семилѣтнее обученіе позитивизму во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва будетъ благопріятна для его насажденія. Кромѣ того, они выдвинутъ изъ своей среды вольныхъ миссіонеровъ, которые будутъ проповѣдывать всюду всеобщую доктрину, даже внѣ западныхъ границъ, согласно указанному ниже порядку. Успѣху этого дѣла будутъ весьма способствовать обычныя путешествія пролетаріевъ-позитивистовъ.

Чтобы лучше понять это временное обученіе, нужно обратиться ко второму задавію Доклада Позитивной Школы, напечатаннаго въ 1849 г. Позитивистскимъ Обществомъ ¹⁾.

Помимо этихъ специальныхъ мѣръ, я долженъ здѣсь подробнѣе указать на одно общее учрежденіе, одинаково относящееся къ нормальному режиму и къ концу переходнаго времени. Оно касается систематическаго знамени, одновременно западнаго и національнаго, необходимость въ которомъ уже инстинктивно чувствуется, и которое должно всюду замѣнить ретроградныя эмблемы, но только не анархическими девизами. Органическій переходъ долженъ начаться съ распространенія повсюду цвѣтовъ и девизовъ, присущихъ окончательному состоянію.

Чтобы опредѣлить, какимъ должно быть политическое знамя, слѣдуетъ сперва установить типъ религіозной хоругви. На ея бѣлой сторонѣ долженъ быть изображенъ символъ Человѣчества въ видѣ тридцатилѣтней женщины, держащей на рукахъ своего сына. На другой сторонѣ будетъ начертана священная формула позитивистовъ: любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ цѣль, причемъ фонъ этой стороны долженъ быть зеленый, являющійся естественнымъ цвѣтомъ надежды, который подобаетъ эмблемамъ будущаго.

Этотъ же самый цвѣтъ единственно подходитъ для политическаго знамени, общаго для всего Запада. Такъ какъ оно должно развѣваться какъ флагъ, то на немъ не можетъ быть живописи, а вмѣсто того на верхушкѣ древка будетъ находиться статуетка Человѣчества. Основная формула будетъ разложена на два девиза—по одному для каждой его зеленой стороны,—характеризующіе позитивизмъ: одинъ научно-политическій—Порядокъ и Прогрессъ, другой морально-эстетическій—Жить для другихъ. Если первый долженъ предпочитаться мужчинами, то

¹⁾ Докладъ перепечатанъ въ *Revue occidentale*, сентябрь, 1885 г., стр. 153.

второй единственно подобаетъ женщинамъ, которыя такимъ образомъ смогутъ, наконецъ, принять достойное участіе въ нашихъ общественныхъ манифестаціяхъ.

Изъ этого западнаго знамени легко сдѣлать различныя національныя знамена, добавляя къ нему простую кайму изъ нынѣшнихъ цвѣтовъ каждой національности. Во Франціи, которая должна взять на себя починъ въ этомъ нововведеніи, эта кайма представить наши три цвѣта въ принятомъ теперь порядкѣ, но съ преобладаніемъ средняго бѣлаго поля, изъ уваженія къ нашему старому знамени. Это удачное сочетаніе однородности и разнообразія ясно покажетъ, что новый западный союзъ способенъ добросовѣстно уважать всѣ, даже самыя слабыя націи, изъ которыхъ каждая сохранить свои собственныя эмблемы, не нарушая общаго символа. Всѣ второстепенныя эмблемы, вытекающія всюду изъ главнаго знамени, естественно подвергнутся тому же превращенію.

Предлагая эту символизацію, провозглашенную два года тому назадъ на моихъ еженедѣльныхъ курсахъ, я указываю на наиболѣе прямую функцію позитивнаго комитета, которая наилучшимъ образомъ характеризуетъ все значеніе его свободнаго вѣщательства.

Хотя эта преобразовательная ассоціація должна постепенно приобрѣсти огромное распространеніе, важно, однако, чтобы ея центральное ядро оставалось всегда ограниченнымъ своими тридцатью шестью первоначальными членами, за исключеніемъ вышеуказаннаго двоякаго дополненія. Каждый изъ членовъ можетъ затѣмъ основать среди своихъ соотечественниковъ болѣе многочисленную группу, которая могла бы подобнымъ же образомъ разрастаться. Эти послѣдовательныя присоединенія, степени которыхъ почти неограничены, лучше обезпечать единство и однородность позитивной Церкви, не вредя ни ея прочности, ни ея активности. Окончательное преобразованіе будетъ гарантировано, когда въ этотъ добровольный союзъ вступитъ преобладающая часть каждаго западнаго элемента.

Въ этомъ постепенномъ ходѣ числа, указанныя здѣсь для представителей различныхъ національностей, представляютъ только приблизительно степень участія ихъ въ дѣятельности комитета. Этотъ трактатъ объяснить, на основаніи совокупности прошлаго, нѣсколько иной порядокъ, по которому пять группъ западныхъ народовъ примутъ участіе въ позитивистскомъ движеніи. Онъ отличается отъ предыдущаго порядка тѣмъ, что Италія здѣсь поднимается на второе мѣсто, Испанія на третье, между тѣмъ какъ Англія оказывается на послѣднемъ. Уже въ третьемъ изданіи моего позитивистскаго календаря я мотивирую это важное измѣненіе, полное оправданіе котораго естественно принадлежитъ четвертому тому настоящаго трактата ¹⁾.

¹⁾ Въ IV томѣ Системы позитивной политики на послѣднемъ мѣстѣ поставлена Германія.

ГЛАВА XII.

Новая доктрина пригодна для людей всѣхъ расъ и всѣхъ климатовъ, но ихъ добровольное присоединеніе къ ней, конечно, совершится съ неравной скоростью.

Рѣшительное движеніе, долженствующее, въ концѣ концовъ, охватить весь нашъ родъ, само собой получить первое нормальное расширеніе, когда перейдетъ съ Запада къ народамъ, для которыхъ оно станетъ источникомъ новой жизни и у которыхъ политическая независимость не могла разрушить социальной связи. Въ силу этого, собственно западный комитетъ вскорѣ присоединитъ къ себѣ двѣнадцать колониальныхъ членовъ, по два отъ Сѣверной Америки, Южной Америки, Индіи, Австраліи, какъ Голландской, такъ и Испанской.

Достигнувъ, такимъ образомъ, численности въ сорокъ восемь членовъ, позитивный комитетъ пополнитъ затѣмъ свой нормальный составъ путемъ постепеннаго включенія двѣнадцати членовъ—представителей различныхъ отсталыхъ народовъ. Каждый изъ послѣднихъ долженъ, въ свою очередь, подвергнуться окончательному преобразованію, въ которомъ Западъ возьметъ на себя только починъ подъ руководствомъ Франціи.

Весьма важно, чтобы это расширеніе случилось не слишкомъ рано, такъ какъ, если оно будетъ плохо понято, оно вредно отразится на ясности и энергіи обновляющаго движенія. Но не слѣдуетъ забывать, что Великое Существо будетъ вполне сформировано лишь послѣ всеобщаго объединенія всѣхъ его органовъ. Между простой національностью, дальше которой социальный гений древности никогда не шелъ, и окончательнымъ Человѣчествомъ средніе вѣка установили слишкомъ игнорируемую теперь промежуточную стадію, создавъ свободную западность. Нашъ первый политическій долгъ состоитъ нынѣ въ переустройствѣ послѣдней на непоколебимыхъ основаніяхъ, для чего необходимо прекратить анархію, вызванную паденіемъ католико-феодальнаго режима. По мѣрѣ того, какъ эта систематизація будетъ совершаться, она всюду укажетъ, что западность составляетъ только послѣднее подготовленіе къ настоящему Человѣчеству, которое мы всегда предчувствовали съ нашей колыбели, но которое до сихъ поръ, пока преобладали теологизмъ и война, было невозможно даже въ идеѣ.

Основные законы человѣческой эволюціи, составляющіе философскій фундаментъ окончательнаго строя, необходимо подходить для всѣхъ климатовъ и для всѣхъ расъ, причѣмъ возможны только различія въ скорости ихъ усвоенія. Эти понятныя опозданія должны отнынѣ возмѣщаться болѣе систематизированнымъ развитіемъ, свободнымъ отъ опасностей и колебаній. присущихъ первоначальному прогрессу, который могъ быть только опытнымъ, такъ какъ единственно его опѣнка указала общій законъ.

Осуществляя отнынѣ среди нашихъ отсталыхъ братьевъ это мудрое и великодушное вмѣшательство, Западъ откроетъ самое благородное поле дѣятельности

соціальному искусству, надлежащимъ образомъ основанному на реальной наукѣ. Всегда относительныя, хотя не произвольныя, всегда деликатныя, хотя энергичныя, эти естественныя воздѣйствія, одновременно частныя и общественныя, національныя и западныя, составятъ морально-политическую систему, которая окажется неизмѣримо выше теологическаго или военнаго прозелитизма. Они со временемъ сосредоточатъ на себѣ главное вниманіе позитивнаго комитета, хотя сначала они будутъ для него лишь второстепеннымъ дѣломъ.

Это постепенное расширеніе, конечно, начнется съ остальной части бѣлой расы, всюду превосходящей двѣ другія расы. Къ окончательное приобщеніе къ Великому Существоу пройдетъ черезъ три главныя фазы, двѣ монотеистическія и одну политеистическую, изъ которыхъ каждая облегчитъ слѣдующую, и которыя представятъ восточное распространеніе обновляющаго движенія.

Хотя огромное русское населеніе осталось чуждо католико-феодалному просвѣщенію, которымъ мы обязаны среднимъ вѣкамъ, однако, его христіанская религія, несмотря на смѣшеніе двухъ властей, выдвигаетъ его теперь какъ авангардъ монотеистическаго Востока. Западное движеніе получить здѣсь свое первое рѣшительное распространеніе, благодаря двумъ естественнымъ посредникамъ, религіозному и политическому—Греціи и, въ особенности, Польшѣ. Это распространеніе могло бы серьезно замедлиться только въ случаѣ дѣйствительнаго отдѣленія отъ Россіи этихъ двухъ разнородныхъ придатковъ.

Затѣмъ окончательное обновленіе распространится на монотеистовъ—мусульманъ, сперва въ Турціи, затѣмъ въ Персіи. Позитивизмъ естественнымъ образомъ встрѣтитъ здѣсь симпатіи, которыя католицизмъ не могъ снискать и которыя уже весьма замѣтны. Арабская цивилизація всегда будетъ фигурировать среди главныхъ элементовъ нашего великаго средневѣковаго подготовленія, какъ благородная распространительница греческой науки.

Наконецъ, послѣдній фазисъ расширенія, безсознательные корни котораго уже существуютъ, приобщитъ къ Великому Существоу многочисленное политеистическое населеніе, дополняющее бѣлую расу. Исключительное упорство теократическаго режима не помѣшаетъ позитивизму найти, при естественной помощи Персіи, настоящія точки соприкосновенія съ Индіей. Это является необходимымъ преимуществомъ доктрины, которая, относясь всегда внимательно къ совокупности человѣческой эволюціи, умѣетъ надлежащимъ образомъ цѣнить самыя древнія системы общечеловѣческой ответственности.

На этихъ трехъ ступеняхъ распространенія позитивный комитетъ присоединитъ къ себѣ первую половину своихъ чужестранныхъ сочленовъ, путемъ послѣдовательнаго допущенія въ члены одного грека, одного русскаго, одного египтянина, одного турка, одного перса и, наконецъ, одного индуса.

Несмотря на свой упорный политеизмъ, желтая раса теперь всюду подвергается измѣненію подъ вліяніемъ монотеизма, какъ христіанскаго, такъ и, въ особенности, мусульманскаго. Благодаря этому само собой совершающемуся подготовленію, позитивный комитетъ вскорѣ найдетъ здѣсь достаточно приверженцевъ, чтобы почти одновременно принять въ сочлены одного татарина, одного китайца, одного японца и одного малайца.

Онъ, наконецъ, окончательно дополнить свой основной составъ, включивъ двухъ представителей черной расы: одного отъ той части этой расы, которая сумѣла энергично разбить оковы чудовищнаго рабства ¹⁾, другого отъ части, оставшейся еще чуждой западной культуры ²⁾. Хотя мы, по своему высокомуѣрію, считаемъ эту послѣднюю часть обреченной оставаться всегда на низшей ступени развитія, однако ея врожденныя качества располагаютъ ее къ принятію единственной философіи, рассматривающей фетишизмъ, какъ необходимое начало всякой подготовительной эволюціи.

Позитивный комитетъ вѣроятно достигнетъ этого окончательнаго состава въ шестьдесятъ членовъ раньше, чѣмъ прекратится духовное междоусобице въ центрѣ Великаго Существа. Но какъ бы свѣтское преобразованіе ни способствовало затѣмъ этому обширному философскому предпріятію, необходимость пяти послѣдовательныхъ фазъ для этого расширенія не позволяетъ предположить, чтобы оно могло быть законченнымъ до истеченія двухъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, эта систематизирующая дѣятельность комитета вскорѣ получить возрастающее значеніе, какъ для прямого подготовленія отсталыхъ націй, такъ, въ особенности, для укрѣпленія семьи передовыхъ народовъ въ ея новой вѣрѣ, признанной, такимъ образомъ, знаменовать свою характерную всеобщность.

Г Л А В А XLII.

Религія Человѣчества. Благодаря своей моральной возвышенности, интеллектуальному превосходству и соціально-политической цѣлесообразности, она можетъ разрѣшить великую современную проблему.

Окончательный режимъ настолько теперь выясненъ, что мы можемъ, не дожидаясь активнаго сравненія его со всѣми различными фазами предварительнаго строя, умомъ и сердцемъ начать полное обновленіе, энергично подготовленное нашими революціонными предшественниками. Ихъ ненависть къ прошлому мѣшала имъ познать будущее. Отнынѣ, напротивъ, историческій духъ и соціальное чувство взаимно другъ друга укрѣпляютъ. Руководимые всегда инстинктомъ непрерывности, безъ котораго солидарность остается недостаточной, мы устремляемся къ будущему, лишь опираясь на прошлое, всѣмъ фазамъ котораго нашъ окончательный культъ воздаетъ должное. Отнюдь не убавляя нашу обновляющую энергію, эта искренняя и полная справедливость, которую только мы одни можемъ воздать, не выходя въ непослѣдовательность, завершаетъ освобожденіе нашей мысли, избавляя насъ отъ всякихъ дѣйствительныхъ уступокъ по отношенію къ изжившимъ системамъ. Оцѣнивая ихъ природу и ихъ назначеніе лучше, чѣмъ это могли сдѣлать ихъ эмпирическіе приверженцы, мы видимъ въ каждой изъ нихъ необходимое, но временное подготовленіе къ окончательной системѣ, долженствующей выполнить сразу всѣ эти частичныя задачи.

¹⁾ Ганги.

²⁾ Центральная Африка.

Новая систематизация, сопоставленная особенно съ послѣдней системой, управлявшей семьей передовыхъ народовъ, представляется въ этомъ «Обзорѣ», являющемся простымъ введеніемъ къ большому трактату, уже болѣе реальной, болѣе полной и болѣе устойчивой. Всѣ качества, присущія поразительному среднѣвѣковому режиму, укрѣплены и усовершенствованы позитивизмомъ, который одинъ только приводитъ умъ къ непреложному подчиненію справедливому господству сердца. Наши благочестивые и рыцарскіе предки достойно примѣнили, какъ намъ кажется, наилучшую доктрину, которую допускало ихъ время. Эти выдающіеся предшественники стояли бы теперь въ нашихъ рядахъ и провозгласили бы окончательное упраздненіе своей временной философіи, постепенно выродившейся и ставшей символомъ отсталости и источникомъ раздора.

Достигнувъ своего полного единства, столь же самороднаго, сколь и систематическаго, наша доктрина можетъ выдержать прямое сравненіе, которое даетъ понятіе здравымъ умамъ и чистымъ сердцамъ ея необходимое превосходство какъ для чувства и воображенія, такъ и для разсудка и дѣятельности. Вся жизнь, частная или общественная, становится, такимъ образомъ, еще болѣе чѣмъ въ политеистическомъ міропониманіи, настоящимъ непрерывнымъ культомъ, всегда внушаемымъ всеобщей любовью. Всѣ мысли, чувства и дѣйствія безъ усилія относятся къ одному и тому же Великому Существу, въ высшей степени реальному, доступному и симпатичному, составленному изъ своихъ собственныхъ поклонниковъ, хотя очевидно превосходящему cada uno изъ нихъ. Одно его понятіе представляетъ все прошлое, умственное и социальное, какъ безвозвратное паденіе теологизма и военного дѣла, несомнѣваемыхъ со всякой настоящей теоретической всеобщностью и со всякой дѣйствительно общій дѣятельностью. Доставляя всюду черевъкъ врожденной нравственности, эта окончательная религія непосредственно преобразовываетъ философію, поэзію и политику, всегда посвящаемая согласно ихъ истинной связи, изученію и прославленію Человѣчества и служенію ему—существу наиболѣе относительному и наиболѣе доступному совершенствованію. Сдѣлавшись такимъ образомъ синтетической, реальная наука становится святой, такъ какъ строить на основаніи совокупности внѣшнихъ и внутреннихъ законовъ объективный фундаментъ, который одинъ только можетъ сдерживать естественное колебаніе нашихъ мнѣній, непостоянство нашихъ чувствъ и нерѣшительность нашихъ намѣреній. Призванная, наконецъ, къ социальному служенію, поэзія становится навсегда излюбленнымъ занятіемъ всѣхъ умовъ, такъ какъ идеализируетъ всѣ стороны Великаго Существа и достойно выражаетъ общественную и частную признательность ему, изъ которой вытекаетъ наше внутреннее улучшеніе.

Но раскрывая всю прелесть, присущую этому изученію и этому прославленію, новая религія, всегда отличающаяся реальностью и полезностью, никогда не можетъ выродиться въ аскетизмъ или въ квіетизмъ. Любовь, водящая ея, не можетъ быть пассивной: она возбуждаетъ разсудокъ и, въ особенности, воображеніе лишь для того, чтобы лучше управлять дѣятельностью, породившей позитивность, распространяемую затѣмъ на область умозрѣнія и, наконецъ, на аффективную жизнь. Такимъ образомъ наша жизнь посвящается непрерывному совершенствованію естественнаго порядка, сначала касательно матеріальныхъ условій нашего существованія, затѣмъ относительно нашей собственной физической, интеллектуальной и моральной при-

роды. Поэтому, главная ея цѣль состоитъ въ моральномъ прогрессѣ нашей личной, домашней и социальной жизни, являющемся главнымъ источникомъ частнаго и общественнаго благополучія. Наконецъ, политика, подчиненная морали, становится нашимъ основнымъ искусствомъ, съ помощью котораго мы посвящаемъ всѣ наши усилія служенію истинному Верховному Существо, согласно совокупности его собственныхъ естественныхъ законовъ.

Главнымъ достоинствомъ древняго социального строя, въ особенности римскаго, было активное преобладаніе общественной жизни, соотвѣтственно формѣ и степени общественной дѣятельности, доступныхъ этому первобытному состоянію, въ которомъ домашняя жизнь не была еще надлежащимъ образомъ установлена. Въ средніе вѣка католицизмъ началъ прямую систематизацію всеобщей морали, но обращалъ преимущественное вниманіе на частную жизнь, всѣ главныя душевныя явленія которой были подчинены поразительной дисциплинѣ, восходящей до интимныхъ источниковъ нашихъ пороковъ и нашихъ добродѣтелей. Но социальная неспособность руководящей доктрины привела тогда только къ противорѣчивому рѣшенію, такъ какъ, подавая личность, она въ то же время учила совершенно отвращаться отъ общественной жизни и посвящать себя эгоистическому преслѣдованію несбыточной цѣли. Все временное значеніе этой великой попытки вытекало изъ впервые произведеннаго отдѣленія моральной власти отъ политической, которыя у древнихъ всегда смѣшались. Но это отдѣленіе, явившееся эмпирическимъ результатомъ общаго положенія вещей, не могло тогда удался, такъ какъ было противно какъ духу доктрины, такъ и формѣ общественности. Несмотря на сочувствіе женщинъ, католическій режимъ, которому недоставало энергичной помощи пролетаріевъ, вскорѣ палъ подъ ударами свѣтской власти, благопріятствуемой вырожденіемъ духовенства.

Этотъ ранній опытъ можетъ быть надлежащимъ образомъ вновь предпринять и полностью осуществленъ только въ позитивномъ режимѣ, сочетающемъ социальный геній древности съ социальнымъ геніемъ среднихъ вѣковъ, дабы выполнить великую политическую программу Конвента.

Окончательная религія непосредственно ставитъ святой задачей человѣку постоянное преобладаніе общественности надъ личностью. Насколько это позволяеть крайнее несовершенство нашей моральной природы, она ее разрѣшаетъ путемъ общаго и непрерывнаго развитія семейныхъ привязанностей, составляющихъ единственный реальный переходъ отъ эгоистическихъ инстинктовъ къ всеобщимъ симпатіямъ. Чтобы укрѣпить и развить это коренное рѣшеніе, она устанавливаетъ нормальное отдѣленіе, интеллектуальное и социальное, теоретической власти отъ практической, причемъ одна—общая и совѣщательная—руководитъ только образованіемъ; другая—частная и повелѣвающая—управляетъ всегда дѣйствіемъ. Всѣ социальные элементы, которые естественнымъ образомъ устранимы отъ участія въ дѣйствительномъ управленіи, становятся необходимыми охранителями этой основной конституціи. Жрецы Человѣчества, эти систематические носители умѣряющей власти, въ своей законной борьбѣ противъ управляющей власти могутъ всегда разсчитывать на женское сочувствіе и народную помощь. Но эту двоякую поддержку получить только тотъ, кто, кромѣ интеллектуальныхъ качествъ, требуемыхъ для искуснаго преобразователя, будетъ обладать еще болѣе необходимыми моральными качествами, и сумѣетъ пока-

зать, что его сердце такъ же умѣетъ симпатизировать, какъ жисское сердце, и такъ же энергично какъ пролетарское. Первая гарантія этой способности состоитъ въ искреннемъ отреченіи отъ повелѣванія и даже отъ богатства. Тогда новая религія окончательно замѣнитъ старую, какъ лучше выполняющая все ея дѣйствительное назначеніе—какъ социальное, такъ и умственное. Ушедшій вслѣдъ за политеизмомъ и фетишизмомъ навсегда въ область исторіи, монотеизмъ будетъ включенъ, наряду съ ними, во всеобщую систему поминовенія, въ которомъ истинное Великое Существо будетъ всегда воздавать должное уваженіе своимъ различнымъ предшественникамъ.

ГЛАВА XLIII.

Каждый человѣкъ долженъ теперь выбрать между ретроградно-анархическимъ лагеремъ слугителей устарѣвшаго Бога и органическо-прогрессивнымъ лагеремъ слугителей Человѣчества.

Слѣдовательно, не только во имя здраваго разсудка позитивисты должны въ настоящее время побуждать всѣхъ двусмысленныхъ сектантовъ выбрать, наконецъ, между абсолютнымъ и относительнымъ, между напраснымъ исканіемъ причинъ и реальнымъ изученіемъ законовъ, между режимомъ произвольныхъ причудъ и режимомъ доказуемыхъ необходимостей. Отнынѣ, главнымъ образомъ, чувство будетъ имѣть рѣшающій голосъ въ этомъ соперничествѣ и дать перевѣсъ истинной общественности.

Монотеизмъ теперь на Западѣ такъ же истощенъ и такъ же оказываетъ развращающее вліяніе, какъ политеизмъ пятнадцать вѣковъ тому назадъ. Со времени непоправимаго ослабленія дисциплины, составлявшей его главную моральную силу, его столь хваленная доктрина приводила только къ оскверненію сердца ненасытной жадностью и къ униженію характера рабскимъ страхомъ. Всегда враждебный воображенію, онъ заставилъ его вернуться назадъ къ политеизму и фетишизму, представляющимъ единственно возможныя основанія теологической поэзіи. Онъ никогда не могъ искренно поддерживать активную жизнь, которая возникала только либо обходя его, либо разрывая создаваемые имъ путы. Въ настоящее время онъ прямо становится на пути самой благородной дѣятельности, побуждающей насъ преобразовать социальное состояніе, такъ какъ его бесполезное провидѣніе мѣшаетъ познать какой бы то ни было настоящей законъ, могущій привести къ рациональному предвидѣнію, способному руководить мудрымъ вмѣшательствомъ.

Его искренніе приверженцы вскорѣ откажутся управлять міромъ, въ которомъ они обѣиваютъ себя пришельцами. Новое Верховное Существо не менѣе ревниво, чѣмъ старое: оно не допускаетъ слугителей, подчиненныхъ другимъ господамъ. Но наиболѣе дѣятельные теологи, монархисты, аристократы и даже демагоги уже давно не имѣютъ хорошей вѣры. Ихъ Богъ сталъ номпальнымъ главой лицемѣрнаго заговора, отнынѣ болѣе смѣшного, чѣмъ гнуснаго, стремящагося отвратить народъ отъ всѣхъ важныхъ социальныхъ улучшеній, обѣщая ему несбыточное воздаяніе, уже потерявшее всякое довѣріе въ глазахъ западныхъ пролетаріевъ, въ особенности на-

рижскихъ. Всякое теологическое направленіе: католическое, протестантское или деистское, въ дѣйствительности способствуетъ продленію и отягченію моральной анархіи, мѣшая рѣшительному возобладанію соціального чувства и цѣльнаго міросозерцанія, которыя одни только могутъ породить ясныя убѣжденія и твердые нравы. Всѣ современныя разрушительныя утопіи получили отъ монотеизма либо свое основаніе, либо свою санкцію. Самъ католицизмъ потерялъ возможность препятствовать самопроизвольному развитію у своихъ главныхъ представителей различныхъ революціонныхъ заблужденій.

Итакъ, именно въ интересахъ порядка, еще болѣе чѣмъ во имя прогресса, мы призываемъ всѣхъ, кто желаетъ выйти изъ нагубнаго умственного и морального колебанія, ясно высказаться въ пользу теологизма или позитивизма. Въ настоящее время есть только два лагеря: одинъ ретроградный и анархическій, въ которомъ Богъ править безпорядочно; другой—органический и прогрессивный, систематически предаваемый Человѣчеству.

Сосредоточивъ всѣ наши заботы на реальномъ существованіи, мы ему сообщимъ полное распространеніе, не только въ настоящемъ, но также въ прошломъ и даже въ будущемъ, такъ какъ оно всегда подчинено единому основному закону, позволяющему намъ безъ труда охватить всю его совокупность. Полагая наше главное счастье во всеобщей любви, мы будемъ какъ можно больше жить для другихъ, глубоко связывая частную жизнь съ общественной, соответственно эстетическому культу, надлежащимъ образомъ подчиненному научному догмату. Послѣ того, какъ мы такимъ образомъ разовьемъ, украсимъ и освятимъ наше временное существованіе, мы заслужимъ вѣчное включеніе въ Великое Существо, необходимо слагающееся изъ всѣхъ своихъ благородныхъ элементовъ. Совокупность его культа намъ дастъ понять глубокую реальность и несравненную пріятность подобнаго отождествленія, неизвѣстнаго всѣмъ тѣмъ, коимъ какой-либо видъ теологизма мѣшаетъ точно познать будущее и оцѣнить искреннее самоотверженіе.

К о н е ц ъ .

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловіе .	49
Общее введєніе	50

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Основной духъ позитивизма.

Гл. I. Цѣль философіи заключается въ систематизаціи чело- вѣческой жизни .	54
Гл. II. Теологическая система не сумѣла охватить практическую сторону чело- вѣческой жизни .	55
Гл. III. Позитивный духъ имѣетъ своимъ источникомъ активную жизнь	56
Гл. IV. Какъ въ позитивномъ синтезѣ, такъ и въ чело- вѣческой природѣ чувство играетъ преобладающую роль .	58
Гл. V. Назначеніе ума состоитъ въ служеніи социальнымъ чувствамъ .	59
Гл. VI. Теологическая философія считала умъ рабомъ сердца; въ позитивной системѣ онъ разсматривается, какъ слуга послѣдняго	61
Гл. VII. Субъективный принципъ позитивизма: умъ долженъ служить сердцу	62
Гл. VIII. Внѣшній міръ, объясняемый наукой, образуетъ объективное основаніе позитивизма .	63
Гл. IX. Внѣшній порядокъ сдерживаетъ наши эгоистическіе инстинкты и воз- буждаетъ наши альтруистическія чувства .	65
Гл. X. Наши понятія о вѣнѣшнемъ мірѣ непрерывно расширялись, но лишь не- давно они стали удовлетворительными .	66
Гл. XI. Даже если вѣнѣшній міръ неизмѣняемъ, онъ оказываетъ на харак- теръ чело- вѣка благотворное вліяніе	67
Гл. XII. Внѣшній міръ чаще всего видоизмѣняемъ въ извѣстныхъ предѣлахъ .	69
Гл. XIII. Чтобы создать позитивный синтезъ, нужно было преодолѣть огромное тео- ретическое затрудненіе: дополнить понятіе объ естественномъ законѣ и распространить его на социальные и моральные явленія	71
Гл. XIV. Открытіе социологическихъ законовъ придаетъ социальнымъ вопросамъ большое значеніе. Субъективный принципъ позитивизма не пред- ставляетъ опасности для свободной мысли	74
Гл. XV. Естественные законы бываютъ двухъ родовъ: абстрактные и конкретные. Знанію и систематизаціи абстрактныхъ законовъ обосновываютъ по- зитивный синтезъ	75
Гл. XVI. Синтезъ абстрактныхъ законовъ вытекаетъ изъ теоріи чело- вѣческой эволюціи	77
Гл. XVII. Возможность приступить къ социальному преобразованію	80
Гл. XVIII. Не нужно смѣшивать позитивизмъ съ атеизмомъ, матеріализмомъ, фата- лизмомъ или оптимизмомъ. Какъ атеизмъ, такъ и теологія стремятся разрѣшать неразрѣшимые вопросы .	80
Гл. XIX. Матеріализмъ стремится подчинить высшія науки низшимъ. Позити- визмъ исправляетъ эту ошибку	83

Гл. XX. Позитивизмъ не вѣрить въ неизбежность судьбы: онъ поддерживаетъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ и долженъ видоизмѣнять внѣшній порядокъ	86
Гл. XXI. Позитивизмъ не говоритъ, что все къ лучшему въ этомъ мірѣ: историческіе факты онъ рассматриваетъ относительно, но не оправдываетъ всѣхъ	87
Гл. XXII. Различныя значенія слова «позитивное»: относительное, органическое, точное, достовѣрное, полезное, дѣйствительное. Позже оно получаетъ также моральное значеніе	88

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Соціальное назначеніе позитивизма, вытекающее изъ необходимой связи его со всей величиной западной революціей .

Гл. I. Связь между французской революціей и позитивизмомъ	90
Гл. II. Отрицательная или разрушительная фаза революціи благопріятствовала идеѣ прогресса, и слѣдовательно, изученію соціальныхъ явленій .	91
Гл. III. Доказательства безсилія метафизической или критической доктрины.	94
Гл. IV. Періодъ реакціи (отъ 1794 до 1830 г.) .	95
Гл. V. Стиціозарное состояніе (отъ 1830 до 1848 г.)	96
Гл. VI. Уничтоженіе королевской власти. Республиканскій духъ предполагаетъ подчиненіе политики морали	97
Гл. VII. Необходимое согласованіе между порядкомъ и прогрессомъ. Порядокъ останется регрессивнымъ, пока прогрессъ будетъ анархическимъ	98
Гл. VIII. Неудовлетворительность различныхъ политическихъ партій .	100
Гл. IX. Необходимость новой общей доктрины	101
Гл. X. Реформа должна быть сначала интеллектуальной; она должна распространиться на весь западъ	104
Гл. XI. Западная республика обнимаетъ Францію, Италію, Испанію, Англію и Германію.	106
Гл. XII. Первая попытка отдѣлить духовную власть отъ свѣтской имѣла мѣсто въ католическомъ средневѣковѣ	103
Гл. XIII. Отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской. Учрежденіе духовной власти, какъ органа Западной Республики	110
Гл. XIV. Нравственное ученіе позитивизма. Оно состоитъ въ возвышеніи альтруизма надъ эгоизмомъ, общественныхъ интересовъ надъ личными	112
Гл. XV. Нравственная прогрессія чувствъ: личныя, семейныя, общественныя. Человѣческое сердце можетъ перейти отъ перваго члена къ третьему только подъ влияніемъ семейныхъ чувствъ .	114
Гл. XVI. Альтруизмъ есть истинное основаніе личной морали .	116
Гл. XVII. Нравственное воспитаніе должно быть основано на разсудкѣ и на чувствахъ	117

Гл. XVIII. Моральное воздѣйствіе духовной власти на общественное мнѣніе: распре- дѣленіе похвалъ и порицаній, прославленіе великихъ людей, осужде- ніе главныхъ ретроградовъ	119
Гл. XIX. Девизъ позитивизма: порядокъ и прогрессъ	121
Гл. XX. Прогрессъ есть только развитіе порядка	122
Гл. XXI. Теорія прогресса: матеріальнаго, физическаго, интеллектуальнаго и моральнаго	122
Гл. XXII. Политическія указанія. Переходной режимъ. Временное правительство .	125
Гл. XXIII. Духовное преобразование должно предшествовать свѣтской реформѣ .	127
Гл. XXIV. Задача правительства (въ теченіе духовнаго междуцарствія: обезпечить матеріальный порядокъ, гарантировать свободу слова и преній	129
Гл. XXV. Девизъ 1830 года соотвѣтствовалъ политическому состоянію	132
Гл. XXVI. Свобода обученія. Упраздненіе бюджета исповѣданій и бюджета универ- ситета	133
Гл. XXVII. Преобладаніе центральной власти необходимо для обезпеченія обще- ственного порядка	134
Гл. XXVIII. Способность позитивизма преобразовывать, не опираясь ни на Бога, ни на короля .	136

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Народное значеніе позитивизма.

гл.	
I. Черты сходства между философами и пролетаріями.	3
II. Положеніе пролетарія благоприятствуетъ развитію великодушныхъ чувствъ и общихъ взглядовъ . . .	5
III. Конвентъ и пролетаріи	7
IV. Верховная власть народа. Позитивизмъ ея не допускаетъ; но онъ при- знаетъ, въ крайнихъ случаяхъ, право на возмущеніе	—
V. Преобразование метафизическаго догмата о верховной власти народа.	8
VI. Способность пролетаріата стать опорой для духовной власти	9
VII. Нравственная и политическая сила преобразованнаго обществен- наго мнѣнія	11
VIII. Организанія общественнаго мнѣнія	12
IX. Рабочіе клубы .	15
X. Философскіе органы общественнаго мнѣнія.	16
XI. Необходимое сочетаніе трехъ элементовъ общественнаго мнѣнія: док- трина, сила и органъ	18
XII. Коммунизмъ .	19
XIII. Соціализмъ .	21
XIV. Позитивная теорія собственности	—
XV. Различія между коммунизмомъ и позитивизмомъ .	23
XVI. Необходимое согласованіе между независимостью и содѣйствіемъ	24
XVII. Въ промышленномъ строѣ руководители необходимы	25
XVIII. Коммунизмъ игнорируетъ историческую непрерывность	26
XIX. Несмотря на благородство мотивовъ, вызвавшихъ коммунизмъ, онъ, какъ система, не имѣетъ никакой цѣнности	27

гл.	стр.
XX. Контролировать употребленіе богатства болѣе цѣлесообразно, чѣмъ оспаривать право богатаго	28
XXI. Институтъ наслѣдствъ не заслуживаетъ тѣхъ нападокъ, которымъ онъ подвергается .	29
XXII. Интеллектуальный трудъ, являющійся соціальной силой, долженъ быть упорядоченъ	30
XXIII. Воздѣйствіе общественнаго мнѣнія на капиталистовъ .	31
XXIV. Отказъ участвовать въ дѣлѣ или забастовка	—
XXV. Позитивизмъ и социализмъ. Точки согласія и разногласія .	33
XXVI. Необходимость въ новой системѣ образованія для разрѣшенія соціальныхъ проблемъ .	—
XXVII. Народное образованіе. — Краткое изложеніе новой системы	35
XXVIII. Польза путешествій для пополненія образованія	39
XXIX. Сконцентрированіе знаний	—
XXX. Роль государства . . .	40
XXXI. Союзъ между философами и пролетаріями . . .	43
XXXII. Пролетаріи не питаютъ болѣе никакого довѣрія къ теологіи .	44
XXXIII. Пролетаріи должны также отказаться отъ метафизическихъ идей.	45
XXXIV. Слѣбное благоговѣніе пролетаріевъ предъ литераторами и адвокатами.	—
XXXV. Пролетарій долженъ считать себя состоящимъ на общественной службѣ.	48
XXXVI. Пролетарій не долженъ стремиться ни къ богатству, ни къ политической карьерѣ . .	49
XXXVII. Свобода союзовъ и свобода обученія .	52
XXXVIII. Пролетаріи и война .	53
XXXIX. Въ теченіе переходнаго періода политическая власть должна быть централизована	—
XL. Въ продолженіе переходнаго періода власть должна быть, въ видѣ исключенія, ввѣрена пролетаріямъ	55

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Роль женщины въ позитивизмѣ.

I. Женщина, являясь аффективнымъ элементомъ общества, должна стать высшимъ регуляторомъ человѣческой жизни	58
II. Женщина и современные идеи	59
III. Позитивизмъ даетъ удовлетвореніе законнымъ желаніямъ женщины	61
IV. Женщина не должна повелѣвать. Она должна вліять на мужчину любовью и совѣтомъ . . .	62
V. Комбинированное дѣйствіе женщинъ, философовъ, пролетаріевъ составляетъ моральную силу	65
VI. Позитивизмъ и католицизмъ. Новая духовная власть будетъ превосходить старую .	68
VII. Позитивизмъ разсматриваетъ сердце и умъ, какъ два взаимно другъ другу помогающихъ элемента	69
VIII. Тяготѣніе женщины къ позитивизму	72
IX. Католицизмъ очистилъ любовь въ ущербъ нѣжности	73
X. Вліяніе женщинъ на пролетаріевъ и философовъ .	74

гл.		стр.
XI.	Салонъ позволяетъ женщинѣ оказывать социальное вліяніе	17
XII.	Главная область дѣятельности женщинъ всегда будетъ семья	78
XIII.	Жена .	79
XIV.	Нерасторжимый бракъ	81
XV.	Вѣчное вдовство .	82
XVI.	Мать	84
XVII.	Воспитаніе ребенка принадлежитъ матеря	84
XVIII.	Современные софизмы о правахъ женщины.	86
XIX.	Эволюція благопріятствуетъ не равенству половъ, а ихъ обособленію.	88
XX.	Мужчина долженъ содержать женщину .	89
XXI.	Женщина должна получать такое же образованіе, какъ и мужчина	91
XXII.	Награда, связанная съ аффективной миссіей женщины .	93
XXIII.	Женщина и рыцарство	94
XXIV.	Культь женщины	96
XXV.	Культь женщины подготовляетъ культь Человѣчества	100
XXVI.	Исключительныя женщины	101
XXVII.	Женщины распространяютъ позитивизмъ среди населенія южныхъ странъ	104
XXVIII.	Женщина есть симпатическій элементъ умѣряющей власти	106

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Эстетическая способность позитивизма.

I.	Позитивизмъ и искусство.	108
II.	Художникъ долженъ улаживать жизнь, а не направлять ее	110
III.	Политическое вліяніе поэтовъ и литераторовъ. Опасности этого вліянія	112
IV.	Общая теорія искусства	114
V.	Роль поэзіи	115
VI.	Искусство устанавливаетъ гармонію между чувствами, мыслями и дѣйствіями	117
VII.	Эстетическій процессъ: подражаніе, идеализація, выраженіе .	118
VIII.	Классификація изящныхъ искусствъ .	120
IX.	Поэзія . .	121
X.	Музыка .	122
XI.	Живопись, скульптура, архитектура	123
XII.	Искусство въ древности	124
XIII.	Искусство въ средніе вѣка .	124
XIV.	Искусство въ наше время	125
XV.	Будущность искусства .	127
XVI.	Искусство и образованіе	129
XVII.	Искусство и общественныя празднества	130
XVIII.	Идеализація великихъ эпохъ и великихъ людей	131
XIX.	Новая система образованія будетъ благопріятствовать проявленію эстетическихъ дарованій.	132
XX.	Въ будущемъ художники будутъ привлечены къ участию въ духовной власти	133
XXI.	Сравненіе между эстетическимъ гонимъ и гонимъ философскимъ или научнымъ .	135

гл.		стр.
XXII.	Искусство и женщина .	137
XXIII.	Искусство и пролетарій .	138
XXIV.	Участіе искусства въ преобразовательномъ движеніи .	139
XXV.	Позитивизмъ болѣе благопріятенъ для изящныхъ искусствъ, чѣмъ всякая другая философія .	141

О Б Щ Е Е З А К Л Ю Ч Е Н І Е.

Религія Человѣчества.

I.	Основные черты новаго строя: любовь какъ принципъ, порядокъ какъ основаніе и прогрессъ какъ дѣль	143
II.	Гармонія между сердцемъ, разумомъ и характеромъ .	145
III.	Духовная и свѣтская власть .	—
IV.	Роль женщины .	146
V.	Роль пролетарія	147
VI.	Разрѣшеніе великой человѣческой проблемы	—
VII.	Человѣчество есть истинное Великое Существо	149
VIII.	Жрецы Человѣчества	151
IX.	Статическій взглядъ на Человѣчество	152
X.	Динамическій взглядъ на Человѣчество	153
XI.	Наука и ученые	155
XII.	Религія Человѣчества болѣе благопріятствуетъ искусству, чѣмъ наукѣ.	156
XIII.	Поэтическое изображеніе новаго Верховнаго Существа . .	157
XIV.	Человѣчество и божества .	158
XV.	Культь Человѣчества	159
XVI.	Культь великихъ людей. Позитивистскій календарь .	160
XVII.	Культь усопшихъ	161
XXVIII.	Содѣйствіе различныхъ изящныхъ искусствъ .	163
XIX.	Позитивизмъ выше католицизма	164
XX.	Высшимъ счастьемъ будетъ жить для другихъ.	166
XXI.	Новая форма молитвы	167
XXII.	Позитивистская мораль	—
XXIII.	Новая духовная власть	169
XXIV.	Дуализмъ между моральной іерархіей и практической іерархіей	171
XXV.	Права и обязанности. Никто не обладаетъ другимъ правомъ, кромѣ права выполнять свои обязанности	172
XXVI.	Соціальное чувство требуетъ солидарности между всѣми людьми и, въ особенности, непрерывной связи между всѣми поколѣніями	174
XXVII.	Функции новой духовной власти. Полное отдѣленіе духовнаго элемента отъ свѣтскаго, теоріи отъ практики, совѣта отъ приказанія.	176
XXVIII.	Функции капиталистовъ или свѣтскихъ вождей	179
XXIX.	Необходимое воздѣйствіе моральныхъ силъ на силы матеріальныя .	180
XXX.	Какъ ограничить и обуздать злоупотребленія капиталистовъ	181
XXXI.	Въ новомъ строѣ богатство можетъ передаваться по наслѣдству . .	182
XXXII.	Матеріальная отвѣтственность капиталистовъ .	183
XXXIII.	Нормальныя отношенія между философами, пролетаріями и капиталистами.	184

гл.	стр.
XXXIV. Эволюція революціонныхъ девизовъ .	185
XXXV. Первый девизъ: Свобода, Равенство . .	—
XXXVI. Второй девизъ: Свобода, Общественный Порядокъ	186
XXXVII. Третій и послѣдній девизъ: Порядокъ и Прогрессъ	187
XXXVIII. Необходимость во временной политикѣ въ теченіе переходнаго періода. Новое правительство должно быть вѣрено тремъ пролетаріямъ	188
XXXIX. Западный позитивный комитетъ, органъ новой духовной власти	190
XL. Западная Республика. Ея главные учрежденія: флотъ, монета, коллѣжъ, религіозная хоругвь, политическое знамя .	191
XLI. Новая доктрина пригодна для людей всѣхъ расъ и всѣхъ климатовъ, но ихъ добровольное присоединеніе къ ней, конечно, совершится съ неравной скоростью.	194
XLII. Религія Человѣчества. Благодаря своей моральной возвышенности, интеллектуальному превосходству и социально-политической цѣлесообразности, она можетъ разрѣшить великую современную проблему	196
XLIII. Каждый человѣкъ долженъ теперь выбрать между ретроградно-анархическимъ лагеремъ служителей устарѣвшаго Бога и органическо-прогрессивнымъ лагеремъ служителей Человѣчества .	199

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Из наследия мировой философской мысли: история философии»

Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении.

Миль Д. С. Опуст Конт и позитивизм.

Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. В 2 кн.

Шеллинг Ф. Философские исследования о сущности человеческой свободы.

Джемс У. Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления.

Эбер М. Прагматизм: Исследование его различных форм.

Ланге Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. В 2 кн.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения.

Шульц И. Разъясняющее изложение «Критики чистого разума».

Бюхнер Л. Сила и материя.

Рей А. Современная философия.

Кюльпе О. Введение в философию.

Кюльпе О. Очерки современной германской философии.

Авенариус Р. Философия как мышление о мире.

Авенариус Р. Человеческое понятие о мире.

Авенариус Р. Критика чистого опыта. В популярном изложении А. Луначарского.

Петцольд Й. Проблема мира с точки зрения позитивизма.

Бергсон А. Непосредственные данные сознания: Время и свобода воли.

Штенберген А. Интуитивная философия Анри Бергсона.

Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем.

Риль А. Введение в современную философию.

Беркли Дж. Трактат о началах человеческого знания.

Вебер А. История европейской философии.

Юм Д. Диалоги о естественной религии.

Гёффдинг Г. Философские проблемы.

Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные надворным советником.

Челпанов Г. И. Введение в философию.

Лопатин Л. М. Лекции по истории новой философии.

Лопатин Л. М. Неотложные задачи современной мысли.

Скрынченко Д. В. Ценность жизни по философскому и христианскому учению.

Эрн В. Ф. Введение в изучение философии.

Квитко Д. Ю. Очерки современной англо-американской философии.

Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел.: +7 (499) 724-25-45 (многоканальный)
 или **электронной почтой** URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в **интернет-магазине:** <http://URSS.ru>

**Научная и учебная
литература**

117335, Москва,
Нахимовский пр-т, 56

URSS

НАШИ НОВЫЕ КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН / ФАКС (многоканальный)
+7 (499) 724-25-45

От м. Профсоюзная:

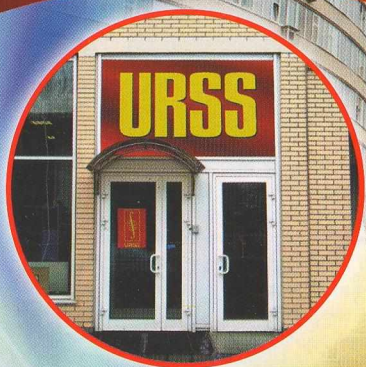
8 мин. пешком
или одна остановка
наземным транспортом:
автобусы № 67, 67к, 130;
троллейбус № 49
до остановки
«Ул. Ивана Бабушкина»

От м. Университет:

трамваи № 14, 39
до остановки
«Черемушкинский рынок»;
трамваи № 22, 26
до остановки
«Ул. Вавилова»;
автобусы № 67, 67г, 130;
троллейбус № 49
до остановки
«Ул. Ивана Бабушкина»

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

URSS КНИЖНЫЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ НАУКУ — ВСЕМ!

Москва,
Нахимовский
пр-т, 56

ТЕЛЕФОН/ФАКС

+7 (499) 724-25-45

(многоканальный)

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Приглашаем посетить наш выставочный зал,
где в полном объеме представлены
ВСЕ КНИГИ издательской группы URSS.

Также у нас Вы найдете превосходный подбор книг других
научных издательств по гуманитарным, естественным
и точным наукам по ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫМ ЦЕНАМ.

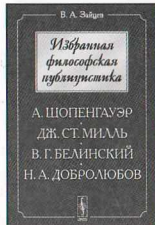
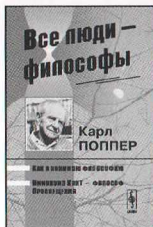
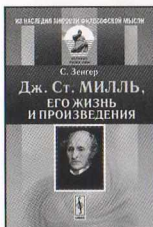
Здесь в спокойной обстановке Вы сможете
ознакомиться с нашей продукцией и при желании
приобрести заинтересовавшие Вас издания.

Огюст КОНТ (1798–1857)

Выдающийся французский философ и социолог, основатель философской школы позитивизма, основоположник социологии как самостоятельной научной дисциплины, методолог и популяризатор науки. Родился в г. Монпелье. Первоначальное образование получил в лицее родного города, после чего продолжил обучение в Политехнической школе в Париже. С 1817 по 1824 гг. работал секретарем у знаменитого французского мыслителя А. де Сен-Симона. В апреле 1826 г. в своей квартире открыл курс позитивной философии перед учеными слушателями, в числе которых были такие знаменитости, как Александр Гумбольдт, Блэнвилль, Луи Пуансо, Бруссэ. В 1832–1844 гг. работал ассистентом в Политехнической школе, в 1833–1845 гг. преподавал в Парижском политехникуме.

Основные труды О. Конта: «Курс позитивной философии» (т. 1–6, 1830–1842) и «Система позитивной политики» (т. 1–4, 1851–1854). Задачей позитивной философии он считал описание, систематизацию и классификацию конкретных результатов и выводов научного познания. Наука не должна задаваться вопросом, почему происходит явление, а лишь ограничиваться описанием того, как оно происходит. Такой отказ от исследования конечных причин и сущностей явлений в дальнейшем стал одним из важнейших постулатов позитивизма. Социология Конта разделяется на социальную статику, имеющую дело с устойчивыми («естественными») условиями существования любого общественного строя, и социальную динамику, изучающую естественные законы общественного развития. Его позитивистские идеи получили широкую популярность среди естествоиспытателей XIX в., главным образом благодаря их изложению в сочинениях Э. Литтре (Франция) и английских позитивистов Дж. Ст. Милля и Г. Спенсера.

Наше издательство предлагает следующие книги:

11950 ID 160613

URSS

**НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ**

**ТЕЛЕФОН/
(многоканал)
117335, М**

Отзывы о настоящем издании,
а также обнаруженные опечатки присылайте
по адресу URSS@URSS ...
Ваши замечания и предложения бу-
дут отражены на web-странице
в нашем интернет-магазине <http://>

**E-mail:
URSS@URSS**

Общий обзор позитивизма. Пер. с фр.
978-5-397-02823-3/Конт О.

Цена: 557,00 руб. за шт